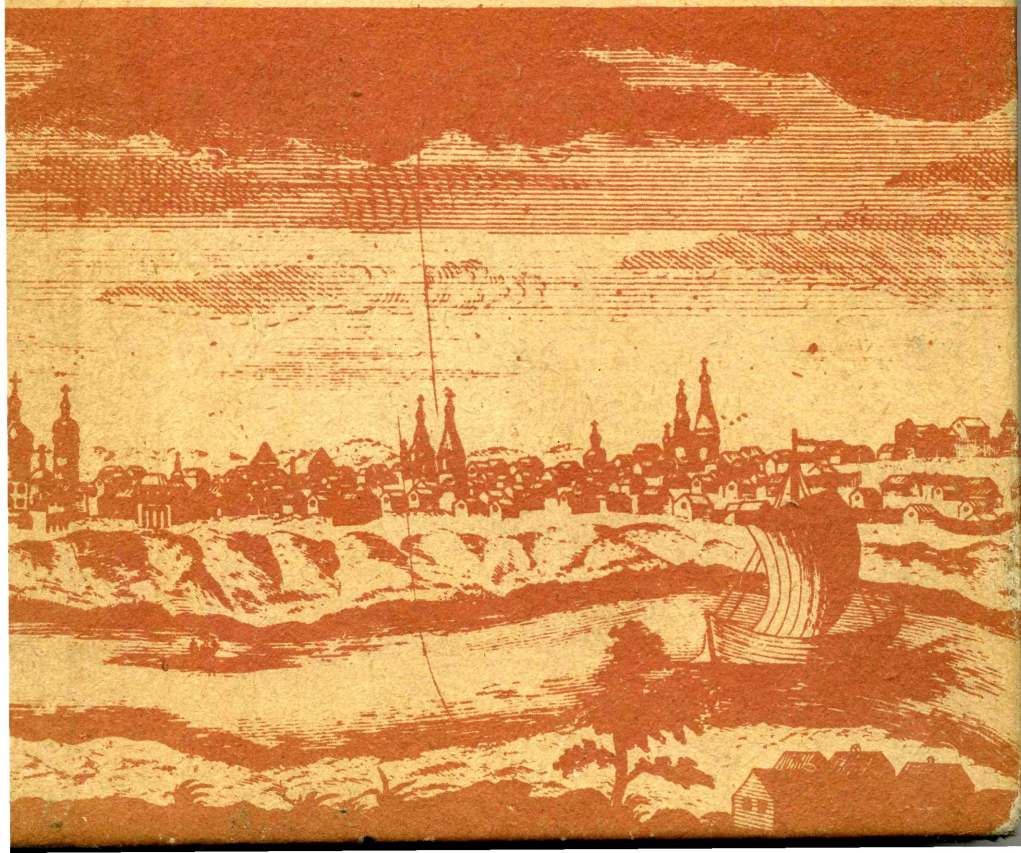
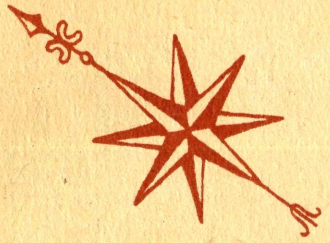

Г. Ф. БЫКОНЯ

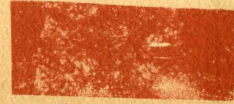
РУССКОЕ
НЕПОДАТНОЕ
НАСЕЛЕНИЕ
ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ
В XVIII — НАЧАЛЕ XIX ВВ.

Handwritten title in Cyrillic script, likely identifying the map's subject or author.

A legend or key in Cyrillic script, listing various geographical features and their corresponding symbols used on the map.

Г. Ф. БЫКОНЯ

РУССКОЕ
НЕПОДАТНОЕ
НАСЕЛЕНИЕ
ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ
В XVIII — НАЧАЛЕ XIX ВВ.
ФОРМИРОВАНИЕ
ВОЕННО-БЮРОКРАТИЧЕСКОГО
ДВОРЯНСТВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КРАСНОЯРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
КРАСНОЯРСК 1985

военной службой), получали низкое жалованье, которое не обеспечивало им дворянский образ жизни и поэтому выступало не частью перераспределенной централизованной феодальной ренты, а компенсацией за специфический род деятельности в управленческой сфере. В общем невысокие должности служебного характера и полная зависимость от вышестоящих начальников тоже позволяют предположить, что беспоместные служилого происхождения личные дворяне-чиновники и обер-офицеры являлись не феодалами корпоративного типа, а составляли самую привилегированную служебную прослойку, вплотную примыкавшую к господствующему классу.

Крайне слабая изученность вопросов формирования, функционирования и сословно-социального положения военно-бюрократического дворянства страны и особенно Сибири в позднефеодальную эпоху, а также их теоретическая значимость, сложность и дискуссионность обусловили выбор конкретной темы и постановку задач данного исследования. В нем на восточно-сибирском материале XVIII — нач. XIX вв. в связи с изменениями административно-территориального деления и местного управления рассмотрен процесс количественного и ведомственного формирования классов чиновников и офицерского состава регулярных частей, сделан анализ территориального и сословного происхождения, личного состава и условий службы военно-бюрократического дворянства, его социальной мобильности, служебной пригодности, семейного положения, особенностей сословного статуса и социального положения. Внеклассная канцелярская бюрократия, казачество и рядовой состав регулярных частей Восточной Сибири XVIII — нач. XIX вв., как полу- и непривилегированные разряды служебного управленческого слоя тогдашнего общества, являются объектом отдельного исследования, результаты которого автор данных строк надеется опубликовать.

В качестве района исследования взят огромный регион от Енисея до Тихого океана, где наряду с дальнейшим освоением старых районов еще продолжался процесс первичного заселения и освоения новых территорий, охвативший даже Северную Америку.

Хронологическими рамками являются 20-е гг. XVIII — 10-е гг. XIX вв., то есть время от петровских преобразований до реформ М. М. Сперанского, которые были значительными вехами в истории Сибири, в частности, в положении и судьбах русского неподатного населения.

Работа написана преимущественно на новом архивном материале, почерпнутом в архивах, рукописных отделах библиотек и музеев Москвы, Ленинграда, Костромы, Тобольска, Барнаула, Красноярска, Иркутска, Читы и Якутска. По своему характеру, происхождению и информационной насыщенности привлеченные источники самые разнообразные: законодательные акты из Первого Полного собрания законов Российской империи; делопроизводственные документы центральной и местной администрации, особенно Сената (ф. 248), Герольд-мейстерской его конторы (ф. 286), Камер-Коммерц- и Ревизион-коллегий, Сибирского приказа (ф. 214), Сибирской губернской канцелярии (ф. 415), канцелярий Главного управления сибирских и казанских заводов, Нерчинского горного округа, провинций и уездов Восточной Сибири; статистико-демографические, особенно ревизские, материалы по первой-пятой переписям (ф. 350), окладные книги, исповедные росписи и метрические книги, формуляры и послужные списки чиновников и офицеров (ф. 1349); материалы анкет Г. Ф. Миллера и В. Н. Татищева за 30-е — нач. 40-х гг. и М. В. Ломоносова с Г. Ф. Миллером за 60-е гг. XVIII в.; топографические описания и атласы Тобольского, Кольванского и Иркутского наместничеств за 1790, 1792, 1797-1798, 1805 и 1819 гг. (ЦГВИА, ГБЛ РО, ЦГИА, ЛОИИ, ГИМ РО, ЦНБ АН УССР); опубликованные на немецком и русском языках дневниковые записи ученых путешественников Д. Г. Мессершмидта, И. Г. Гмелина и П. С. Палласа; воспоминания Т. П. Калашникова и И. Ф. Парфентьева; рукописные историко-географические работы XVIII в. Т. И. Шмалева, Н. Ф. Богдановича; проекты И. А. Эверса, С. Г. Гарновского и Г. С. Батенькова; материалы городских летописей Иркутска, Енисейска и Якутска. Для раскрытия поставленной темы широко привлекались имеющиеся работы дореволюционных авторов и советских исследователей.

Конкретная характеристика использованных источников, как и история изучения поднятых вопросов темы, дана по главам.

Быко́ня Г. Ф. Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII—начале XIX вв. (Формирование военно-бюрократического дворянства). — Красноярск: Изд-во КГУ, 1985. — 300 с.

В монографии впервые освещены вопросы формирования, численного и ведомственного состава, семейного и сословно-социального положения классовых чиновников и офицеров, которые на восточной окраине страны выступали главной социальной опорой царизма, олицетворяя собой разнотипную систему централизованной феодально-крепостнической эксплуатации. Установлено, что военно-бюрократическое дворянство Восточной Сибири формировалось в основном за счет беспоместных дворян и офицеров служилого происхождения Европейской России, из которых только имевших VIII и выше ранг-чин по размерам жалованья, потомственному дворянскому статусу и должностному положению можно отнести к феодалам корпоративного типа. Личные же дворяне-чиновники и обер-офицеры составляли самую привилегированную прослойку всего служебного неподатного населения.

Книга рассчитана на историков, преподавателей вузов, аспирантов, студентов исторических факультетов.

Печатается по решению редакционно-издательского совета Красноярского университета

Отв. редактор доктор исторических наук, профессор А. Н. Копылов

Рецензенты:

д-р ист. наук, проф. Н. Н. Покровский
канд. инст. наук, доц. Л. П. Шорохов.

Б 0505010000 5—85.
М 178 (03)—85

© Издательство Красноярского университета, 1985

Памяти отца БЫКОНИ Фегора Петровича посвящается

ВВЕДЕНИЕ

Значение присоединения и освоения русскими «Восточной России», как В. И. Ленин называл всю территорию от Урала до Тихого океана, трудно переоценить. Государственная территория сразу увеличилась более чем в два раза. Огромные средства давали сибирская пушнина и внешняя торговля с Китаем, а с XVIII в. — добыча цветных и драгоценных металлов. Господствовавшие в стране феодально-крепостнические отношения получили новые возможности для развития «вширь» и «вглубь». Своеобразными путями пошло социально-экономическое развитие Сибири, этой самой отдаленной в XVIII — нач. XIX вв. и малонаселенной окраины Российского государства, где обычным помещикам-землевладельцам трудно было прижиться, а население долго формировалось преимущественно из вольных переселенцев, беглых и ссыльных.

При всей разнотипности и многоукладности социально-экономических отношений за Уралом ведущую роль, как установили еще в 40-х гг. крупные советские историки Н. М. Дружинин и В. И. Шунков¹, играла система государственного феодализма, основанная на верховной иерархической земельной собственности государства и централизованных формах эксплуатации. Поскольку во всей советской медиевистике типология феодализма еще слабо разработана², следует хотя бы кратко дать исходные теоретические посыпки нашего исследования относительно проблемы типологии русского феодализма и места в нем государственного типа феодальных отношений, носителями и проводниками которых выступали представители неподатных слоев населения, находящиеся на казенной службе³.

Россия как определенное этнополитическое образование была формационным регионом, то есть историческая структура русского феодализма являлась пространственной внутрiformационной разновидностью общесоциологической модели феодализма. Содержание феодальных отношений типологически (по горизонтали развития) было одновременно пред-

ставлено частновотчинным (западным) и государственным (восточным) типами феодальной собственности и эксплуатации. По вертикали, то есть стадияльно, эти два основных типа феодальных отношений развивались во времени и пространстве неравномерно, или асинхронно, что приводило к одновременному существованию разностадиальных (дистадиальных) форм основных укладов, а в разных регионах — дистадиальных форм каждого из этих укладов. В силу воздействия внешней среды (огромные колонизационные возможности, длительное татаро-монгольское иго, ослабленные из-за этого контакты с передовыми странами Западной Европы) со второй своей развитой стадии русский феодализм развивался опережающими темпами по горизонтали, а не по вертикали типологического ряда, то есть «вширь», а не «вглубь». Поэтому качественная определенность феодального строя в виде общегосударственной системы крепостничества, или в чистой абстракции общестадияльного формационно-крепостнического уклада, наступила в стране не на развитой стадии, как в передовых западноевропейских государствах, а в начале поздней стадии, примерно в конце XVI — середине XVII вв. Эта крепостническая стадия своими фазами разложения и кризиса феодального строя входила в переходный межформационный период, то есть была последней в формационном саморазвитии русского феодализма, что обусловило замедленное развитие раннебуржуазных связей, их повышенную обратимость и длительность перехода к капитализму. Поэтому эволюция политической надстройки в централизованное и абсолютистское государство, разнонаправленно стимулированная «социальной эстафетой» от более развитых западных и от отсталых южных и восточных соседей, шла преимущественно на феодально-крепостнической разноукладной основе. С XVII в. кроме основных укладных (частнопомещичьей и казенной) модификаций общестадияльного крепостнического уклада в огромной стране с неодинаковым в региональном и этническом отношении уровнем общего развития существовали дистадиальные, а в типологическом плане инвариантные их формы: патриархально-феодальные и государственно-феодальные черносошного типа отношения, а также частнокабальные феодального типа. Последние основывались преимущественно не на внеэкономическом, а на экономическом принуждении. Полиукладность позднего русского феодализма осложнялась взаимодействием с различными внесистемными для него элементами — крестьянско-общинными, патриархально-родовыми и раннебуржуазными отношениями.

На позднеформационной крепостнической стадии, когда развернулось широкое освоение Сибири русскими, ведущая роль стала принадлежать системе государственного феодализма. Эта система была одновременно представлена основной крепостнической и на некоторых окраинах теоретически асинхронной ей дистадиальной черносошной формами, а типологически (по горизонтали развития) — налогово-податным и корпоративно-хозяйственным типами феодальных отношений. При налогово-податном феодализме взимание феодальной ренты как экономическая реализация номинальной верховной собственности государства на землю шло в форме налогов и вне сферы общественного производства⁴. Он развивался за счет все новых земель и народов и расширения своего присутствия в частнопомещичьем укладе и несистемных типах социально-экономических отношений. С XVIII в. централизованное рентно-налоговое ограбление в сферах распределения и обращения общественного продукта охватило все категории трудового населения страны. При этом по районам сохранялись значительные меж- и внутрисословные колебания величин взимаемого налога-ренты, что свидетельствовало о прежней архаичности этого типа государственно-феодальной эксплуатации, несмотря на переход к денежному обложению. Одновременно, особенно с XVIII в., получает развитие другая укладная модификация государственного феодализма, когда государственный сектор в экономике окончательно складывается в казенно-крепостнический хозяйственный механизм по непосредственному взиманию в сфере производства феодальной ренты. Как и поместья, базируясь на мелкокрестьянском хозяйстве и уже реальной государственной собственности на землю, этот казенно-крепостнический уклад с корпоративно-хозяйственным крепостническим типом феодальных отношений охватывал сельскохозяйственное производство (на дворцовых землях и в Сибири), отдельные виды промыслов и самые доходные отрасли промышленности. В том же XVIII в. значительно усложнилась социально-политическая инфраструктура государственного сектора страны (подготовка кадров, образование, здравоохранение, ведомственное управление).

Социальная роль государственно-феодальных отношений на поздней стадии формационного саморазвития феодализма в целом была противоречивой. Русский абсолютизм в качестве и реального и опосредствованного корпоративного феода не столько «втаскивал... (частных крепостников-по-

мешиков. — Г. Б.) вопреки их воли и сознания в какой-то новый общественный порядок»⁵, сколько охранял и латал старый крепостнический. Со временем эта охранительная функция усиливалась, преследуя в целом нереальную цель «зарегулировать» существующие крепостнические отношения до устойчивого их самовоспроизводства во времени и пространстве, то есть создать «идеальное общество».

Пути реализации этого социального заказа правящего класса были различными. Беря на вооружение передовые мануфактурные формы общественного производства и бюрократическую организацию системы управления, русский абсолютизм выхолащивал из них буржуазное содержание. В казенном секторе производства, особенно в сфере обращения, со второго десятилетия XVIII в. прослеживается курс на его свертывание или замену смешанным (казенно-частным) сектором. Не желая поступаться принудительным трудом, что делало казенные предприятия рано или поздно убыточными, правительство стремилось подключить к ним частные капиталы, предоставляя своим пайщикам-совладельцам и арендаторам казенных предприятий, откупщикам оброчных сборов и монопольных статей в торговле феодального характера привилегии. Частное предпринимательство таким образом как бы феодализировалось, а складывающаяся буржуазия оказывалась на казенном поводке. Не случайно в XVIII в. купцам разрешили поступать на государственную службу, а их верлушка в первой трети XIX в. по сути дела получила статус личных дворян (коммерции советники, почетные граждане). Настойчиво расширялся и совершенствовался бюрократический аппарат власти и управления. По отношению ко всему населению страны, как показал П. А. Зайончковский, и в XVIII в. и XIX в. удельный вес бюрократии увеличивался в несколько раз быстрее.

С узкосословными и подчиненными интересам центра установками подходил правящий класс крепостников-дворян и к освоению окраин страны. В. И. Ленин в работе «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции» указывал: «Вся история самодержавия есть сплошной грабёж местных областных, национальных земель»⁶. На юге Европейской России, в Поморье, на Урале и в Сибири центральная власть не допускала помещичьего землевладения (на юге до XVIII в.), а сама выступала в роли и реального, и опосредствованного корпоративного феодала.

В самой отдаленной и малонаселенной Сибири, особенно за Енисеем, более развитым, чем в центре, оказался казенный сектор общественного производства и обмена как экономическая основа государственного феодализма. В XVIII в. произошло перераспределение его присутствия в основных отраслях хозяйства края. К 1762 г. казенная десятинная пашня осталась только в Восточной Сибири в виде нерчинского заводского хлебопашества. Вместе с тем появляется и быстро расширяется в XVIII в. крупное казенное металлургическое производство на Алтае, Енисее, в Нерчинском округе и Якутско-Охотском крае. Принадлежащие казне солеварни и винокуренные предприятия сохраняли ведущее положение по своим отраслям. Государственный сектор в производственной сфере выступал экономическим базисом казенно-крепостнического хозяйственного уклада. Он основывался на ресурсах крестьянского хозяйства, труде ссыльно-каторжных и в малой степени на вольном найме. Поэтому в принципе в политико-экономическом смысле, то есть при чисто классовом подходе, сибирские пашенные и приписные крестьяне мало чем отличались от крепостных помещичьих крестьян. Однако по общему сословному статусу, который в докапиталистических обществах являлся классово-формирующим критерием, и реальному местному положению они были государственными крестьянами, но не черносошного, а казенно-крепостнического типа.

Более скромное место в производящей сфере экономики занимал появившийся за Уралом в XVIII в. смешанный сектор, который был представлен окультуренными оброчными сельскохозяйственными и промысловыми угодьями, одиночными арендованными казенными предприятиями в металлургической, винокуренной и солеваренной отраслях, а также в мукомольном деле, строительстве судов, на транспорте. Исключение по масштабам составляла деятельность Российской-Американской компании, получившей от казны в самом конце XVIII в. монопольные права по хозяйственному использованию и управлению огромнейшей территории Курильских и Алеутских островов, Сахалина и Северной Америки.

Наиболее активно в Сибири XVIII в. развивались феодальные отношения налогово-податного типа. Со второй половины XVIII в. они полностью поглотили корпоративно-вотчинное монастырское землевладение. Резко усилились казенные хозяйственно-попечительские, финансово-налоговые и полицейско-карательные меры по отношению к хозяйствам крестьян.

ян, ремесленников и мелких торговцев. Центральное правительство и местные власти настойчиво добивались более полной экономической реализации верховного права собственности государства на землю в виде бездоимочных платежей оборочной подати, ясака, исправного несения тяжелых в местных условиях натуральных повинностей. В эту сферу распределения, как и в сферу производства, тоже привлекались частные лица и целые посадские миры, получавшие на откуп или «на веру» право взимания оборочных статей, таможенных пошлин, окладных и неокладных сборов. Типичной формой смешанного сектора в сфере обращения была откупная система по продаже вина, соли, пушнины, табака, ревеня и некоторых других монопольных казенных товаров. Усложнение феодальных отношений сужало сферу бытования нелегального свободного от фиска и суда мелкокрестьянского уклада. Усиление административно-правового регулирования имущественных отношений несколько ограничивало формы экономического насилия, которое приводило к закабалению частного феодального типа хозяйственно-несамостоятельного трудового населения. Сдерживались и такие архаичные формы похолопливания, как самопродажа, купля-продажа пленных «инородцев», частное крещение ясачных и вскармленничество. Все последовательнее к концу XVIII в. велась борьба с хозяйствами помещичьего типа, в которых воспроизводились феодальные отношения частнокрепостнического типа.

В целом государственно-феодальная эксплуатация податного типа в чистой и смешанной формах в силу местных условий не смогла достичь, как в Европейской России, самых грубых крепостнических форм. Этот государственный феодализм черносошного типа, по справедливому мнению большинства советских сибиреведов, занимал ведущее место во всем многообразии системных и внесистемных социально-экономических отношений в Сибири на поздней стадии русского феодализма. Однако эти исследователи, на наш взгляд, необоснованно качественно отождествляют государственно-феодальные отношения в производственной и непроизводственной сферах⁷. Другие историки впадают в иную крайность, рассматривая разнотипные феодальные отношения только как казенно-крепостнические, а положение сибирских крестьян близким к положению дворцовых и помещичьих крестьян⁸. Если же подходить к государственному феодализму в Сибири XVIII — нач. XIX вв. стадиально-типологически, то он был представлен двумя дистанциальными модификациями — казенно-крепостни-

ческим укладом в производящей сфере общественного производства и государственно-феодальными отношениями черносошного типа⁹.

Один из путей решения этой дискуссионной проблемы лежит через изучение неподатного населения (дворян-чиновников, канцеляристов, частей регулярной армии, казачества и духовенства), которое являлось носителем всех форм государственной эксплуатации тружеников Сибири. Эти люди выполняли хозяйственно-организаторские и хозяйственно-попечительские, административно-судебные и фискально-полицейские, военно-политические и идеологические функции. При почти полном отсутствии помещиков-землевладельцев этот сложный в сословно-классовом отношении управленческий слой был главной в Сибири социальной опорой правительства, а его деятельность являлась механизмом функционирования всей системы государственного феодализма. Главную роль в этом слое играли чиновники в классных рангах-чинах и функционально связанные с ними офицеры расквартированных в Сибири регулярных частей. В XVIII — нач. XIX вв. они влились в классные разряды общероссийской бюрократии, которая в целом представляла собой получавшую денежное содержание определенную совокупность лиц, специализированную в сфере управления, отличавшуюся иерархическим ведомственным разделением функций и сложившейся системой чиновничества, основанной на сословном происхождении, выслуге, заслуге и образовании¹⁰. В сословном и ведомственном отношении офицеры и классная бюрократия Сибири составляли один из периферийных отрядов военно-бюрократического дворянства страны, так как гражданские чиновники XIV—IX рангов имели права личных, с VIII и выше ранга — права потомственных дворян, а все офицеры, начиная с прапорщика XIV класса чинов, тоже считались в потомственном дворянстве.

В социальном плане российская бюрократия была неоднородной. В советской историографии ее принято считать особым слоем населения, классная верхушка которого входила в класс-сословие феодалов¹¹. Однако вызывает сомнение правомерность включения в бюрократический и военный разряды господствующего класса многочисленных беспоместных чиновников — личных дворян и обер-офицеров служебного происхождения¹². Они не имели права владения населенными землями (для офицеров это право и вообще потомственное дворянство с 1788 г. стало обуславливаться пожизненной

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АВГО — Архив Всесоюзного географического общества (Ленинград)

ВИ — журнал «Вопросы истории»

ВСОРГО — Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества

ГААК — Государственный архив Алтайского края (Барнаул)

ГАИО — Государственный архив Иркутской области

ГАКК — Государственный архив Красноярского края

ГАКО — Государственный архив Костромской области

ГАТО ТФ — Государственный архив Тюменской области. Тобольский филиал

ГАЧО — Государственный архив Читинской области

ГИМ ОПИ — Государственный исторический музей (Москва)

ГБЛ РО — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва)

ГПБ РО — Государственная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград)

ДРВ — Древняя российская вивлиофика

ЕИ — Ее императорское величество

ИСССР — журнал «История СССР»

ИВГО — Известия Всесоюзного географического общества

ККМ О/Ф — Красноярский краеведческий музей. Отдел фондов

ЛО ААН СССР — Архив Академии наук СССР. Ленинградское отделение

НЕС — Новые ежемесячные сочинения

ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое

ПСИ — Памятники сибирской истории. СПб, 1885, кн. 2

ПД — Институт русской литературы АН СССР — Пушкинский дом (Ленинград)

ЛОИИ — Ленинградское отделение института истории АН СССР. Архив

СА — журнал «Советские архивы»

СЭ — журнал «Советская этнография»

ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.

ЦГИА — Центральный государственный исторический архив (Ленинград)

ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив (Москва)

ЦГА ЯАССР — Центральный государственный архив Якутской АССР

ЦНБ АН УССР — Центральная научная библиотека АН Украинской ССР (Киев).

ГЛАВА I АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ДЕЛЕНИЕ И СИСТЕМА МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Территориальное деление всегда было призвано решать задачи управления, которое в функциональном плане подразделяется на общее и специальное (отраслевое, ведомственное). Отраслевое исторически возникало в общем и поэтому долго могло организационно не обособляться. В первую очередь это касается административного управления, которое по природе своей носило комплексный характер, выступая первой исторически-конкретной формой общего управления. В раннеклассовых обществах оно функционально сводилось к решению задач судебно-фискального и военно-карательного характера.

Территориальные срезы общего управления в феодальном обществе являлись не особой формой специализации (общий набор функций оставался прежним), а проявлением иерархизации (право окончательного решения убывало по направлению сверху вниз). Но эта иерархизация не имела экономической основы в силу хозяйственной одинаковости обществ с натуральным характером производства и поэтому строилась на силе оружия или боязни его. Отсюда исторически устойчивыми оказались неразвитые, обычно двухступенчатые, формы управленческой иерархии типа «центр — местное звено». Такие административно-территориальные звенья выступали как простая совокупность самодовлеющих однопорядковых территориально-управленческих единиц — ячеек общего управления с одинаковыми функциями и прямым подчинением центру и не были иерархически организованной по отношению друг к другу структурой.

На Восточную Сибирь, включение которой в состав единого Российского централизованного государства началось еще с середины XVI в., и в XVIII столетии распространялась общегосударственная система административно-территориального деления и местного управления. В это время, особенно с петровских преобразований, в стране интенсивно шел процесс кристаллизации и совершенствования бюрократически-централизованного аппарата власти и управления. Однако бюрократизация этого аппарата, превращение его в систему спе-

циальных учреждений и ведомств с отраслевым разделением их функций на всех или основных его административно-территориальных ступенях требовало огромных средств. Этот процесс, как отмечалось, оказывался под силу тем странам, которые вступили на путь буржуазного развития. В России же XVII—XVIII вв. процесс бюрократизации централизованного аппарата управления шел преимущественно на феодально-крепостнической основе, в частности, за счет развития феодализма вширь. Государственная власть упорно, и не без успеха, устремлялась вслед за русским тружеником, уходившим от крепостнической петли в центре страны на слабо или вообще не охваченные судом и фиском южные, юго-восточные и восточные окраины страны. Новоосваиваемые территории могли давать огромные доходы. Например, по подсчетам П. Н. Павлова, в годы расцвета пушного промысла, в 30—70-е гг. XVII в., правительство получало из Сибири до 20% общегосударственного дохода.

Противоречивые и сложные слагаемые социально-экономической подосновы процесса бюрократизации управления Российским государством XVII—XVIII вв. определили такие особенности, как неразвитость отраслевого управления в центре и на местах, подчиненность административно-территориальной сетки системе управления дворцово-вотчинного типа.

В данной главе делается попытка подойти к истории административно-территориального деления и местного управления Восточной Сибирью XVIII — нач. XIX вв. как к одной из форм функционирования системы государственного феодализма, связанной с расширением в экономической и социально-политической сферах государственного присутствия, с формированием на восточносибирской окраине особого бюрократического, в первую очередь состоящего из дворян, слоя как главной социальной опоры и проводника централизованных форм феодально-крепостнической эксплуатации.

В таком аспекте данная тема в специальной литературе не рассматривалась. Дореволюционные авторы историю административно-территориального деления и местного управления Сибири освещали неоднозначно. Официозно настроенные историки дворянско-буржуазного лагеря, начиная от Г. Ф. Миллера до В. К. Андриевича, сообщали нередко ценный фактический материал, но преломляли его сквозь призму якобы надклассового характера публичной власти, подчеркивая благодетельную роль царской администрации и трудности, что выпадали на долю дворян-чиновников при

устройстве основ гражданской жизни на далекой сибирской окраине. Представители демократического направления в историографии (А. Н. Радищев, А. И. Герцен, В. И. Семевский, А. П. Шапов, С. С. Шашков и др.), наоборот, заостряли внимание на чисто классовом характере местного управления, который обуславливает бесполезность всех административных реформ, неизбежность злоупотребления и произвол как присылаемой, так и местной администрации. А. И. Герцен, например, писал: «Чиновничество царит в северо-восточных губерниях и в Сибири: тут оно раскинулось беспрепятственно... Сперанский пробовал облегчить участь сибирского народа. Он ввел всюду коллегиальное начало, как будто дело зависело от того, кто как крадет — поодиночке или шайками. Он сотнями отрешал старых плутов и сотнями принял новых. Года через три чиновники наживались по новым формам не хуже, как по старым»¹. Эта же мысль сквозит и в оценке Н. М. Ядринцевым управления Сибирью до реформ М. М. Сперанского: «Централизация здесь привела к одним злоупотреблениям, а предоставление независимой власти чиновникам на месте — другим. Таков был давнишний сфинкс сибирской истории»². В этом случае Н. М. Ядринцев, один из вождей сибирского областничества, принципиально расходился с теми областниками, которые со временем скатились в откровенно реакционный лагерь, преувеличивая специфику Сибири и видя только негативные последствия «мануфактурного ига Москвы» и засиления заезжих российских администраторов. В историко-краеведческих работах этих общественных деятелей, чиновников и краеведов, преимущественно сибиряков по происхождению (П. А. Словцов, В. И. Вагин, Н. С. Щукин и др.), классово неоправданно противопоставлялись казенные и сословно-представительные органы, деятельность плохих российских чиновников и сибиряков — местных патриотов, занятых в городском и сельском самоуправлении. Явно преувеличивалась при этом степень самостоятельности последних. Они, например, писали о «независимых на деле общинах и городах», в частности Иркутске, как «маленьких республиках»³.

Принципиально новая трактовка содержания и характера административно-территориальных изменений и местного управления Сибири XVIII — нач. XIX вв. дана в советской историографии, вооруженной единственно правильной марксистско-ленинской методологией. Переосмысленный и новый, накопленный в конкретно-исторических работах⁴ материал по этой

тематике обобщен в таких крупных итоговых коллективных трудах, как «История Сибири с древнейших времен до наших дней» в 5-ти томах и выходящая в наши годы многотомная «История крестьянства, рабочего класса и интеллигенции Сибири». В них, в частности, проводится мысль о том, что административно-управленческое освоение Сибири является частью процесса развития российского феодализма «вширь», который на сибирских окраинах принял из-за отсутствия помещиков преимущественно форму государственного феодализма. Местный аппарат управления, состоящий из чиновников российского и сибирского происхождения, проводил коллективную волю господствующего дворянского класса — сословия страны, через интересы которого преломлялись и решались присущие публичной власти задачи.

Вместе с тем такие важные вопросы, как степень и форма влияния местных территориальных управленческих изменений на состав и численность сибирской бюрократии, соотношение и механизм функционирования внутриездных территориально-управленческих ячеек, состояние и взаимосвязь общего и отраслевого управления, наконец процесс и этапы складывания сложной волостной крестьянской общины, — все эти вопросы по рассматриваемому региону еще слабо разработаны.

1.1. ИЗМЕНЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ДЕЛЕНИЯ И МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В.

Административно-территориальное деление Восточной Сибири и управление ею в XVIII — нач. XIX вв. строились по общероссийскому образцу, но ее специфические условия (огромные малообжитые пространства, этническая пестрота, постоянный приток населения извне, приграничное положение, особые хозяйственные и социально-политические интересы центральной власти), естественно, не могли не сказаться. При общей явной тенденции предельно унифицировать управление восточной окраиной российский абсолютизм то довольно активно брался искоренять сибирскую специфику, то соглашался со своими эмиссарами в лице сибирских губернаторов считаться с ней.

До реформы М. М. Сперанского в 20-х гг. XIX в. территория всей Восточной Сибири не составляла в управленческом отношении единое целое. Между тем еще 100 лет до этого Д. Г. Мессершмидт, а затем И. Г. Гмелин, Ф. И. Соймонов, П. С. Паллас и другие ученые считали Енисей рубежом двух заметно отличающихся друг от друга западного и восточно-сибирского естественно-экономических регионов⁵. Игнорирование сложившихся на экологической основе межрайонных хозяйственно-культурных отличий в Сибири, как впрочем и во всей стране, вытекало из безусловного преобладания фискально-полицейских задач над всеми остальными. Такое административно-территориальное деление В. И. Ленин называл средневековым, крепостническим и казенно-бюрократическим⁶. Поэтому местные звенья крепнувшего бюрократического аппарата Российского государства вычленились по принципу равного соответствия числа чиновников численности управляемого населения в одинаковых по рангу административно-территориальных единицах. Различия хозяйственно-культурных типов у русского и ясачного местного населения тундры, лесной и степной зон если и принимались во внимание, то только при выделении низших ячеек управления — ясачных волостей, земель, присудов, слобод. Поэтому административно-территориальные изменения Сибири, которая отличалась повышенными, по сравнению со всей страной, темпами роста населения, в первую очередь шли по линии разукрупнения прежних уездов XVII столетия. Учитывались возросшая в XVIII в. необходимость обеспечения безопасности южносибирских границ и соблюдения общегосударственных интересов в Русской Америке, особые хозяйственные интересы казны, позднее — императорского Кабинета в горно-рудных районах. Главная же причина довольно частых изменений административно-территориальной сетки Сибири и структуры общего и отраслевого управления определялась общим ходом развития крепнувшего бюрократического аппарата российского абсолютизма.

Характер и этапы изменений всей структуры власти и управления страной в XVIII — нач. XIX вв. в целом наметились административными реформами Петра I, который в общих интересах феодального господствующего класса пытался взять на вооружение такие буржуазные по своей сути принципы организации и функционирования государственного аппарата, как «разделение властей» по законодательным, исполнительским и судебным функциям, ведомственная отраслевая специализация, коллегиальность и бюрократический централизм.

Естественно, на разных уровнях и звеньях системы управления темпы и степень изменений существенно отличались. Местное управление трансформировалось более медленно и противоречиво, так как именно на этом бюрократическом срезе труднее всего было согласовать и состыковать общегосударственные нормы-законы с местными порядками, утверждать новое на месте старого.

В целом местное управление страны в изучаемый период прошло через ряд основных этапов, по годам: 1708—1725, 1727—1775, 1783—1796, 1797—1801 и 1802—1811. В Восточной Сибири эти этапы нередко сдвигались по хронологии и проходили подчас в неполном объеме.

В 1708—1715 гг., как известно, по всей стране без учета местных условий была значительно усложнена и унифицирована структура местного управления. Она стала двухступенчатой (губерния — уезд). Все прежние 20 сибирских уездов и 6 уральских (Пермский, Устюжский, Вятский, Соликамский, Соли-Вычегодский и Верхотурский) составили одну Сибирскую губернию с центром в Тобольске. Сибирский приказ как центральный областной орган был упразднен⁷. Особых изменений в составе семи восточно-сибирских уездов (Мангазейском, Енисейском, Красноярском, Иркутском, Илимском, Якутском и Нерчинском) не произошло. Численность российских дворян, занятых гражданским управлением в них, в целом осталась прежней. К благородному сословию обычно принадлежали только воеводы.

В 1710—1714 гг. административно-управленческая дистанция между губернией и уездом изменяется. В ряде губерний, в том числе Сибирской, вводятся обер-комендантские провинции, являющиеся, по мнению М. М. Богословского, крупного специалиста по истории российского управления, «слепок с разрядов XVII столетия»⁸. Прежние уездные воеводы переименовываются в комендантов, с подчинением провинциальным обер-комендантам. В Сибирской губернии восточнее Енисея обер-коменданты появились в Енисейске и Иркутске — самых крупных городах региона⁹.

Именной указ от 28 января 1715 г., отменив деление на обер-комендантские провинции и возвратив старую структуру, ввел в каждой губернии еще особые ландратские доли, которые состояли из 5536 тяглых дворов каждая. Доли возглавлялись ландратами, набираемыми по указу Петра I преимущественно из беспоместных офицеров¹⁰. Ландраты, обязанные обеспечить точный учет тяглого населения и бездоимочный

сбор податей, действовали через комендантские (воеводские) канцелярии. Поскольку ни один восточно-сибирский уезд по числу тяглых русских дворов «не тянул» даже на отдельную долю, то в податном плане уезды стали называться долями; а присланные для переписи населения ландраты стали помощниками комендантов по фиску, а в отдельных случаях просто заняли их места¹¹.

Не удовлетворенный состоянием местного управления, Петр I после критического разбора проекта А. С. Матвеева и Г. Фика 29 мая 1719 г. издал указ о разделении губерний на провинции, а последние — вместо доль на дистрикты. Губерния как административно-территориальная единица сохранялась. По ней составляли общую отчетность и ведомости для центральных отраслевых учреждений — коллегий и Сената. Вместе с тем власть губернатора ограничивалась провинцией губернского города. Основной единицей административного управления стала провинция, состоящая из уездов. По сбору подушной подати на содержание расквартированных армейских полков она делилась на дистрикты, рамки которых могли не совпадать с границами отдельных уездов. Провинциальный воевода получил под свое начало скопированную с губернской отдельную канцелярию. Такие новые для провинциального города учреждения и чиновники, как провинциальный прокурор и фискал, конторы камерирских (финансовых) и рекрутских дел, провиантмейстерская и крепостная, рентерья, открытые по судебной реформе провинциальный и надворный суды, были призваны осуществить главную идею Петра I о «разделении властей». Штат чиновников-дворян провинциального города увеличился с 2—3-х до 12—15-ти. В каждом дистрикте (уезде, если их рамки совпадали) дополнительно появились возглавлявший его земский комиссар, 1—2 помощника, выбранных из местных дворян, земская канцелярия с приказными, солдатами и рассыльщиками¹². По сути дела, эта реформа, формально вернувшая трехчленное деление, только видоизменила прежнюю двухступенчатую структуру органов местного управления, несколько приблизив ее к управляемому населению и особо учрежденчески вычленив фискальные функции. При этом усилилась пестрота в названиях административно-территориальных единиц, учреждений и их руководителей.

В Сибири новая административно-территориальная реформа проведена на три года позже, чем в центре. Сенат, назначив в 1719 г. на Урале Вятскую и Соликамскую провинции, границы трех сибирских провинций поручил определить на

месте губернатору Сибири князю Я. Черкасскому¹³. В конце 1724 г. Сенат утвердил Енисейскую и Иркутскую провинции и их вице-губернаторов. При этом в Енисейской к трем местным уездам необоснованно приписали четыре соседних западно-сибирских (Томский, Кузнецкий, Нарымский и Кетский)¹⁴. Поскольку по Сенатскому определению дистрикты должны были состоять из 2000 тяглых дворов по переписи 1678 г., то малонаселенные приенисейские уезды по-прежнему не стали делить, а просто ландратские доли стали в податном отношении считаться дистриктами. В Иркутской же провинции, где населения было больше, но расстояния между административными центрами еще протяженнее, чем в Енисейской, из старых четырех уездов дополнительно выделили 4 дистрикта (Верхотуринский, Балаганский, Селенгинский и Иркутский подгородный), а также 5 пригородков (Удинский, Идинский, Кабанский, Баргузинский и Ильинский)¹⁵. Они возглавлялись земскими комиссарами, которых не выбирали, как в Европейской России, а назначали, так как в Сибири отсутствовали российские дворяне-землевладельцы. При этом из-за нехватки кадров в должности комиссаров вместо чиновников обер-офицерского ранга обычно оказывались сибирские дворяне и дети боярские. Они же под именем приказчиков возглавляли по острогам и ясачным зимовьям территориально более мелкие присуды.

Из-за состояния источников общую численность общегосударственной бюрократии Восточной Сибири этого периода установить очень трудно. По сохранившимся штатам 1724—1726 гг. в Енисейске, как провинциальном городе, должно было быть 14 классных чиновников (воевода, прокурор, фискал, рентмейстер, земский комиссар, два секретаря, а также президент, четыре ассессора и два секретаря Енисейского надворного суда — единственного на всю Восточную Сибирь). На них приходилось, не считая шести сторожей, 33 канцелярских чиновника вне классных рангов, или официально «приказных», то есть канцеляристы, писари, копиисты и писцы, в том числе: в воеводской канцелярии — 10, при комиссаре Енисейского уезда — 2, в камерирской конторе — 3, надворном суде — 12 и крепостной конторе — 6. С Красноярским и Мангазейским уездами (Енисейским ведал провинциальный аппарат), где числилось по 3 классных чиновника (воевода, земский комиссар и фискал) и 10 приказных, в Енисейской провинции должно было быть 20 классных чиновников и 43 приказных.

В провинциальном Иркутске не было надворного суда. В городе штат чиновников составлял 30 чел., в том числе 9

классных чинов. В трех уездах насчитывалось 9 классных и 30 приказных, а со штатом четырех дистриктов и пяти пригородков из 9 классных чиновников и 13 приказных гражданская бюрократия Иркутской провинции состояла из 91 чел., из них 27 могли иметь классные чины и ранги¹⁶. В действительности же в обеих, Енисейской и Иркутской, восточносибирских провинциях земские комиссары дистриктов и пригородков (всего 12 чел.), как отмечалось, назначались из местных служилых людей. Поэтому число чиновников в рангах, дающих права личной или потомственного дворянства по всей Восточной Сибири, было меньше штатного — не 55, а 43 чел., что составляло около 0,1%, от всего русского населения мужского пола региона (46 тыс. душ муж. пола — далее д. м. п.)¹⁷. На каждого классного чина в среднем приходилось около трех приказных, всего 110 чел.

На следующем этапе развития местного управления в стране в 1727—1762 гг. были сделаны серьезные отступления от петровских, как показала практика, во многом преждевременных нововведений. В 1726—1727 гг. ликвидировали дистрикты. Провинции подчинили губернаторам, что усилило централизацию местного управленческого аппарата. Единоначалие серьезно потеснило коллегиальность. Почти все отраслевые учреждения в губернском, провинциальном и уездном звеньях аппарата были закрыты, а их функции перешли губернским и воеводским канцеляриям (конторы камерирских дел и рендмейстерские, канцелярии вальдмейстерские и рекрутских дел, надворные суды, провинциальные прокуратуры, фискалы и т. д.)¹⁸. Этим надолго, до 1783 г., вновь утвердился типичный для XVII в. универсализм аппарата местного управления, базировавшийся на архаичном единстве дворцово-вотчинного и административно-территориального принципов¹⁹.

В Сибири, особенно заенисейской ее части, этот поворот в местном управлении, осуществленный в 1727—1731 гг., прошел незаметно и безболезненно, так как на далекой восточной окраине нововведения 1719—1725 гг. во многом еще не были реализованы. По составленной в столице «Росписи губерний и провинций 1727 г.» Енисейская провинция должна была состоять из семи «городов и уездов» (Енисейск, Красноярск, Томск, Нарым, Мангазея, Кузнецк и Кетск), а Иркутская — «из 11-ти городов и острогов с уездами — Иркутск, Верхотенск, Селенгинск, Удинск, Илимский острог, Баргузин, Ильинский острог, Балаганский острог, Нерчинск, Якутск и Камчатка»²⁰. Таким образом, центральная власть произвела в ранг уездов

все прежние дистрикты и 4 пригородка Баргузинского, Ильинского и Удинского острогов. Однако сибирский губернатор князь М. Ф. Долгорукий вскоре добился пересмотра этого явно формального деления. Западно-сибирские уезды передали Тобольской провинции, в Иркутской оставили 4 уезда (Иркутский, Илимский, Нерчинский и Якутский), а прочие под прежним названием дистрикты, как особые фискально-судебные округа, вошли в состав этих четырех уездов²¹.

В своих распоряжениях по местному управлению правительство, как видим, стало гибче учитывать специфику Сибири как самой отдаленной национальной окраины империи, которая считалась на положении казенной вотчины. Снижение доходов от сибирской пушнины и торговли побудило Сенат поставить перед императрицей Анной Иоанновной вопрос о восстановлении Сибирского приказа. По мнению Сената, в «таком дальнем краю», как Сибирь, администрация действовала совершенно бесконтрольно, и «ни о чем не видно, как воеводы поступают, доходы денежные и ясачные собирают и которые из них исправны и неисправны»²².

Именным указом 20 декабря 1730 г. был вновь учрежден Сибирский приказ во главе с генерал-прокурором Сената П. И. Ягужинским. Указ, в частности, гласил: «Сибирскому приказу быть по-прежнему особливим, и все-сибирские города как-то сборами, так и всяким правлением, ведать в том приказе, и быть тому приказу под Сенатским ведением, а Камер-коллегии и Штатс-конторе сибирских всяких доходов ничем не ведать, и из сибирских городов как губернатору, так и всякому воеводе о всяких делах писать о денежной и протчей казне рапорты и присылать в Сибирский приказ и по посланным из того приказа указам исполнение чинить неотменно»²³.

Этот центральный орган местного управления восточной окраины уже не был точной копией Сибирского приказа XVII столетия. В ряде вопросов, особенно в кадровых, он не пользовался прежней самостоятельностью. Из его компетенции были изъяты горные и металлургические предприятия, ямская служба, воинские команды, посольские дела с сопредельными странами²⁴. С 1734 г. вопросы внешней торговли и таможенной пограничной службы решались Сибирским приказом совместно с Коммерц-коллегией и коллегией Иностранных дел; питейных, канцелярских и других сборов — с Главным магистратом; прихода и расхода денежной казны и всяких товаров — с Камер-коллегией, Штатс-конторой и Ревизион-коллегией; рекрутских наборов и снабжения гарнизонных полков — с

Военной коллегией. В целом, по обоснованному мнению Л. С. Рафиенко, «Сибирский приказ после восстановления не занял центрального положения в решении сибирских вопросов, а играл роль лишь посредствующего звена. Центр тяжести управления Сибирью постепенно перемещается на места... в руки губернаторов»²⁵. Вместе с тем территориально власть губернатора в Тобольске значительно сузилась. Отдельные области Восточной Сибири довольно быстро получили автономию от старого центра Сибирской губернии. После учреждения Кяхтинской таможни в 1736 г. Иркутская провинция передана прямо в ведение Сибирского приказа. Одна из трех его экспедиций в составе трех повывитий стала непосредственно заниматься заенисейской окраиной. Через 4 года указом от 8 февраля 1740 г. права иркутского вице-губернатора были расширены до губернаторских полномочий: «Повелено ... статскому советнику и вице-губернатору Лангу в силу е. и. в. указа пункта 8, что надлежит по усмотрению ево в Иркутской провинции с лутшею пользою вновь исправить, однако же кроме того, что до положения ими убавки податей касается; и в том ему, не описываясь, поступать по своему рассмотрению с крайней предосторожностью, наблюдая интерес е. и. в. как честному человеку надлежит, а что учинено будет, о том в Сенат рапортовать»²⁶.

Усложнилось и внутреннее деление заенисейской Сибири. В связи с работой Первой и подготовкой Второй Камчатской экспедиций резко возросла роль старого Охотского острога в русском освоении и изучении северо-востока Азии и ближней к ней акватории Тихого океана. Указом от 10 мая 1731 г. острог объявлен портовым городом и центром особого Охотского правления, подчиненным не уездному Якутску, а провинциальному Иркутску и одновременно Адмиралтейству. Штат управления этой особой административно-территориальной военно-специализированной единицы состоял из 11 человек (командира, воеводского товарища, секретаря, трех канцеляристов, четырех копиистов и одного сторожа), из которых троим были положены классные чины. Первым командиром бурно растущего Охотского порта стал с февраля 1733 г. Григорий Григорьевич Скорняков-Писарев, крупный деятель петровской эпохи, бывший обер-прокурор Сената, угодивший при Петре II в ссылку в Сибирь²⁷.

Усложнение функций приграничного Селенгинска и рост русско-китайской торговли тоже привели к изменению его общего статуса. С 1736 г. это уже центр не дистрикта, а от-

дельного уезда и место нахождения канцелярии расквартированного в этом районе Якутского пехотного полка. Как и в Охотске, вся полнота власти и по гражданскому, и по военному ведомствам была сосредоточена в одних руках — у коменданта города и командира полка, сначала Ивана Дмитриевича Бухольца, а с 1740 г. бригадира Варфоломея Валентиновича Якоби. Ко времени проведения второй подушной переписи в 1745 г. в Селенгинске появился еще и свой воевода²⁸.

В подразделения общегражданского управления уездного типа превратились три дистрикта Иркутского уезда (Верхоленский, Балаганский и Иркутский подгородный, или Оецкий) как самые заселенные русскими. Их «управители», по-прежнему обязанные собирать подушные суммы на армейские полки, подчинялись непосредственно Иркутской провинциальной канцелярии и находящемуся при ней особому офицеру по подушному сбору. Такого же ранга оказались управители восстановленных указом 20 декабря 1730 г. в среднесибирских уездах «комиссарств» Абаканского и Канского острогов. Вместо чиновников «обер-офицерского ранга» в них по-прежнему из Сибирской губернской канцелярии назначали сибирских дворян. Делопроизводством управительских контор ведали подьячие с приписью²⁹. Прочие дистрикты Иркутской провинции оказались в ранге присудов во главе с приказчиками, которых назначала местная провинциальная канцелярия. По сбору подушных податей, которые шли на полки, приказчики подчинялись назначенным в 1736 г. Военной коллегией по уездам «отставным офицерам при подушном сборе». Так, специализированная чисто по фиску военно-территориальная структура слилась с общей внутриуездной.

Важной особенностью управления самой отдаленной, от центра Иркутской провинции было то, что в ней в 40—50-е гг. появились должности и отраслевые учреждения ряда центральных ведомств, которые были положены только губерниям либо вообще являлись уникальными, отражая особенности хозяйствования и казенного предпринимательства верховной власти как корпоративного феодала. В 1752 г. в Иркутске открыли своего рода филиал Тобольской канцелярии ревизии счетов, поскольку ведомости и счетные выписки по всей провинции не сверялись из-за отдаленности почти 20 лет. Иркутские власти считали, что для этих целей следует присылать одного ассессора с переменой его через 3 года и 5 приказных (3 подканцеляриста и 2 копииста) с уплатой им денежного и хлеб-

ного жалованья³⁰. Для более доходной реализации казенных соляной и винной монополий соответственно в 1751 и 1757 гг. были учреждены в Иркутской провинции соляное комиссарство и корчемная контора с назначаемыми чиновниками³¹.

В 1753 г. из провинциальной канцелярии выделилась особым учреждением Иркутская рентерея, так как ее годовой приход достигал до 300 тыс. руб.³² Во главе ее стоял рентмейстер из местных дворян, а позже — классный чиновник.

Именным указом от 23 августа 1754 г. штат Кяхтинской «пограничной китайской таможни» вместо выборных лиц стали укомплектовывать специально назначаемыми чиновниками и канцелярскими служащими³³. Более отлаженной стала система организации отправляемых в Китай «казенных караванов». Через них реализовывали казенную монополию на торговлю самыми ценными сибирскими мехами. Для их обслуживания были выделены даже специальные «караванные казаки». Действовала и «ревенная» комиссия комиссара Свинына, закупавшая лекарственный ремень, высоко ценившийся в Западной Европе. Появившийся в 30-е г. в Иркутске особый аптекарь из иностранцев для разбора, браковки и отправки в Россию ревеня одним из немногих тогдашних чиновников получал жалованье и немалое: с 17 ноября 1736 г. по 500 руб. в год³⁴. С целью «введения хозяйства для скупки лучшей пушны в городах» и организации более действенного контроля за соблюдением казенной пушной монополии иркутский вице-губернатор Л. Ланг назначил и просил 1 февраля 1740 г. Сенат утвердить особый штат во главе с чиновником из иностранцев³⁵. В Якутском и Охотском острогах для нужд Великой Камчатской экспедиции в 30-х гг. были, как и в других уездах, построены кузницы, мельницы, прядильни, солеварни, а также якутские железный и чугунолитейный заводы, для управления которыми провинциальная канцелярия привлекала личный состав Якутского полка и казаков.

Сенатским указом 16 июня 1731 г. велено «в сибирских городах для государственных посылок и для посылок же партикулярных писем, учредить почту на таком же порядке, как на пред сего в прошлых годах такая почта была учреждена» в стране³⁶. Содержание почты возложили на местное население. Почтмейстеры в уездах назначались воеводой из числа сибирских дворян и детей боярских.

В конце 40-х гг. для «правильного» устройства и заселения Иркутского участка Московско-Сибирского тракта создали

особую «ямских управительных дел избу», которую возглавлял в 1751 г. оставшийся в Сибири навсегда видный ученый, переводчик Второй Камчатской экспедиции Яков Линденау. Он имел чин прапорщика³⁷.

Для поисков и разработки месторождений черных и цветных металлов помимо имеющегося в Забайкалье Нерчинского горного начальства на Среднем Енисее появляется в 1739 г. Красноярское горное начальство. В его ведении находились Ирбинский железоделательный и Луказский медеплавильный заводы. Кроме горной администрации из 83 чел. на заводах числились 43 чел. военной команды, 76 рекрутов «при разных работах», 189 горных рабочих и 562 ссыльных³⁸. К 1744 г. эти первые крупные казенные промышленные предприятия Средней Сибири законсервировали, а большую часть работников и чиновников перевели на Нерчинские заводы, которые значительно расширились к концу 50-х г. в связи с Семилетней войной. Одних классных чинов на них было до 20.

Своеобразно дополняли отраслевое управление отдаленной заенисейской Сибири специально назначаемые из центра комиссии³⁹. По содержанию своей деятельности эти органы можно отнести к временно действующим специальным учреждениям судебно-следственного, финансово-фискального и хозяйственно-организационного плана. Они занимались исследованием деятельности местных воевод (комиссия поручика Кежерова и Чередова), магистратов (комиссия коллежского асессора Крылова), проверкой заманчивых проектов о «приращении казенного интереса» (Якутская комиссия 1745—1754 гг.), организацией заселения и земледельческого освоения важных по различным соображениям районов (по Московско-Сибирскому тракту — комиссия бригадира Вульфа в 1754—1758 гг., в Якутии — капитана В. Чередова), подготовкой русского плавания по р. Амур для более удобных сношений с Камчаткой («Секретные комиссии» Ф. И. Соимонова, М. Ф. Соимонова 1756—1761 гг.), для описания побережья Ледовитого океана и морского прохода между Азией и Америкой, а также изучения флоры, фауны, истории и этнографии Сибири (Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга 1735—1743 гг.), для ревизии итогов подучных переписей по провинциям и уездам (комиссии полковника П. Н. Резанова, майора С. Г. Угримова, капитана П. С. Плохих и др.). Руководителями этих комиссий обычно являлись прибывшие из-за Урала либо из войск «Сибирского гарнизона» офицеры, а также сменившиеся или хорошо зарекомендовавшие себя

воеводы. Состав этих комиссий и экспедиций был довольно многочисленным, например, сухопутный и морской отряды Второй Камчатской экспедиции в целом насчитывали около 200 человек. Нередко руководители комиссий, такие как известный Крылов и Кекеров, полностью и на довольно продолжительный срок брали местное управление на себя, что обычно приводило к неслыханным злоупотреблениям.

Общую численность всех, в том числе классных, чинов местной бюрократии Восточной Сибири в 30-е и 50-е гг. из-за отсутствия источников установить очень трудно. Возможно, их число к началу 60-х гг. было близким к численности чиновников середины 20-х гг. Штаты, как отмечалось, сократились, но было открыто два уезда и ряд отраслевых учреждений. Больше стало классных чиновников в провинциальных городах Енисейске и особенно Иркутске. В частности, в соответствии с именным указом 24 января 1736 г. при вице-губернаторе был назначен товарищ в ранге коллежского советника VII класса с жалованьем по 300 руб. в год⁴⁰. Должность полицмейстера, введенная в Иркутске с 1757 г., тоже являлась классной⁴¹.

1.2. ИЗМЕНЕНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ И СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ В 60-е — СЕРЕДИНЕ 90-х гг. XVIII в.

Во второй половине XVIII в. административное деление и система управления в стране изменялись особенно часто, почти через каждое десятилетие. Однако мысль тогдашних администраторов во главе с Екатериной II в лучшем случае возвращалась, причем в сословно извращенной форме, к идеям Петра I о разделении властей, о четкой иерархии всех звеньев аппарата, гибком сочетании отраслевого и территориального принципов управления, а также выборного и указного начала в комплектовании чиновничества.

На первом этапе преобразований (60-е — середина 70-х гг.), пожалуй, больше изменялся порядок управления, а не территориальная структура. Новым «Штатом генеральным на все губернии» от 15 декабря 1763 г. устанавливается твердое должностное жалованье всем чиновникам, как классным, так и впервые бесклассным. Тем же актом по губерниям

и провинциям вновь вводились должности прокуроров⁴² (табл. 1). Жестче стала контролироваться служебная исполнительность должностных лиц. С 1766 г. стал действовать пространный «Устав о штрафовании присутственных мест за нерапортование и неисполнение по указам в назначенный срок»⁴³. В 1774 г. сделана попытка упорядочить отчетность уездных канцелярий перед центральными учреждениями. В частности, число годовых, полугодовых, третних и месячных ведомостей различного содержания сократили с 700 до 110⁴⁴. Новые хозяйственно-попечительские задачи были поставлены и перед главой местной исполнительной власти. В своем «Наставлении губернаторам» от 21 апреля 1764 г. Екатерина II подчеркивала, что губернатор не есть обладающий огромной властью над подчиненными и в то же время слепой исполнитель воли центра, а есть и «поверенная от государыни особа, глава и хозяин, и истинный опекун всей врученной в смотрение его губернии», который «должен предусматривать разная пользы согласно с выгодами, торгами и промыслами ее обитателей»⁴⁵. Для сибирских губернаторов эта звонкая фраза имела определенный контекст. Они чувствовали себя в известной мере действительно приказчиками лично Екатерины II, ибо с 1764 г. ясачный сбор в Сибири был взят на Кабинет, то есть должен был обогащать саму императрицу.

Отраслевое управление Восточной Сибирью в 60-х гг. усложнялось, но вместе с тем, как и во всей стране, контроль над ним общих органов усилился. С реорганизацией гарнизонных полков в батальоны и с учреждением в 1764 г. штатных губернских и уездных городовых команд, подчиненных общегосударственным властям, аппарат управления стал открыто военно-бюрократическим (см. гл. 2, 4). Одновременно общее руководство пограничной охраной и войсками учрежденной Иркутской губернии передали в руки местного губернатора. Ему же впервые подчинили все местные отраслевые учреждения. В XI пункте «Наставления губернаторам» было сказано, что из-за огромных пространств страны и различия местных условий из центра «заочно невозможно ни всех польз провидеть, ни всех неурядиц отвратить, ... то для того все земские правительства, находящиеся в губерниях, кроме Москвы и Петербурга, которые губернским канцеляриям не подчинены, как например: таможни, магистраты, пограничные комиссии, полиции и ямские правления, словом, все, какого бы звания ни были, гражданские места, — отныне должны состо-

Таблица I
Должностной состав местных учреждений Восточной Сибири по штатам 1763 г.

Название должностей	Канцелярии											
	губернская			провинциальная			уездная			пригородка		
	класс	всего должностей	жалованье, руб.	класс	всего должностей	жалованье, руб.	класс	всего должностей	жалованье, руб.	класс	всего должностей	жалованье, руб.
	III—IV V—VI	1 2	1875 600	— VI	— VI	— VI	— VI	— VI	— VI	— VI	— VI	— VI
Губернатор	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Товарищ губернатора	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Воевода	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Товарищ воеводы (комиссар)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Прокурор	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Секретари	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Протоколист	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Регистратор	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Архивариус	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Канцеляристы	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Подканцеляристы	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Кописты	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Переплетчик	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Ученик	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Сторож	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Палач	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Толмачи	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого:	—	46	—	—	25	—	—	15	—	8	—	—

Примечание. ПСЗ, т. 16, № 11991, т. 44, ч. 2, с. 68—69, табл. 1, 2. Знак + означает, что в «Штаге» класс чина не указан.

ять в ведомстве губернатора, как истинного опекуна врученной от нас ему губернии»⁴⁶.

Вместе с тем автономия местных подразделений горного ведомства и Коммерц-коллегии в это время даже усилилась. По инструкции 1764 г. новому начальнику Нерчинских заводов В. И. Суворову горная администрация выводилась из-под контроля местных властей и была обязана «отчетом», кроме Берг-коллегии, еще и Кабинету. К горному округу приписали крестьян Аргунского и Ундинского острогов и до 7—8 тыс. увеличили число ссыльнокаторжных. По свидетельству Эрика Лаксмана, видного ученого того времени, самого служившего на Нерчинских заводах (см. о нем ниже), одних классов чинов, которые получали двойное жалованье, в 1764—1775 гг. в горном округе насчитывалось до 40 человек⁴⁷.

Возросшие и ожидаемые доходы от русско-китайской торговли, которую урегулировало в 1765 г. посольство полковника И. Кропотова, вызвали резкое расширение таможенной службы: Именным указом 18 марта 1775 г. в Кяхте была учреждена Троицкая коммерческая экспедиция с подчиненным ей особым коммерческим комиссарством в Иркутске. Сама экспедиция, возглавляемая директором штаб-офицерского чина, состояла из 35 человек, в том числе четверо были в классовых рангах. С членами коммерческого комиссарства (11 чел., в том числе комиссар, кассир и бухгалтер с классовыми чинами), с приданными им казаками (74 чел.) и воинской командой во главе с поручиком (69 чел.) общая численность чиновников и прочих служебных лиц, призванных увеличить пошленные сборы и обеспечить преимущественные торгово-предпринимательские интересы казны, достигла 178 человек. На их содержание уходило 9607 руб., т. е. чуть больше, чем на весь общий штат Иркутской губернии⁴⁸. Эти расходы сторицей окупались полумиллионным ежегодным доходом, получаемым от таможенных сборов с китайских и русских купцов и торговли казенными товарами.

Территориальные же изменения были связаны, в первую очередь, с желанием сделать аппарат управления подешевле за счет сокращения административных единиц. Так, указом 11 октября 1764 г. велено уезды, где по последней, третьей, переписи насчитывалось не более 10 тыс. душ, «присоединить к другим городам с назначением, где окажется нужным, особых комиссаров вместо воевод» или соединить 2—4 таких малолюдных уезда в один с численностью до 30 тыс. чел. По Сибири воеводы упразднились в пяти уездах, в том числе

Мангазейском, а пять других объединялись в два. Это решение не считалось окончательным, так как губернаторам предоставлялось право подавать свои поправки.

Вместе с тем для лучшей организации обороны русско-китайской границы и под влиянием Ф. И. Соимонова, которого императрица не без основания считала лучшим среди сенаторов знатоком Сибири, Иркутск сделали центром новой губернии. Именной указ от 11 октября 1764 г. гласил: «В рассуждении великой обширности нашего Сибирского царства, повелеваем учинить в нем вторую губернию..., сия губерния имеет называться Иркутскою»⁴⁹.

Новая губерния по старому провинциальному делению состояла из пяти уездов (Иркутского, Селенгинского, Нерчинского, Илимского, Якутского) и Охотского начальства. В ней насчитывалось 4 дистрикта, один пригородок, 3 крепости, 20 острогов, 22 слободы и 15 ясачных зимовьев⁵⁰. Всего без отраслевых учреждений, судя по последним штатам (см. табл. 1), насчитывалось 94 штатных чиновника, из них 20 в классных чинах, дающих потомственное и личное дворянство. С чиновниками Приенисейского края (63 чел., в том числе 14 классных) общегражданская бюрократия всей Восточной Сибири составляла до 160 чел., из которых каждый пятый имел классный чин. Управляемое же ими русское население к этому времени насчитывало около 80 тыс. д. м. п.⁵¹

Перестройка внутреннего управления новой губернии в соответствии с указом от 11 октября 1764 г. надолго затянулась.

По представлению первого иркутского губернатора генерал-майора К. Л. Фрауендорфа именной указом от 22 марта 1766 г. было разрешено разделить губернию на 3 провинции — Иркутскую, Удинскую и Якутскую. Однако с изменением управления, расширявшего крестьянское самоуправление на уровне сложных территориальных волостных общин, Екатерина II не согласилась⁵². Дело в том, что 16 июля 1765 г., как это явствует из копии инструкции верхоленскому комиссару поручику Самойле Фиглеру от 9 января 1776 г., Иркутская губернская канцелярия ликвидировала в присудах должности приказчиков и управителей, а «к исправлению дел, к сбору и отправлению с предшествующих мест доходов в указанные сроки бездомно, и до принадлежащего между крестьянами в мадых внутренних дел, яко то несогласия разбирательства, определены были из них крестьян с переменою погодно старосты, выборные и соцкие»⁵³. Новый губернатор

генерал-майор А. И. Бриль опять собрал с местных воевод все данные и в 1768 г. подал Сенату другой проект внутреннего устройства, в котором предусматривались рекомендации верховной власти насчет комиссаров по типу тех, что были в белорусских губерниях. Проект был рассмотрен и утвержден указом от 31 января 1775 г. Губернию разделили не на три, а на две — Якутскую и Удинскую (позже Верхне-Удинскую) провинции, ибо «тамошние жители, ради чрезмерной дальности в платеже государственных поборов..., чувствуют великое отяготение... и медлительность и сущая неудобность в делах происходит... Для удобнейшего же сбора податей и к разбирательству между жителями споров и маловажных дел» учредили 12 комиссарств, правление которых составили товарищи уездных воевод или новые чиновники в ранге обер-офицеров с небольшими, из 2—7 человек, канцеляриями⁵⁴.

Комиссары должны были следить за запашкой крестьян, раскладкой платежей на убывших, вершить суд. В пункте 14-м наказа Фиглера особо подчеркивалось, что в связи с открытием комиссарств комиссары должны принять из приказных изб от крестьянских старост «письменные дела», кроме касающихся сбора казенных доходов, искоренения воров, разбойников, корчемных и других преступных дел⁵⁵.

Выделение Забайкалья в особую Удинскую провинцию мотивировалось хозяйственно-попечительными заботами: «За Байкал с половины ноября до января и с мая до половины июня проезду не бывает, и ныне в Забайкалье сильное хлебопашество размножается..., а кроме приведенных ожидаются еще поселыщики и поляки», а также трудностями отправки через Удинск огромных в 15 тыс. пудов партий казенного свинца ежегодно и, наконец, многочисленностью регулярных чаеет и иррегулярных войск. В состав этой провинции вошли территории бывших Селенгинского и Нерчинского уездов, которые преобразовали в комиссарства, а также новое Баргузинское комиссарство. В Якутской провинции выделили Жиганское, Верхоянское и Средне-Ковымское комиссарства, а также новый Алданский уезд (с центром в Олекминском остроге), состоящий из Олекминского и Верхне-Вилуйского комиссарств. В непосредственном подчинении губернскому Иркутску оказались Иркутский уезд в составе Верхоленского, Кудинского комиссарств и Тункинского острога, новообразованный Балаганский уезд и выделенный из старого Илимского Киренский уезд, состоящий из Илимского комиссарства и 9 слобод. В Балаганский уезд вошло притрак-

товое Предбайкалье, ибо в этой зоне, как отмечалось, «много мест для поселения есть, на которых несколько тысяч семей поселить можно». В эту же административно-территориальную единицу включили три слободы (Ниже-Удинскую, Барлуцкую и Яндинского острога) бывшего Илимского уезда. Воеводскую канцелярию перенесли в Киренский острог из-за неудобного местоположения Илимска и отдаленности от главного водного пути по Лене на Якутск, по которому шел большой объем казенных перевозок, для организации которых воеводы вынуждены были долго жить на Лене в устье Киренги⁵⁶.

Эта новая административно-территориальная сетка Иркутской губернии по-прежнему слабо учитывала хозяйственные связи и этнический состав населения. И местные власти, и губернатор, и сам Сенат только в рамках штата 1763 г. старались «посправедливей» разверстать население по новым территориальным единицам. А это, естественно, было малоосуществимо. Так, провинции состояли из 31—32 тыс., уезды северные из 2—4 тыс., а прочие из 10—11 тыс. ревизских душ (далее р. д.). Еще больше пестроты оказалось в составе комиссарств, население которых равнялось 3—7,7 тыс. р. д., а также в низовых управленческих единицах (присуде, слободе, остроге, крепости, волости, станке)⁵⁷.

Новый, самый важный по последствиям, этап в развитии местного управления Восточной Сибири связан с губернской реформой 1775 г., проводимой в стране сразу после Крестьянской войны под руководством Е. И. Пугачева. Смертельно напуганное дворянство во главе с «казанской помещицей» Екатериной II гарантию от подобных выступлений видело в совершенствовании и усилении государственного аппарата, в первую очередь его карательных функций. За счет разукрупнения прежних губерний, провинций и уездов гуще становится административно-территориальная сетка страны. К участию в местном управлении привлекается дворянский класс страны целиком. Вся исполнительная и полицейско-карательная власть в уездах оказалась полностью в руках выборных из местных дворян-чиновников в лице капитан-исправника с дворянскими заседателями. Екатерина II прямо называла исправников хозяевами уездов.

Вместе с тем в целях экономии средств и поддержания европейской славы «просвещенной монархии» Екатерина II расширяет прежнее самоуправление в городе и деревне, вводит в уездное и даже губернское звенья местного управления выборных лиц из основных тяглых сословий, в том числе от не-

русских народностей. В первую очередь это было сделано в отношении сословных судов. Естественно, что демагогический для тружеников лозунг «каждое сословие да судится своим судом» был извращен по отношению к городу и казенной деревне. В губернском магистрате, верхней и нижней сельских расправах полностью распоряжались подбираемые губернским правлением и утверждаемые Сенатом председатели и заседатели из дворян, а мещанские и сельские заседатели обычно выполняли роль статистов. Примерно таким же было положение сельских заседателей в нижнем земском суде, сменившем воеводскую канцелярию. Что касается бургомистров и ратманов уездных городовых магистратов, где не было дворянчиновников, то по всем важным вопросам они не могли принимать решения без городничего или губернских властей. В таком же положении оказались и члены введенного «Жалованной грамотой городам» 1785 г. общего городского исполнительного органа — шестигласной думы. Явно подчиненную роль играли выборные ратманы в учрежденных «Полицейским уставом» 1782 г. городских управах благочиния. Эти новые местные учреждения тоже были разсословными по личному составу должностных лиц. Тем не менее после Сенатского указа от 13 декабря 1787 г. о выплате членам магистратов жалованья не из штатных казенных сумм, а из городских общественных доходов, расходы по самоуправлению городов вновь были полностью возложены на «градские» общества⁵⁸. То есть за очень скромное участие в местном управлении своих имущих верхов всем горожанам пришлось нести все большие расходы.

Таким образом, явно фиктивный и показной характер носили элементы местного сословно-корпоративного представительства⁵⁹, о котором, на наш взгляд, можно говорить с появлением в 70-х — сер. 80-х гг. межсословных (по личному составу назначенных и выборных должностных лиц), местных сословных учреждений суда и управления (верхних и нижних сельских расправ, губернских и городских магистратов, нижних земских судов), а также межсословных по подведомственному населению органов (совестных судов, градских и шестигласных дум, управ благочиния).

Выборная служба податных лиц даже в губернского ранга учреждениях официально не давала обычных чинов и непосредственного выхода из своего сословия. В виде утешения центральная власть платила части выборных чиновников казенное жалованье, а те, кто был на классовых должностях, мог

временно (обычно 3 года) пользоваться их статусом, то есть быть в «зауряд» чинах (см. гл. 2). Вместе с тем эта расчётливо классовая политика правительства в известной степени раскалывала единство всех членов тяжлых сословий и расширяла социальную опору самодержавия, так как давала имущей верхушке города и села полупривилегированное положение и некоторые возможности с определенными надеждами изменить к лучшему свой сословный статус.

Другим важным направлением губернской реформы 1775 г. было возвращение к идее Петра I о разделении властей и отраслевом управлении.

Такие недостатки местного управления, как «медленность и волокита, страстное производство, своеволие и ябеда» правительство не без оснований связывало с тем, что «в одном и том же месте, где ведомо правление губернии, и казенные доходы, и счета обще с благочинием или полицией, и сверх того, еще уголовные дела и гражданские суды отправляются; а таковым же неудобствам тех губерний в провинциях и уездах правлений не меньше подвержены, ибо в одной воеводской канцелярии совокупны находятся дела всякого рода и звания»⁶⁰.

Реформой на всех трех (губернской, областной и уездной) ступенях местного управления вместо прежних канцелярий были выделены в качестве основных учреждения по «полицейской, судной и казенной части», то есть с административно-карательными, судебными и хозяйственно-налоговыми функциями. При этом губернские учреждения считались особыми департаментами центральных коллегий, контор и экспедиций, что позволяло закрыть или разгрузить последние. Например, палаты уголовных и гражданских дел выступали департаментами Юстиц-коллегии, а казенная палата — сразу Камер- и Ревизион-коллегий. Казенные фабрики, металлургические заводы и таможни по общим вопросам одновременно подчинили местным казенным палатам. Так, прежнее отраслевое управление несколько теснее увязали с территориальным, а последнее, в свою очередь, стало во многом по своей внутренней структуре комплексно отраслевым. Вместе с тем этот положительный подход ослаблялся сохранением узкосословного характера ряда учреждений: С другой стороны, сама функциональная специализация управления на тогдашнем уровне общества имела ограниченно прогрессивный характер. Только за редким исключением должности разноотраслевых учреждений предполагали обладание определенными профес-

сиональными знаниями и специальными навыками, какими, например, владели губернские архитектор, землемер, врач или стряпчий. Это приводило к ведомственной розни, частым перемещениям при общей нехватке кадров, погоне за доходными должностями.

Общая децентрализация управления с его хозяйственно-фискальной, судебной и карательной специализацией и сохранением сословного начала, естественно, потребовала резкого увеличения штатов чиновников, решения проблем иерархической соотносимости учреждений и занятых в них бюрократических чинов.

К реализации губернской реформы в Сибири центральная власть приступила спустя 4 года, когда в 1779 г. образовали новую Колыванскую губернию, а затем 21 января 1782 г., 6 марта и 16 мая 1783 г. выделили с особыми штатами Тобольское, Иркутское и Колыванское наместничества. При этом специфика Восточной Сибири, где в целом еще преобладало нерусское население, не была учтена. Енисейская провинция была ликвидирована, а ее уезды распределены по всем трем сибирским наместничествам. В Тобольское отошли Туруханский и Енисейский уезды с приданной последнему Кежемской волостью Киренского уезда (682 р. д. по четвертой переписи), а также новый Ачинский уезд, составленный из шести (Устюжской, Атамановской, Сухобузимской, Нахвальской, Подъяемской и Большекемчугской) северных волостей Красноярского уезда, из Новоселовской волости Енисейского и четырех волостей (Подгородной, или Ачинской, Кийской, Боготольской, Краснореченской) Томского уездов. Восточная часть Красноярского уезда из двух волостей (Бирюсинской и Канской) вошла в новоучрежденный Нижне-Удинский уезд уже Иркутского наместничества, а остальную территорию по среднему Енисею включили отдельным Красноярским уездом в новое, составленное из пяти западно-сибирских уездов, Колыванское наместничество⁶¹.

Полное административное расчленение Приенисейского края, издавна связанного сложившимися на естественно-географической основе торгово-экономическими связями, объясняется желанием Екатерины II иметь хотя бы одну сибирскую губернию не пограничной, а внутренней. В своем личном наказе бывшему генерал-губернатору Уфимского наместничества И. В. Якоби, назначенному правящим должностным генерал-губернатором Иркутского и Колыванского наместничества, императрица напоминала, чтобы он и Е. П. Кашкин,

тобольский губернатор, размежевали границы Тобольского и Колыванского наместничеств так, как это они сделали раньше с Тобольской и Уфимской губерниями, то есть чтобы Тобольская губерния оставалась по-прежнему внутренней, а Колыванская — пограничной⁶². Когда через год, в 1784 г., всю Сибирь разделили на два «главных управления» под названием «генерал-губернаторств» с центрами в Тобольске и Иркутске, то именно из этих соображений в первое включили внутренние наместничества (Тобольское и Пермское), а во второе — пограничные Колыванское и Иркутское⁶³.

В отличие от губерний Европейской России за Енисеем сохранялось прежнее областное промежуточное звено между губернией и уездом⁶⁴. При этом провинции — области и особенно округа — уезды разукрупнили. Иркутская губерния стала состоять из четырех областей и 17 уездов. Из прежних двух провинций-областей Удинскую расформировали, а две добавили. Самая восточная, Охотская, включала четыре уезда (Охотский, Гижигинский, Акланский и Нижнекамчатский). В Якутской провинции оказалось 5 уездов — старый Якутский и новые — Алданский (Алекминский), Оленский, Жиганский и Зашиверский. Нерчинская область включала в себя Нерчинский, Доронинский, Баргузинский и Стретенский уезды, а Иркутская — Иркутский, Верхне-Удинский, Нижне-Удинский и Киренский уезды. Учреждено было 10 новых городов, в том числе один — из Нижне-Удинской слободы, а 9 — из острогов. Безуездными городами стали Илимск, Селенгинск и Балаганск⁶⁵. Как видим, изменения прежней административно-территориальной сетки Иркутской губернии заключались в формальном переводе многих комиссарств в уезды и восстановлении в разукрупненном виде упраздненных менее 10 лет назад старых уездов.

Сохраненная из-за огромных пространств трехчленность территориального деления, отсутствие дворян-помещиков, которыми в Европейской России на выборных началах соответственно на треть и половину заполняли должности губернского и уездного рангов, наличие большого количества пришлого населения, формально относившегося к другим губерниям, — все это привело к ряду особенностей состава учреждений и чиновничьих должностей во всех звеньях аппарата управления Иркутского наместничества. Иркутское губернское правление, состоящее, кроме канцелярии, из четырех классов чинов (правитель или губернатор, два советника и секретарь), контролируя областные правления, само в этом качестве выс-

тупало по отношению к населению одноименной провинции-области. Сословные дворянские суды (в губернском центре — верхний земский, а по округам — уездные) не учреждались из-за отсутствия дворян-землевладельцев. Вместо них в Иркутске открыли для пришлого населения положенные только в Москве и Петербурге верхний и нижний надворные суды областного и уездного рангов. Первый состоял, кроме канцелярских, из двух председателей, двух советников и четырех ассессоров, прокурора и стряпчего, а второй — из двух надворных судей, четырех заседателей из дворян и двух секретарей⁶⁶. Дворяне-чиновники судились в палатах уголовных и гражданских дел, в каждой имелись председатель, по два советника, ассессора и секретарь, которые одновременно выступали апелляционными инстанциями для всех сословных судов губернского ранга. Эти суды — для горожан губернский магистрат, для крестьян верхняя сельская расправа, а также межсословные совестные суды — учредили не только в Иркутске, но и во всех трех других областных центрах, приблизив их таким образом к подсудному населению (табл. 2). В состав Иркутской казенной палаты, которая выполняла хозяйственно-организаторские, попечительские и финансово-налоговые функции, помимо директора экономии, советников и ассессоров таможенных и соляных дел, добавили советника и ассессора горных дел. Эти чиновники с приданными им канцелярскими служащими составили особую горную экспедицию, территориально вынесенную в Нерчинск. Так, впервые в руках одного учреждения — казенной палаты оказалось общее руководство государственным сектором в экономике Иркутской губернии.

В провинциальных городах Охотске, Нерчинске и Якутске вместо городничих ввели комендантов (в Нерчинске — обер-коменданта), олицетворявших исполнительную власть в своих провинциях. Особые областные казначейства открылись в Якутске и Охотске. Они, как и уездные, подчинялись губернскому казначею, а через него — казенной палате. Вообще, сохранение областного звена усложнило иерархию местных исполнительных и судебных учреждений. Так, губернский магистрат и верхняя расправа Иркутска выступали как областные учреждения для населения Иркутской провинции и одновременно как головные губернские для других областных соответствующих учреждений, а также апелляционными для всего торгово-ремесленного и сельского населения губернии (см. табл. 2).

Динамика штатного состава местных учреждений и чиновников Иркутской губернии
в 80-х гг. XVIII—начала XIX вв.

Названия учреждений и должностей по основным звеньям управления	Общее число учреждений и должностей по штату		Количество чиновников в каждом учреждении по штату		Из них назначенных в классных должностях по штату		Общее количество чиновников в губернии по штату		Из них назначаемых по штату в классных должностях						
	1783	1805	1783	1805	1783	1805	1783	1805	1783	1805					
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Наместническое правление Губернское звено	1	-	1	4	-	9	4	-	9	4	-	9	4	-	9
Губернское правление	1	1	1	5	4	5	5	4	5	5	4	5	5	4	5
Палаты уголовных и гражданских дел	1	1	1	12	11	14	12	11	10	12	11	14	12	11	10
Казенная палата	1	1	1	18	13	13	18	13	13	18	13	13	18	13	13
Губернский прокурор	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Губернский стряпчий	2	-	2	2	-	2	2	-	2	2	-	2	2	-	2
Губернский архитектор	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Губернский землемер	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Губернская почтовая контора	-	1	1	-	2	3	-	-	-	-	2	3	-	2	3

Продолжение таблицы 2

	2		3		4		5		6		7		8		9		10		11		12		13		14		15		16		
	Губернская врачебная управа	-	1	1	-	-	-	6	-	-	3	-	-	6	-	-	6	-	-	6	-	-	6	-	-	6	-	-	6	-	3
Областное звено																															
Областное правление	3	1	3	2	4	8	2	4	6-8	6	4	24	6	4	24	6	4	22													
Верхний надворный суд	1	-	1	12	7	5	3	12	-	3	28	12	-	5	12	-	3														
Совестной суд	4	-	1	7	-	5	3	-	-	3	28	-	-	5	12	-	3														
Приказ общественного призрения	1	1	1	1	1	-	1	1	1	-	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	
Областное казначейство	2	-	-	5	-	-	1	-	-	-	10	-	-	-	-	-	-	2													
Магистрат	4	4	-	14	-	-	7	-	-	56	-	-	-	28	-	-	-														
Верхняя сельская расправа	4	-	-	17	-	-	7	-	-	68	-	-	-	28	-	-	-														
Почтовая часть	-	-	2	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-														
Уездное звено																															
Канцелярия																															
городничего (коменданта)	17	17	6	1	1	1	1	1	1	1	17	17	6	17	17	6	17	6	17	17	6	17	17	6	17	17	6	17	17	6	
Нижний земский суд	17	15	6	6	4	4	4	4	4	2	102	60	44	68	60	32															
Нижний надворный суд	1	-	-	8	-	-	8	-	-	8	-	-	-	8	-	-	-	8													
Нижняя сельская расправа	17	15	8	6	4	6	4	4	4	4	102	60	48	68	60	32															
Городовой магистрат или ратуша	15	15	8	6	-	3-6	-	-	-	-	90	-	36	-	-	-	-														
Уездное казначейство	17	15	8	5	5	5	1	1	1	1	85	75	40	17	15	8															

Окончание таблицы 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Уездный стряпчий	17	15	8	1	—	1	1	—	1	1	17	15	8	17	15
Уездный землемер	17	15	8	1	1	1	1	1	1	17	15	8	17	15	8
Уездные	17	15	8	6	6	5-6	—	—	—	102	90	38	—	—	—
медицинские чины	—	10	13	—	2-3	2-3	—	2	1-3	—	19	24	—	12	17
Почтовая контора	1	1	1	4	13	4	4	9	4	4	13	4	4	9	9
и экспедиция	1	1	1	14	11	9	10	10	14	14	11	9	10	9	10
Троицко-Савская пограничная канцелярия	1	1	1	1	6	6	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Кяхтинская таможня	1	1	1	14	11	9	10	10	14	14	11	9	10	9	10
Тельминская казенная суконная фабрика	1	1	1	1	6	6	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого:										765	389	338	345	231	186

Примечание. ПСЗ, т. 44, ч. 2, табл. I—VI, с. 93—95, 247—267, 357—358, 406—408; ЦГАДА, ф. 248, д. 6500, ч. III, л. 16—378; Сенатский архив, СПб., 1888, т. 1, с. 128—129. Без местных учреждений с чисто ведомственным подчинением и без управ благочиния. Названия учреждений даны по штату 1783 г. Не указаны смотрители казенных солеварен, винокурен и провиантских магазинов, смотрители почтовых станций в классных должностях и без казенного содержания. В совестных, нижних земских и уездных судах за 1783 и 1805 гг. даны сельские заседатели, которые не имели классной должности, но были на казенном жалованье (76 чел.). В нижних земских судах 1805 г. в общем числе чиновников показано 19 частных комиссаров и туруханский заседатель в обер-офицерских рангах. Итоговые данные без чиновников пограничной канцелярии, таможи и суконной фабрики. В «14, 15 и 16» графы не вошли присяжные областных и уездных казначейств (в 1783 г. — 76 чел., 1797 — 40 и в 1805 г. — 32 чел.), которые назначались, но не имели в Восточной Сибири классных чинов. Их, а также медиков, которых местные власти нанимали, следует иметь в виду при определении числа выборных чиновников путем разницы между графами I—13 и 14—16.

В нижние земские суды губернии, ставшие вместо воеводских канцелярий общими административно-полицейскими и хозяйственно-попечительными органами в уездах, кроме двух выборных сельских заседателей, назначали еще двух дворянских заседателей. Поскольку эта мера объяснялась «отдаленностью мест и значительным пространством уездов», то власть видела в них в общем-то тех же комиссаров, которые, «пробывая твердо в рамках своих должностей», обеспечивали «добронравие, благочиние и порядок» в своих частях уездов. В этом они, как и капитан-исправник уезда, должны были опираться в Иркутской губернии на выборную крестьянскую администрацию, а в Средней Сибири на приказные избы и управительские, конторы стародавних присудов, возглавляемые приказчиками, управителями или смотрителями, которые назначались из служилых людей и отставных унтер-офицеров. В свою очередь эти низовые, находящиеся на содержании правительства чиновники уже имели дело с низшей территориально-сословной системой самоуправления. Рядом с назначаемыми приказчиками в присудах действовали выборные крестьянские старосты, с сотскими и десятскими, а также старосты посадских станков и сотен, причем границы станка не всегда совпадали с границами присуда.

В 80-х гг. низовое звено управления сельским населением Западной Сибири в несколько укрупненном виде стало одинаковым с восточно-сибирским звеном, хотя губернской реформой 1775 г. это не предусматривалось. В 1781—1782 гг. генерал-губернатор Пермской и Тобольской губерний Е. П. Кашкин получил от Екатерины II, как она сама писала, «дозволение разделить и составить волости крестьян», приписных и экономических, «сообразно нашим о сельском устройстве предложениям»⁶⁷. Как установила В. В. Рабцевич, на основе именного указа 1781 г. было разработано и в 1782 г. разослано особое «Наставление на постановление волостных судов» у казенных крестьян Западной Сибири⁶⁸. На Енисее новое волостное деление ввели в 1787—1789 гг. Так, во второй половине 1787 г. по приенисейским уездам разослали предписание ликвидировать должности назначаемых приказчиков, старые «присуды и сотни уничтожить, а учредить земские избы по 1000—1500 рев. душ» во главе с выборными и старостами. В помощь им, по аналогии с нижним земским судом, следовало определять двух выборных крестьянских заседателей⁶⁹. Поскольку комиссары в 1782—83 гг. тоже были убраны, то впервые во всей Сибири сельское волостное звено управленческого

аппарата стало чисто самоуправляемым. Этим, на наш взгляд, официально закончился длительный процесс формирования крестьянской волостной общины в Сибири общего северно-русского типа как территориально сложного фискально-полицейского союза. Последующие ее изменения относились уже к новому эволюционному этапу⁷⁰.

С учреждением самоуправляемых волостных общин в целом получило завершение местное самоуправление и сословно-корпоративное представительство, которое в Восточной Сибири оказалось более развитым. В отличие от центральной России на восточной окраине в силу сохранения более дробного территориального деления и почти полного отсутствия дворян-помещиков в местном бюрократическом аппарате довольно многочисленными были выборные, но не дворяне, а податные лица на казенном или мирском жалованье, часть которых занимала даже классные должности. Так, по штатам Иркутского наместничества от 6 марта 1783 г., из 765 чиновников выборные составили 242 (без 102 медицинских чинов и 76 присяжных) чел., или 31,7% (см. табл. 2). Естественно, они преобладали в нижних звеньях управления: в губернских учреждениях все 44 чиновника назначались, в областных из 181 выбирались 84, в уездных из 540 — 158 чел. (см. табл. 2). Все 126 чел. штатных выборных чиновников из горожан занимали по «Учреждению о губерниях» 1775 г. классные должности. Это давало им право во время исполнения должностных обязанностей пользоваться статусом соответствующего чина, то есть считаться «зауряд»-чиновниками в том или ином классе (см. гл. 2). Так, должности городового головы и мещанских заседателей областных совестных судов относились к X классу с жалованьем в 300 руб., бургомистров и заседателей губернского городового магистрата — к XI классу с жалованьем в 300 руб., бургомистров и заседателей уездного городового магистрата — к XII классу с жалованьем в 180 и 140 руб., бургомистров посадов и ратманов городового магистрата — к XIII классу с окладом в 140 руб., городовых старост, словесных судей и ратманов посада — к XIV классу чинов⁷¹. Важно отметить, что если в российских городах на эти должности все же попадали и нетяглые горожане, на что и рассчитывало правительство, то в Сибири выбирались представители купцов, мещан и цеховых. Таким образом, имущая верхушка сибирского города получала через сословное представительство и городское самоуправление временный статус личных дворян, который для их внуков мог стать постоянным

благодаря введению почетного гражданства. Вместе с тем Екатерина II, несколько расширив льготы городской выборной администрации, ее губернское звено непосредственно подчинила пяти штатным чиновникам-дворянам в должностях двух председателей губернского магистрата, прокурора и двух стряпчих⁷².

Представители крестьянского сословного представительства в губернском, областном и уездном звеньях общего местного аппарата Иркутского наместничества, всего 116 чел., получили меньше льгот. Им, то есть сельским заседателям верхних и нижних расправ, совестных и нижних земских судов, положили по 100 руб. жалованья и пообещали защиту от произвола. Во второй главе «Учреждения о губерниях» 1775 г. «О чинах» подчеркивалось, что «они не считаются ни против которого класса, но пока в должности пребывают, то без суда да не коснется до них наказание ни от кого»⁷³. Кроме того, они, как и члены волостного самоуправления, при исполнении своих должностей освобождались от «всех сельских тягостей, кроме казенных податей»⁷⁴.

Выборы на эти должности проводились «по обряду Уложенной комиссии», а значит, были не прямыми, а многоступенчатыми. Сначала по волостям и уездам собирали поверенных выборщиков и кандидатов в должности, из расчета от 200 до 250 р. д. — один поверенный или кандидат, от 300 до 500 — по два, до 1000 — по четыре. Они съезжались в декабре каждого года в Иркутск для выбора на каждую должность двух кандидатов, из которых уже один утверждался комендантом или городничим в уездных или областных учреждениях, а в губернских — самим губернатором. С 1791 г. число сельских заседателей нижнего земского суда могло меняться в рамках общего их количества в губернии. Среди ясачных выбор шел особо, но тоже под пристальным контролем губернатора, городничих и комендантов. Требовалось, чтобы депутат на должность был поведения «неподозрительного, непорочного, летами не менее 30-ти лет, женатый, детный и грамотный»⁷⁵.

Важно отметить, что казенной уездной администрации Восточной Сибири, по сравнению с чиновниками Европейской России, при решении дел было сложнее навязывать свою волю выборным коллегам из мещан и крестьян. Так, члены Киренского нижнего земского суда в лице крестьянских заседателей в 1795—1797 гг. смогли защитить двух наемных работников и работницу из крестьян от произвола местного расправного судьи Децырмана⁷⁶.

Отраслевое автономное управление в 80—90-е гг. еще активнее поглощалось или подключалось к общей местной системе органов и ее отраслевым учреждениям; находящимся под общим заведыванием генерал-губернаторов и наместников. При этом кадровыми и, условно говоря, «техническими» вопросами занимались центральные ведомства, а организационная и финансовая сферы передавались на места. Этот принцип соотношения общего местного и отраслевого управления в основном был разработан Петром I. На таких началах в составе наместнического правления появился губернский архитектор, в Иркутской казенной палате — ассессоры «питейных, соляных и горных дел», губернский казначей, в каждом уезде — уездный казначей, стряпчий, землемер, доктор, 2 подлекаря, а в губернских магистратах — публичный нотариус. Почтовым делом стало ведать новое центральное отраслевое учреждение — Почтовый департамент, но обеспечивали функционирование почтовых дорог по-прежнему местные власти. Губернский почтмейстер, уездные почтовые экспедиторы и смотрители тоже стали назначаться из классных чиновников⁷⁷.

В соответствии с «Полицейским уставом» 1782 г. была введена специальная полицейская служба в губернском и областных городах Иркутской губернии. Каждая «управа благочиния» содержалась населением города, а подчинялась городничим или обер-комендантам. Общее число лиц, занятых в полицейских учреждениях, составило, кроме 8 выборных из мещан и купцов ратманов, 229 чел., в том числе в Иркутске — 148, Верхне-Удинске — 30, Нерчинске — 34 и Якутске — 17. Из них классными чиновниками были 28 чел., в том числе 8 приставов уголовных и гражданских дел, 2 частных пристава IX класса, 9 квартальных надзирателей X класса и 9 квартальных поручиков XI класса⁷⁸.

Пограничные дела Иркутской губернии по-прежнему оставались не только вотчиной Военной и Иностранной коллегий, ибо «Пограничных дел» канцелярию подчинили «государеву наместнику». По новым штатам 1782 г. канцелярия стала состоять из двух частей — при наместнике имелся особый коллежский секретарь с переводчиками и толмачами, а в Троицкой крепости ведал пограничной охраной обер-комендант, при котором были надворный советник и секретарь, со штатом канцеляристов и переводчиков⁷⁹ (см. табл. 2).

Развитие социальной инфраструктуры государственного сектора в стране в 80-х гг. выразилось и в организации общегражданской школы. Созданная в 1782 г. «Комиссия по учреж-

дению народных училищ» выработала в 1786 г. специальный устав, определивший организационную структуру и содержание деятельности первых российских общеобразовательных школ, и открыла Учительскую семинарию для подготовки учительских кадров. Открытие же четырехклассных главных и двухклассных малых народных училищ и контроль за их деятельностью были возложены на губернские казенные палаты, приказы общественного призрения и губернаторов. Все материальные расходы, определенные принятым 5 августа 1786 г. штатом школ, легли на местное городское население. Это в конечном итоге и решало вопрос об их существовании. В Восточной Сибири в 1789 г. на базе местной гражданской школы было открыто Иркутское главное народное училище, а также 3 малых — Красноярское и Енисейское в 1790 г., а Верхнеудинское в 1793 г.⁸⁰ Показательно, что должности учителей (в губернии всего 7 человек) не были увязаны с «Табелью о рангах», что делало работу в школе непривлекательной. В целом общая численность общегражданской и отраслевой бюрократии всей Восточной Сибири по штатам 1783 г. значительно возросла. Одни классные дворяне-чиновники составляли около 400 чел., или 0,34% всего русского населения региона достигавшего по четвертой переписи до 113 тыс. д. м. п.⁸¹ Этот громоздкий екатерининский аппарат управления был очень дорогим и обременительным для всей страны и особенно малонаселенной Восточной Сибири. Сотрудники М. М. Сперанского А. П. Величко и К. Г. Репнинский, обосновывая необходимость реформы 1822 г., справедливо выделяли такие «неудобства» управления Сибирью по «Учреждению о губерниях 1775 г.»: при распространении на Сибирь этой местной реформы не были должным образом учтены сибирские расстояния ни до главного, ни до губернского управления; «не был уважен недостаток дворянства» в Сибири, хотя существовало различие между выборными и назначаемыми чиновниками; по сравнению с российскими, штаты сибирских учреждений почти не изменились, хотя «не было почти никакой надежды их наполнить не только исправными, но даже посредственными чиновниками»; не был учтен «недостаток русского населения», что приводило к тому, что уездными центрами становились такие селения «из 5—6 юрт, как Жиганск, Оленск, Зашиверск»; суд и управление «инородцами» велись «теми же приемами, что и русскими старожилыми»⁸².

1.3. ИЗМЕНЕНИЯ В АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ ДЕЛЕНИИ И УПРАВЛЕНИИ В КОНЦЕ XVIII — НАЧАЛЕ XIX ВВ.

С приходом в 1796 г. к власти Павла I многое в России стало меняться. И дело не столько в том, что так долго не подпускаемый к престолу сын крайне критично отнесся к наследию своей матери во внутренней и внешней политике. Павел I яро ненавидел социальную демагогию Екатерины II с ее просветительской фразеологией. Он был сторонником реакционного феодального романтизма, главная цель которого — всемерное упрочение феодально-крепостнического социального порядка на основе неограниченной, но «справедливой» верховной власти, опирающейся на верную службу преданных вассалов-дворян. «Романтический император» довел до абсурда деспотические методы правления, широко используя при этом армию, восстановил многие центральные учреждения, вновь ввел обязательность государственной службы дворян (см. об этом гл. 2). Эта защита феодального порядка «справа» подкреплялась интенсивным законодательством. По подсчетам Н. Я. Эйдельмана, в период правления Павла I в среднем ежемесячно выходило 42 законодательных акта (законы, именные указы, распоряжения), что в 3,5 раза больше, чем при Екатерине II⁸³.

Значительным изменениям уже в первые два года царствования Павла I подверглась административно-управленческая система всей России. И в Сибири наместничества, а также Колыванская губерния были упразднены; причем все приенисейские уезды, включая территорию расформированного Ачинского, оказались в одной Тобольской губернии, так как военная угроза с юга оказалась во многом плодом воспаленного воображения, если не сказать больше, генерал-губернатора И. В. Якоби (о нем см. гл. 3). Внутри Иркутской губернии, которую стал возглавлять «военный губернатор с гражданской властью», ликвидировали области-провинции, а все уезды непосредственно подчинили Иркутску. Их стало 15,

так как малонаселенные Сретенский и Доронинский уезды объединили с Нерчинским, в ведении которого с 1797 г. осталось менее тысячи р. д. после полной передачи Кабинету заводов с приписными крестьянами. Для управления этой новой административной единицей было создано Нерчинское областное гражданское правление в составе четырех классов, чиновников, которому по уголовным делам осталось подсудным приписное к заводам население⁸⁴.

Заметно упростилась структура местных учреждений, хотя функциональная их специализация в основном сохранилась. Исполнительные органы были представлены губернским правлением в составе губернатора, двух советников VI класса и одного секретаря в IX классе чинов, а в уездах — нижним земским судом, состоящим из исправника, двух дворянских заседателей и секретаря. Выборных сельских заседателей, как видим, убрали⁸⁵. Закрыли апелляционные областные суды для крестьян (верхние расправы), горожан (магистраты), временных жителей губернии (Иркутские верхний и нижний надворный суды), а также межсословные совестные суды. Их заменила в губернском центре «палата суда и расправы», составленная из переименованных в департаменты бывших палат уголовных и гражданских дел. Для неподатных жителей, кроме военных, губернского Иркутска эта палата являлась одновременно первой судебной инстанцией. В уездах для земледельцев вместо нижних сельских расправ такую функцию выполнял «уездный суд» в составе четырех человек. Всех их, кроме секретаря, то есть уездного судью VIII класса и двух дворянских заседателей IX класса, велено определять непременно от Сената⁸⁶. Должности сельских заседателей в этом судебном органе были тоже ликвидированы. Сословное корпоративное представительство в судопроизводстве на уездном уровне сохранилось только у торгово-ремесленного населения в городском магистрате, а также по «Жалованной грамоте городам» 1785 г. — в градской и шестигласной думах. Однако, в отличие от членов прежних магистратов, выбираемые бургомистры и ратманы уже не считались на государственной службе. Они потеряли право на «зауряд» чины, им не шло казенное жалованье. Содержание магистратов полностью возложили на самих горожан. Торгово-ремесленное население губернии потеряло свой апелляционный судебный орган, ибо губернские (областные) магистраты, имевшиеся в Иркутске, Якутске, Нерчинске и Охотске, были закрыты (см. табл. 2). Таким образом, по суду и общему управлению трудовое насе-

ние Восточной Сибири, как и во всей стране, потеряло сословное представительство в губернском, а сельское — в уездном звеньях административного аппарата, оказавшись под более жестким полицейско-судебным контролем дворян-чиновников. В этом же направлении по указу 1797 г. «О разделении казенных селений на волости и о порядке внутреннего их управления» изменилось волостное звено управления крестьянами. Волостная реформа закрепляла замкнутость сельских жителей в своих общинах, подробно регламентировала всю организацию крестьянского самоуправления, сильно урезала самостоятельность общин, установила прямую их подотчетность в хозяйственных вопросах казенной палате, а в полицейских — нижнему земскому суду. Общинный орган управления переименовали из волостного суда в волостное правление. Оно состояло из головы, старосты («выборного») и писаря. Голову и писаря выбирали на два года и давали от мира содержание. Волостной голова утверждался нижним земским судом и осуществлял связь своей волости с внешним миром⁸⁷.

Из-за ошибочного толкования сибирскими властями смысла указа 1797 г. о размерах волостей это низшее звено управления крестьянами подверглось значительному укрупнению. Так, в Иркутской губернии из более чем ста прежних волостей образовали к началу 1799 г. только 28 волостных правления, исходя из максимального расчета по 3000 р. д. на каждую волость⁸⁸. После протестов крестьян правительство Павла I в 1800 г. разрешило восстановить прежние размеры волостей, какими они были по пятой, 1795 г., ревизии⁸⁹.

Центральная власть, сохраняя основную специализацию местных учреждений и должностей, отказалась от екатерининского курса децентрализации государственного аппарата. Явно усилилось ведомственное управление⁹⁰. Местные чиновники, ведавшие соляным и питейными делами, внутренними таможами и финансами, вновь стали подчиняться по своим отраслям восстановленным центральным учреждениям. Однако с 1800 г. в казенные палаты вернулись выделенные особо «камерные части» в составе советника, асессора и канцеляристов, так как они «никакого действия собою произвести не могут, но должны во всем соотноситься к губернскому правлению и казенной палате». Из-за нехватки средств убрали из всех, кроме сибирских, губерний и должности уездных землемеров.

Новые, несколько измененные по составу чиновников и размерам жалованья, штаты получила в 1799 г. Кяхтинская

пограничная таможня (60 чел. администрации, 184 военных чина «инвалидной команды» и 60 казаков с общим бюджетом в 12630 руб. 2 коп.), а также Почтовый департамент. В губернской почтовой конторе было положено 16 чел. штата, а в уездных городских по 8. Организацией провоза казенных и частных грузов и почты по уездам ведали почтовые экспедиции. В губернской экспедиции назначено 6 (экспедитор, его помощник, 4 почтальона), а в уездной — 3 чел. На почтовые станы главных дорог, в том числе на Московско-Сибирский тракт, именуемый «осьмой государевой дорогой», как и прежде, определяли по одному почтовому смотрителю в XIV классе чинов. Почтовые чиновники и почтальоны, как при Екатерине II гражданские чиновники, получили особое, до мелочей регламентированное форменное обмундирование⁹¹. Важно отметить, что эта бюрократизированная на военный лад почтовая служба вместе с другими отраслями государственного сектора, которые обслуживали не только казенные, но и общегражданские нужды, по-прежнему частично оставалась на местном бюджете. С трудового населения не была снята тяжелая обязанность поставлять подводы и лошадей или собирать деньги для их найма. Поэтому правительство Павла I, как и раньше, представляло местным властям самим решать вопрос о введении новой организации почтовой службы. Почтовый департамент мог открыть по губерниям и уездам свои конторы и экспедиции только «по соглашению с военными и гражданскими губернаторами»⁹². Местная администрация имела право менять по своему усмотрению предлагаемый штат, который поэтому был назван «примерным».

В Восточной Сибири, кроме четырех северных городов (Туруханска, Жиганска, Оленска, Витимска) и Верхоянского зимовья, новая организация почтового дела была введена сразу. За счет этой отрасли бюрократический аппарат региона увеличился в каждом из 10 уездов (без Иркутского) на 11 чел., а в губернском Иркутске — на 24 чел. Из них в среднем каждый из десяти получал жалованье классного чиновника. В целом, даже по неполным данным, в местных подразделениях ведомственного управления Восточной Сибири, вместе со штатом отошедших в Кабинет Нерчинских горных заводов (117 чел. администрации и 600 солдат горного батальона на 2,5 тыс. заводских работников и 14,5 тыс. р. д. приписного населения), находилось на государственной службе и занятых в сфере управления (без чинов регулярных войск и казаков) около 250 чел., из них до 60 чел. имели классные чины.

Вместе с тем общая численность общегражданской штатной местной бюрократии Иркутской губернии по штату 1797 г. по сравнению с 1783 г. сократилась более чем вдвое (с 765 до 389 чел.). Однако доля назначаемых правительством чиновников в общем числе лиц, занятых в сфере местного управления, повысилась от 33,4% в 1783 г. до 45,5% в 1797 г. (см. табл. 2). Этот факт свидетельствует об усилении роли правительственных чиновников-дворян во всей системе местного управления восточно-сибирской окраины страны в период правления Павла I.

Очередное изменение территориальной организации и системы местного управления Восточной Сибири произошла с воцарением Александра I. Сын, заняв трон убитого отца, приступил к преобразованиям не только в силу логики дворцового переворота, обусловленного крайней непопулярностью в дворянских кругах действий Павла I. Молодой император, воспитанник республиканца Лагарпа, окруженный умеренно-прогрессивно мыслящей аристократической молодежью (Н. Новосильцев, В. Кочубей, А. Чарторыйский, П. Строганов), не разделял взглядов отца и объявил, что будет править по «законам и сердцу» своей «августейшей бабки» Екатерины II. Вынужденное к либеральному лавированию в условиях кризиса крепостничества и усиления народных волнений правительство Александра I провело в 1802—1811 гг. ряд реформ, которые справедливо оцениваются советскими историками как новый этап «просвещенного абсолютизма»⁹³. Вместе с тем реформа местного управления, осуществленная в 1803—1805 гг., по своему содержанию и сути была охранительно-консервативной. По ряду существенных вопросов она отдала предпочтение не екатерининским, а павловским порядкам, теснее связав с центром местные правительственные и сословные учреждения. Сохранилась упрощенная система судопроизводства. Сословное самоуправление восстановили на уездном и губернском звене, но в сильно усеченном, особенно для города, объеме. В министерства по французскому образцу были преобразованы реставрированные Павлом I отраслевые центральные учреждения с их местными подразделениями. Два министерства — внутренних дел (ведавшее, кроме полицейских, хозяйственными вопросами) и народного просвещения учредили впервые⁹⁴. Ведущая роль государственного сектора во всех, особенно в социально-политической, сферах жизни окраин в целом усилилась. Вновь появившиеся в отдельных губерниях генерал-губернаторы получили более широкие полномочия, что не

согласовывалось с общим курсом бюрократического централизма.

Вся Сибирь, как и в петровские времена, с 1803 г. оказалась в одних административно-территориальных рамках, составив Сибирское генерал-губернаторство. Его глава, генерал-майор Иван Осипович Селифонтов, до этого ревизовавший сибирские губернии, вскоре после своего назначения подал царю «предположение» о необходимости административной перестройки вверенного ему зауральского края. В ходе реализации реформы 26 февраля 1804 г. из Тобольской губернии выделили Томскую, включив в последнюю все три приенисейских уезда. В Иркутской губернии ликвидировали почти все новые малонаселенные уезды, оставив только 6 из 15 (Иркутский, Нижне-Удинский, Верхне-Удинский, Киренский, Нерчинский, Якутский). Для управления обширнейшим северо-востоком Сибири в 1803 г. вновь особо были введены Якутское и Камчатское областные правления, а также «управление Охотского порта»⁹⁵. В нижнем территориальном звене восстановили управленческую единицу типа старого присуда — комиссарство во главе с назначаемым чиновником в классном чине. Распоряжением от 2 декабря 1803 г. И. О. Селифонтов ввел их во всех сибирских уездах, кроме малолюдного Туруханского. Комиссары на подведомственной им территории, по выражению И. О. Селифонтова, «есть то, что в целом уезде — нижний земский суд и земский исправник»⁹⁶. Все вопросы ему надлежало решать вместе с волостными и ясачными старшинами, а наиболее важные передавать в нижний земский суд своего уезда. В Средней Сибири в 1804 г. выделили 9 комиссарств, в том числе в Красноярском уезде — шесть с численностью от 2 до 8 тыс. р. д., в Енисейском уезде — три, в которых числилось от 3 до 5 тыс. р. д.⁹⁷

С 25 апреля 1805 г. в Иркутской губернии учредили 19 комиссарств. Из них в Иркутском уезде было 4 комиссарства, в Нижне-Удинском и Верхне-Удинском уездах — по три, а в Киренском уезде — два. Ясачные Якутской области вошли в семь комиссарств⁹⁸.

Всего в Восточной Сибири было образовано 28 комиссарств. Усложнение нижнего звена местного управления с благой целью территориально приблизить его к населению и уменьшить волокиту привело к обратному результату. Комиссары могли через голову уездных исправников обращаться в губернию, что создавало параллелизм в их работе, путаницу и ту же бумажную волокиту. На плечи населения дополнительно

легло содержание этих, по подсчетам сотрудников М. М. Сперанского, по всей Сибири около 100 лишних чиновников с семьями. Получая сравнительно небольшое жалование в 300 руб. в год, комиссары, как видно из отчета по ревизии М. М. Сперанского, «жили злоупотреблениями и торговлей»⁹⁹.

Несмотря на очевидные недостатки, эта структура низового управления сохранилась до реформы М. М. Сперанского. Исключение составили Камчатка и Охотский порт, получившие в 1812 г. особое «положение», все функции по управлению которым передали подчиненному Якутскому областному правлению особому начальнику¹⁰⁰.

В губернской и уездной звеньях управления отказ от изменений павловского времени во многом носил формально-бюрократический характер. По штату Иркутской губернии от 22 апреля 1805 г. губернское правление переименовали в «губернское правительство». Губернатор, два его советника, секретарь, а также губернские землемер и архитектор (последние прежде считались при наместническом правлении) составили его первую «экспедицию исполнительную». Казенная же палата под названием «казенная экспедиция» в составе вице-губернатора, трех советников, казначей, двух ассессоров, секретаря и четырех присяжных из отставных унтер-офицеров стала второй частью губернского правительства, что придало ей большую значимость. Среди ее членов сохранялась функциональная специализация: 3 советника занимались соответственно счетом, соляным и питейным делом, а губернский казначей — финансами. К обеим экспедициям, как и прежде, относились органы прокурорского надзора в лице губернского прокурора, его помощников-стряпчих и ассессора для поручений. Новым в судопроизводстве по штатам в 1805 г. было восстановление на губернском уровне только межсословных судов в виде вновь разделенных апелляционных палат уголовных и гражданских дел, куда впервые ввели по два заседателя от «купечества», совестного суда, где были заседатели и от «поселян». Сословные же суды сохранились в уездах в виде магистратов и уездных судов, причем первые оставались полностью на содержании горожан, а в последних вновь появились выборные заседатели из селян с жалованьем 150 руб. в год (см. табл. 2). Восстановление сословного представительства податного населения до губернского уровня, причем для крестьян на казенном содержании, — самая прогрессивная сторона реформы 1802—1805 гг. Однако в апелляционные губернские палаты сельских заседателей так и не рискнули ввес-

ти. Не получили на губернском уровне своего суда и горожане, что затрудняло им защиту своих интересов.

На первом этапе правления Александра I в 1802—1811 гг. с организацией на принципах единоначалия министерств в стране завершилось оформление ведомств. Нужды развития страны потребовали более четкого отраслевого разграничения на местах. Центральный аппарат каждого министерства с его местными органами и учреждениями стал составлять единое ведомство со своими административными порядками, составом чиновников, бюджетом и ведомственным территориальным делением, часто не совпадавшим с общим делением страны на губернии и уезды. Помимо пограничных и горных ведомственных округов XVIII в. появились округа учебные, путей сообщения, лесного хозяйства и т. п. По мнению Н. П. Ерошкина, по всей стране «господствующую в XVIII в. лучевую систему подчинения местных учреждений и органов коллегиям (подчинение губернатора и воевод каждой коллегии в определенных вопросах) с начала XIX в. заменила линейная система, заключающаяся в ведомственной подчиненности каждого местного учреждения определенному министерству»¹⁰¹. Однако прогрессивность этой, ставшей ведущей на всех звеньях государственности ведомственной системы управления, которая состояла из обладающих специальными знаниями людей, в значительной степени ослаблялась в крепостнической России узкосословным феодальным подходом к чинопроизводству и должностным назначениям (см. гл. 2).

Бюрократический централизм захватил и местное управление Восточной Сибири. После принятия «Предварительных правил народного просвещения» и «Устава учебных заведений» в 1803—1804 гг. на ее территории на месте прежней сложилась иерархическая система общеобразовательной школы из приходских, уездных училищ и губернской гимназии. Они входили в Казанский учебный округ. Смотрители уездных училищ, руководившие приходскими школами своего уезда, подчинялись директору Иркутской гимназии, который в свою очередь был подотчетен ректору Казанского университета. В отличие от главных и малых народных училищ часть общеобразовательных учреждений финансировалась полностью (университеты, гимназии) или частично (уездные училища) из государственного бюджета. Однако содержание приходских училищ осталось обязанностью самого населения¹⁰². На новой основе сеть народных училищ и численность школьников за Енисеем значительно увеличились. В 1826 г. во

всей Восточной Сибири были Иркутская гимназия, основанная в 1805 г., 9 уездных училищ (Иркутское, Киренское, Якутское, Нижне-Удинское, Троицко-Савское, Верхне-Удинское, Нерчинское, Красноярское и Енисейское) и 6 приходских (Тункинское, Киренское, Онинское, Селенгинское и два Иркутских)¹⁰³.

Новый расширенный штат получила почта. 9 мая 1805 г. было утверждено «Положение о Сибирском почтамте», по которому штат почтовых служащих Восточной Сибири составил 88 чел., из них 27, судя по жалованью, были в классных должностях. В Иркутской губернской почтовой конторе назначено 14 чел., в том числе почтмейстер с помощником, бухгалтер, сторож и 10 почтальонов из казаков. Городовые почтовые конторы получили Якутск и Кяхта с общим штатом, соответственно, в 8 и 7 чел., то есть с половинным числом почтальонов и без бухгалтеров. Городовые почтовые экспедиции со штатом в 5 чел. (экспедитор с помощником и 3 почтальона) открыли в 6 городах (Енисейске, Красноярске, Верхне-Удинске, Олекминске, Нерчинске и Киренске), а уездные почтовые экспедиции — в 6 местах (Ачинске, Селенгинске, Нижне-Удинске, Нерчинском заводе, Камчатке и Охотске). При этом в отдаленном Охотске и на Камчатке штат почтальонов увеличен был вдвое — не 2, а 4. Кроме того, в северной зоне (Туруханске, Жиганске, Оленске, Витимске и Верхоянске) оставались почтовые отделения во главе со станционными смотрителями, которые действовали под присмотром комендантов, городских и ратуш¹⁰⁴.

Еще одна важная область — здравоохранение тоже была широко охвачена прямой организационно-попечительской деятельностью казны от уездного до общегосударственного уровня. По штатам 1805 г. расширилась впервые выделенная в 1797 г. как особое губернское учреждение «врачебная, или медицинская, управа» с установленным ей казенным бюджетом в 3550 руб. В Иркутской губернии, как и везде, она состояла из шести человек, в том числе трое, судя по должностным окладам, считались в классных чинах (см. табл. 2). Прежде и при Петре I, и по штату Екатерины II правительство разрешало, но не обязывало местных властей изыскивать средства на организацию врачебного дела. Губернаторам, например, предлагалось самим договариваться с доктором «по вольным контрактам» о цене врачебных услуг и составе его помощников¹⁰⁵. Павел I врачебную управу учредил, в первую очередь, для обследования рекрутов. Как и организация общеоб-

разовательной школы, забота об общем здравоохранении до начала XIX в. считалась делом нужным, но добровольным.

Уместно отметить, что ведомственное медицинское обслуживание еще со времен Петра I было налажено в приносящих большие доходы казенных Нерчинских заводах, в Троицко-Савской таможне, а также в армейских и гарнизонных полках. Средства на Иркутскую аптеку, заводские и гарнизонные госпитали получали от казны и частично от удержания части жалованья чиновников и военных чинов. Таким образом, в Восточной Сибири начала XIX в. по-прежнему ярко выступала одна из особенностей бюрократизированного аппарата общего и отраслевого управления страной, которая заключалась в том, что целые управленческие звенья и отрасли полностью (волостное и городское самоуправление) или частично (транспорт, просвещение, здравоохранение) оставались не на казенном бюджете, а на общественном содержании. На островах же Тихого океана и в Русской Америке функции государственного аппарата с ведома правительства выполняли частные артели и компании, а с конца 80-х гг. — администрация объединенной Российско-Американской компании¹⁰⁶. В начале XIX в. окончательно определилась управленческая структура компании. Всеми вопросами управления и хозяйственного освоения русских владений в Северной Америке, на Алеутских и Курильских островах ведал особый директорат, в составе не более четырех директоров, а на местах — четыре конторы (Уракская, Кадьякская, Уналашкская и Курильская). Главная Уракская контора сначала находилась в Охотске, а с 1804 г. была переведена с новым названием Ситхинская в Ново-Архангельск, основанный на о. Ситха (о. Баранова)¹⁰⁷. Закупкой всего необходимого для нужд компании, наймом промышленных людей, складированием, развозом и реализацией пушных и промысловых товаров по стране ведали еще 5 контор, или отделов (Иркутская, которой подотчетны Якутская и Охотская, Кяхтинская и Московская), а также 5 комиссионеров, которые находились в Казани, Тюмени, Томске, на Камчатке и Гижиге. В Иркутской конторе были правитель с помощником, бухгалтер, письмоводитель, стряпчий и писари, а в прочих — управители с бухгалтерами и писарями. На жалованье и содержание главного правления контор и комиссионеров Российско-Американской компании уходило ежегодно в 10-е гг. XIX в. до 100 тыс. руб.¹⁰⁸ Для более полного представления о масштабах деятельности компании отметим, что управленческий бюджет всей Иркутской губер-

нии по штату 1805 г. был лишь в полтора раза больше, всего 150735 руб.¹⁰⁹ Таким образом, по сравнению с другими районами страны в сфере управления Восточной Сибирью более заметная роль принадлежала лицам, находящимся на содержании сложных волостных и уездных тяглых общин города и деревни, а также вольнонаемной администрации частной купеческой Российско-Американской компании. При этом, начиная со времени правления Павла I, среди содержащихся за общественный счёт должностных лиц сокращалось число выборных от податных сословий, но увеличилась численность назначаемых чиновников. Поскольку численно вырос и отряд чиновников местных отраслевых учреждений, находящихся на ведомственном бюджете, то количество назначаемых штатных чиновников на казенном жалованье в общих органах местного управления с конца XVIII в. неуклонно сокращалось. По нашим подсчетам, в Иркутской губернии штат общегражданских чиновников 1805 г. составил по общей численности только 88,6% штата 1797 г., а по доле классных чиновников — только 80,6%, или, соответственно, 338 и 186 чел. (см. табл. 2). Однако общая численность всех должностных лиц, занятых в сфере управления, возросла. Так, в 1823 г. в Восточной Сибири, включая новообразованную Енисейскую губернию, всех чиновников, служащих по гражданскому, горному и другим ведомствам, насчитывалось 2026 д. м. п. и 1625 д. ж. п., что составляло 5,1% русского мужского и 2,6% всего, включая ясачных, населения региона, что было в два раза выше соответствующего общероссийского показателя¹¹⁰.

На протяжении всего изучаемого периода центральное правительство настойчиво пыталось перенести за Урал аппарат местного управления абсолютистского крепостнического государства. Эта задача крайне осложнялась специфическими местными факторами экологического, демографического, социально-экономического и политического характера. Наличие огромных слабо заселенных и неосвоенных пространств с разнообразными почвенно-климатическими условиями, продолжающаяся вольнонародная колонизация, которая впервые захватила острова Тихого океана и Северную Америку, интенсивная территориальная миграция и сословная подвижность сибиряков; комплексный характер их хозяйственных занятий, значительные этно-социальные и экономические различия внутри коренного населения, отсутствие дворян-помещиков, приграничное положение, — все это плохо вписывалось в «прокрустово ложе» общей российской государственности,

которая в XVIII в. переживала процесс бюрократизации. Корректирование общих установок местными восточно-сибирскими условиями и факторами шло со стороны властей главным образом по линии поисков наиболее пригодной для решения основных классовых задач территориальной организации имеющихся общегосударственных органов местного управления, а также управленческого обособления самых доходных отраслей государственного сектора. Помимо традиционного административно-территориального деления на губернии и уезды в Восточной Сибири сохранялись в течение XVIII — нач. XIX в. такие управленческие звенья, как «провинция-область», «дистрикт-комиссарство», до 60—80-х гг. — «присуд-волость» во главе с назначаемыми чиновниками в классных рангах, а в присудах — представителями верхушки сибирского казачества (с 60-х гг. — отставными унтер-офицерами). На 20 лет раньше, чем во всей Сибири, трудовое население Иркутской губернии добывается ликвидации в присудах назначаемых приказчиков. Эти низовые административно-территориальные единицы полностью стали сословно самоуправляемыми, то есть превратились в сложные волостные общины во главе с «волостными судами», а с 1797 г. — волостными правлениями. Таким образом, только официально-юридически процесс формирования типичных для русской казенной деревни территориальных фискально-полицейских союзов земледельцев затянулся в Сибири более чем на 200 лет из-за обилия свободных земель, пестрого сословного состава сельских жителей, обилия переселенцев и ссыльных, рассредоточения земледельцев по малым деревушкам и однодворкам при вольнозахватном способе приобретения земель и заимочной форме их освоения. Окончательно установленное в 80-х гг. вслед за городским сельское волостное самоуправление стало основой введенного губернской реформой 1775 г. сословного представительства в уездном и частично губернском звеньях местного управления. В условиях Восточной Сибири местное сословное представительство могло оказаться более действенным, чем это планировалось правительством Екатерины II, в охранительных целях пошедшим на этот шаг в условиях нарастания кризиса всего феодально-крепостнического строя. Поэтому, хотя преемники Екатерины II еще сильнее урезали ограниченный допуск в низовые эшелоны управления имущей верхушки города и деревни, до второй четверти XIX в. за Енисеем сохранялось не двух-

членное, а четырехчленное деление общих органов местного управления по губерниям, провинциям (областям), приморским правлениям — уездам (округам) и комиссарствам, которые непосредственно возглавляли классные чиновники-дворяне.

Имелись особенности и в соотношении общего и отраслевого управления. По стране после преждевременной и утопичной попытки Петра I ввести чисто ведомственное управление и разделение властей в центральном и местном звеньях государственного аппарата общие органы местной администрации фактически полностью подчинили себе ведомственные учреждения на местах. При этом введенная в 80—90-е гг. специализация местного управления даже сопровождалась известной децентрализацией¹¹¹.

На зауральской окраине в силу незавершенности в течение XVIII в. процесса присоединения и первичного освоения северо-восточной Азии, Камчатки, Северной Америки и необходимости обеспечения национальных интересов в этих районах и на южных рубежах местные подразделения военного ведомства долго подменяли общегражданские органы. Так было в зоне сибирских военных линий, приграничном Селенгинском уезде, приморском Охотском крае и на Камчатке. Значительной автономией обладали давшие огромные доходы казне Нерчинский горный округ, а с 60-х гг., после высвобождения из-под опеки военных властей, — администрация Кяхтинской пограничной таможни. Однако эта ведомственная форма управления носила феодальный дворцово-вотчинный характер. Военные и горные власти на подведомственных территориях занимались всеми управленческими вопросами, то есть были однотипны общим органам местного управления.

Для всей России уникальным являлось управление Алеутскими, Курильскими островами и Северной Америкой, где как государственные, так и частнопредпринимательские интересы представляли промысловые артели, а с конца XVIII в. — администрация частной (с начала XIX в. — смешанной) по капиталам Российско-Американской компании. В истории управления Восточной Сибирью XVIII — нач. XIX вв. ярко проявилось присущее позднефеодальной государственности свойство развиваться одновременно и параллельно в разнохарактерных и зачастую противоречивых направлениях. Наряду с процессом бюрократического централизма и кристаллизацией ведомственности одновременно несколько усилилась

децентрализация местного общего управления, которая так весомо обнаружила себя в период генерал-губернаторства в Сибири Б. И. Пестеля и его ставленника в Иркутской губернии А. И. Трескина. Весь местный аппарат общего и отраслевого управления последовательно военизировался, но в то же время развивался в сторону расширения низового самоуправления, введения местного сословного представительства и вовлечения в сферу управления общественных сил.

В целом изменения административно-территориального деления и управления Восточной Сибирью XVIII — нач. XIX вв., повторяя общую эволюцию местного звена государственности всей страны, отражали многие существенные черты развития этой заенисейской окраины. Выросшая в десятки раз абсолютная численность местной бюрократии и ее повышающийся удельный вес во всем населении обнаруживают высокие темпы развития как экономической, так и социально-политической инфраструктур государственного сектора Восточной Сибири в период начала и усиления кризиса феодально-крепостнического строя в стране. Однако успешное их функционирование и эффективность решения поставленных задач во многом зависели от личного состава чиновников, в первую очередь с классными чинами и рангами.

ГЛАВА II ФОРМИРОВАНИЕ И ЛИЧНЫЙ СОСТАВ КЛАССНОЙ ГРАЖДАНСКОЙ БЮРОКРАТИИ

Феодальный управленческий аппарат обычно состоял из трех групп. Первые две образованы прямо входящими в свои сословия представителями господствующего класса и выбранной администрацией из трудовых сословий. Третья группа была представлена рано обособившимся от общей сословной структуры служебным слоем, постоянно занятым в сфере управления на государственном содержании (министерiales). На разных стадиях формационного саморазвития феодализма количественное соотношение и роль этих трех слагаемых личного состава государственного аппарата были неодинаковыми.

С развитием товарно-денежных отношений и возникновением еще в мануфактурной форме крупного товарного произ-

водства резко возросшие размеры общественного продукта и объем феодальной ренты переставали жестко лимитировать численность занятых в государственно-управленческой сфере лиц. На позднефеодальной стадии аппарат публичной власти быстро количественно растет и структурно усложняется. Он превращается в централизованный, отраслевой и бюрократический аппарат, то есть состоящий главным образом из внесловных профессионально занятых в сфере управления чиновников на казенном денежном содержании. Верхушка этого иерархически организованного управленческого слоя входила в господствующий класс (во Франции она называлась, например, дворянство мантии), но в целом бюрократия была, как отмечали классики марксизма-ленинизма, учреждением чисто буржуазным¹. Пока молодая буржуазия набиралась сил, бюрократия, как и регулярная армия, исправно обслуживала нужды феодального централизованного государства, ставшего уже абсолютистским. Резко возрастала относительная самостоятельность политики абсолютизма по отношению к господствующему классу страны и его отдельным группам. В таком феодально-абсолютистском государстве, выросшем на классово чуждой раннебуржуазной основе, большинство традиционных феодалов-землевладельцев уже освобождалось от непосредственного и обязательного участия в работе управленческого аппарата как старинной вассальной обязанности. Представителями публичной власти, и то с урезанными правами, они оставались только для населения своих вотчин. Прежнее же сословное представительство сменялось буржуазным парламентаризмом.

В России в силу своеобразия конкретно-исторических путей образования и развития централизованной монархии восточноевропейского типа² процесс государственной бюрократизации, функционального и общественного обособления управленческого слоя от господствующего класса надолго растянулся и носил противоречивый характер. Длительное время централизация и бюрократизация страны шли в основном на феодально-крепостнической основе. Необходимые средства для создания аппарата власти и управления централизованно-бюрократического типа и регулярной армии как его продолжения правящий класс получал главным образом не от сектора отечественной экономики раннебуржуазного типа, развитие которого сильно затянулось, а за счет установления и укрепления общегосударственного режима крепостнической эксплуатации, а также активного распространения феодализма

«вширь» на богатейшие окраины страны. Поэтому присваиваемая доля общественного совокупного продукта, идущая на нужды управления, была недостаточной, что заставляло центральную власть не только сохранять, но и усиливать обязательность государственной службы для всех слоев феодалов-землевладельцев, которые прямо назывались «служилыми людьми по отечеству». Одновременно увеличивался и служебный слой вольнонабранных на казенную службу лиц, составивших «служилых людей по прибору». Все более заметными становились и приказные чины. Вместе с тем, особенно со второй половины XVII в., крепла другая тенденция. Утверждение с конца XVI в. крепостнического типа феодальных отношений в качестве ведущего и его сохранение на позднефеодальной стадии, что в типологическом плане являлось уже анахронизмом, в условиях развития товарно-денежных отношений приводило, в частности, к усилению хозяйственной активности феодалов, росту барщины, расширению прав на землю и крестьян. Это нашло юридическое воплощение в Соборном уложении 1649 г., указе о единонаследии 1714 г. и других законодательных актах. Превращение вооруженных сил в регулярную армию, причем сначала преимущественно в наемную, тоже частично высвобождало «служилых людей по отечеству» от традиционной обязательной военной службы. Однако феодально-крепостническая система с ее жестким сословным строем сильно тормозила процесс выделения в тогдашнем обществе служебного слоя приказной и чиновничьей бюрократии, которая сменяла в гражданском и военном ведомствах представителей правящего класса, а также ненадежных в классовом отношении выборных в администрации лиц из податного населения. Особенно остро столкнулся с этой проблемой Петр I, который с неукротимой энергией пытался в полном объеме решить важнейшую общенациональную задачу ликвидации относительной, культурно-экономической отсталости России от самых развитых западно-европейских стран, ставших на путь буржуазного развития. Объективно прогрессивные преобразования Петра I, которого Ф. Энгельс называл «действительно великим человеком»³, подготавливали условия для буржуазного развития страны, хотя существующий социальный порядок укрепился, а положение господствующего класса упрочилось. Эта неизбежная в тогдашних конкретно-исторических условиях противоречивость реформ первой четверти XVIII в. была отмечена В. И. Лениным, который писал, что «...Петр ускорял перенимание западничества вар-

варской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства»⁴. Противоречивым оказался и подход центральной власти к правящему классу. С одной стороны, расширились права дворян на землю и крестьян, хотя и с майоратными ограничениями, а частно-крепостнический режим распространился на новые десятки тысяч бывших черносошных крестьян. С другой стороны, Петр I, вынужденный использовать дворянство в качестве главного орудия реализации преобразований, настойчиво европеизирует его, не ограничиваясь обрезанием бород и длинных боярских шуб, обучением грамоте и западному «политесу». В указном порядке впрягая всех дворян страны в пожизненную лямку гражданской и военной службы, царь-реформатор добивался превращения их в знающих грамотных офицеров армии и флота, в организаторов казенных фабрик и заводов, специалистов горного дела, металлургического производства, наконец, в радеющих об «общенародной пользе» гражданских администраторов.

Введением раздач земель с крестьянами только за служебное отличие, предоставлением дворянского статуса за успешную службу всем выходцам из непривилегированных и трудовых сословий, и суровыми карами против «нетчиков» Петр I, по существу, вводил новый, чисто служебный критерий принадлежности к дворянскому сословию, по которому подлинное дворянство в экономическом и юридическом смысле давала не «порода», а успешная государственная служба, то есть заслуга и выслуга. Этим все дворянство бюрократизировалось, а ведущий должностной слой военно-гражданской бюрократии, благодаря разомкнутым сословным рамкам российского шляхетства, одворянивался. Так, весь офицерский корпус полностью, а гражданские чиновники — от VIII ранга и выше по «Табели о рангах» 1722 г. потомственно оказывались в рядах «благородного» сословия. Природные же дворяне-землевладельцы, которые не подтверждали по службе своим чином-рангом шляхетства или совсем не служили, после указа о вольности дворянства 1762 г. официально несколько ущемлялись в политических правах и должны были подвергаться общественному порицанию со стороны своих местных дворянских корпораций. Например, по губернской реформе 1775 г. и «Жалованной грамоте дворянству» 1785 г. такие дворяне получали только право совещательного голоса и не могли избираться на должности в местные уездные и губернские учреждения.

В первую очередь через бюрократизацию всего дворянского класса-сословия Петр I в функционально-структурном, а вернее в техническом, отношении пытался создать на буржуазный лад организованный и хорошо отлаженный государственный аппарат власти и управления с его отраслевой специализацией, разделением властей и бюрократическим централизмом. Однако начатый Петром I с использованием буржуазных принципов процесс формирования вместо прежних наследственно замкнутых разрядов «служилых людей по отечеству» нового служебного военно-бюрократизированного дворянства со времен дворцовых переворотов под прямым давлением самого дворянства во многом пошел в ином направлении. В принципах воспроизводства российского шляхетства все в большей степени реабилитируется «порода», а обязанности превращаются в узкосословные привилегии. В частности, отношение дворянства к государственной службе из «брака поневоле» изменяется в «союз по любви» и в «брак по расчету» у крупнопоместных или беспоместных дворян. После известного указа Петра III «О вольности дворянства» от 18 февраля 1762 г. деление господствующего класса на служилое и несслужилое дворянство стало юридическим фактом. Из обязанности служба стала общественным и морально-этическим долгом, а также сословной привилегией занимать командные посты. Губернской реформой 1775 г. все провинциальные дворяне стали в потенции выборными и назначаемыми чиновниками местных управленческих звеньев. Павел I вообще отменил прежние дворянские вольности по отношению к государственной службе, вновь объявив ее обязательной. Однако молодой Александр I, перешагнув по дороге к трону даже через труп умершвленного заговорщиками отца, поспешил подтвердить дарованные его бабушкой Екатериной II дворянские привилегии. Вместе с тем идея обязательной службы «благородного» сословия как общественного и морально-этического долга, предполагавшая в принципе полное слияние несслужилой части дворянского класса с его военно-бюрократической прослойкой, облеченная в псевдопатриотический флер служения царю и отечеству, по-прежнему сохранялась и настойчиво проводилась во внутренней политике царизма.

В условиях нарастающего разложения и кризиса феодального строя, сокрушительно воздействовавшего на землевладельцев-крепостников, политическая организация страны эволюционизировала от «просвещенного» абсолютизма Екатерины II через консервативно-романтический деспотизм

Павла I и сомнительный двоедушный либерализм Александра I к охранительному царизму Николая I. Но на протяжении всех этих тактических поисков оптимальной для узкоклассовых задач внутренней политики верховная власть именно в военно-бюрократическом дворянстве видела наиболее организованную, надежную и послушную силу, способную в полном объеме сохранить незыблемым сословный строй и исключительные привилегии «благородного» всероссийского дворянства, возглавляемого первыми дворянами страны — царской фамилией Романовых. Поэтому все более актуальной с середины XVIII в. задачей становилась забота о сословной чистоте дворянской бюрократии. Дорога в обетованный шляхетский рай, открываемый, как известно, получением ранга коллежского асессора VIII класса на гражданской службе и чином прапорщика — на военной, делалась все более длинной. У очень многих выходцев из «разных чинов» и личных дворян она терялась в многоступенчатых чинах, дающих только личное дворянство, или с 1788 г. обуславливалась пожизненной службой в армии. Этот разряд личных дворян, статус которого неуклонно снижался, стал своеобразным фильтром, в котором накапливались многие нежелательные по «породе», несмотря на нередко высокие деловые качества, выходцы из разночинной и податной среды. Мало того, со второй четверти XVIII в. даже достигших штаб-офицерских чинов разночинцев ограничили в главном сословном праве потомственных дворян владеть населенными землями. В свою очередь, положение личного дворянина было предметом вожелений как бесклассных чиновников от пищика до канцеляриста многочисленных канцелярий, контор, экспедиций, уездных и земских судов, так и нижних чинов регулярной армии. Со времен Екатерины II распространяется практика допущения временного должностного дворянства различным «зауряд-секретарям» и даже некоторым выборным членам городского самоуправления. Их утверждали на классных должностях, дающих право на чин и статус личных дворян, платили штатное жалованье, но не присваивали соответствующий чин-ранг.

Несмотря на в целом ужесточившиеся требования к сословному происхождению классных чиновников, твердые сроки чинопроизводства по выслуге лет, должностное жалованье, возможности получения дополнительных, хотя и незаконных, выгод от службы, — все это привлекало к государственной службе разночинцев и податных лиц, порождало обманчивую для подавляющего большинства надежду на получение клас-

сных чинов и даже достижение верхних ступеней существующей пирамиды должностей, рангов и чинов. Некоторым же, наиболее гибким и способным, удавалось достичь поставленной цели. Так, по данным С. М. Троицкого, в местном управлении страны в 1755 г. только 14,11% всех чиновников составляли природные дворяне, а 18,33% имели классные чины. На долю недворян приходилось 42,2% всех классных чиновников, но если им был каждый девятый из чиновников разночинного происхождения, то из каждого четырех дворян-чиновников трое были в классных рангах⁵.

Российская феодального типа бюрократия от верхнего до нижнего слоя была целиком зависимой от центральной власти, а потому послушным орудием и средством эксплуатации и управления низами страны. Чиновничество являлось важной социальной опорой царизма. Особенно четко функция агентов центральной власти и проводников корпоративных интересов господствующего класса страны проявлялась у военно-гражданской бюрократии тех районов, где отсутствовали дворяне-помещики. Одним из таких районов была огромная Сибирь.

В задачи данного раздела входит выявление особенностей путей формирования коронной классной бюрократии гражданского ведомства Восточной Сибири XVIII — нач. XIX вв., социально-сословного происхождения, возрастного состава, семейного положения, служебных и территориальных перемещений, наконец, степени служебной пригодности этих чиновников. Освещение этих вопросов раскрывает как бы с технической стороны характер восточно-сибирского подразделения общей классной бюрократии страны и дает представление об уровне и характере кадровых возможностей российского абсолютизма, насаждавшего на самой отдаленной восточной окраине казенно-феодалные формы эксплуатации русского трудового и ясачного населения.

В названных аспектах и вообще в целом тема «Дворянство и бюрократия Сибири XVIII — нач. XIX вв.» практически не изучалась, хотя конкретный разрозненный материал встречается в дооктябрьской и советской литературе. В являющихся также историографическим источником городских летописях, которые дошли до нашего времени в различных редакциях конца XVIII—XIX вв., приводятся перечни воевод, комендантов и губернаторов, обычно с лаконичной, но иногда емкой служебной и личной характеристикой⁶. Более бедный и нейтральный поданный материал по личному составу классной администрации содержится в служебных записках, топогра-

фических описаниях наместничеств, губерний и уездов⁷. Одно- типные летописным, но более эмоционально поданные сведения о бюрократии встречаются в личных летописях, записках и воспоминаниях отдельных чиновников, офицеров и их близких, относящихся к концу XVIII — перв. пол. XIX вв.⁸ Яркий, но несколько односторонний материал о злоупотреблениях сибирской администрации приводится в путевых записках и описаниях ученых путешественников Д. Г. Мессершмидта, И. Г. Гмелина, П. С. Палласа, И. Г. Георги, руководителей морских секретных экспедиций второй половины XVIII в., посольства в Китай графа Ю. А. Головкина. Отрывочные дан- ные по чиновникам отдельных районов и ведомств сообщаются в краеведческих работах по истории Забайкалья, Якутии, Камчатки и Охотского порта, горного дела, образования, здравоохранения и культуры⁹. В общих трудах по истории Сибири П. А. Словцова, В. К. Андриевича, Ю. А. Гагемейстера сугубо описательно и эпизодично затрагиваются вопросы чиновничества, условий службы и деловых качеств в ос- новном приезжих чиновников.

В советской исторической литературе ценные биографи- ческие данные и сведения о служебной деятельности отдель- ных чиновников заенисейской Сибири XVIII — нач. XIX вв. содержатся в работах по истории управления, ссылки, великих географических открытий в Тихом океане и Северной Америке, научного изучения региона, культуры, литературы, просвеще- ния и здравоохранения¹⁰. Особенно интересны в этом плане книги биографического жанра¹¹. Специально же личному составу и путям формирования сибирской бюрократии сере- дины XVIII в. посвящена одна статья С. М. Троицкого¹². Интересные данные об администрации Илимского (позже Киренского) уезда до 90-х гг. XVIII в. приводятся в капиталь- ном исследовании В. Н. Шерстобоева¹³. Особый параграф своего диссертационного исследования Л. С. Рафиенко отвела социальному составу органов управления Сибири в 20—80-е гг. XVIII в.¹⁴ Автор данных строк тоже обращался к этим сю- жетам на материале Приенисейского края и всей Сибири¹⁵.

Основными массовыми источниками данного раздела яв- ляются материалы переписи чиновников всей страны середины 50-х гг. XVIII в., впервые введенные в научный оборот С. М. Троицким; формулярные послужные списки гражданских чиновников на классных должностях и приказных (по При- енисейскому краю за 1791, 1797 и 1810 гг.; по Иркутской гу- бернии за 1772 и 1799 гг.; по Нерчинскому горному округу

за 1802 г.; по землемерам Кольванского и Иркутского намест- ничеств за 1789 и 1802 гг.). Интересные данные содержатся в комплексе материалов Сибирского приказа по назначению в Сибирь воевод в 1737—1752 гг. и деле по комплектованию штата классных чиновников Иркутского наместничества (см. далее). В материалах второй, третьей, четвертой и пятой подушных переписей русского населения Восточной Сибири указаны дворовые и их владельцы, причем в первичных ревиз- ских сказках, например, в четвертую и пятую переписи по Енисейску, сообщаются ценные сведения об источниках при- обретения этих несвободных людей. Из опубликованных ис- точников, кроме городских летописей, выделяются обработан- ный в целом еще Ю. В. Готье «Список военных чинов» за 1720—1752 гг. XVIII в., назначенных после отставки на граж- данскую службу; печатные, помещенные в ПСЗ и вышедшие отдельными изданиями, штаты Иркутской и Тобольской губер- ний за 1764, 1783, 1797, 1802—1805 гг., а также публикуемые в «Месяцесловах» росписи классных чиновников Российской империи.

2.1. ФОРМИРОВАНИЕ КЛАССНОЙ БЮРОКРАТИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В.

В петровское время правительство подходило к бюрократии достаточно утилитарно, не выдерживая введенное Петром I правило, чтобы 1/3 вступающих на государственную службу дворян шла в гражданское ведомство. Северная война, как ненасытный молох, требовала все больше и больше людей, поэтому для гражданской службы оставались либо лица, по каким-то причинам избежавшие военной службы или неспо- собные к ней, либо отставные военные. Среди администрации Восточной Сибири служивших только по гражданскому ве- домству можно было узнать по таким разрядным званиям XVII в., как стольники, окольничие и московские дворяне, так как пришедшие из армии уже именовались дополнительно к прежним по новым чином или только по военному чину и занимаемой должности. Подсчеты по имеющимся спискам воевод Енисейска, Иркутска и Якутска за первую четверть XVIII в. показывают, что Сибирский приказ, а после его отме- ны Герольдмейстерская контора Сената старались выдерживать старое, унаследованное от XVII в. правило посылать на

ведущие в местном управлении воеводские должности «служилых людей по отчеству» из столичных и дворцовых чинов. Так, из 22 сибирских воевод первой четверти XVIII в., в том числе енисейских — 4, якутских — 3, иркутских — 2, стольниками были 9 человек, а 4 — с военными чинами. Кроме того, среди 5 человек, у которых не были указаны ни сословный статус, ни должность, тоже могли быть родовитые дворяне¹⁶. Вместе с тем распространяется практика назначения на воеводские должности, хотя и с оговоркой, что временно, местных служилых людей. Например, в отдаленном Якутске такие случаи в первой четверти XVIII в. встретились трижды. Отставные военные на воеводских и других должностях стали заметными с начала 20-х гг., когда окончилась Северная война и перед правительством встала нелегкая задача определить состав армии и средства содержания ее в мирное время.

Представление о личном составе ведущих чиновников и воевод 20—30-х гг. XVIII в. из отставных офицеров дает опубликованный из дел Герольдмейстерской конторы «Список военным чинам первой половины XVIII столетия»¹⁷, содержащий 585 имен генералитета и штаб-офицеров, которые проходили общегосударственный смотр в 1721—1722 гг. и разборы до 1738 г., были в большинстве своем отставлены с военной службы и переданы, как правило, в распоряжение Герольдмейстерской конторы для использования по гражданскому ведомству. В «Списке» отмечали чин или ранг, указывали фамилию, имя, отчество, возраст, количество и место нахождения душ или дворов крепостных крестьян, наличие детей мужского пола и их служб, время выхода в отставку или отсылки к «лучшим» гражданским делам, смотра и разбора отставных Герольдмейстерской конторой, время назначения и состав прошедших через контору служб откомандированных и отставных офицеров, мотивы, время и срок «домашних отпусков». «Список» составлялся в разное время разными людьми, поэтому единая форма документа не выдержана — не везде отмечено наличие детей, иногда опущены названия уездов, где находились крепостные крестьяне. Количество крепостных душ по смотру 1722 г. указывалось в дворах. Не всегда точно отмечено время смерти и источник этой информации. Против отдельных фамилий стоят более поздние пометы о дальнейшей службе, времени смерти, назван источник этой информации. Самая поздняя из помет датируется 1752 г. Служебные перемещения на местах посланных в Сибирь дворян по «Списку» не отмечались, ибо они шли, как

правило, помимо Герольдмейстерской конторы. Потребовалось привлечение других источников, чтобы выяснить, кто же именно, когда и в каких должностях действительно нес службу за Уралом. Всего было направлено в Сибирь 34 человека (23 — общего смотра 1722 г., по 2 — разборов в 1734, 1737 и 1738 гг., по одному — разборов в 1725, 1726, 1729, 1730 и 1731 гг.). Из них для определения в сибирские города в воеводы назначили 7 чел., в распоряжение губернатора «для определения к делам Сибирской губернии» 17 чел. Кроме того, десять человек получили прямые назначения в губернские учреждения на ведущие должности губернатора, президента, вице-президента, ассессора надворного суда, вице-губернатора Иркутской провинции¹⁸.

В Восточной Сибири из этих 34 человек оказались лишь шестеро¹⁹: Полковник Андриан Тимофеевич Возницын, 57 лет, мелкопоместный владелец в Вяземском уезде семи дворов крепостных крестьян, был отставлен Военной коллегией от военной службы 4 января 1722 г. и прибыл в распоряжение Герольдмейстерской конторы. Однако через два месяца на смотре его признали годным к продолжению службы и отослали обратно. Военная коллегия проявила характер, и 3 августа 1722 г. А. Т. Возницын снова прибыл в Сенатскую контору. В это время готовился указ об учреждении в Сибирской губернии надворных судов в Тобольске и Енисейске. По именному указу и приговору Сената от 17 августа 1722 г. Возницына назначили президентом Енисейского надворного суда, которому было подсудно население всей Восточной Сибири²⁰.

Вице-президентом этого же суда был определен одновременно с Возницыным подполковник Григорий Тимофеевич Опухтин, 46 лет, владелец 10 крестьянских дворов в Болховском и Елецком уездах, бездетный. В одни и те же дни, что и Возницын, он был отставлен, проходил смотр и получил назначение. Попав в валовый список кандидатов на гражданские должности, Опухтин два месяца был в Военной коллегии «для свидетельства ранга», то есть прошел своеобразную переекспертацию, получил тот же чин, а затем до августа ждал назначения в Сенате. После смерти Возницына в 1726 г. обязанности президента Енисейского надворного суда перешли Опухтину. При ликвидации в 1727 г. этого учреждения он поступил в распоряжение Сибирской губернской канцелярии, которая назначила его енисейским провинциальным воеводой. Отбыв положенный двухлетний срок, Опухтин, вероятно, все последующее время до своей смерти в 1734 г. находился при

счете в Тобольске, ибо на его место был прислан на год кавалергард и капитан Михаил Дмитриевич Полуэктов²¹. Эти внутрисибирские изменения в службе Опухтина не нашли отражения в «Списке» Герольдмейстерской конторы, где имеется лишь одна помета: «Умер в 1734 г. Сказал полковой квартирмейстер Петр Опухтин».

Полковник Андрей Григорьевич Плещеев, владелиц 69 крестьянских дворов в Московском, Арамаасском, Суздальском, Новоторжском, Ярославском, Переяслав-Залесском, Галицком, Симбирском и Пошехонском уездах, 52 лет, был 12 марта 1729 г. отставлен от службы «за старостью и болезнью». Его сыну Матвею было в это время всего 5 лет. Довольно быстро, через 9 дней после отставки, Плещеева «по смотру и приговору Сената» написали в валовый список кандидатов, отпустив «домой до указа» на два года. Через 1,5 года его назначили воеводой Псковской провинции, а в конце 1732 г. освободили от этой должности. В связи с начавшимся следствием над первым иркутским вице-губернатором А. Жолобовым и скоростижной смертью его преемника Сытина Сенатской резолюцией от 31 июля 1733 г. на это место определили А. Г. Плещеева. Однако около 1,5 лет он не мог вступить в должность из-за противодействия самодура Жолобова, которого поддерживал сибирский губернатор А. Л. Плещеев²². Как свидетельствует Иркутская летопись, А. Г. Плещеев «был в канцелярских делах несведущ, вспылчив и корыстолюбив, промышленных и торговых людей за не дачу подарков драл плетью, притеснял приказных служителей; приверженцев же своих любил постоянно угощать и поить разными винами допьяна»²³. А. Г. Плещеев постоянно конфликтовал с местным епископом, угрожал ему физической расправой. По преданиям иркутян, их ссора дошла даже до артиллерийской дуэли: епископ стрелял из пушек Вознесенского монастыря с левой, а вице-губернатор из города — с правой стороны Ангара²⁴. Через три года в 1736 г., когда Иркутская провинция стала прямо подчиняться Сибирскому приказу, минуя Тобольск, А. Г. Плещеева заменили Алексеем Бибиковым, бывшим вице-президентом Мануфактур-коллегии²⁵. «В товарищи к нему был 16 апреля определен 52-летний подполковник Илья Иванович Пашков, который после отставки в январе 1722 г. восемь лет с конца сентября того же года по 1730 г. пробыл в г. Стародубе комендантом, так и не выслужив обещанный чин полковника. Судя по отсутствию крепостных

крестьян и семьи, И. И. Пашков по происхождению мог и не быть потомственным дворянином.

Последним из направленных в Восточную Сибирь в эти годы был майор Григорий Поликарпович Колюбакин, 57 лет, вышедший в отставку по указу Военной коллегии от 14 декабря 1721 г. Он был из дворян, владел семью дворами крепостных крестьян в Боровском и Галицком уездах. Судя по возрасту сыновей (Петру — 8, Александру — 7 лет), как и многие офицеры петровского времени, Г. П. Колюбакин поздно обзавелся семьей. На смотре в марте 1722 г. его включили в валовый список, а через полгода послали «в Сибирь к делам, а у каких ему дел быть, о том учинит определение сибирский губернатор», как гласил Сенатский приговор. Нет сведений, чем занимался Г. П. Колюбакин пять лет. Скорее всего, он был чиновником одного из губернских учреждений, закрытых в 1726 г. Судя по посланной из Сибирской губернии в Герольдмейстерскую контору ведомости, где он показан определенным с 26 июля 1727 г. в небольшой уездный Красноярск «управителем», деловые качества майора Г. П. Колюбакина на гражданской службе оценивались невысоко. При нем в 1728 г. закончился пересмотр основных повинностей землевладельцев в уезде. Часть пашенных крестьян перевели с казенной пашни на хлебный оброк, остальным изменили размеры «государевой пашни», а также переоброчили земледельцев других сословий, вносивших за земли отсыпной пятинный провиант. Служба в Красноярске оказалась для Колюбакина последней — в 1731 г. он умер²⁶.

Особо следует остановиться на истории И. Д. Бухольца. Подполковник Иван Дмитриевич «Бухолцов» (Бухольц), владелиц 50 дворов, 49 лет, прибыл в распоряжение Герольдмейстерской конторы 15 января 1722 г., на смотре через два месяца был признан годным «к лучшему делу» и оставлен в войсках. 19 августа того же года состоялся приговор Сената об отправке его «с полком из Сибирской губернии к китайской границе». Именным указом от 18 ноября 1731 г. был назначен комендантом Селенгинского уезда. Умер в этой должности в 1735 г. По «Списку» в бригадиры его представила Военная коллегия в 1733 г., а по ведомости из Иркутской провинциальной канцелярии — в 1731 г.²⁷ Известно, что И. Д. Бухольц раньше бывал в Сибири. Из гвардии капитанов по указу Петра I его в 1714 г. перевели в армейские подполковники и поставили во главе экспедиции, состоящей из двух полков и батальона, для поисков яркендского «песочного

золота». Экспедиция не выполнила своей задачи, и И. Д. Бухольца в 1717 г. отозвали в Петербург²⁸.

Среди назначаемых на службу в Сибирь дворян преобладали сравнительно пожилые по тем временам люди — старше 50 лет, всего 25 из 34 (табл. 3). Это же было присуще всему чиновничеству страны²⁹, так как правительство стремилось максимально использовать отставных офицеров, имевших значительный житейский опыт и навыки распоряжения людьми. На гражданскую службу, несмотря на специальный смотр в Герольдмейстерской конторе, нередко определялись старые, хворые и увечные. Так, из 16 назначенных, но не попавших к «сибирским делам», 7 умерло в течение трех лет, не приступая к службе.

Несмотря на возраст, семейных было немного, что характерно для офицерского корпуса первой трети XVIII в. У 20 человек не было совсем детей м. п., семеро имели по одному сыну, шестеро — по два, а троих имел лишь один.

По социальному происхождению почти все назначенные чиновники были дворянами, владеющими поместьями с кре-

Таблица 3

Чины, возраст и имущественное положение назначенных в Сибирь на службу отставных офицеров в 1722—1738 гг.

Основные показатели положения офицеров	Всего назначенных	Действительно служивших	
		из них в Сибири	в том числе в Восточной Сибири
Последний офицерский чин			
бригадир	1	1	1
полковник	5	1	1
подполковник	17	8	3
майор	11	6	1
Возраст			
от 40 до 50	9	4	2
от 50 до 60	20	10	4
от 60 и более	5	3	—
Наличие крепостных			
отсутствуют	4	4	1
от 1 до 10 душ	1	1	—
до 50 душ	7	6	3
до 100 душ	8	2	—
до 500 душ	10	4	2
свыше 500 душ	4	1	—

Примечание. Сенатский архив, СПб, 1895, т. VII, с. 636—811. Подсчет наш. В одном дворе считалось 3 р. д.

постными крестьянами. Беспоместными оказались только четверо, причем двое из них были дошедшие до штаб-офицерских чинов сибиряки. Полковник Федот Алексеевич Матигоров, отставленный в возрасте 67 лет от воинской службы 10 мая 1735 г., происходил из «сибирских детей боярских». Семья его жила в Тобольске, сын Петр служил там в «сибирских дворянах». По смотру и приговору Сената, через две недели после прибытия в Герольдмейстерскую контору, Ф. А. Матигорова написали «к делам в Сибирь» в распоряжение губернатора. Однако в том же 1735 г. он умер.

Из семьи тобольского купца вышел секунд-майор Петр Артемьевич Топорков, который 4 августа 1737 г. 60-летним был отставлен Военной коллегией от военной службы «за старостью, дряхлостью, шумством и за чахотную болезнью, и что в правом паху грыжа; и хотя за шумства надлежало его, Топоркова, унизить рангом, но за долговременную службу то ему отставлено и прислан в Герольдмейстерскую контору». Дело Топоркова решилось так же быстро, как и Матигорова, — через 13 дней состоялся приговор Сената об отсылке его «к делам в Сибирскую губернию»³⁰.

Судьба этих двух единственных сибиряков из 575 офицеров общего «Списка» весьма показательна. В эти десятилетия и позже центральное правительство в нарушение своего правила не назначать чиновников в те губернии и уезды, откуда они сами родом и имеют поместья, обычно направляло на родину «для лучших дел» непригодных к строевой военной службе офицеров-сибиряков. Хорошее знание отдаленного сибирского края повышало их деловые качества и перевешивало, по мнению властей, опасения служебных злоупотреблений. Из этих же соображений исходила Герольдмейстерская контора, когда назначала на гражданскую службу в Сибирь отставных офицеров, служивших в ней ранее или проведенных в ней при родителях детские и отроческие годы. Так, майор Яков Львович Вельяминов-Зернов, владелец 25 крестьянских дворов в Ржевском и Владимирском уездах, бездетный, участвовал в экспедиции И. Д. Бухольца и командовал гарнизоном ново-построенной Ямышевской крепости³¹. Прибыв на смотр в Герольдмейстерскую контору 23 декабря 1721 г., он в возрасте 59 лет был 5 марта 1722 г. определен к «коллежским делам» и отправлен в Военную коллегию для «свидетельствования рангом». Из Военной коллегии Я. Л. Вельяминов-Зернов вернулся 15 июля с повышением в ранге подполковника, что было в те годы большой редкостью, и через неделю «пущен

в валовый список» кандидатов³². В 1723 г. он направлен в знакомое ему южное Прииртышье комендантом новой Семипалатинской крепости³³, с августа 1725 г. находится у дел в Сибирской губернии. Последнее назначение, отмеченное в «Списке» Я. Л. Вельяминова-Зернова, одного из немногих дворян, которые после «сибирской посылки» вернулись назад в Европейскую Россию, было «во Ржев-Владимирову воеводой», хотя именно в Ржевском уезде, которым он управлял с 1729 г. по 1731 г., были его крепостные крестьяне. Скорее всего это нетипичное возвращение и новое назначение вопреки принятому порядку следует объяснить принадлежностью Я. Л. Вельяминова-Зернова к старинному знатному дворянскому роду. Сибирских воевод из природных дворян обычно после отбытия двух-трехлетнего срока посылали воеводами в другие сибирские города, если они удовлетворительно отчитывались по финансовым делам, то есть проходили «счет» в губернском городе.

Российские дворяне, отправляемые на гражданскую службу в Сибирь, оказывались чаще всего малопоместными, хотя правительство на основные должности местного управления стремилось направлять выходцев из знатных или богатых фамилий. По табл. 3 видно, что 11 из 18 чиновников имели от 1 до 50 душ крепостных крестьян. Только подполковник А. Л. Плещеев, назначенный в 1730 г. губернатором Сибирской губернии, имел в разных российских уездах 388 крестьянских дворов³⁴. Совсем иная картина с размерами «крещеной» собственности у тех, кто все же избежал «сибирской посылки». Из 16 человек шестеро имело от 100 до 500, а трое свыше 500 крестьянских дворов. Судя по перечню последующих служебных назначений, такие крупные помещики, как майоры И. И. Бибиков (1070 р. д.), С. М. Шишкин (700 р. д. в пяти уездах), гвардии капитан-поручик Ф. Б. Глебов (170 дворов) освободились от службы в Сибири не по состоянию здоровья, а благодаря своему богатству и протекции³⁵.

В то время в Сибири, как и в других районах страны, даже ведущие должности в местном управлении занимались дворянами, не имеющими в подавляющем большинстве навыков административной работы. Так, из 34 офицеров, посылаемых в Сибирь, получили назначение к «штатским делам» вскоре после смотра и отставки 12 человек. К ним нужно прибавить еще 15 человек, которые после отставки числились больше года кандидатами в валовом списке или были отпущены в «домовой отпуск». Только пятеро чиновников до назначения в Сибирь

занимали в различных российских городах гражданские должности провинциальных и уездных воевод, а также ассессоров надворных судов, да отставной подполковник, а с 1728 г. тайный советник Алексей Львович Плещеев до назначения сибирским губернатором был президентом Штатс-конторы, а позже Камер-коллегии. Наконец, И. Д. Бухольц, оставаясь на военной службе и в штате Военной коллегии, в качестве коменданта пограничного Селенгинска объединял в своем лице военные и частично гражданские функции.

Материалы о формировании и социальном составе уездной дворянской бюрократии, в первую очередь воевод, в Восточной Сибири в 30—50-е гг. содержатся в «сказках» и послужных списках чиновников всех разрядов, собранных в ходе общей переписи чиновничества страны в 1754—1756 гг. Они легли в основу капитальных исследований С. М. Троицкого, посвященных истории русской и сибирской бюрократии первой половины XVIII в.³⁶ Эти данные удачно дополняются комплексом материалов о сибирских воеводах за 1737—1755 гг., который образовался в связи с известным именованным указом от 15 января 1739 г. об обязательной посылке в Сибирь воевод родом из знатного шляхетства³⁷. В фондах Сената и Герольдмейстерской конторы, Сибирского приказа и Сибирской губернской канцелярии отложились переписка по этому поводу; данные расследования по определению в должности 24-х отобранных кандидатов в сибирские воеводы; поименная ведомость 1755 г. Сибирского приказа о чиновниках, присланных в Сибирский приказ из Герольдмейстерской конторы для занятия воеводских должностей с 6 августа 1737 по 15 июля 1755 г. с указанием дальнейшей судьбы поступивших чиновников; перечень сибирских воевод на 10 сентября 1737 г. с указанием основания и времени вступления в должность; «Генеральный экстракт» от 12 сентября 1741 г. о местах управления Сибири, куда присылаются «воеводы и прочие управители» из центра или назначаются из губернских провинциальных канцелярий³⁸. Эти материалы позволяют судить о средней численности присылаемых чиновников, их служебных перемещениях и дальнейших судьбах.

Порядок определения в воеводы был таким же, как и назначения других чиновников классных должностей губернского или уездного ранга. Всего, по справке Сибирского Приказа, из Герольдмейстерской конторы с августа 1737 г. по июль 1755 г. было назначено в сибирские воеводы 86 человек. По отдельным же годам их поступление выглядело следующим

образом: ни одного человека не было назначено в 1741 и 1751 гг.; по одному — в 1740, 1745, 1746, 1754 гг.; по два — в 1737, 1742, 1748, 1750, 1755 гг.; 4 чел. — в 1744 г.; 5 чел. — в 1753 г.; 6 чел. — в 1752 г.; 12 чел. — в 1749 г.; 20 чел. — в 1743 г. и 25 чел. — в 1739 г.

Наибольшую активность Сенатская контора проявила, как видим, в 1739 г. после именного указа Сенату от 12 января 1739 г. «Об определении в Сибирской губернии воевод из шляхетства людей достаточного состояния и испытанной честности». Указ гласил: «Известно е. и. в., что во многих городах Сибирской губернии определены воеводами из тамошних обывателей, а именно ис купечества и казаков, и протчих тому подобных, которые браны в рекруты и дослужились офицерских рангов, в том числе и не имеющих грамоте, а иные, не служа в армии, написаны ис казаков во дворяне и воеводы, также и бывшие у некоторых персон в холопстве, да и такие, которые бывали в розысках и наказаниях, а потом через их происки воеводами же определены. И понеже иные люди к таким делам приискивают не для того, чтоб им труд и радение показать, но чтоб только самим обогатиться, и токо в управлении дел доброго порядка и пополнения государственных доходов ожидать от них невозможно, того ради е. и. в. указала во оную Сибирскую губернию выбрать воеводами из знатного шляхетства добрых и пожиточных и совестливых людей и росписав кому из них в котором городе быть, отправить туда без всякого замедления»³⁹.

Согласно Сенатскому указу назначить 24 отставных штаб-и обер-офицеров, Герольдмейстерская контора отобрала двух подполковников, 6 майоров, 11 капитанов и 5 поручиков, но из них через полгода в апреле 1740 г. явились в Сибирский Приказ лишь 2 человека, а 30 сентября 1741 г. только пятеро действительно приступили к воеводским обязанностям, в том числе двое в Восточной Сибири: майор М. Г. Валмасов в Енисейске и капитан А. Н. Тимирязев в Красноярске. Среди прочих, как свидетельствует «Экстракт», оказалось: совсем отставленных от всяких дел за полной непригодностью 4; определенных к другим делам 5; больных 7; дряхлых и старых, которым Сенат отменил «сибирскую посылку», 2; не явившихся по неизвестной причине в распоряжение Сибирского Приказа 2 чел. (князь Николай Вяземский и поручик Григорий Артюхов)⁴⁰.

Хотя на начало 1742 г. в восьми сибирских городах не хватало воевод, в том числе в Илимске, Нерчинске и Якутске,

но только к 1743 г. Герольдмейстерская контора в четыре приема смогла направить 20 человек для Сибирского приказа. Причем, в нарушение Сенатского указа, 11 из них были не отставными офицерами, а штатскими чиновниками⁴¹. В целом же, за исключением этих двух рецидивов служебного рвения, Герольдмейстерская контора ежегодно могла направлять в Сибирь на воеводские должности, как и в прежние времена, по одному-два человека из российских дворян. Этого явно не хватало, судя по неоднократным заявлениям Сибирского приказа.

Приведенные материалы не позволяют согласиться с мнением историков о том, что в эти десятилетия российские дворяне рвались к воеводским должностям не только в России, но и в далеком ссылочном сибирском крае⁴².

Как и прежде, судя по рангам и чинам, среди сибирских воевод еще преобладали отставные (из 86 человек 54 были в офицерских чинах), а среди реально служивших они составляли половину (табл. 4). В Восточной Сибири воевод из отставных офицеров было меньше — 9 из 21. Вероятно, Сибирский приказ, который сам определял место службы присланных кандидатов в воеводы, старался посылать туда уже имевших административный опыт чиновников.

Комплектуемый с таким трудом воеводский контингент Сибири был очень подвижным и почти на треть требовал ежегодного обновления, хотя правительство стремилось закрепить там присылаемых чиновников. Сведенные в табл. 5 данные о длительности служб присланных воевод, их служебных перемещениях показывают, что из-за естественной убыли, принятого порядка сдачи должностей, низких должностных качеств и сложностей самой службы многие воеводы из Сибири уже не возвращались. Так, из Восточной Сибири вернулись в Россию только двое. Подполковник Федор Рахманинов после годичного воеводства в Енисейске в январе 1750 г. был по болезни отпущен в Москву, где и велено ему «дать счет»⁴³. Кроме того, красноярский воевода А. С. Копнин, владелец 300 крестьянских душ в Арзамасском, Муромском, Симбирском и Суздальском уездах, отправленный в апреле 1753 г. с донесением в Герольдмейстерскую контору, сумел получить в столице назначение в штат Главной дворцовой канцелярии⁴⁴. В среднем каждый второй умирал, причем каждый пятый — во время исполнения должности. Минимальный — в два года, а с 1741 г. — в три года срок отслужила примерно половина воевод, а четвертая их часть (по всей Сибири — шестая)

Чины и ранги сибирских воевод в 30—50-е гг. XVIII в., назначенных центральной властью

Чины и ранги	Назначены в Сибирь			Из них служили в Сибири	
	до августа 1737 г.		с августа 1737 по 1754 гг.	всего	в Восточной Сибири
	всего	в Восточную Сибирь			
Полковник*	2	2	1	1	1
Подполковник	1	—	5	3	1
Секунд-майор	1	—	2	2	—
Майор	3	—	9	4	1
Капитан	3	3	16	6	2
Поручик	1	—	11	7	2
Подпоручик	—	—	—	—	—
Прапорщик	—	—	5	3	2
Отставной гвардии солдат	1	1	—	—	—
Казачий голова	1	1	—	—	—
Сибирские дворяне	2	—	—	—	—
Неизвестно	2	—	—	—	—
Отставной прапорщик	—	—	1	1	—
Коллежский советник	—	—	1	1	—
Надворный советник	—	—	1	1	1
Коллежский асессор	—	—	24	21	10
Титулярный советник	—	—	5	5	1
Квартирмейстер	—	—	1	—	—
Морской комиссар	—	—	1	—	—
Шкипер	—	—	1	1	—
Князя	—	—	2	2	—
Итого	16	7	86	60	21
В том числе военных	14	7	54	31	9

Примечание. ЦГАДА, ф. 248, д. 8122, ч. I, л. 145—165; ф. 286, д. 236, л. 32—550. Подсчет наш. Без воевод Иркутска, Селенгинска и Охотска. * Вместе с 1 бригадиром.

пробыли по два установленных воеводских срока. В отдаленных же уездах старались менять воеводу реже. Так, в Якутске полковник И. Жеребятников хотя и оставил недобрую о себе память у населения, но воеводствовал с апреля 1746 до 1755 года и умер там же, находясь уже под следствием. Нерчинский воевода коллежский асессор В. А. Губин был назначен в 1749 г. и продолжал оставаться на этой должности спустя 7 лет, а илимский И. Г. Попов воеводствовал 8 лет. По 6 лет были воеводами: в Нерчинске прапорщик Ф. И. Погадаев, в Илимске

Движение сибирских воевод, присланных из Сибирского приказа и Сената в 1737—1754 гг.

Содержание перемещений и смертность воевод	По - всей Сибири	В том числе по Восточной Сибири
Исполняло воеводскую должность, всего	60	21
Из них прослужили на одном месте:		
1—2 года	11	4
3 года	22	6
4 года	11	4
5 лет	5	1
6 лет	7	4
7 лет	3	1
9 лет	1	1
Должностные и территориальные перемещения:		
служили в первом назначенном месте	14	6
служили в других сибирских городах	9	3
освобождены по болезни и старости	4	2
сняты и отданы под суд	5	2
находились под длительным «счетом»	28	11
Безвозвратно убыли, всего	28	12
в том числе: умерло при должности	10	4
умерло под «счетом»	9	6
вернулось в Россию после сдачи должности	9	2

Примечание. ЦГАДА, ф. 248, д. 8122, ч. I, л. 145—165; ф. 286, д. 236, л. 32—550. Подсчет наш.

коллежский асессор С. Своитинов и Красноярске прапорщик А. С. Копнин. Последнего в 1747 г. после окончания трехлетнего срока жители Красноярска, всего 188 человек во главе с казачьим головой П. Елисеевым, особым прошением в Сибирский приказ просили оставить воеводой «как справедливого человека». Просьба была удовлетворена, и в Красноярске на посту воеводы А. С. Копнин оставался до 12 марта 1750 г., но затем почти три года находился «под счетом», то есть не мог отчитаться по финансовой стороне своей деятельности⁴⁵. Вообще бюрократический порядок сдачи воеводства, особенно отчет по финансовым приходно-расходным статьям и «очистка» от многочисленных жалоб населения, подвергавшегося «произволу и злоупотреблениям», сильно затрудняли и запутывали общую систему назначений чиновников. Практически каждый второй из них годами находился «под счетом», а некоторые до самой смерти не могли отчитаться (см. табл. 5). Так, умерли во время счета селенгинский воевода титулярный советник О. Сухотин, красноярский поручик Б. Авдулов и томский капитан А. Н. Тимирязев, причем последний после благопо-

лучного воеводства в Красноярске. По 6 лет были «под счетом» нерчинский воевода Ф. И. Погодаев и енисейский Ф. Рахманинов. Целых 10 лет вели расследование по управлению енисейских воевод майора М. Г. Валмасова, входившего в число 24-х кандидатов по указу 1739 г., и коллежского асессора П. Ф. Мировича⁴⁶.

Даже те, кого со временем переводили на более высокую должность, как правило, обвинялись в злоупотреблениях. Так, тюменский воевода надворный советник А. Лодыгин обвинялся в 1749 г. по коллективной жалобе «во взятках деньгами и обидах многих ясачных», но это не помешало ему в 1750—1753 гг. быть енисейским воеводой, а с 1754 г. оказаться членом губернского присутствия в Тобольске. Аналогичная история произошла с якутским воеводой коллежским асессором Уаром Еропкиным, который после воеводства в Сургуте (1744—1746 гг.) и Таре (1746—1749), находясь «под счетом» почти четыре года в Тобольске, а потом в Сибирском приказе в Москве, был назначен в 1750 г. членом присутствия Сибирского приказа. Через год, в 1752 г., его послали в Якутск воеводой, где после первого воеводского срока он оказывается под следствием, которое еще не было закончено к середине 1756 г.⁴⁷

Так как многие воеводы находились «под счетом», то явно недостаточной присылке новых из Москвы Сибирская губернская канцелярия и после январского указа 1739 г. продолжала временно назначать «за воеводу» или представителями офицеров «Сибирского гарнизона», а также представителей местной служилой или приказной верхушки. Так, когда в 1745 г. П. Ф. Мировича отстранили от воеводства в Енисейске, то почти год его функции выполнял провинциальный секретарь Д. Попов, а с июля 1745 г. по январь 1747 г. — прибывший красноярский воевода А. С. Копнин, которого в свою очередь в Красноярске заменил местный казачий голова под названием управителя, сын боярский П. Елисеев⁴⁸. Все эти и подобные замены не фиксировались в рассматриваемых выше ведомостях Сибирского Приказа, ибо они, как временные командировки, производились Сибирской губернской канцелярией и шли помимо него. Поэтому не был показан енисейским воеводой и подполковник «Сибирского гарнизону» С. Т. Угримов, который оказался в этой должности из-за длительной неявки туда М. Г. Валмасова⁴⁹. В далеком Якутске до прибытия статского советника Кениха «за воеводу» был в 1741 г. майор «Сибирского гарнизону» сибиряк Д. И. Павлуцкий,

а после него с 1745 по 25 мая 1747 г. «в должности воеводы» находился местный сын боярский Федор Аммосов⁵⁰.

Разнообразнее стали источники бюрократических кадров Восточной Сибири. Появились первые отставные офицеры расквартированных в Сибири полевых и гарнизонных полков, которых Герольдмейстерская контора обычно определяла на гражданские службы в том же Сибирском крае. Так, подполковник С. Т. Угримов, 1708 г. рождения, сын тюменского полковника, по ведомости «Сибирского гарнизона 1748 г.» происхождения «из шляхетства», прослужил в Сибири более 25 лет, участвовал в Персидском походе, выполнял дипломатические поручения от Иностранной коллегии в Джунгарии и Северной Маньчжурии, проводил ревизию второй переписи в Иркутской провинции и Тюмени, заменял два года (1738—1739) воеводу в Енисейске, а через четыре года после отставки в 1753 г. получил пост товарища сибирского губернатора и был произведен в коллежские советники⁵¹. Командир Охотского порта премьер-майор Афанасий Алексеевич Забин, родом из «дворянских людей г. Серпухова», еще участвовал в походе Бухольца в 1714—1717 гг., а затем всю свою жизнь прослужил в Сибири: с 1724 г. поручиком, с 1725 г. капитаном Енисейского полка, с 1732 г. секунд-майором и с 1736 г. премьер-майором «стоящего на китайской границе» Якутского полка. В своем послужном списке 1755 г. он писал, что уже 19 лет находится в одном и том же чине, хотя после назначения в Охотск и выключки из списков Якутского полка в 1742 г. ему был обещан при отставке чин подполковника⁵². Встречались среди воевод и ссыльные, которые много лет были «невольными жителями» Сибири. Очень колоритной фигурой был Петр Федорович Мирович, которого с братом Яковом по именному указу Елизаветы Петровны в 1742 г. велено было освободить от ссылки и определить к службе по их желанию. Мировичи были выходцами из украинской старшины: их отец Федор Иванович доводился двоюродным племянником гетману Мазепе, а двоюродный дядя Павел Полуботок являлся черниговским полковником. После измены в 1709 г. отца, являвшегося тогда генеральным есаулом у первого подручного гетмана Мазепы Орлика, братья до 14 лет жили в Чернигове у П. Полуботка, хотя их бабка Пелагея с братьями изменника — Семеном, Дмитрием, Иваном, Василием и остальными внуками была выслана в 1712 г. по именному указу Петра I сначала в Москву, а в 1716 г. за попытку связаться с Федором — в Тобольск «на вечное житье». В 1723 г. П. Полуботок

привозит Якова и Петра в Петербург, но вскоре за сепаратистские предложения оказывается в крепости. Братья, по выражению С. М. Соловьева, «остаются без всякой подпоры», что не совсем верно. Указом Екатерины I их определяют в гимназии при Академии «для наук», но, надеясь на родственников, они под предлогом неполучения жалованья не посещают ее. Вскоре Петр определяется к «цесаревне» Елизавете Петровне в секретари, и на следующий год братья переезжают с ней в Москву. Вероятно, устройству Петра, а также Якова, ставшего секретарем польского посланника графа Потоцкого, содействовали украинские друзья отца и поляки. По крайней мере, связь с отцом они продолжали тайно поддерживать. Так, Петр написал письмо отцу, где сообщал об осуждении П. Полуботка, сняв предварительную копию с указа по его делу. За это, а также за самовольную поездку на родину его вместе с Яковом, который в качестве секретаря Потоцкого ездил в Польшу, в 1732 г. взяли в тайную канцелярию «к сыску». В том же году братьев сослали к их бабке в Сибирь и определили там в тобольские дети боярские⁵³. Тобольский дом Мировичей, грамотных, образованных людей того времени, собиравших книги и рукописи по Сибири, был известен членам Второй Камчатской экспедиции, в частности Г. Ф. Миллеру, которому Петр Мирович помог, например, в приобретении у тобольского посадского Федора Пименова «Летописца о сибирской истории с рисунками», то есть знаменитой Ремезовской летописи⁵⁴.

С 1734 г. Петр Мирович сопровождал Витуса Беринга до Якутска в качестве комиссара по обеспечению экспедиции подводами. Через год вспыльчивый и заносчивый украинский шляхтич объявляет «слово и дело» на В. Беринга. Однако быстро разглядев вздорность и надуманность его обвинений, распорядилась оставить П. Ф. Мировича в Иркутске на положении ссыльного, употребляя его по нужде «к разным делам». С приходом к власти Елизаветы Петровны он находит ловкий способ напомнить о себе и получить амнистию. П. Ф. Мирович подговаривает крупных городских купцов, завладевших магистратом, подарить Елизавете, чтобы «им лично стать известным императрице... на домовые расходы» 40 тыс. руб. из предполагаемых излишков откупной питейной суммы. Купцы еще не успели как следует отойти от обильных возлияний у Мировича, как их хлебосольный хозяин, выправив у осторожного иркутского вице-губернатора Л. Ланга «отпуск», пустился в столицу, чтобы лично обрадовать императрицу из-

вестию о таком весомом материальном выражении верноподданнических чувств иркутян. От себя П. Ф. Мирович приложил «разные картины с надписями иллюминаций», которые им, по его выражению, «по самой моей возможности сочинены были»⁵⁵. Расчет оказался верным. Бывший секретарь цесаревны Елизаветы, который позже на следствии подчеркнет, что ею в 1732 г. «в путь сибирский предовольными деньгами и пребогатым министерским платьем всемилолюбивейше пожалован» был, получил ранг коллежского асессора, а в конце 1743 г., после неудачных хлопот о возвращении конфискованных имений бабки и отца, решил вернуть утраченное состояние на должности енисейского провинциального воеводы. Его брат Яков тоже выбрал Сибирь, поехав в 1743 г. в ранге титулярного советника воеводой в Кузнецкий уезд, где и умер 3 июля 1749 г.⁵⁶

П. Ф. Мирович так рьяно принялся за вверенную ему провинцию, что специально назначенная «Енисейская следственная комиссия» после годового разбора в середине 1746 г. отрешила его от должности и отправила под стражей сначала в Тобольск, а потом в Сибирский приказ⁵⁷. Окончательное решение дела сильно затянулось разбором встречных многочисленных доносов бывшего енисейского воеводы. В 1750 г. его освободили из-под караула и отпустили под расписку до окончательного о нем решения Сената домой на Украину. По семейным преданиям Мировичей-Данилевских, Петр Федорович, оставаясь «нарава буйного, заносчивого и дикого», вскоре умер от запоя, изрубив перед кончиной полицейского офицера за то, что тот перед ним не снял шляпы»⁵⁸.

В эти десятилетия еще в исключительных случаях на видных гражданских должностях в управлении Восточной Сибири оказывались и иностранцы. Лоренц Ланг, дипломат и путешественник, был, по справедливому мнению Л. С. Рафиенко, одним из образованнейших администраторов Восточной Сибири первой половины XVIII в.⁵⁹ Дата его рождения неизвестна. Уроженец Стокгольма, Л. Ланг попал в Россию скорее всего через Финляндию. Петр I отправил в 1712 г. молодого способного шведа в Германию для совершенствования в науках, а в 1715 г. послал его вместе с английским хирургом Томасом Гарвиным в Китай для выяснения состояния русско-китайской торговли. В 1719 г. Л. Ланг вновь оказывается в Китае в качестве секретаря посольства Л. В. Измайлова, которому было поручено разобраться в пограничных конфликтах и установить постоянные торговые связи. После отъезда посольства Л. Ланг

до 1722 г. оставался в Пекине как агент (консул) для защиты русских торговых интересов.

Назначенный в 1725 г. секретарем посольства С. Л. Владиславича-Рагузинского, Л. Ланг принимал активное участие в установлении новой русско-китайской границы, закрепленной Кяхтинским договором 1727 г. Во главе казенного каравана комиссара С. М. Третьякова он в третий раз посетил Пекин. Правительство привлекало Л. Ланга как специалиста для обсуждения вопроса о пользе государственной монополии в пушной торговле. В 1730 г. он подал проект организации русско-китайской торговли, в котором предлагал сочетать казенную и вольную торговлю мехами. Казна продавала меха русским купцам, которые, в свою очередь, могли их менять на границе на китайские товары. На деньги от продажи мехов Л. Ланг предлагал закупать в Китае золото, драгоценности, дорогие вещи, что приносило бы казне большую прибыль. Для успешной борьбы с контрабандой и усиления казенного контроля за вольной торговлей мехами Л. Ланг предложил учредить купеческую компанию с особым банком, который должен был выпустить для нее ассигнаций трехсотрублевого достоинства на сумму 2 млн. руб.

Проекты Л. Ланга были утверждены, и в последующие годы русско-китайская торговля строилась на их основе. Однако российское купечество, опасаясь за свои капиталы, не желало вступать в учрежденную компанию.

После руководства двумя последующими казенными караванами в 1732—34 и 1736—37 гг. за заслуги в дипломатических и торговых делах Л. Ланга из «советника канцелярии» пожаловали в статские советники и назначили 25 июня 1739 г. вице-губернатором Иркутской провинции. В отличие от предшественников Лангу положили не 671 руб. ежегодного жалованья, а сохранили оклад директора казенного каравана, равный 2 тыс. руб.: «...другим не в образец, ...за оказанную при китайском караване службу и в надежде впредь ожидаемой от него... в той провинции пользы, да и для того, что он за собою деревень не имеет»⁶⁰.

Хорошо зная Восточную Сибирь, Л. Ланг, как честный человек, пытался пресечь злоупотребления и улучшить управление громадным вверенным ему краем. В своей докладной записке «О беспорядках в Иркутской провинции»⁶¹, поданной в Кабинет после назначения, он предложил ряд мер, которые после принятия выдержали проверку временем. Ясачный сбор был упорядочен тем, что купцам запретили скупать меха по

улусам, а оставшуюся после сдачи ясака пушнину аборигены могли сами продавать в городах. Сборщиков ясака посылали в улусы только в случае недоимки, а за исправное внесение ясака награждали «князцов», зайсанов, тайш и старейшин улусов сукном и вином. Предлагалось даже награждать их чином, то есть дать возможность всей родоплеменной верхушке аборигенного населения Восточной Сибири получать права российского дворянства. Но центральная власть не согласилась на это, хотя политика опоры на улусную верхушку в фискально-полицейских делах, особенно, с передачей ясачных в ведение Кабинета в 1765 г., стала основополагающей в общей политике абсолютизма на национальных окраинах. Чтобы заинтересовать ясачных в хлебопашестве, по предложению Л. Ланга Кабинет освободил их пашни от уплаты хлебного оброка при условии, что новоявленные земледельцы не оставят и звероловства.

В первую очередь желанием искоренить казнокрадство и взяточничество продиктовано предложение Л. Ланга ввести жалованье гражданским чиновникам Сибири. Он писал в своей «Записке», что таможенные чины ни жалованья, ни других «позволяющих доходов не имеют, что ради о правде в их поступках не без резона сомневаться можно, а наипаче, что большая часть таких людей с лучшим богатством от оной службы возвращаются». Сенат соглашался только на поощрение добросовестных чиновников 1/4 частью собранных сборов. Позже в год своей смерти Л. Ланг вновь обращался к этому вопросу, ходатайствуя перед Сибирским приказом о назначении денежного и хлебного жалованья и приказным Иркутской провинциальной канцелярии⁶².

В интересах дела Л. Ланг предлагал расширить права иркутского вице-губернатора. Ему разрешили, не касаясь податей, самостоятельные действия в деле увеличения государственных доходов, заведовать казенной караванной торговлей, отстранять виновных воевод от должности и требовать в Сибирском приказе им замены. Вместе с тем он не получил права вести переговоры с Китаем помимо Тобольска.

По обоснованному выводу Л. С. Рафиенко, Л. Ланг добросовестно выполнял свои обязанности, держал под контролем караванную торговлю и пограничные дела, дважды ездил на Кяхту «для исправления дел», поощрял добросовестных чиновников, преследовал казнокрадство⁶³.

Вместе с тем Л. Ланг, честный человек, умный и знающий администратор, даже в качестве последовательного защит-

ника «казенного интереса» не сумел многого добиться. Иркутская летопись обвиняет его в излишней доверчивости своим секретарям, которые запутали многие дела и лихоимствовали на казенных подрядях и откупах⁶⁴. Он не помешал авантюристу П. Ф. Мировичу, затеявшему за деньги иркутян получить расположение новой императрицы. В 1744 г. сибирский губернатор А. Сухарев склонил Л. Ланга к незаконному подарку в 10 тыс. руб. жениху своей дочери камергеру А. Жеребцову, который привез известие о благополучном окончании русско-шведской войны 1741—1743 гг. Вся сумма этого «скромного» презента была разложена на местное население. Следствие по этому делу, ставшему известным в Сенате из доноса геодезиста В. Шишкова, еще не окончилось, когда в 1748 г. последовал донос канцеляриста И. Беляева, в котором Л. Ланг обвинялся в попустительстве своему секретарю Г. Березовскому. Сибирская Камчатская следственных дел комиссия, которая с 1745 г. расследовала в Восточной Сибири дела о контрабандной торговле и ясачном сборе, еще не успела приступить к делу иркутского вице-губернатора, как тот умер 26 декабря 1752 г. «от нутряной болезни»⁶⁵.

Процесс постепенного складывания в Сибири своего контингента классных чиновников за счет местных источников (офицеров сибирских полков, семей присланных чиновников, ссыльных, выслужившихся приказных) затронул также отдельных представителей родовой верхушки русифицированного населения. Используя явно продворянскую сословно-охранительную политику Елизаветы Петровны, некоторые обрусевшие потомки сибирских «князцов» добивались статуса российских дворян и соответствующих служебных назначений. Очень показательна в этом плане история братьев, тобольских дворян Ивана и Василия Яковлевичей Пельымских. В 1752 г. они обратились в Сибирский приказ с челобитной «дабы за службы предков их, князей Пельымских, и для отменной природы против прочих сибирских дворян, кои де дворянство собою заслуживают подобно как военнотружущие, а не предками издревне заслуженное», им возобновили прежнюю жалованную (их прапрадеду, крещеному вогульскому князю Александру) грамоту на княжение и представили к классным чинам. В подтверждение древности своего рода они, кроме справки из Сибирской губернской канцелярии о службах прадедов, дедов и отцов, даже ссылались на 4-ю главу опубликованной в 1750 г. «новосочиненной профессором Миллером Сибирской истории». После проверки представленных мате-

риалов Сибирский приказ обратился в Сенат с тем, чтобы согласно 50-й главе Генерального регламента и 1-го и 16-го пунктов «Табели о рангах» Пельымских «по той их отменной от сибирских дворян, кои определяютца по службам их тамошних казаков, княжеской природной фамилии, и за немалыя от предков их и от них самих... службы не могли обречатца в силе состоящих по тому городу тобольского дворянского чину в равенстве, напротив оных имели преимущества и отменность» признать «против российских дворян», наградить чинами и дать дворянскую грамоту. 9 марта 1753 г. Сенат, повторив в указе аргументы нижних инстанций, велел старшему Ивану дать чин поручика, а Василию — прапорщика. Через 4 месяца братья получили из Военной коллегии офицерские патенты. Ивана Сибирский приказ направил на место умершего коллежского асессора Фирсова при Кяхтинской таможене, но в конечном итоге он оказался воеводой в Березове, а Василия отправили в распоряжение Сибирской губернской канцелярии для определения к делам в острог или дистрикт управителем. Через два года в 1755 г. Иван Яковлевич Пельымский, «поручик и князь», получил назначение в Красноярск товарищем уездного воеводы. С 1758 г. он стал воеводой, пробыв в этой должности 25 лет до отмены в Сибири воеводского управления. При отставке И. Я. Пельымского возвели в ранг коллежского асессора VIII класса чинов. Его сын Федор служил в частях «Сибирского гарнизона», в чине сержанта участвовал в работе первой ясачной комиссии капитана гвардии Щербачева, в 1766 г. был прапорщиком Селенгинского пехотного полка, дослужился до капитана и в 1777 г. вышел в отставку. В начале 80-х гг. он был комиссаром в Олекминском остроге Якутского уезда, а с учреждением Иркутского наместничества в 1783 г. Сенат определил его судьей Олекминской нижней сельской расправы, но губернатор И. В. Якоби перевел его в том же уезде в капитан-исправники «по особливой расторопности и знанию тамошних всех обычаев»⁶⁶.

Комплексные сведения о воеводах Восточной Сибири 50-х гг. приведены в табл. 6, которая взята с нашими дополнениями и исправлениями из статьи С. М. Троицкого. Из приведенных показателей видно, что центральной власти так и не удалось укомплектовать воеводские должности за Енисеем выходцами из богатых и знатных дворянских родов. Хотя почти все воеводы относились к потомственному дворянству, половина из них были среднепоместными (5 чел. имели от 100 до 300 р. д. крепостных), а остальные мелкопоместными (2 чел.) и бес-

Состав воевод Восточной Сибири в 50-х гг. XVIII в.

Город	Фамилия, имя, отчество воеводы	Чин или ранг	Возраст	Социальное происхождение	Количество крестьян р. д.	Год начала службы	Первая служба	Служба воеводой в данном городе	
								начало	закончение
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Енисейск	Лодыгин М. С.	Надворный советник	?	Дворянин	300	1704	Драгун	1750	1753
Енисейск	Рыкачев В. И.	Коллежский ассessor	45	Дворянин	113	1727	Драгун	1753	1755
Красноярск	Копнин А. С.	Прапорщик	?	Дворянин	300	1732	Солдат гвардии	1744	1750
Красноярск	Трескин А. И.	Коллежский ассessor	54	Дворянин	100	1721	Солдат гвардии	1753	1758
Илимск	Полов И. Г.	«»	?	Дворянин	2	1722	Солдат	1750	1758
Нерчинск	Погадаев Ф. И.	Прапорщик	46	«»	137	1726	Солдат	1744	1750
Нерчинск	Губин В. А.	Коллежский ассessor	46	«»	41	1722	Ученик артиллерийской школы в Москве	1750	1757
Селенгинск	Дьяконов К. С.	Поручик	42	Из церковно-служителей	—	1738	Солдат	1753	?

Продолжение табл. 6

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Селенгинск	Якоби В. В.	Бригадир	61	Иноземный дворянин	—	1696	Солдат	1741	1745
Охотск	Зыбин А. А.	Премьер-майор	64	Дворянин	6	1711	Солдат	1742	1760
Якутск	Еропкин У. И.	Коллежский ассessor	51	«»	?	1716	Ученик цифирной школы в Петербурге	1752	1754
Якутск	Митрофанов И.	Капитан	40	?	?	1736	Солдат	1753	?

Примечание. Троицкий С. М. Сибирская администрация, с. 308—309; ЦГАДА, ф. 248, д. 8122, ч. 1, л. 156—156 об., 161 об., 162 об., 164—165; ф. 415, оп. 1, л. 12, л. 40. Сведения о М. С. Лодыгине, А. С. Копнине и В. В. Якоби приводятся впервые. Началом службы указана не дата назначения, как у С. М. Троицкого, а время вступления в должность. Последняя графа введена нами. В. В. Якоби был комендантом, А. А. Зыбин—командиром порта, а И. Митрофанов—товарищем воеводы. Возраст указан на время вступления в воеводскую должность.

поместными. Показательно, что самые состоятельные (каждый третий) начинали службу в гвардии или в привилегированных конных полках. Значительный общий стаж службы до данного назначения (в среднем по 20,3 года) и сравнительно длительный, около 5 лет у каждого, срок пребывания в отмеченной по табл. 6 должности показывают, что в Восточной Сибири в середине XVIII в. уже складывался относительно устойчивый контингент классовых чиновников из дворян, закрепленный за воеводскими должностями.

2.2. ЛИЧНЫЙ СОСТАВ ГРАЖДАНСКИХ КЛАССНЫХ ЧИНОВНИКОВ В 60—70-е гг.

С 60-х гг. XVIII в. начинается важный период в истории общерусской бюрократии и всего дворянского класса. Знаменитый указ Петра III о вольности дворянства 18 февраля 1762 г., отменивший службу как сословную обязанность, в этом отношении, по сути дела, превращал дворян, оставшихся уже по своему желанию в аппарате управления и армии, в бюрократические кадры буржуазного типа. Ведь право в юридическом, а не экономическом плане свободного выбора рода деятельности, и вытекающие из него договорные отношения являются одним из кардинальных конструктивных признаков буржуазного общества. Однако новый принцип государственной службы дворян утвердился далеко не сразу. Вопрос об отставке для чиновников и офицеров VIII и выше рангов в каждом отдельном случае придирчиво решался Сенатом и императрицей, а природных дворян не в классовых чинах отпускали только через 12 лет службы руководителя департаментов и ведомств. Мало того, обязательность службы оставалась общественным и нравственным долгом дворянства, о чем правительство заявляло открыто и неоднократно. Прогрессивно настроенные люди екатерининского времени, следуя заветам Петра I, не отделяя понятия общества от понятия государства, тоже расценивали службу как патриотический долг. Так, идеальный герой гениальной комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль» Стародум постыдным грехом своей молодости считал уход в отставку из-за того, что был несправедливо обойден чином⁶⁷. Поэт Г. Р. Державин,

будучи министром юстиции в начале XIX в., придерживался таких же принципов. Обсуждая доклад Военной коллегии и мнение графа Потоцкого о службе дворян в «нижних чинах», он отстаивал правильное толкование пунктов 7, 8 и 9 манифеста 18 февраля 1762 г., которые разрешали свободную отставку только лицам, выслужившим классовые чины, а прочим потомственным дворянам, не подтвердившим свое дворянство чинами, до отставки следовало пробыть на службе минимум 12 лет⁶⁸. Просветительские иллюзии насчет благодетельной власти, с которой необходимо сотрудничать, стали развенчиваться в преддекабристский период. Только во времена молодого А. И. Герцена, писавшего об «удивительном союзе даже для XVIII столетия... власти и мысли, императорских указов и гуманного слова, самодержавия и цивилизации», многие его современники с гордостью скажут, что из оппозиции к деспотическому охранительному царизму они нигде не служат⁶⁹.

В целом указ о вольности дворянства 1762 г. рассматривался большинством его современников и в последующие десятилетия не как акт, дающий каждому представителю благородного сословия право свободно и альтернативно определять свое отношение к государственной службе, а как право самостоятельного выбора рода, времени и места несения этой службы. Особенно отчетливо этот подход проявлялся у тех дворян, у которых государственная служба была основным или единственным источником средств существования.

В первую очередь в этом смысле указ о вольности дворянства повлиял на личный состав классовых чиновников Восточной Сибири, ибо сюда, как и прежде, попадали на службу в основном из мелко- и беспоместных неродовитых дворян или выслужившихся разночинцев. Среди них возрос удельный вес отставных или просто назначенных на гражданские должности офицеров, которым стало легче добиваться перевода в более для них привлекательное по ожидаемым доходам гражданское ведомство⁷⁰. Одни сразу попадали в Сибирь, другие до нее успевали послужить в других местах. В этом плане показательно появление в 1771 г. в Сибири выходца из дворян — мелких душевладельцев Курской губернии 26-летнего В. С. Распопова, который, за 13 лет до этого дослужившись до сержанта лейб-гвардии, сразу получил «без отставки» чин титулярного советника и был назначен товарищем воеводы в Селенгинск, а через 6 лет — в той же должности в Балаганск⁷¹. Так же поступали и офицеры «Сибирского гарнизона», тем

более, что по статусу новообразованные в 1762 г. из гарнизонных полков батальоны еще больше отделялись от статуса полевых частей (см. гл. 3).

Например, А. С. Постников, 1738 г. рождения, по происхождению «из купцов по собственному желанию», 26 лет вступил в службу рядовым Сенатской роты, через 10 лет в 1774 г. стал капралом в лейб-гвардии конном полку, спустя год из вице-вахмистров вышел в армию поручиком, получив назначение в Сибирский драгунский полк, а через 4 года, в начале 1779 г., в чине секунд-майора Тобольского гарнизонного батальона определился «в статскую службу баргузинским комиссаром». Первый же гражданский чин, сразу надворного советника VII класса, он получил в 1784 г. после назначения судьей надворного суда новоучрежденного Кольванского наместничества⁷².

Среди офицеров, перешедших на гражданскую службу, в это время стали заметны сибирские уроженцы. Так, с 1764 г. по 1771 г. енисейским провинциальным воеводой был надворный советник Евдоким Андреевич Шапошников. Он родился в 1712 г. в семье тобольского солдата. С 1 января 1728 г. начал службу «школьным учеником» местной гарнизонной школы; после нее находился в войсках «Сибирского гарнизона», выслужив в 1748 г. чин поручика, а в 1751 г. — капитана Тобольского пехотного полка⁷³. Уйдя в отставку в 1755 г., он дослужился до надворного советника (VII класс «Табели о рангах») и получил назначение в Енисейск⁷⁴. Сменивший в 1775 г. его Фрэнтишек (Франц Францевич) де Гаррига, из французов, был переведен в 1752 г. из полевой армии подполковником в новоучрежденный батальон «Сибирского гарнизона», затем через почти 20 лет в 1771 г. все в том же чине стал воеводой Томска, а спустя 4 года — Енисейска⁷⁵.

В Якутске в 1772 г. на должности воеводского товарища был секунд-майор Петр Мантейфельцен, 1741 г. рождения, «из обер-офицерских детей лифляндского шляхетства», холостой, владелец четырех крепостных. В Сибирь скорее всего попал с родителями в детстве, ибо начал службу 13-летним солдатом Якутского полка. За 7 лет выслужился до первого офицерского чина (со 2-го сентября 1755 г. — капрал, с 25 ноября 1755 г. — подпрапорщик, с 7 августа 1756 г. — вахмистр, с 14 марта 1761 г. — прапорщик), затем 7 июля 1764 г. стал поручиком, 1 января 1767 г. — капитаном и 10 марта 1770 г. — секунд-майором. Прапорщиком до 1764 г. участвовал в походах против «немирных чукчей» из Анадырской

крепости, затем с почтой и донесениями побывал в столице, по возвращении в том же 1764 г. по распоряжению сибирского губернатора Д. И. Чичерина стал членом ясачной комиссии на Камчатке и Курильских островах, принеся казне, по его словам, дохода 7048 руб. 40 коп. в год. Последний чин он получил при отставке, которую он исхлопотал, находясь в столице с 1769 г. по служебным делам⁷⁶.

Важно отметить, что Сенат и лично Екатерина II для привлекательности гражданской службы изменяют прежний порядок, когда чин отставного военного, назначенного в гражданское ведомство, переводили в «статский» ранг. И переходящим сразу в гражданское ведомство офицерам (де Гарриге, Распопову и Постникову), и уволенным в отставку в штаб-офицерских чинах (Мантейфельцену), — всем им обычно оставляли более почетный и престижный военный чин, а назначаемым на ведущие должности губернатора — иногда и офицерское жалование, которое было выше гражданского, должностного, впервые введенного для чиновников всех звеньев местного аппарата управления лишь со штатами 15 декабря 1763 г. Вместе с тем обер-офицеров, которые уходили в отставку, а затем через некоторое время поступали на гражданскую службу, переводили в соответствующие «статские» ранги. Эта мера серьезно задерживала отток служилого по происхождению дворянства с государственной службы, ибо даже временный уход с нее приводил к утрате статуса потомственного дворянства, который до 1788 г.⁷⁷ давал, как известно, уже низший офицерский чин прапорщика (мичмана на флоте).

Введение твердого жалования для всех чиновников всех ступеней государственного аппарата было важной мерой, ускорившей формирование бюрократии буржуазного типа. Жалование привлекало малообеспеченных дворян и разночинцев на государственную службу, делало все чиновничество более послушным, исполнительным проводником воли центральной власти и независимым от управляемого населения. Для сибирской администрации вопрос о назначении жалования неоднократно поднимал Ф. И. Соймонов, бывший с 1757 по 1762 г. сибирским губернатором, а с 1763 по 1766 гг. — сенатором по сибирским делам в Московской сенатской конторе, которой был подконтролен до своей ликвидации Сибирский приказ. Он не только направлял в Сенат служебные документы, где идея о необходимости жалования проводилась через раскрытие злоупотреблений воевод, получавших содержание от местных неокладных сборов и приказных, «кормив-

шихся с дел», но и обращался с подобным материалом к тогдашней общественности. В 1760 г. Ф. И. Соимонов отправил в Академию наук для издания в «Ежемесячных сочинениях» два «манускрипта»: «Древняя пословица Сибирь — золотое дно» и «Советование о воеводствах»⁷⁸. Наиболее обстоятельно по этому вопросу он высказался в «ведении» Сенату от 3 сентября 1763 г., приложенному к решению Московской сенатской канторы о назначении коллежского советника Черкашенинова воеводой в Якутск на место Чередова, за многие злоупотребления «отрешенного от должности». По мнению Ф. И. Соимонова, «непорядки и народные отягощения по большей части происходят от лакомства» выборных старост и ясачных сборщиков. Воеводы же, не получая, как прежде, жалованье, плохо их контролируют, мало того, сами вынуждены «чинить» взятки и допускать злоупотребления. Им приходилось расходовать свои средства во время «поезда и выезда по делу» и при долгих поездках в Тобольск или Иркутск к ревизии счетов. Хорошо знавший за 10 лет жизни в Сибири (в том числе более года — в положении нерчинского каторжника) сибирские порядки, Ф. И. Соимонов сообщал, что воеводы выкраивали на свое содержание от жалованья служилым людям, от заработанных и плакатных денег, оценки ясачной казны, освобождения от ясака, от верстания пашенных крестьян, определения в приказчики и ясачные сборщики, от назначений, особенно в «работное время», к казенным работам. После этого перечисления сенатор заключает: «И по таким причинам в облегчение народное за лучшее разсуждается, чтоб в Сибирской губернии воеводы на определенном жаловании были». Приравнивая воеводскую службу к службе офицеров регулярной армии, Ф. И. Соимонов предлагал всем сибирским воеводам давать жалованье соответственно их чинам по армейским полевым окладам. При этом он уверял правительство, судя, по-видимому, прежде всего по себе, что честный и «довестной» воевода не только отработает себе жалованье, но и прибыль еще казне принесет. По его твердому убеждению, имеющиеся недостатки и злоупотребления исправятся только из-за «единого прилежного и радельного смотра воевод и управителей. А из нынешних, в сибирских городах (т. е. уездах. — Г. Б.) находящихся, воевод и управителей, кроме некоторых, не только в поправление того, но по прочим обыкновенным делам в надлежащее исправление» надежды иметь невозможно⁷⁹.

Сенат в принципе согласился с Соимоновым, но по конкретному вопросу о жаловании новому якутскому воеводе велел ждать утверждения императрицей новых штатов. Но в этих штатах, подписанных 15 декабря 1763 г., Сибирь особо не выделялась, и жалованье всем сибирским чиновникам положили «равное с великороссийским».

Однако Ф. И. Соимонов был настойчив в своем решении укрепить ряды сибирской бюрократии за счет предоставления ей особых льгот. В 1764 г., подавая, совместно с сибирским губернатором Д. И. Чичериным, Сенату доклад о предоставлении поручику И. Татаринову чина титулярного советника, он предлагает ввести льготный порядок чинопроизводства в обеих сибирских губерниях. Они подчеркивали, что ни по жалованью, ни по чинопроизводству «Сибирь никакого преимущества не имеет, поэтому из определенных Сенатом в 1764 г. по тем (1763 г. — Г. Б.) новым штатам Сибирской губернии в провинции и города воеводы и их товарищи многие к должностям своим еще не прибыли, а другие под именован болезнью и совсем от тех мест отказываются». Для поощрения желающих служить за Уралом предлагалось ввести шестилетний срок выслуги в одном чине, не считаясь с наличием свободных вакансий: «Которые же из великороссийских от Сената к делам в те (сибирские. — Г. Б.) губернии, провинции, города и дистрикты определены будут и по бытности там в одном чине 6 лет выслужат, то им, хотя против российских штаб- и обер-офицеров к производству не будет вакансий, к награждению чинами представлять (право — Г. Б.) производить Сенату». Возводить в чины всех служащих в Сибирской и Иркутской губерниях следовало Сенату, особо «по старшинству и достоинству, по аттестатам и по представлениям губернаторов». Примечательно, что этот порядок чинопроизводства впервые распространялся на выслужившихся казаков и приказных людей: «А определяемых из тамошних служилых людей в дворяне и дослужившихся из таковых до обер-офицерства, также и секретарей и других канцелярских служителей... впредь к произвождению в чин в старшинстве считать по месту, где кто находится и производить же особо». 31 октября 1765 г. поданный Екатерине II Сенатский доклад об этом был утвержден императрицей и опубликован в качестве Сенатского указа⁸⁰. Таким образом, чиновники местного разночинного происхождения впервые были официально приравнены по службе с прибывшими из Европейской России, а их путь через выслу-

гу в ряды российского дворянства из исключения стал правилом.

Еще одной особенностью личного состава чиновников второй половины XVIII в. в период правления Екатерины II было то, что по Сибири больше стало чиновников иностранного происхождения. Один из первых указов императрицы, придерживающейся популяционистских взглядов, прямо приглашал иностранцев на русскую службу. От них, как не имеющих права владеть в России землей и людьми, можно было, по мнению центральной власти, ожидать большого служебного рвения, от которого целиком зависело их материальное благосостояние и официальное положение в стране. В Сибирь иностранцев направляли особенно охотно. Так, в Енисейской провинции из четырех воевод, сменившихся за период с 1764 по 1783 гг., двое были нерусского происхождения — подполковник Франц Францевич де Гаррига «из французов» (1771—1777) и выходец из Саксонии Иван Ильич Гревенц (1777—1778)⁸¹. Первым полицмейстером Красноярска в 1760—1762 гг., переведенным затем в Илимск, был датчанин Лоренц Кристенсон, который за сравнительно короткий срок сумел так досадить местным жителям, что учитель латинской школы Григорий Федорович Скрябин написал на него сатиру «О плеши», широко распространившуюся среди красноярцев⁸². С 1774 г. якутским воеводой был коллежский асессор «из французов» Дебрины⁸³. Редким исключением среди чиновников иностранного происхождения гражданской и заводской администрации в Сибири был Эрик (Кирилл) Густавович Лаксман (1726—1796 гг.)⁸⁴, финн по национальности, выдающийся отечественный естествоиспытатель, неутомимый путешественник и пытливый ученый-энциклопедист, прославившийся в минералогии, ботанике и зоологии открытием новых минералов, растений, насекомых и животных, а в химии — разработкой новых технологий производства стекла, серной кислоты и получения поваренной соли. Будучи настоящим подвижником науки, «ординарный академик» С. Петербургской академии и слава Химической лаборатории Э. Г. Лаксман, не желая мириться с грубостью, деспотизмом и мелочностью главы Академии С. Г. Домашневым, во второй половине 1780 г. добился через своих доброжелателей из высшего дворянства назначения на должность помощника главного командира Нерчинских заводов. По справедливому мнению авторов его научной биографии, «несомненно, что в этом назначении Лаксман видел возможность осуществить свои старые мечты

о научных путешествиях в далекие неизведанные сибирские края, испытать еще раз радость новых поисков, открытий и наблюдений»⁸⁵.

В чине надворного советника Э. Г. Лаксман в апреле 1781 г. приступил к своим новым обязанностям главного бергмейстера, в чьи обязанности входил общий надзор за работой заводов и рудников всего горного округа. Он с увлечением отдается геологическому изучению, много ездит, пополняя свои коллекции все новыми интересными и редкими находками. Много внимания уделял Э. Г. Лаксман развешиванию Шилкинского стекольного завода, продукция которого по его новой технологии (производство стекла с заменой дорогого поташа дешевой глауберовой солью), по свидетельству специалистов, не уступала по красоте и прочности английскому стеклу⁸⁶.

Обладая прямым и твердым характером, безупречно честный и строгий к обязанностям, Э. Г. Лаксман глубоко возмущался окружающими его чиновниками, их взяточничеством, казнокрадством и поразительным невежеством. Под стать им был главный командир Нерчинских заводов генерал-майор Е. К. Бекельман. Его Лаксман называл «гнусным генералом... самодуром, который возвеличился лакейскими услугами, без подвигов за счет других героев и полагается только на своего шурина»⁸⁷.

Уже первые впечатления ученого о некоторых сослуживцах пронизаны острой иронией и сарказмом. В своем письме от 19 октября 1781 г. придворному историографу Г. Ф. Миллеру Э. Г. Лаксман писал: «Я прибыл сюда 9 апреля, живу среди очень дурных и непорядочных людей, не имею никаких знакомств, и все канцелярские хлопоты лежат исключительно на мне. Генерал Бекельман сделал своими друзьями некоторых из сосланных сюда врагов государства, бывшего беспутного стольяра Нордаузена, которому г-н ...платит жалованья 720 рублей, и некоторых других гнусных молодчиков. А офицеры вынуждены унижаться, так как их счастье всецело зависит от одного в высшей степени глупого и мерзкого человека. Никто здесь ничего не делает, так как начальник не делает здесь ничего. За все время он только четыре раза был в канцелярии, кассу никогда не проверял, хотя велит каждый день записывать в журналах, что он сидел с 9 часов и подписывает под рапортами в Сенат, что ревизировал кассу. Когда об этом, напомнил, он был вне себя от гнева. Надворный советник фон Фюрстенберг, которого я из сострадания

представил к повышению жалования с 120 до 1200 рублей, все еще сидит у себя в квартире, занимается своим хозяйством и показывает довольно явственно, что изворотливости гарнизонных секунд-майоров стала его второй натурой»⁸⁸.

Бекельману, в свою очередь, не пришлось по вкусу новый, беспоконный по характеру, помощник, который стремился к новшествам, обладал обширными познаниями и мог оказаться конкурентом на занимаемую им должность. Э. Г. Лаксмана ложно обвиняют в каких-то «непорядочных и дерзких его поступках», после чего Сенат в 1782 г. отрешает его от должности. Сам ученый в письме Г. Ф. Миллеру в августе 1784 г. писал: «...моими пороками и преступлениями я могу гордиться». Они заключались в том, что, во-первых, ученый с рвением выполнял почетное поручение собрать красивые цветы и кустарники для дворца, чему «позавидовала и хотела отнять эту честь... одна низкая душа невежественного человека, ...во-вторых, в защите вдовы хирурга Олофсона и ее малолетней дочери от притеснения и вымогательств любовницы Бекельмана»⁸⁹.

Оставшись без места, Э. Г. Лаксман после нескольких переездов без семьи оказывается к осени 1782 г. в местечке Чиндан-Турук, получив из милости какое-то место при обширных солеварнях, а в 1783 г. получает малоподходящую для него незавидную должность исправника в Нерчинском уезде.

Изменение административного статуса бывшей Иркутской провинции, ставшей с 1764 г. губернией, и введение новых штатов в 1763 г. было еще одной важной мерой, повлиявшей на личный состав бюрократии Восточной Сибири. В Иркутске появились губернская канцелярия и положенные в каждой губернии подразделения таких центральных учреждений, как Соляная контора, Почтовая и Корчемная экспедиции. Губернская канцелярия состояла из 47 человек, в которой 9 чиновников имели классные чины, в том числе 4 — в рангах, дающих потомственное дворянство (губернатор третьего или четвертого класса, два товарища губернатора V и VI класса и прокурор VII ранга), а прочие — ранги IX—XIV классов (три секретаря, протоколист, регистратор и архивариус)⁹⁰.

Иркутские губернаторы 1764—83 гг., всего четыре человека, были назначены Екатериной II, как обычно, из генералов. Исключение составил бригадир Ф. Г. Немцев, который четыре года с 1774—1778 гг. исполнял должность губернатора и за

различные злоупотребления был отозван Сенатским указом⁹¹. Некоторым из них, в частности генерал-майору К. Л. Фрауендорфу, она сохраняла более высокое жалованье по армейскому чину, а не по должности⁹².

Первые два иркутских губернатора — К. Л. Фрауендорф и Адам Иванович Бриль уже были знакомы с Сибирью, так как командовали войсками на Сибирских военных линиях, прикрывавшей с юга Кольвано-Воскресенские заводы⁹³.

Из четырех губернаторов, сменившихся за время с 1764 по 1783 гг., добрую память у иркутян оставили К. Л. Фрауендорф и Ф. Н. Кличка. По свидетельству А. И. Лосева, Карл Львович фон Фрауендорф знал различные, в том числе «политические», науки, сам обучал учеников местной геодезической школы «военной и гражданской архитектуре», а также фортификации. Для удобства обучения он даже велел губернской чертежную разместить в своем доме⁹⁴. Губернатор крайне нетерпимо относился к служебным упущениям, которые пытался пресекать самым традиционным для своего времени путем. По пристрастному свидетельству знавшего его в Омске капитана Ивана Андреева, бригадир Фрауендорф «был жесток, немилосерден или лучше сказать, мучитель, не стыдился одного дня до обеда пересечь плетью и кошками иногда и невинных до 170 чел. Ходя за ним, ординарцы всегда имели с собой орудия: плети, грабли, палки, вилы и тому подобное нелепое»⁹⁵.

Генерал-майор Франц Николаевич Кличка единственный имел уже опыт гражданского управления. До назначения в 1778 г. в Иркутск он был новгородским губернатором. Россия для этого талантливого одаренного выходца из Чехии стала второй родиной. Как установил Л. С. Кишкин, Франтишек Миколаш Кличка родился около 1730 г. в деревне близ южночешского г. Клатова в семье крестьянина и доводился двоюродным прапрадедом видному деятелю рабочего движения Чехословакии президенту республики Антонину Запотоцкому. После окончания Клатовской иезуитской гимназии одаренный юноша уехал учиться в Прагу, На жизнь он зарабатывал репетиторством. В конце 40-х гг. в качестве воспитателя детей одной из знатных русских семей он попадает в Россию. Вскоре в 1750 г. Кличка из домашних учителей определяется на службу в артиллерийский корпус, через пять лет получает первый офицерский чин прапорщика, участвует в Семилетней войне, выйдя из нее секунд-майором. С 1769 г. подполковником Ярославского полка он принимает участие в первой русско-

турецкой войне и отличается в сражении при Ларге в 1770 г., став одним из первых российских георгиевских кавалеров⁹⁶. За «отлично храбрые поступки, будучи батальонным командиром резервного корпуса при нападении неприятеля на марширующую к Хотину армию» Кличка был представлен к чину бригадира⁹⁷. После заключения победоносного Кючук-Кайнарджийского мира в 1775 г. он становится генерал-майором и через два года назначается правителем Новгородской губернии. Храбрый боевой генерал оказался честным добросовестным администратором. Уже через год Екатерина II направляет Кличку в Иркутскую губернию, которую его предшественник, бригадир Ф. Г. Немцев, за четырехлетнее управление привел в совершенное расстройство и скомпрометировал саму власть организацией прямого разбоя. Императрица осталась довольна деятельностью нового иркутского губернатора, о чем свидетельствуют его очередная чин генерал-поручика и новый орден Анны I степени. Во время проведения очередной административной реформы Кличка в 1783 г. получает новое почетное назначение генерал-губернатором Орловского наместничества. На этой должности в 1786 г. он умирает. Прах его похоронен в Курске⁹⁸.

Кличка много сделал для подготовки местных кадров образованных чиновников через открытие в Иркутске новых училищ, гимназии, а при ней «музеума». Ему принадлежит честь организации первой в Сибири публичной губернской библиотеки, для которой Петербургская Академия наук, с которой Кличка сотрудничал, прислала на 300 руб. книг, по описанию А. И. Лосева, «по математическими, сфирическими, механическими и различными земледельческими орудьями». При библиотеке имелись также «телескоп отменного искусства, электрическая машина», большое собрание вещей из трех царств природы⁹⁹.

О составе других губернских чинов в 60—70-е гг. подробные сведения разыскать не удалось. Судя по отрывочным данным, источники их комплектования оставались обычными. Должности губернских товарищей, позже вице-губернаторов, обычно замещались военными в штаб-офицерских чинах. Так, у К. Л. Фраундорфа губернским товарищем был премьер-майор Василий Ветлицкий, родом из потомственных российских дворян-помещиков Бежецкого уезда Новгородской губернии¹⁰⁰, у А. И. Бриля — полковник Соловьев, а у Клички — полковник А. Ю. Цедельман¹⁰¹. Главами уездной администрации тоже назначались преимущественно чиновники

в офицерских чинах. Так, с 1764 по 1783 гг. в пяти городах Восточной Сибири, по нашим подсчетам, служило 25 воевод (в Енисейске — 4, Илимске — 6, Якутске — 10, Охотске — 4, Красноярске — 1), в том числе 15 из них были не в гражданских рангах¹⁰². По чинам они распределялись следующим образом: полковники — 2, подполковники — 2, секунд-майоры — 5, капитаны — 4, поручик — 1, прапорщики — 1. С чинами выше VIII ранга назначались в имеющий важное оборонное и торговое значение Охотский порт и провинциальной Енисейск.

Как видим, устойчивые навыки командования людьми, приобретаемые на военной службе, были, по мнению Сената, крайне желательны для руководителей местных исполнительных органов, Их же помощники в должностях товарищей воевод, введенных штатами 1763 г. для лучшего решения финансовых вопросов, должны были знать делопроизводство и иметь опыт гражданской службы. Потому товарищами воевод преимущественно назначались чиновники в штатских рангах. Так, из 9-ти товарищей воевод, бывших в Енисейске (4), Якутске (4) и Красноярске (1) с 1764 по 1783 гг., только трое были в военных чинах, то есть лишь каждый третий. Но, судя по службе Распопова, среди товарищей воевод были и офицеры, прямо перешедшие в гражданское ведомство. И все же для чиновников этой должности, непосредственно отвечавших за финансовую сторону деятельности воеводских канцелярий, типичнее были чиновники вроде Николая Федоровича Богдановича, 1743 г. рождения, из смоленских дворян, бывшего в 1776—1781 гг. воеводским товарищем в Красноярске в ранге коллежского секретаря, а затем до 1783 г. «правившего» воеводскую должность в Туруханске. Он получил основательную бюрократическую подготовку в Юстиц-коллегии, куда поступил 11-летним юнкером и пробыл 10 лет. В чин прапорщика Н. Ф. Богданович был возведен еще в 13-летнем возрасте, а в первый свой гражданский ранг губернского секретаря — в 21 год, причем сразу перешагнув через две ступеньки «Табели о рангах». Этот рывок в чинопроизводстве явно рассматривался как компенсация за назначение в 1764 г. в Сибирскую соляную контору, находящуюся в Тобольске. Через 9 лет в 1773 г. его с рангом коллежского секретаря XII класса назначили смотрителем «трех казенных винокурных заводов» в Енисейской провинции. Его деятельностью были довольны, и через три года в очередном чине титуляр-

ного советника Н. Ф. Богданович оказывается помощником красноярского воеводы И. Я. Пельмского¹⁰³.

Представление о составе классных чиновников, занимавших второстепенные и секретарские классные должности губернского, уездного общего управления и отдельных отраслевых учреждений в 1764—1782 гг., дает табл. 7. В ней представлена тематически обработанная выборка из формулярных списков тех чиновников Иркутской губернии на 1799 г., которые в 1764—1783 гг. начали свою службу в этой губернии в классных чинах или выслужили их за это двадцатилетие.

По этим данным, прибывшие из России составляли 70% всех классных гражданских чиновников, служивших в Иркутской губернии в 1764—1782 гг. (7 чел. из 10). Средний их возраст во время прибытия в заенисейскую Сибирь составлял 30,4 года, а в 1783 — около 35 лет. Чиновники местного происхождения к этому времени были на 10 лет моложе. Сословное происхождение российских чиновников было не очень высоким. Только двое относились к природным российским, но малопоместным дворянам да А. М. Постников, 1738 г. рождения, получивший бюрократическую подготовку в Сенатской роте и служивший в лейб-гвардии, скорее всего тоже происходил из дворянского рода, ибо назвал своего отца «купцом по собственному желанию», а такая характеристика сословного происхождения встречается со времен Петра I только у приписавшихся к купцам дворян¹⁰⁴.

Сословное происхождение определяло начало и род первой службы. Все дети приказных попадали в канцелярии на 2—4 года раньше, чем дети чинов регулярной армии в казармы (см. табл. 7). Как видим, сословная преемственность в государственной службе была еще стопроцентной. Заметная, но идущая со временем на убыль роль армии в формировании кадров классных гражданских чиновников Иркутской губернии явно обнаруживается при рассмотрении родов первой и последней перед Сибирью службы. Продвижение по служебной лестнице в целом тоже очень сильно зависело от наследственного сословного статуса чиновников. Так, свой первый классный чин дольше всех выслуживали дети приказных (от 12 до 18 лет) и солдат (22 года), а по территориальному происхождению — дети сибиряков. Выходцы из России, например, получали свой первый классный чин в среднем через 8,7 лет, в том числе дети дворян и офицеров — за 2,5 года, а у местных уроженцев на это ушло по 12 лет (см. табл. 7).

Все они стали классными чиновниками уже после двух указов 1765 г., введивших 8-летний срок выслуги для производства в секретарские чины «приказнослужительских дел» и служилых.

Российские чиновники до прибытия в Иркутскую губернию уже имели довольно солидный опыт службы в различных ведомствах, причем двое из них — А. М. Постников и А. И. Малофеев получили специальную подготовку. Средний их досибирский стаж составлял 16,6 лет, максимальный 26 лет (В. С. Клепиков) и минимальный 7 (архитектор А. А. Алексеев). Вместе с сибирским (около 5 лет) общий стаж составил 20,8 лет у каждого. За это время российские по происхождению чиновники в среднем по 5 раз совершали служебные перемещения. У местных чиновников должности и учреждения менялись еще чаще: раз не в четыре, а в три года. Высокая служебная подвижность классных чинов местной администрации Иркутской губернии 60—70-х гг. обнаруживает незавершенность процесса становления ее главных бюрократических кадров. Территориальные перемещения случались реже — в среднем российские дважды, а местные — трижды меняли место жительства. Очень значительным был отток за пределы губернии, если судить по тому, что из общего ежегодного контингента в 80—90 классных чиновников, служивших в Иркутской губернии в период между 1763—1782 гг., к 1799 г. осталось на службе в этом регионе только десять, или один из 8—9 чиновников.

Среди чиновников, временно служивших в Восточной Сибири в рассматриваемое время, был Александр Матвеевич Карамышев, замечательный русский ученый — ботаник, минералог, рудознатец и металлург, бывший в 1779—1781 гг. директором Иркутской банковской конторы. Он был родом из уральского мелкопоместного служилого дворянства. Отец его — горный специалист, дослужившийся до чина бергешворена (подпоручика), рано умер, и мальчик воспитывался в семье Е. Я. Яковлева, тоже горного чиновника. После окончания Екатеринбургской горно-заводской школы 12-летний А. М. Карамышев в 1756 г. поступил в только что открытую Московскую университетскую гимназию. Через 2 года способного московского студента вместе с тремя товарищами, наградив золотыми медалями, направили учиться в Кенигсбергский университет. В 1761 г. (не без участия М. В. Ломоносова) А. М. Карамышева с его сотоварищем послали в Швецию «для изучения земледелия и так называемых горных наук».

Личный состав классных чиновников Иркутской губернии на 1799 г.,

Ф.И.О	Должность в 1782 г.	Чин или ранг	Сословная принадлежность	Возраст в 1782 году	Общий стаж на 1782 год
1	2	3	4	5	6
Алексеев Н. А.	Ассессор соляной и винной губернской экспедиции	Подпоручик	Сын солдата	36	22
Алексеев А. А.	Губернский архитектор	Подпоручик	Дворянин	32	11
Клепиков В. С.	Помощник директора банковской конторы	Капитан	Сын обер-офицера	53	29
Постников А. М.	Баргузинский комиссар	Секунд-майор	Из купцов по собственному желанию	44	18
Распопов В. С.	Товарищ воеводы Селенгинска	Титулярный советник	Дворянин	39	25
Лоскутов Ф. Б.	Секретарь Якутской воеводской канцелярии	Синодский регистратор	Сын приказного	33	25
Малафеев А. И.	Шихтмейстер Нерчинских заводов	Коллежский протоколист	Сын обер-офицера	25	18

Таблица 7

начавших в ней службу в 1763—1782 гг.

Род первой службы	Последняя служба перед прибытием в Иркутскую губернию	Год прибытия в Иркутскую губернию	Миграции		Время выслуги первого и последнего классного (годы)	Семейное положение
			должностные	территориальные		
7	8	9	10	11	12	13
Солдат Кегсгольмского полка	Подпоручик Петербургского батальона	1782	4	1	20—21	—
Солдат	Уездный землемер Новгородского наместничества	1778	4	2	0—2	—
Подпрапорщик Суздальского пехотного полка	Экзекутор Московского ассигнационного банка	1779	8	3	1—13	Женат
Солдат Селенгинской роты	Отставной майор Тобольской роты	1779	8	5	11—15	Женат, сын 4-х лет
Солдат армейского полка	Лейб-гвардии сержант	1771	5	2	6—14	—
Копиист Н. Торжской воеводской канцелярии	Регистратор Синода	1775	5	2	18	Женат
Студент Московского университета	Шихтмейстер Екатеринбургского горного начальства	1781	3	3	2	—

1	2	3	4	5	6
Корсаков Н. Е.	Зауряд-секретарь Охотского порта	Городовой секретарь	Сын подья- чего	28	15
Басарев А. И.	Секретарь канцелярии Нер- чинского горного начальства	Губернский секретарь	Сын при- казного	26	16
Васильев В. А.	Секретарь Иркутской губернской канцелярии	Коллежский секретарь	Сын при- казного	32	27

В Упсальском университете русские студенты слушали лекции знаменитого Линнея по ботанике и зоологии, занимались по его плану описанием и систематикой различных растений. Они также прошли теоретические и практические занятия по металлургии, минералогии, приборному делу. Занятия А. М. Карамышева в Упсале закончились защитой в 1766 г. диссертации «О необходимости развития естественной истории в России». Получив летом 1767 г. диплом доктора медицинских наук и чин маркшейдера, А. М. Карамышев перешел из ведомства Московского университета в ведомство Берг-коллегии, в 1768—1771 гг. обучался в Фалуне «начальным основам маркшейдерского дела» и плавке металла. По возвращении в Россию 7 декабря 1771 г. был произведен в маркшейдеры «капитан-поручичья ранга» IX класса чинов. После годичной успешной командировки на Олонецкие заводы А. М. Карамышев, уже в чине бергмейстера, в марте 1772 г. направлен в Екатеринбург для службы в главном правлении Сибирских, Казанских и Оренбургских заводов. Через год его вызвали в Петербург. После очередной командировки на Олонецкие заводы А. М. Карамышев получил дополнительное назначение «в Горный корпус по химической части». В этом горном училище, первой российской высшей горной школе, он стал преподавателем минералогии, химии и металлургии, состоя по-прежнему в штате Берг-коллегии. За успешную педагогическую работу А. М. Карамышев был произведен в очередной горно-офицерский чин VII класса. Получила призна-

Продолжение табл. 7

7	8	9	10	11	12	13
Копиист Иркутской губернской канцелярии	Там же канцеля- рист	Местный	6	3	15	—
Копиист канцелярии на Нерчин- ских за- водах	Там же канце- ляррист	Местный	4	—	12—15	Женат, сын 5 лет
Копиист Иркутского соляного казначей- ства	Секретарь Иркутской губернской канцелярии	Местный	4	3	16—27	Женат, сын 12 лет

Примечание. ЦГИА, ф. 1349, оп. 4, д. 35, л. 2 об.—4, 20 об.—21, 28 об.—29, 47 об.—51, 59 об.—60, 79 об.—80.

ние и его научная работа, за которую в 1779 г. его избрали в число членов-корреспондентов Петербургской академии наук. Через поэта М. М. Херескова и друга-баснописца И. И. Хемницера А. М. Карамышев близко знакомится с представителями высших придворных кругов. Г. А. Потемкин даже представил супругов Карамышевых Екатерине II. Однако со временем энергичный и увлеченный наукой ученый стал тяготиться пресыщенной и разгульной, наполненной интригами жизнью дворца. Личная обида (его не назначили на освободившееся место члена Берг-коллегии) подтолкнула к решению покинуть столицу. Через Потемкина А. М. Карамышев получил место директора новоучрежденной Иркутской банковской конторы Ассигнационного банка. Не исключено, что ученый выбрал именно Сибирь в надежде, что природа этого огромного малоизученного края будет ему огромным полем деятельности. Екатерина II, «не в пример другим», положила ему, а по его просьбе и всему штату конторы, двойное жало-

ванье. В августе—сентябре 1779 г. А. М. Карамышев, с камериром и кассиром, все с семьями, прибыли в Иркутск. Его жена Анна Евдокимовна (во втором браке Лабзина) в своих «Воспоминаниях» приводит интересные сведения о том, как встретили местная администрация и «отцы города» главу очень важного для купеческого Иркутска отраслевого учреждения, обладавшего к тому же придворными связями в столице. Чете Карамышевых отвели сразу «довольно порядочную квартиру». На третий день начались многочисленные визиты: сначала губернатор Кличка и вице-губернатор Цеддельман с женами, затем «все тамошние дамы и кавалеры». «На другой день губернатор прислал карету с лошадьми, пока мы не заведем своих; купечество прислали все нужное для дома, поверенные — водки и вин, две коровы и даже сена и разных домашних птиц; и я ничего не покупала. Наконец, я поехала с визитами и меня везде принимали как бы принцессу какую, и очень меня все полюбили, особливо дом губернатора и вице-губернатора, а самолюбию моему было очень приятно»¹⁰⁵. Карамышевы заняли одно из первых мест в тогдашнем Иркутске. Ценили Александра Матвеевича и как крупного горного специалиста. В 1780—1781 гг. он, по решению губернатора, замещал умершего начальника Нерчинских горных заводов, сумел резко поднять выплавку серебра на них, проявив себя в то же время умным и гуманным администратором. Вернувшись в Иркутск к прежней должности, А. М. Карамышев пробыл в нем до закрытия в 1789 г. банковской конторы, получив в 1784 г. очередной чин коллежского советника. Вернувшись в Петербург, А. М. Карамышев до своей кончины 22 ноября 1791 г. служил в «Горной по Кольвано-Воскресенским заводам экспедиции», входившей в состав Кабинета.

Убыль классных чинов местной бюрократии, конечно, не сводилась к территориальным миграциям приезжих и местных чиновников. Обычно уезжали переводом или отставкой чиновники в штаб-офицерских чинах, занимавшие ключевые должности в аппарате управления, в первую очередь губернаторы, их товарищи, воеводы провинций, руководители важных отраслевых учреждений. Но удельный вес этого слоя чиновников в общей массе, как отмечалось, был невелик. Довольно значительной оставалась естественная убыль чиновников, хотя в целом классные чины гражданского ведомства помолодели. Так, по нашим подсчетам, из 16 воевод, сменившихся за 1763—1782 гг. в Илимске (6) и Якутске (10), семеро умерло (соответственно 2 и 5)¹⁰⁶. Некоторых чиновников годами

отстраняли от должностей для суда и следствия. Их численность, по имеющимся данным, не поддается определению. Наконец, часть классных чиновников продолжала жить в Восточной Сибири, но не служила по причине отставки, непригодности либо по недостатку свободных вакансий.

Сохранившийся «Список о состоящих в ведомстве Якутской воеводской канцелярии в штатской службе чинах» от 10 мая 1772 г., представленный в табл. 8, свидетельствует, что удельный вес отставных и находящихся «не у дел» классных чиновников в отдельных уездах был значительным. Лица в классных чинах, но «не удел» встречались в Якутске и в последующие годы. Так, в 1784 г. заседателем Охотского совестного суда назначили отставного коллежского асессора Егора Кичкина, родом из якутских дворян, который жил своим домом в Якутске, занимаясь промысловым предпринимательством¹⁰⁷.

Этот редкий документ значительно дополняет и уточняет приведенные выше данные об уездной дворянской бюрократии Восточной Сибири. Примечательно, что местные уроженцы среди якутских дворян-чиновников явно преобладают (7 из 9-ти). Только воевода Д. Офросимов, владелец 111 крепостных крестьян в Серпейском уезде Московской губернии, был представителем российского «благородного» сословия. Этот опытный чиновник 21 год прослужил в Сенатской роте и, хотя никогда «не бывал в походах против неприятелей», получил чин капитана, подвизаясь в «должности экзекуторской». Ровно через год после этого его определили к «статским делам», присвоив очередной ранг VIII класса коллежского асессора. После 8-месячной работы в составе следственной комиссии по Ярославлю Д. Офросимов почти на два года был определен в «Комиссию Уложенную», а из нее Сенатом, назначен в Якутск. Новый воевода не хотел оседать в Сибири, очевидно поэтому жена и дочь остались жить в «Брянске в своих вотчинах в с. Жарыни». Через три года во второй половине 1772 г. Д. Офросимов попал под суд и был смещен¹⁰⁸.

Другим выходцем из России был Гавриил Сметанин, прибывший в Сибирь в числе 31-го школьника, которых указом Сената 20 октября 1744 г. отправили копистами в Сибирскую губернию. В Якутск Г. Сметанин попал уже «подканцеляристом с приписью» и прослужил в нем к 1772 г. 20 лет, из них пятнадцать — в ранге коллежского регистратора XIV класса. Карьеру, как видим, он не сделал, а наоборот, оказавшись в 1772 г. на внеклассной должности канцеляриста.

Состав классных чиновников, состоящих в ведомстве
Якутской воеводской канцелярии в мае 1772 г.

Ф И О	Должность	Чин или ранг	Сословное происхождение	Возраст, лет	Общий стаж, лет	Род первой службы	Миграции			Время выслуги в первое и последнее го классного чина
							Должностные раз	территориальные раз	Год вступления в должность	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Офросимов Д.	Воевода	Коллежский ассессор	Дворянин	43	29	Солдат	4	2	1769	13; 21
Мантейфель-Товарищ цен П.	воеводы	Секунд-майор	Лифляндский дворянин	31	18	Солдат Якутского полка	7	4	1769	7; 16
Татаринов И. Командир якутских казаков		Титулярный советник	Якутский сын боярский	49	35	Казак	5	—	1751	23; 28
Ермолаев П. Секретарь		Коллежский протоколист	Сибирский дворянин	46	32	Школьник	7	2	1770	14; 31
Сметанин Г. Канцелярист		Коллежский регистратор	Солдат	44	28	«»	2	2	1752	13; —

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Татаринов Д. «Не у дел»		Отставной поручик	Обер-офицер	27	11	Солдат	?	?	1770	6; 9
Данилов А. «Не у дел»		Отставной прапорщик	Казак	60	45	Казак	8	10	1768	41; —
Ефимов Ф. «Не у дел»		Отставной коллежский регистратор	Якутский сын боярский	44	19	Казак	4	—	?	21; —
Петров И. «Не у дел»		Отставной коллежский регистратор	Каптенармус Охотской нерегулярной команды	49	32	Школьник артиллерийских наук	?	?	1771	25; —

Примечание. ЦГАДА, ф. 607, оп. 2, д. 59, л. 59—73.

В 1768 г. за «непорядочное о смертном убийстве бывшим якутским воеводой Чередовым верхневилуйского князца Хоянчина следствие» его должны были разжаловать, отобрать офицерский патент и после наказания кнутом отправить на каторжные работы в Нерчинск. Губернатор Д. И. Чичерин, однако, помиловал его как «впервые проштрафившегося» и перевел на полгода в копиисты, лишив чина и жалованья. Воевода запальчиво отмечал в общем послужном списке против фамилии Г. Сметанина, что тот «к делам неспособен», редко ходит в канцелярию, ложно сказываясь больным, пьянствует, заводит ссоры, запустил все дела и финансовую отчетность, дает ложные сведения и неосновательные доклады. Называл воеводу злодеем, угрожая смертью оружием и дрекольем, а 28 ноября 1770 г. ругал матерной бранью поручика Шмалева и священника-заказчика Стефанова, за что получил «публичный выговор» от Д. Офросимова¹⁰⁹.

Не местным был также коллежский протоколист П. Ермолаев, который на службе в Западной Сибири еще в 1754 г. получил первый классный чин, а через 6 лет — чин коллежского протоколита. В 1765 г. из Тобольской секретной комиссии его «за некоторую вину» отправляют «без наказания» по именному указу на службу в Якутск «по пригодности». Судя по дальнейшему чинопроизводству, П. Ермолаева разжаловали, хотя в послужном списке прямо об этом не сказано. Три года он был в должности секретаря ясачной комиссии в звании якутского дворянина, затем до 1770 г. находился в Верхневилуйском остроге управителем, а с 1770 г. Иркутская губернская канцелярия перевела его на должность провинциального секретаря в Якутскую воеводскую канцелярию и представила на чин коллежского протоколита¹¹⁰.

Как отмечалось выше, прочие чиновники были местного происхождения, в том числе Мантейфельден, которого можно считать сибиряком. Их путь к классным чином одновременно хорошо раскрывает процесс одворянивания выходцев из местного казачества. Иван Татаринов начинал казаком, через 14 лет стал казачьим головой, а спустя еще четыре года получил «старшинство» над всеми якутскими дворянами. В 1753 г. он даже выполнял обязанности воеводы до прибытия Уара Еропкина¹¹¹. Ф. И. Соимонов и Д. И. Чичерин, настойчиво распространяя армейские порядки и систему чинопроизводства на местные казачьи команды, добивались присвоения Татаринову «ранга армейского поручика». Очередной чин, но «статского рангу» он получил через пять лет в мае 1765 г.,

ибо по военному ведомству, вероятно, не было свободных вакансий. История с получением очередного чина И. Татаринова послужила конкретным поводом для Ф. И. Соимонова и Д. И. Чичерина поставить перед центральной властью вопрос о введении особого, автономного для Сибири, порядка чинопроизводства.

Своего сына И. Татаринов определил солдатом в местный полк. Дмитрий довольно быстро для сибиряка получил свой первые офицерские чины (см. табл. 8). Кроме протекции отца, очевидно, этому способствовало его участие в «походах Анадырской партии» против немирных чукчей в 1762—1764 гг. Не ясно, почему 27-летний поручик Д. Татаринов числился отставным и «находился не у дел», хотя воевода отмечал, что он «в штрафах не бывал, способен к продолжению службы и достоин повышения». Спустя несколько лет Д. Татаринова назначили комиссаром в Верхне-Колымское зимовье, а с 1783 г. по новым штатам уездным казначеем в Зашиверск¹¹².

Судя по тому, что Ф. Ефимов уже в 1764 г. получил первый классный чин коллежского регистратора, пребывая пять лет в звании якутского дворянина, правительство, в связи с новыми штатами конца 1763 г., по настоянию Ф. И. Соимонова, впервые соединило служебную иерархию сибирского казачества в верхнем ее звене с чином «Табели о рангах», приравняв звание «сибирский дворянин» к высшему внеклассному рангучину канцеляриста. Превращение сына боярского И. Петрова в 1767 г. в коллежского регистратора, а якутского дворянина А. Данилова в 1768 г. в прапорщика (см. табл. 8) свидетельствует, что принятый в октябре 1765 г. Сенатский указ о новом льготном «порядке производства в чины служащих в губерниях Сибирской и Иркутской» не остался на бумаге. Правда, выходца из рядовых казаков, 56-летнего якутского дворянина Алексея Данилова, спутника и помощника в 1737—1740 гг. замечательного ученого Второй Камчатской экспедиции Вильгельма Стеллера, участника плавания к берегам Японии в 1741—1745 гг., организатора якутской пашни и депутата Уложенной Комиссии, Сенат пожаловал «в отставку прапорщиком» по особой рекомендации и настоянию сибирского губернатора Д. И. Чичерина¹¹³.

К сожалению, состояние источников не дает возможности определить, в какой степени состав по происхождению классных чиновников отдаленнейшего Якутского уезда был типичным для других восточно-сибирских уездов, тем более, что Якутск являлся чем-то вроде «Сибири» в Сибири для проштра-

фившихся чинов гражданского и военного ведомств. Можно достаточно уверенно говорить о том, что около половины уездной классной бюрократии уже составляли лица местного и сибирского происхождения. Они занимали почти все секретарские должности в уездных воеводских канцеляриях, были казначейскими головами, земскими комиссарами, а некоторые (вроде князя И. Я. Пельмского в Красноярске и Г. Е. Шапошникова в Енисейске) даже воеводами или товарищами воевод.

Заметную роль в формировании дворянских кадров местной бюрократии сыграли выпускники солдатских и особенно учрежденных Соймоновым специальных навигацких школ в Иркутске, Нерчинске, Охотске и Якутске, хотя в гражданскую службу в 1754—1768 гг. (в Нерчинской с 1755 до 1765 гг.) они, судя по уточненным А. Н. Копыловым данным Сгибнева, не распределялись (табл. 9)¹¹⁴.

С 1756 г. выпускникам Иркутской школы, в результате хлопот М. Татаринова, возглавлявшего ее, Сенат стал присваивать обер-офицерские чины¹¹⁵.

Таблица 9

Распределение выпускников навигацких школ Восточной Сибири в середине 50-х — 60-е гг. XVIII в.

Куда убыли	Из Иркутской	Из Нерчинской	Всего
В морскую службу	27	9	36
Геодезистами*	6	—	6
В горную службу	51*	56	107
В военную службу «нерадивые»	51	23	74
В медицинскую службу	1	—	1
Переводчиком японского языка	1	—	1
Умерло, заболело и пр.	5	13	18
Переведено в Иркутскую школу	—	39	39
Итого	142	140	282

2.3. ЛИЧНЫЙ СОСТАВ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ КЛАССНОЙ БЮРОКРАТИИ В КОНЦЕ XVIII — НАЧАЛЕ XIX ВВ.

С распространением на Сибирь в 1782—83 гг. общерусской губернской реформы 1775 г. сибирская бюрократия вступает в заключительный этап своего формирования. По основному составу чинов, должностям и функциям она в главных своих структурных чертах сохранилась и в XIX столетии. Впервые в

погубернском плане при определении штатов была сделана попытка учесть географическую и демографо-экономическую специфику Иркутской губернии.

Именным указом 6 марта 1783 г. ее отнесли ко второму, с повышенным жалованьем, разряду губерний, и в рамках общего штата были сделаны дополнительные коррективы, которые затронули даже отдельные составляющие ее 4 провинции и 17 уездов (см. гл. I).

Общая численность штатных чиновников Иркутской губернии должна была составить 762 человека, в том числе 342 не выборных, а назначаемых правительством в классных чинах и получающих казенное жалованье. Территориально они распределялись следующим образом: в собственно губернские учреждения назначались все 44 чиновника; во всей Иркутской провинции с областными учреждениями из 194 чел. было 136 назначенных; в Якутской из 190 — 131 чел.; в Нерчинской из 170 — 111 чел.; в Охотской из 162 — 107 чиновников. Естественно, что Герольдмейстерская контора не могла подобрать такое количество чиновников, тем более, что были нужны кадры и для двух других сибирских губерний. Подсчеты по «печатному штату Иркутского наместничества» от 6 марта и 5 мая 1783 г., по «черновому списку определенным в Иркутское наместничество», по «Списку чинов» и «Записке о стряпчих» показывают, что Сенат назначал к службе в Восточной Сибири вместе с местными 386 человек¹¹⁶. По месту последней службы они, по нашим подсчетам, распределялись следующим образом: служившие до реформы в Иркутской губернии по военной и гражданской части — 91, выходцы из российских губерний — 295, в том числе 117 человек из ближних Пермского и Уфимского наместничеств.

Как и прежде, нужные кадры правительство прежде всего получало за счет регулярной армии. Имеющих достаточно солидный бюрократический опыт и гражданские ранги среди прибывших из-за Урала насчитывалось 117 чел., а остальные, всего 174, еще были в офицерских чинах от подполковника до прапорщика. Судя по тому, что около 78 чел. числилось отставными, больше половины из них (55%) пришли к «статским делам» прямо из полков. С учетом 68 чел. в офицерских чинах среди местной администрации, из которых только 17 были отставными и с гражданскими рангами, доля офицеров, непосредственно вышедших из частей или вскоре после отставки по-

павших на гражданскую службу в Иркутское наместничество, составит 62,7% — 242 из 386 чел. Однако эти административные прикидки во многом остались на бумаге. Из назначенных чиновников не явились в срок 29 чел. Губернатор И. В. Якоби большинству чиновников, по их просьбам или своим соображениям, переменял должности. Около 40 чиновников, в том числе барона И. Штейнгеля, отца декабриста¹¹⁷, он перевел из Уфимского наместничества, которое до этого возглавлял. На должностях, что были назначены Герольдмейстерской конторой и утверждены Сенатом, осталось только 140 человек. Мало того, властный и самолюбивый губернатор (о нем см. гл. 3) часть чиновников направил в Колыванское наместничество, а других оставил «за штатом», в том числе 14 человек, ранее служивших в Иркутской губернии. Сенат пожаловался императрице на самовольные действия наместника и генерал-губернатора Иркутского и Колыванского наместничества. После разбора специальным именованным указом назначения И. В. Якоби были утверждены, но впредь ему настрого запрещалось делать самовольно должностные перестановки чиновников не только между наместничествами, но и внутри каждого из них¹¹⁸.

Имеющиеся архивные материалы не дают полных комплексных сведений о составе чиновников Иркутской губернии штата 1783 г. Отрывочные и более поздние данные показывают, что прибывшее из многих губерний, различных учреждений и полков чиновничество во многих отношениях представляло собой довольно пеструю (по происхождению, возрасту, образовательному уровню, житейскому опыту, знанию гражданской службы) массу: от русского, украинского, польского, лифляндского, французского и «просто иноземного» шляхетства до грузина и крещеного еврея; от боевых офицеров армии и флота до всю жизнь проведших в канцеляриях и выслужившихся «статских чинов» из приказных, подьячих, солдатских детей и духовных лиц; от студентов и сотрудников Санкт-Петербургской академии наук (например, Косолапов, Кашкарев) до малограмотных из местной казачьей верхушки дворянских заседателей; от проштравившихся столичных гвардейцев до выслуживших через 30—40 лет первый классный чин сибирских казаков. Бросается в глаза обилие иностранцев, которых вслед за Екатериной II привечал генерал-губернатор И. В. Якоби, сам сибиряк иностранного происхождения. Так, в губернском аппарате почти каждый третий носил нерусскую фамилию.

Практически сразу после открытия учреждений начинаются различные ссоры, взаимные претензии, столкновения самолюбий, должностных и прочих интересов среди чиновников всех рангов. Особенно часто возникали конфликты по поводу главенства и старшинства среди руководителей тройки основных уездных учреждений, между которыми была разделена власть бывшего воеводы. Городничие, капитан-исправники нижних земских судов и судьи нижних сельских расправ каждого уезда не воспринимали идеи разделения властей, никак не могли определить свой статус по отношению друг к другу. Губернские чины довольно быстро раскололись на сторонников и противников генерал-губернатора И. В. Якоби, который вмешивался в дела губернских учреждений, ограничивая prerogatives глав казенной палаты, палат уголовных и гражданских дел, губернского прокурора, председателя верхнего надворного суда, по выражению современника, как «старинный российский вельможа». Он еженедельно держал открытый стол для чиновников и по очереди с Ламбом и купцом Сибиряковым задавал балы. Недовольные им прибегли к старинному испытанному средству — доносу. В 1789 г. Сенат отстранил Якоби от должности и вызвал в столицу для следствия (см. гл. 3).

Не успело иркутское чиновничество как следует опомниться от следствий и перемещений в связи с делом И. В. Якоби и приходом в 1789 г. генерал-губернатора И. А. Пиля, как в 1797 г. опять начались изменения в составе должностей и учреждений, вызванные введением Павлом I нового штатного расписания.

Комплексные достаточно представительные сведения о составе классных чиновников, «находящихся при должностях» в Иркутской губернии на январь 1799 г., то есть через два года после введения павловского штата, содержатся в формулярных списках, которые были сведены по установленной форме из поуездных перечней чиновников по должностям в каждом уезде в общую книгу¹¹⁹. Всего по гражданскому ведомству в 15 уездах и губернском городе (без администрации Нерчинского горного округа) приведены 165 формуляров классных чиновников от губернатора IV класса до городских секретарей XIV ранга. Из них в пяти формулярах сведения сохранились частично. Кроме того, имеются семь послужных списков местных служилых людей, занимавших классные должности, но без классных чинов¹²⁰. Судя по штатам, кроме этих 172 должностей, по нашим подсчетам, оказалось 20 вакантных (табл. 10). Наличие незанятых должностей, в среднем почти

Таблица 10

Численность чиновников на классных должностях
в учреждениях Иркутской губернии за 1799 г.

Должность	VIII класса и выше	IX—XIV классы	Итого	
			всех чинов- ников	в том числе сибиря- ков
Губернатор	1	-	1	-
Председатели палат и вице-губернатор	3	-	3	-
Советники палат	7	-	7	-
Ассессоры палат	7	-	7	1
Губернский прокурор	1	-	1	-
Губернский казначей	-	1	1	1
Губернский архитектор	-	1	1	1
Секретари палат и губернского правления	-	6	6	3
Областной судья в г. Нерчинске	1	-	1	-
Ассессоры областного суда	2	-	2	-
Городничие уездных городов и крепостей*	14	1	15	2
Судьи уездных судов	9	5	14	1
Комиссары нижних земских судов	5	10	15	5
Дворянские заседатели уездных учреждений	1	52	54*	15
Секретари уездных учреждений	-	24	24	13
Уездные казначеи	-	9	15*	12
Управители казенных винных заводов	-	3	3	2
Соляные смотрители и их помощники**	-	2	2	2
Итого	54	114	172	58
В том числе в губернском звене управления	19	8	27	6

Примечание. ЦГИА, ф. 1349, оп. 4, д. 35, л. 1—154 об. Подсчет наш.

* — В крепостях Кударинской и Акшинской комендантов с 1797 г. переименовали в городничие (ЦГИА, ф. 1349, оп. 4, д. 35, л. 150 об.—153). В общий итог включены чиновники без классных чинов.

** — Сведения о них неполные, а о чинах Кяхтинской пограничной таможни отсутствуют из-за утраченных листов дела.

каждой восьмой, и назначение в отдаленных уездах канцеляристов и сибирских детей боярских на классные должности XIV—XII ранга свидетельствуют о сохранении кадрового голода в Восточной Сибири, хотя общая численность чиновников по штатам Павла I, как выше отмечалось, в Иркутской губернии значительно сократилась. О затруднениях с чиновниками говорят сравнительно низкие ранги части должностных лиц, занимавших такие ключевые посты местного уездного аппарата, как должности городничего, уездного судьи и комиссаров нижних земских судов. Так, из 44 должностей 16 занимали лица с рангом личных дворян, а не с чином VIII

класса и выше¹²¹. Гижигинские городничий и уездный судья имели IX ранг, нижнекамчатский судья тоже был титулярным советником, якутский, зашиверский и акланский уездные судьи носили только XII ранг вместо VII или VIII по штату. Только в среднем один из трех (5 из 15) комиссаров (бывших капитан-исправников) нижних земских судов был в чинах потомственных дворян VII—VIII классов (оленский, якутский, акланский, баргузинский, нерчинский)¹²², а прочие имели ранги от титулярного советника (IX ранг) до коллежского протоколита (XIV ранг). Таким самым низким чином обладал жиганский комиссар Я. М. Уваровский, 58 лет, родом из сибирских казачьих детей¹²³.

Судя по «Месяцеслову» за 1802 г., в Иркутской губернии по-прежнему не хватало кадров чиновников. Было почти столько же (18) свободных вакансий. Но ряды чиновников стали в основном отношении почище. Классные должности без чина сохраняли вместо семи только трое: оленские секретарь с казначеем и акланский казначей¹²⁴. По-прежнему среди уездной администрации самым высоким рангом, а значит и весом, среди остальных чиновников обладали городничие. Так, в 1802 г. из 14 городничих 9 были надворными советниками, а остальные, кроме гижигинского в IX классе, — коллежскими ассессорами, в то время как почти половина судей уездных судов уступали им в классности: 7 человек имели ранги личных дворян IX—XII классов. Чины комиссаров нижних земских судов, по сравнению с 1799 г., совсем не изменились. Ведущая роль у заенисейской администрации городничих, которым подчинялись городские командиры, свидетельствует о более ярко выраженном военизированном характере местного правления пограничной Иркутской губернии. С другой стороны, во внутренней Тобольской губернии, включая приенисейские уезды, уездные судьи по иерархии чинов местного аппарата стояли несколько выше городничих. Так, из 11 уездных судей 8 имели VII, по 2—VIII и IX классы, а из городничих, соответственно, 4 были надворными советниками, 6 — коллежскими ассессорами и один титулярным советником. Вместе с тем удельный вес гражданских чиновников с рангами потомственного дворянства в Иркутской губернии был даже чуть выше, чем в Тобольской губернии, составляя в 1799 г. и 1802 г. около трети всех классных чинов: соответственно, 51 из 172 и 51 из 158 — в Иркутской, а в Тобольской — 55 из 185 чел. в 1802 г.¹²⁵

Территориальное происхождение гражданских классов чиновников Иркутской губернии в 1799 г.

Места первой и последней службы (губернии)	Должности				Чины				Всех чинов	
	губернские		уездные		VIII—выше		IX—XIV			
	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2
Петербургская	10	4	39	35	20	12	29	27	49	39
Московская	-	2	4	3	1	3	3	2	4	5
Тверская	-	-	2	-	1	-	1	-	2	-
Пензенская	-	-	1	-	-	-	1	-	1	-
Нижегородская	-	-	1	-	1	-	-	-	1	-
Владимирская	1	1	-	1	-	-	1	2	1	2
Воронежская	-	-	1	-	1	-	-	-	1	-
Казанская	-	-	1	-	1	-	-	-	1	-
Орловская	-	-	-	1	-	-	-	1	-	1
Симбирская	-	-	-	1	-	1	-	-	-	1
Могилевская	-	-	-	1	-	-	1	-	-	1
Смоленская	-	-	3	1	2	-	1	1	3	1
Новгородская	-	-	1	2	-	1	1	1	1	2
Псковская	-	-	1	-	1	-	-	-	1	-
Архангельская	-	-	1	1	1	-	7	1	1	1
Прибалтийские	2	1	4	2	4	1	2	2	6	3
Украинские	4	2	9	2	6	2	7	2	13	4
Екатеринославская	-	2	-	2	-	2	-	2	-	4
Кавказское наместничество	-	-	-	2	-	-	-	2	-	2
Уральские	-	-	1	4	-	1	1	3	1	4
Неустановленные российские	2	2	17	24	6	16	13	10	19	26
Тобольская	2	2	2	4	2	3	2	3	4	6
Кольванская	-	3	3	7	-	5	3	5	3	10
Приенисейский край	-	-	-	1	-	1	-	-	-	1
Иркутская	6	8	48	44	4	1	51	51	54	52
Неустановленные сибирские	-	-	5	2	-	-	5	2	5	2
Неизвестно откуда	-	-	1	5	-	2	1	3	1	5
Итого:	27	27	145	145	51	51	121	121	172	172
В том числе										
из Европейской России	19	14	86	82	45	39	60	57	105	96
из Сибири	8	13	58	58	6	10	60	61	66	71
неизвестно	-	-	1	5	-	2	1	3	1	5

Примечание. ЦГИА, ф. 1349, оп. 4, д. 35, л. 1—154 об. Подсчет наш. В вертикальных графах цифра «1» означает место первой службы, а «2» — последней до вступления в должность, в которой чиновник находился в 1799 г.

чинах VIII класса и выше (172 без 48 местных, никогда не выезжавших за пределы губернии). Он сформировался за

Анализ территориального происхождения чиновников, занимавших классные должности¹²⁶, тоже показывает, что в Восточной Сибири конца XVIII в. кадры классного чиновничества формировались, как и прежде, главным образом за счет назначений из-за Урала (табл. 11). Из 172 человек только 65, или 37,8%, чиновников на классных должностях были сибирского происхождения, в том числе 8 являлись выходцами из Западной Сибири, а 7 не имели классных чинов. Из таблицы видно, что более 61% будущих иркутских чиновников начинали свою первую службу в Европейской России, всего 105 из 172 чел. Перед получением в Иркутской губернии последней должности западнее Урала служило 96 чел. Показательно, что 42,5% из них (45 чел.) к 1799 г. оказались в рангах потомственного дворянства, в то время как только 6 из 58 классных (один из десяти) чиновников сибирского происхождения, в том числе 4 местных, дослужились до VIII класса и выше. При этом последним в период правления Екатерины II пришлось обязательно послужить в полевых полках или гражданских учреждениях Европейской России. Чиновники же с правами личного дворянства уже только наполовину формировались за счет российских коллег (см. табл. 11).

Из всех районов, откуда поступали чиновники, явно выделялась столичная Петербургская губерния. Судя по местам прохождения первой и последней перед назначением в Иркутскую губернию служб, около 40% (39 из 96) всех классных на 1799 г. чинов восточно-сибирской бюрократии проходили подготовку в столичных учреждениях и частях и затем направлялись Герольдмейстерской конторой прямо в Сибирь. Они обычно получали более высокие должности и чины. Остальные в первые должности вступали чаще всего не в центральных, а в окраинных губерниях. Значительная разница в местах первой и последней служб показывает, что каждого второго (53 из 105 чел.) из российских чиновников в течение службы (в среднем 26-летней) должностными переводами Сенат постепенно смещал из центральных губерний и обжитых окраин страны на восток за Урал и Енисей. Опытном же гражданской службы в Сибири до последнего назначения обладали немногие, всего 9 человек (105—96). Отсюда следует, что Павел I очень основательно перетасовал даже в Восточной Сибири доставшуюся ему от матери местную администрацию. В целом трудно сказать, сколько поступало чиновников ежегодно. Их частью был выявленный по формулярным спискам 1799 г. контингент из 124 человек, в том числе 49 в

**Сословно-социальное происхождение
классных чиновников Иркутской губернии в 1799 г.***

Сословные группы или чины отцов	Всего			
	Чиновников	Из них сибирского происхождения	Всего в VIII классе и выше	Из них сибирского происхождения
Российские дворяне	31	3	17	1
Украинские дворяне	8	—	3	—
Прибалтийские дворяне	4	—	4	—
Польские дворяне	3	—	—	—
Дворяне-иностранцы	3	—	2	—
Штаб-офицеры	3	2	1	1
Обер-офицеры	18	7	7	—
Унтер-офицеры	2	—	—	—
Солдаты	23	10	4	—
Дворцовые служители	2	—	—	—
Малороссияне	2	—	1	—
Студенты и ученики	2	1	—	—
Духовенство	11	2	2	1
Сибирские дворяне	6	6	2	1
Сибирские дети боярские	2	2	—	—
Сибирские казаки	6	6	—	—
Приказные и подьячие	30	18	3	2
Купцы и мещане	4	1	2	—
Бывший крепостной крестьянин	1	—	—	—
Крещеный еврей	1	—	1	—
Не указано	3	—	2	—
Итого	165	58	51	6

Примечание. ЦГИА, ф. 1349, оп. 4, д. 35, л. 1—154 об. Подсчет наш.
* Без семи чиновников местного происхождения на классных должностях, но без классных чинов.

дины 1779 г. по своему прошению уволен Военной коллегией в отставку с чином секунд-майора. Гражданская служба И. Е. Фирсова протекала в том же хорошо знакомом ему Забайкалье: с 11 августа 1780 г. — он уездный казначей в Удинской провинции с переименованием в коллежские асессоры, с 1784 г. — расправный судья в г. Верхнеудинске, а с 1797 г. — уездный судья, то есть в этой же по существу должности в Нерчинске. Чин надворного советника И. Е. Фирсов получает в следующем 1798 г., но со старшинством с 1798 г., причем находясь еще под следствием по обвинению во взятках. И. Е. Фирсов был женат на вдове бригадира Еремеева и жил, судя по наличию восьми дворовых, барским домом¹²⁷.

28 лет с 1771 по 1799 г. (никого не осталось из поступавших в 1772, 1773, 1774, 1776, 1782 и 1785 гг.), так как их, очевидно, было немного или совсем не было. В годы крестьянской войны под руководством Е. И. Пугачева было не до забот о нуждах управления сибирским краем. В 1782 г. требовались чиновники по новым штатам для губерний Западной Сибири, а через два года после их введения за Енисеем новые крупные назначения оказались центру не под силу.

В среднем ежегодно из прибываемых оседало 4—5 чиновников. Абсолютные же цифры, по годам, естественно, были неравномерными: 1771 г. дал 1, 1775 — 2, 1777 — 1, 1778 — 1, 1779 — 2, 1780 — 1, 1781 — 1, 1783 — 44, 1784 — 3, 1786 — 1, 1787 — 4, 1788 — 3, 1789 — 4, 1790 — 3, 1791 — 5, 1792 — 4, 1793 — 4, 1794 — 4, 1795 — 8, 1796 — 4, 1797 — 8, 1798 — 9, 1799 — 2 и не указано — 5 чиновников.

По социально-сословному происхождению чиновники состояли главным образом из детей потомственных дворян (49 чел., или 29,7%), чинов регулярной армии (46 чел., или 27,9%), подьячих и приказных людей (30 чел., или 18,2%), сибирских иррегулярных войск (16 чел., или 9,7%) и духовенства (11 чел., или 6,7%). На прочие сословные группы пришлось лишь 7,9% общего числа чиновников (табл. 12).

Как видим, потомственные дворяне были самой крупной группой, которая, однако, составляла даже меньше трети всей классной восточно-сибирской бюрократии. При этом трое из них являлись сибиряками. Из «штаб-офицерских детей» был нерчинский уездный судья, 57-летний надворный советник Иван Ерофеевич Фирсов, который сделал благополучную и типичную для природного дворянина карьеру. Он родился в семье офицера Якутского пехотного полка, расквартированного в Забайкалье, и сравнительно легко достиг VIII ранга «через военную службу». 13-летним в 1755 г. был записан в отцовском полку солдатом. В том же году Фирсов стал сержантом, а через два года — прапорщиком. С 1763 по 1765 гг. он адъютант при командире полка генерал-майоре В. В. Якоби, затем становится поручиком нового Якутского карабинерного полка, а через два года — капитаном. После расформирования полка И. Е. Фирсов получает назначение в Омский пограничный батальон, очевидно, в его составе участвует в первой русско-турецкой войне. В формулярном его списке за 1795 г. сказано, что Фирсов «был в походах против неприятеля в Кубанской степи, при занятии г. Темрюка и черкесских нападений». После войны он служил в Томском пехотном полку, а с сере-

Совсем иначе складывалась служба у иркутского уездного казначея Ивана Спиридоновича Судейкина. Этот 36-летний «российский» дворянин в 23 года начинал копиистом Иркутской губернской канцелярии, где прослужил 13 лет. Переход в казначейство принес ему ранг губернского регистратора XIV класса. Через три года он достиг высшего ранга этого же класса чинов, став коллежским регистратором. Он был женат, крепостных не имел. Такая скромная карьера Судейкина, возможно, была обусловлена не столь чисто гражданским характером службы (и на ней отдельные сибиряки вроде Голощапова достигали до VIII класса и выше), а его деловыми качествами. Не исключено, что в глазах местной администрации он не являлся по происхождению тем, за кого себя выдавал. (Такого рода случаи с енисейским чиновником Гоголевым описан нами далее.)

История киренского городничего, 45-летнего надворного советника Константина Матвеевича Бейтона, была сложнее. Он происходил из старинных иркутских дворян. Его отец, Бейтон Матвей Яковлевич, иркутский сын боярский, с 20 июня 1736 г. по 22 января 1738 г. по назначению Иркутской провинциальной канцелярии был илимским управителем. Через два месяца после сдачи должности по заявлению Ф. Литвинцева началось следствие по различным его злоупотреблениям. М. Я. Бейтон обвинялся при допросах по 79 пунктам, преимущественно «во взятках лихоимственно с разного чина людей от рекрутского набору». Общая сумма претензий к нему и его помощнику Толстоухову составляла около 1500 руб. деньгами и товарами. По определению В. Н. Шерстобоева, этот «пройдоха, представитель длинной цепочки служилых людей фамилии Бейтонов, ряда поколений типичной паразитической семьи карьеристов, взяточников и насильников», сумел выкрутиться благодаря умению лгать, ждаты и подкупать, всемерно затягивая следствие. После судебного разбирательства, которое затянулось на 35 лет, с привлечением 94 свидетелей М. Я. Бейтон уплатил через Илимскую уездную канцелярию истцам только 50 руб. 30 коп.¹²⁸ Сын Константин оказался достойным отца. В формулярных списках он писался московским дворянином, так как его предок, сосланный в середине XVII в. из Москвы в Иркутск, якобы был стрелецким головой. Службу К. М. Бейтон начал с 14 лет в 1768 г. учеником местной «геодезической школы», проходя после ее окончания чины: штурманский ученик — с 1773 г., унтер-офицер — с 1777, сержант — с 1778 г. В последнем чине «по болезни» был

отставлен от службы иркутским губернатором Ф. Кличкой и уехал в столицу добиваться официального признания своих дворянских прав на владение дедовской и отцовской деревней Бейтоновой с 31 ревизской душой крестьян¹²⁹. Доморощенный иркутский помещик, изо всех сил пробиваясь в ряды «благородного сословия», свое сомнительное дворянское происхождение, с точки зрения Сената, решил подкрепить личной службой. Срочно «выздоровев», К. М. Бейтон через И. В. Якоби, под началом которого служил, вышел на всесильного временщика Г. А. Потемкина и 18 марта 1781 г. определился в «Иллирический гусарский полк кадетом». Через год, с 31 мая 1782 г., он аудитор Таврического полка, а с февраля 1783 г. перешел в строй с переименованием в подпоручики. Вскоре в том же 1783 г., по представлению И. В. Якоби, Сенат перевел К. М. Бейтона в Иркутское наместничество к штатским делам с чином коллежского асессора. Три года новоиспеченный потомственный дворянин был дворянским заседателем в Иркутском нижнем уездном суде, затем с июля 1786 г. десять лет пребывал в должности асессора второго департамента уголовного суда Иркутского верхнего надворного суда, получив в 1791 г. чин надворного советника VII класса. В 1796 г. Бейтона назначили киренским городничим¹³⁰.

Как и прежде, в сибирских чиновниках оказывались преимущественно представители незнатных и непоместных российских дворянских фамилий. Так, лишь 18 из 49 потомственных дворян имели крепостных крестьян и дворовых, всего 429 р. д., в том числе в Тверской губернии (у двух — 110 р. д.), Воронежской (у двух — 50 р. д.), Петербургской (29 р. д.), Черниговской (21 р. д.), Новгородской (45 р. д.), Владимирской (28 р. д.), Смоленской (у двух — 35 р. д.), Костромской (16 р. д.), Московской (11 р. д.), Нижегородской (45 р. д.), Кольванской (30 р. д.) и Иркутской (у двух — 9 р. д.)¹³¹. Только иркутский гражданский губернатор действительный статский советник Иван Иванович Толстой владел 100 крепостными крестьянами в Тверской губернии, но и его следует отнести к мелкопоместным¹³². При этом у пятерых крепостные находились в совместном владении с родителями и братьями, всего 136 р. д. У председателя же первого департамента Иркутской палаты суда и расправы, 39-летнего коллежского советника родом из «малороссийского шляхетства», Ивана Яковлевича Ломачевского 45 крепостных крестьян числилось в Нижегородской губернии за женой¹³³.

Выходцы из офицерских семей, всего 21 чел., почти сплошь не имели крепостных, что подтверждает служилый характер дворянского происхождения их отцов (кроме сибиряка И. Е. Фирсова, о котором уже шла речь, холоповладельцев было всего двое). Трое «покупных дворовых» показаны в послужном списке дворянского заседателя Баргузинского нижнего земского суда в чине губернского секретаря (X класса), не сибиряка, 36-летнего Семена Даниловича Варфоломеева из «обер-офицерских» детей, начавшего службу с 13 лет солдатом¹³⁴. Нижнеудинский уездный судья, 50-летний надворный советник Василий Степанович Клепиков, тоже сын обер-офицера, за 20 лет службы в Сибири обзавелся пятью дворовыми людьми¹³⁵. Из солдатских детей; всего 21 чел., наибольшего служебного успеха добился 58-летний Семен Иванович Семенов, который за 45-летний срок прошел путь от писаря канцелярии Главной артиллерии Военной коллегии в Петербурге до советника камерной части Иркутской казенной палаты с чином статского советника V класса. Первый дворянский ранг он получил через 27 лет, а потомственное дворянство через чин VIII класса — после 31 года непрерывной службы, когда в 1783 г. был направлен в Колыванское наместничество. Свой последний чин он получил при переводе в 1798 г. в Иркутскую губернию¹³⁶.

Среди выходцев из духовенства самых высоких рангов добились тобольский попovich Семен Кондратьевич Голощапов и сын протопопа Иван Дмитриевич Захаржевский. Последний в 1776 г. начал службу 14-летним солдатом Нотебургского полка. Был в Польше, офицером участвовал в 1789 г. на гробном флоте в русско-шведской войне. Через 9 лет выслужил прапорщика, а через 20 — секунд-майора, ушел в отставку и был определен в Колыванскую губернию. Спустя 7 лет его перевели советником первого департамента Иркутской палаты суда и расправы с чином коллежского советника VI класса¹³⁷.

Еще большего добился С. К. Голощапов — вице-губернатор, председатель Иркутской казенной палаты и кавалер ордена Владимира IV степени. Из всех сибиряков он один за сравнительно небольшой срок выслужил самый высокий чин V класса. Через 11 лет С. К. Голощапов стал личным дворянином, а через 14 после начала службы — потомственным дворянином. Он вступил в службу 4 января 1768 г. 12-летним копиистом Тобольской духовной консистории, через три года стал ее подканцеляристом, а еще через 6 — канцеляристом. С 12 апреля 1779 г. С. К. Голощапов переходит в гражданское ведомство,

поступив, возможно, по протекции, в канцелярию Новороссийской губернии провинциальным секретарем, а через год перешел в губернскую Азовскую канцелярию, где в 1782 г. выслужил ранг коллежского асессора. Следующий чин надворного советника чиновник получил, поступив в новоучрежденное Иркутское наместничество на должность губернского казначея. Через год он стал советником казенной палаты, в этом качестве ведал закупкой хлеба на казенные нужды и «не раз сочинял расчеты с поставщиками на немалые суммы». С 1788 по 1796 г. С. К. Голощапов был директором экономии Колыванской губернии. На новой должности он сумел отличиться, устранив «по неверной переписи в IV ревизию народа замешательства, неурядиц и неизвестность о числе душ и с них следующих окладов». За «особое трудолюбие» в 1791 г. получил орден, а через два года — чин коллежского советника VI класса. После ликвидации Колыванского наместничества опытного чиновника вновь направили в Иркутск исполняющим вакантную должность вице-губернатора. В 1797 г. Сенат присвоил ему статского советника, а через 2 года утвердил в новой должности. Судя по тому, что за ним числился один дворовый человек в Томске, там у холостого С. К. Голощапова находились родственники¹³⁸.

Из сибирского казачества (14 чел., или 8,5%) дальше всех продвинулся по службе, не считая К. М. Бейтона, 54-летний иркутский городничий и надворный советник Алексей Афанасьевич Кондратов. Он был коренным иркутянином из семьи местных дворян. Службу начал с 1764 г. 20-летним, сразу унтер-офицером местной гарнизонной команды. Через 9 лет стал прапорщиком и в том же 1773 г. в сентябре определен кавалергардом в кавалергардский корпус, где через три года ему присвоили чин подпоручика, через пять лет в 1781 г. — поручика и спустя 2 года — капитана. 30 марта 1786 г. он ушел в отставку «с награждением очередного секунд-майорского чина». Через три года в начале 1789 г. он, возвратившись на службу, но по гражданскому ведомству, стал иркутским городничим. В 1793 г. был под судом «за сечение мещанина Садовникова без суда кошками», но через месяц дело закрыли, ибо Садовников объявил прошением, что он к городничему «претензию оставляет». Указом 11 января 1797 г. Кондратов, как и все офицеры, выполнявшие гражданские должности, переименовывается в коллежские асессоры, а 16 ноября 1798 г. производится в надворные советники VII

класса. Городничий имел одного сына Николая 15 лет, который находился при отце, а не в школе¹³⁹.

Хотя выходцы из приказных составляли в самом конце XVIII в. заметную группу среди классовых чиновников Иркутской губернии, но лишь один из десяти достигал VIII класса и выше. Двое из них были сибиряками. 28 лет занял путь к чину, дающему статусе потомственного дворянина, у тоболяка Ивана Ивановича Палютина, 42-летнего второго асессора Иркутской казенной палаты. Этот сын подьячего всю жизнь прослужил в Сибири. 14-летним он стал солдатом Тобольского батальона, дослужившись за 11 лет до капрала. С открытием Тобольского наместничества был 21 апреля 1782 г. уволен Военной коллегией к штатским делам и определен столоначальником экспедиции винных и соляных дел казенной палаты. На следующий год получил первый классный чин коллежского регистратора, через три года занял должность секретаря губернского правления, но произведен в соответствующий ранг только через 6 лет. К началу 1796 г. он дослужился до чина коллежского секретаря X класса и добился от Сената 3 октября 1796 г. увольнения от должности в отставку. Однако при Павле I, отменившем право дворян уходить со службы по своему желанию, И. И. Палютина с 1 июля 1798 г. вновь определили к казенным делам, но уже в Иркутск. При этом Павел I, в пику матери, избегавшей присваивать чины, дающие права потомственного дворянства чиновникам-сибирякам, которые не имели опыта службы в собственно России, возвел его, минуя IX ранг, сразу в чин коллежского асессора. На новое место службы И. И. Палютин переехал, как обычно, со всей семьей. Его 12-летний сын Иван показан в послужном списке обучающимся в Иркутской «народной школе»¹⁴⁰.

Второй сибиряк, асессор казенной палаты VIII класса чин 58-летний Василий Андреевич Васильев, был единственным чиновником местного происхождения, который только по гражданскому ведомству выслужил свой ранг, дающий права потомственного дворянства. На это у него ушло 42 года. Начал В. А. Васильев, сын приказного, службу 14-летним копиистом Иркутского соляного комиссариата, через 8 лет стал канцеляристом и служил еще 5 лет, находясь у прихода-расхода денежной казны, имея иногда «на руках» до 14 тыс. руб. В 1768 г. его взяли канцеляристом в Иркутскую губернскую канцелярию, где 10 лет, до 1784 г., он пробыл ее секретарем и был произведен в 1771 г. в губернские регистраторы

XIV класса, в 1773 г. — губернские протоколисты того же класса, в 1779 г. — губернские секретари XII класса и в 1783 г. — в коллежские секретари X класса. В 1774 г. был прикомандирован в комиссию при губернаторе по расследованию «покражи» серебра на Нерчинских заводах, позже два года приводил в порядок дела Охотской канцелярии. С учреждением наместничества В. А. Васильева, опытного чиновника, Сенат определил на должность асессора казенной палаты по винной и соляной экспедиции. Через три года, не получая соответствующий должности чин VIII класса, он «увольняется по собственному желанию для исходатайствования себе отставки», но не получает ее. В конце 1792 г. Сенат определяет В. А. Васильева на должность асессора в Нерчинскую казенную экспедицию, а на следующий год «прикомандировывает» в Иркутскую казенную палату на прежнюю его должность, которую он занимал в 1784—1786 гг. Только через 4 года Сенат утвердил его в этой должности, представив к чину коллежского асессора, который император Павел I и санкционировал¹⁴¹.

Попавших в состав классовых чиновников Восточной Сибири из тяглых сословий было немного, всего 4 человека. Но один из них происходил из податных по чисто формальному признаку. Советник Иркутского губернского правления, по происхождению «из купцов по собственному желанию», Александр Матвеевич Постников, 61 года, был самым пожилым из всех прибывших из России чиновников. Его служба началась довольно поздно, в 26 лет, в Сенатской роте. Прослужив 10 лет ротным писарем, каптенармусом и курьером, он в 1774 г. определился капралом в лейб-гвардии конный полк, через 7 месяцев стал вице-вахмистром, а еще спустя 5 месяцев, 30 июля 1775 г., оказался за Уралом в Сибирском драгунском полку. В чине секунд-майора Тобольского батальона он в 1779 г. определился в «статскую службу» на должность комиссара в Баргузинский острог. С учреждением Кольванского наместничества исполнительного чиновника переводят судьей Кольванского нижнего надворного суда с присвоением через полгода очередного чина надворного советника VII класса. Через два года А. М. Постников вновь получил повышение, став уже в Иркутске советником губернского правления. Однако соответствующий чин VI класса ему присвоили только через 11 лет в 1797 г., когда к власти пришел Павел I. В этой должности он оставался и в 1804 г. Его два сына — Петр, 24 лет, и

Яков, 21 г., в 1799 г. тоже служили в Сибири штабс-капитанами в Томском пехотном полку¹⁴².

«Правящий должность» якутского городничего надворный советник Петр Данилович Штевенг, «купеческий сын», тоже был на военной службе с 1771 по 1783 г., причем сразу в чине прапорщика Нарвского пехотного полка. Он участвовал в первой русско-турецкой войне, русско-шведской, в походе 1792 г. по Польше. После отставки два года был баргузинским городничим в чине VII класса, затем оказался под следствием по делу И. В. Якоби, оправдан, вернулся на военную службу, был с 1790 по 1795 г. пензенским комендантом, затем новый иркутский губернатор Нагель выхлопотал его у Сената на место снятого и отданного под суд якутского коменданта полковника Козлова-Угренина¹⁴³.

Единственным выслужившимся из сибирских мещан в классные чиновники был комиссар Иркутского нижнего земского суда титулярный советник Федор Егорович Попов, 32 лет. В 11 лет он стал копиистом Иркутской губернской канцелярии. При проведении четвертой переписи был взят повытчиком в экспедицию для свидетельства счетов, а через год с учреждением Иркутского наместничества переведен в Иркутскую палату гражданского суда. Через 7 лет от начала службы, в 1785 г., способный канцелярист получил ранг губернского регистратора, стал личным дворянином и был назначен на должность секретаря Красноярского нижнего земского суда, а 11 декабря 1786 г. возведен в очередной ранг городского секретаря того же XIV класса чинов. Через 3 года в 1789 г. Ф. Е. Попов сменил приказную службу на должность дворянского заседателя Бийского нижнего земского суда, причем два месяца оставался за самого исправника. В мае 1792 г. Ф. Е. Попов стал колыванским уездным исправником, а в конце того же года ему присвоен ранг губернского секретаря XII класса чинов. После ликвидации Колыванской губернии Сенат возвратил его в Иркутскую, назначив дворянским заседателем в Нижнекамчатск, но губернские власти оставили опытного дельного чиновника в Иркутском нижнем земском суде. Официально он был утвержден в этой должности почти через год — в мае 1798 г. На следующий год Ф. Е. Попов получил титулярного советника, со старшинством в 3 года, то есть с 31 декабря 1796 г., что вплотную приблизило его к рангу, дающему потомственное дворянство. Но уже 31 августа 1798 г. он оказался под судом «за чинимые им по быт-

ности колыванским исправником с Кайлинской слободы с крестьян взятки».

Таким образом, по сословному происхождению среди классных чиновников гражданского ведомства Восточной Сибири последней четверти XVIII в. сократилось число выходцев из чисто податных слоев, но заметно увеличилась доля сибирского иррегулярного казачества, всего 14 чел.

Соотношение же ведомственных источников пополнения классных чиновников (без геодезистов, горной администрации, таможи и почт) оставалось в целом традиционным, хотя несколько увеличивался удельный вес лиц, служивших только по гражданскому ведомству; всего 61 из 165, или 37%. Ведущее место, в отличие от Западной Сибири, по-прежнему занимала группа военных чинов, всего 99 чел., или 60%, в том числе из регулярной армии 91 чел. Если же говорить о чиновниках сибирского происхождения, то у них наблюдается обратная зависимость — главным источником их пополнения было уже не военное, давшее 25 чел., а гражданское ведомство — 33 чел. Это важный показатель формирующейся собственно сибирской бюрократии как уже определенного, частично самовоспроизводящегося служебного слоя.

В подавляющем большинстве пришедшие из армии были офицерами, каждый третий (31 чел.) из которых участвовал в походах и сражениях войн последней трети XVIII в. По-прежнему путь к сравнительно высоким гражданским чинам лежал прежде всего через армейскую службу. Так, чин VIII и выше класса выслуживал каждый третий (39 из 91) чиновник, прошедший армию, и лишь каждый седьмой (9 из 61) из чисто гражданского ведомства. Это во многом и по духу и методом делало бюрократический аппарат Восточной Сибири военизированным. Чиновники из военных обычно начинали службу солдатами пехотных полков (48 чел., в том числе 13 сибиряков), унтер-офицерами (14 чел., в том числе 3 сибиряка), ротными писарями (6 чел.), реже прапорщиками (5 чел.) или солдатами гвардии (9 чел.), а также казаками и детьми боярскими (8 чел.), юнкерами (2 чел.), драгунами и рейтарами (4 чел.), фурьерами (3 чел.). Служившие же только по гражданскому ведомству в подавляющем большинстве начинали свою карьеру копиистами губернских и уездных учреждений (56 чел. из 61). Исключение составляли лишь 5 чел., в том числе 4 ученика и 1 студент. Так, Сухих Харлампий Петрович, сын священника, родился в 1766 г., с 1780 г. обучался в Иркутской семинарии «первым основаниям латин-

ского языка, поэзии, риторике, философии и части богословия», затем по именному указу в 1788 г. был отправлен в столичную Александровскую семинарию «для образования высших наук», в которой и проходил красноречие, философию, богословие, «часть математики, географии и первые основания греческого языка, отколь по требованию преосвященного Вениамина, епископа Иркутского и Нерчинского, возвращен в Иркутскую семинарию в 1791 г., где и был учителем красноречия, первых оснований математики и инспектором семинарии», а потом «по желанию ево определили в статскую службу в губернское правление канцеляристом с 31 октября 1794 г.». Через 1,5 года 28 марта 1795 г. он стал коллежским регистратором (XII кл.), с 1795 по 1 июля 1797 г. был у прихода и расхода денежной казны. «При распределении по новоконфирмованному на Иркутскую губернию штату чиновников» 23 июня 1797 г. определен дворянским заседателем Нижне-Удинского нижнего земского суда¹⁴⁴.

Небезызвестный К. М. Бейтон начинал, как и А. И. Лосев, губернский архитектор IX класса, геодезии учеником в местной иркутской морской штурманской школе. Киренский же дворянский заседатель Илья Андреевич Косолапов, 1766 года рождения, был воспитанником Академии художеств, в которую после трехлетней службы в 1787—1790 гг. канцеляристом в Канцелярии строений вернулся надзирателем учеников 4-х возрастов. После увольнения оттуда в 1796 г. оказался секретарем Охотской верхней расправы до ее закрытия в 1797 г.¹⁴⁵ Верхнеудинский комиссар нижнего земского суда в ранге губернского секретаря Измайлов Петр Алексеевич, 40 лет, родом из местных казаков, в 1774—1777 гг. был «мунгальским учеником», затем долго служил переводчиком, а с 1791 г. до 1796 г. — секретарем Троицко-Савской пограничной канцелярии¹⁴⁶. Наконец, Андрей Иванович Малафеев, 1757 г. рождения, из обер-офицерских детей, был «из студентов Московского Императорского университета», затем оказался с 1774 г. в горном училище кадетом. 28 июля 1776 г. после окончания училища получил чин шихтмейстера, приравнявшийся к XIV классу чинов, и направление от Берг-коллегии «в Олонецкие Петровские заводы, где и находился при чертежной три месяца, откуда поступил в Московское горное училище для обучения горных студентов и в Монетный двор медолярных (модельерных. — Г. Б.) учеников рисовального искусства». Через 4 года в 1780 г. был послан в Екатеринославско-Северское горное начальство, а на следующий год — в Нерчинские

заводы, «где и был употреблен при разных заводских должностях, потом (с 25 мая 1787 г. — Г. Б.) в команде надворного советника Лаксмана у разбора лапису». С 5 декабря 1790 г. был назначен в Иркутский надворный суд в I департамент ассесором и через 5 лет стал титулярным советником, пробыв в прежнем чине целых 19 лет. При распределении чиновников по новому штату Иркутской губернии с 10 июля 1797 г. помещен в бывший Стретенский уездный суд заседателем и 9 ноября 1797 г. был утвержден Сенатом в этом «звании». В 1798 г., когда ликвидировали Стретенский уезд, а город стал заштатным, А. И. Малафеев получил назначение дворянским заседателем Нерчинского суда¹⁴⁷. Показательно, что переход его из горного ведомства в общее выглядел обычным делом.

Приведенные примеры свидетельствуют, что образование, которое имели лишь отдельные чиновники, не способствовало их продвижению по служебной лестнице.

По сравнению с 60—70 гг. XVIII в. классные чиновники стали несколько старше (табл. 13). Половине из них было до 40 лет, всего 87 из 165 чел., в их числе 40 сибиряков. Ес-

Таблица 13

Возрастной состав
классных чиновников Иркутской губернии в 1799 г.

Возраст (лет)	В учреждениях				В чинах				Итого	
	губернских		уездных		VIII и выше		IX—XIV		всего	в том числе сибиряков
	всего	в том числе сибиряков	всего	в том числе сибиряков	всего	в том числе сибиряков	всего	в том числе сибиряков		
20—25	-	-	4	2	-	-	4	2	4	2
26—30	1	1	13	11	-	-	14	12	14	12
31—35	6	3	25	12	-	-	31	15	31	15
36—40	5	-	33	11	11	-	27	11	38	11
41—45	7	3	19	7	10	3	16	7	26	10
46—50	3	-	15	2	12	-	6	2	18	2
51—55	2	-	11	2	6	1	7	1	13	2
56—60	2	1	10	2	8	2	4	1	12	3
Свыше 60	1	-	5	1	2	-	4	1	6	1
Неизвестно	-	-	3	-	2	-	1	-	3	-
Итого	27	8	138	50	51	6	114	52	165	58

Примечание. ЦГИА, ф. 1349, оп. 4, д. 35, л. 1—154 об. Подсчет наш.

тественно, большая часть этих чиновников имела IX—XIV классы, всего 76 чел., включая всех сибиряков.

Выходцы из гвардейских полков, попавшие в Сибирь, как и в России, сравнительно рано оказывались в высоких чинах. Так, самый молодой из коллежских асессоров С. А. Валь, поступив в 1774 г. в лейб-гвардии Преображенский полк капитаном, на следующий год стал прапорщиком, через 6 лет вышел по болезни в армейский полк поручиком, а в 1783 г. в возрасте 36 лет, т. е. через 9 лет после начала службы, в чине VIII класса получил в Герольдмейстерской конторе назначение на должность дворянского заседателя Жиганского нижнего земского суда¹⁴⁸.

Еще раньше, в 34 года, стал капитаном гвардейского Преображенского полка, то есть получил классный чин с правами потомственного дворянина сразу VII ранга, гражданский губернатор Иван Иванович Толстой, родом из богатых тверских дворян, начавший службу 15-летним солдатом лейб-гвардии Измайловского полка. На «статскую службу» он вышел из капитанского чина уже бригадиром (V класса), а через 4 года, получив назначение в Иркутск, сразу же был произведен в действительные статские советники¹⁴⁹.

В группе от 36 до 40 лет из лиц, сравнительно рано получивших ранги потомственных дворян, были три курьера Сенатской роты из «природного шляхетства (якутский комиссар П. И. Белелюбский, 23 лет; олекминский судья П. А. Куприянов, 24 лет; акланский комиссар А. Л. Ковалевский, 23 лет), которых вместе с двумя другими сенатскими курьерами отправили в 1783 г. «к штатным делам» в новоучрежденное Иркутское наместничество, присвоив им всем в 23—25 лет сразу чин капитана. Через 5—6 лет они получили коллежского асессора¹⁵⁰.

Самыми молодыми среди чиновников IX—XIV классов были четверо. Охотский и гижигинский дворянские заседатели, 23-летний В. И. Шанин и П. В. Ламакин 21 года, вышли в отставку из гвардейских полков Измайловского и Преображенского в 1796 г., первый после, 9 лет службы поручиком, а второй через 6 лет подпрапорщиком. В. И. Шанин, из обер-офицерских детей, сразу получил назначение в Иркутскую губернию, а П. В. Ламакин, сын дворянина, до 1798 г. служил в канцелярии Синода в ранге губернского регистратора. Двое других, 42-летний В. А. Басарев, верхнеудинский казначей в ранге губернского регистратора, и секретарь нижнего земского суда того же уезда в ранге городского секретаря 25-летний

И. Л. Батурин были местного происхождения, из детей подьячих. В. А. Басарев 12-летним в 1787 г. стал домовым канцеляристом нерчинского коменданта генерал-майора Гантвиха, а через 5 лет попал в Стретенск, где в 1793 г. в 18 лет получил ранг губернского регистратора XIV класса. В Верхнеудинск его перевела в 1799 г. Иркутская казенная палата. И. Л. Батурин же был коренным жителем Верхнеудинска. Ему было всего 8 лет, когда отец определил его в 1782 г. копиистом провинциальной канцелярии, а с 1784 г. — нижнего земского суда. В 1790 г. его взял в свою канцелярию новый губернатор И. А. Пиль и через 2 года произвел из подканцеляристов в канцеляристы. В июле 1797 г. 23-летнего И. Л. Батурина направили снова в Верхнеудинск на классную должность, а в ноябре того же года Сенат присвоил ему соответствующий чин XIV класса. Без сомнений, получение обоими сибиряками первого классного чина в сравнительно молодом возрасте было обусловлено не только деловыми качествами, но и тем, что они служили у крупных чиновников в учреждениях губернского и областного ранга. У И. Л. Батурина, кроме того, был уже солидный 15-летний стаж службы¹⁵¹. Большинство же чиновников из местных получали свои первые классные чины на 5—10 лет позже российских (табл. 14). В целом свои ранги XIV класса чиновники Иркутской губернии (всего 56 чел., из них 35 сибиряков) выслужили через 12,7 лет при среднем возрасте в 38,6 лет. Средний же возраст всех классных чиновников составлял 41,4 г., в том числе у имеющих VIII и выше чин — 47,7 лет, у прочих — 38,7 лет.

В три раза меньший процент среди чиновников-сибиряков лиц старше 50 лет (5 из 58, или 8,6%), по сравнению с прибывшими извне (29 из 107, или 27,1%), свидетельствует, что в Восточной Сибири процесс превращения бюрократии местного происхождения в классную стал заметным лишь с начала 90-х гг. XVIII столетия. В прежние десятилетия чиновники-сибиряки, занимая классные должности, все же редко получали соответствующий ей сословный статус в иерархической структуре тогдашнего общества в силу узкосословной политики центрального правительства. Лишь единицы из них дожили до смены правительственного курса в кадровой политике по отношению к классной бюрократии окраин. Среди них был старейший в 1799 г. классный чиновник Иркутской губернии, дворянский заседатель Якутского нижнего земского суда Иван Степанович Старостин, которому был уже 71 г. Он прослужил 49 лет, в том числе последний год в лейб-гвардии,

Стаж службы гражданских чиновников Иркутской губернии на 1799 г.

Стаж, лет	Общий стаж у чиновников										Сибирский стаж у чиновников		
	губернских		уездных		VIII и выше классов		IX—XIV классов		итого		по классам		
	в том числе сибиряков		в том числе сибиряков		в том числе сибиряков		в том числе сибиряков		в том числе сибиряков		VIII и выше		
	всего	в том числе сибиряков	всего	в том числе сибиряков	всего	в том числе сибиряков	всего	в том числе сибиряков	всего	в том числе сибиряков	LIX—XI		
До 5	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	10	20	30
6—10	1	1	3	1	1	1	3	1	3	1	5	15	20
11—15	1	1	12	5	1	1	12	6	13	6	2	16	18
16—20	3	1	26	13	5	5	23	13	29	13	25	31	56
21—25	4	1	29	12	10	1	22	12	33	12	3	11	14
26—30	5	4	25	5	12	1	22	8	34	9	1	7	8
31—35	9	2	18	8	8	3	15	7	23	10	1	8	9
36—40	3	1	8	1	4	4	7	1	11	1	1	1	2
41—45	1	1	10	2	7	2	4	1	11	3	1	1	2
46—50	1	1	1	1	2	1	1	1	2	1	1	1	1
Свыше 50	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Неизвестно	1	1	5	3	2	1	3	3	5	3	2	3	5
Итого	27	8	138	50	51	6	114	52	165	58	51	114	165

Примечание. ЦГИА, ф. 1349, оп. 4, д. 35, л. 1 об.—154 об. Подсчет наш.

чтобы получить свой первый классный чин. Этот сын якутского казака начал службу 10 сентября 1741 г. в местной казачьей команде, был в командировках по сбору ясака и подводных лошадей до 1750 г., когда его назначили в Верхоянское зимовье «ясаулом для отправления подводных же лошадей». Через год после назначения сотником он ездил в Москву в Сибирский приказ с «нужнейшими делами» и в 1754 г. произведен в сыны боярские. Еще раз он был в Москве в 1758 г. с «ясачной мягкой рухлядью». С 1764 г. И. С. Старостин был провиантмейстером при якутских магазинах. После пожалования в 1769 г. «во дворяне отправлен от главной о ясаках комиссии над ясачным народом, опекуном». В 1770 г. он служил в должности воеводского товарища г. Якутска, а через три года — командиром местной казачьей команды. В 1780 г. Старостин оказался в должности верхоянского комиссара, через два года — возил ясачную пушнину в Иркутск. В 1786 г. сделан «над дворянским штатом старшиной». В 1789 г., когда ему было уже 61 год, вступил рейтаром в лейб-гвардии конный полк и произведен в капралы. С 1 января 1790 г. он «за болезнями от воинской службы уволен с награждением подпоручика чином». Служить по гражданскому ведомству он не хотел, но при Павле I, по предложению генерал-губернатора Лещано, с 1 сентября 1799 г. его назначили третьим дворянским заседателем Якутского нижнего земского суда и переименовали в связи с этим в коллежские протоколисты. Его 37-летний сын Ефим служил заседателем Зашиверского нижнего земского суда, то есть занимал должность и имел ранг, равный отцовскому, вместе с ним служил в лейб-гвардии, тогда же уволен в отставку подпоручиком и через пять лет вступил в штатскую службу¹⁵².

Несмотря на сравнительную молодость гражданской классной бюрократии Заенисейской Сибири в 1799 г., чиновники обладали уже довольно значительным опытом службы по гражданскому и военному ведомствам. Так, при среднем возрасте классных чиновников 41,4 года общий стаж каждого составлял 26,2 года, то есть в среднем начинали служить с 15 лет.

Состояние общего и сибирского стажа у чиновников убеждает в том, что Сенат для службы в Сибирь направлял дворян, имевших опыт службы в целом не менее 10 лет. Из 158 чиновников с известным стажем 139 прослужили от 16 до 45 лет, в том числе 37 из 47, которые к 1799 г. оказались в рангах VIII класса и выше. В самой Сибири основная масса прибыв-

ших чиновников служила от года до 20 лет. Численный состав группы с сибирским стажем до 5 лет (30 чел.) дает представление о количестве поступивших два года назад классных чиновников в связи с очередной сменой губернаторов и административной реформой Павла I в 1797 г. Полное отсутствие среди них и в следующей группе с сибирским стажем до 10 лет чиновников местного происхождения свидетельствует, что за этот срок никто из сибиряков не выслужил первый классный чин, хотя семь человек, как отмечалось, занимали классные должности без классного чина. Численность группы с общим стажем от 16 до 20 лет (56 чел.) показывает, какая часть чиновников, присланных в 1783 г. в связи с проведением в Сибири губернской реформы 1775 г., оставалась на службе к 1799 г. Их, без чиновников местного происхождения, насчитывалось всего 45 чел., что позволяет сделать вывод о сравнительно высокой подвижности личного состава поступающей в Сибирь дворянской бюрократии, который за 16 лет обновился на 75% (45 чел. из 180). Раза в два стабильнее были чиновники губернских учреждений и с более высокими чинами. Последних с рангами VIII и выше класса из прибывших в 1783—84 гг. насчитывалось к 1799 г. 25 чел. из 51, в том числе 7 из 19 чиновников губернского звена (табл. 14). В целом территориальная и служебная миграции были по интенсивности примерно равными. В среднем за 26 лет службы каждый классный чиновник 4 раза сменял место жительства и 4,2 раза учреждения и ведомства, т. е. один раз через каждые 6,5 лет. Миграции сибиряков-чиновников были, естественно, меньше, а стаж — выше.

Из классных чиновников-сибиряков 46 чел. (без К. М. Бейтона и И. Е. Фирсова) были местными и служили только в пределах Иркутской губернии. По общему стажу они распределялись следующим образом: 6 чел. служили от 11 до 15 лет; 13 чел. — от 16 до 20; 8 чел. — от 21 до 25; 6 чел. — от 26 до 30; 9 чел. — от 31 до 35; по одному — до 40 и более 50, наконец двое — от 41 до 45 лет. Все они были в рангах, дающих право личного дворянства. Сравнительно высокий общий стаж и низкий классный чин чиновников местного происхождения обнаруживают откровенно узкосословную политику Сената и Екатерины II, крайне неохотно шедших, несмотря на острую нехватку чиновников за Уралом, на включение в ряды российской дворянской бюрократии выходцев из полу- и непривileгированных сословий.

Время получения первого классного чина, как и все чиновничество, тоже зависело в первую очередь от сословного происхождения, места и рода основной службы, а не выслуги или заслуги. Так, имеющие чин VIII и выше класса чиновники достигали нижней ступеньки «Табели о рангах» в среднем через 8,9 лет службы (сибиряки — спустя 11,7 лет), а прочие — через 12,7 лет (сибиряки только после 15,1 года).

О деловых качествах и служебной пригодности классных чиновников в большей степени, чем по чиновничьему производству, можно судить по сведениям формуляров о штрафах и наказаниях. Подсчеты показывают, что каждый третий классный чиновник Иркутской губернии (57 из 160, по которым сохранились соответствующие сведения) был под судом или следствием, причем 10 из них дважды. Примерно в равной степени оказывались подсудимыми присылаемые чиновники (37 из 102) и их коллеги сибирского происхождения (20 из 58). Этого не скажешь о верхушке местной бюрократии с чинами VIII-го и выше класса, которая чаще попадала под суд или следствие, соответственно, 20 из 49 чел. и 37 из 111 чел., причем дважды судимыми — каждый четвертый и каждый седьмой. По своему составу более половины всех 67 судебно-следственных случаев приходилось на злоупотребления властью — 39 на 28 чел. Чаще всего чиновники посягали на частное или казенное имущество: соответственно, 16 случаев на 15 чел. и 12 случаев на 11 чел. Они утаивали от учета казенное вино, соль, провиант (2 случая), допускали растрату казенных денег, имущества, вина и пр. (9 случаев), задерживали выплату жалованья и мундирных денег (1 случай), не платили прогонных денег за проезд и провоз товаров (2 случая), присваивали чужое имущество (2 случая), вымогали хлеб, имущество, деньги, брали взятки у крестьян (7 случаев), посадских (2 случая), купцов (2 случая) и ясачных (4 случая). Трое, причем все в чинах VIII класса (акланский комиссар Н. А. Ковалевский, жиганский уездный судья А. Н. Ачкасов, оленский уездный судья С. А. Валь), обвинялись в незаконной торговле и подрядах, но сумели оправдаться¹⁵³.

Помимо нарушений материально-финансового плана случались злоупотребления и превышения власти по отношению к лично-сословному статусу подведомственного чиновникам населения. В формулярах зафиксировано 7 случаев «самовольного наказания палками» крестьян, «бесчеловечного битья» казака, рукоприкладства по отношению к «военнополицейскому», посадскому, крестьянину, ясачным, побой подчи-

ненных чиновников и их домашних, оскорбление купца и т. д. Второе место по количеству подсудных деяний занимают должностные проступки и упущения, всего 21 случай у 16 чел. Чиновники долго не прибывали к месту нового назначения (2 случая), самовольно отлучались (2 случая), нарушали порядок судопроизводства, делопроизводства и хранения дел (6 случаев), допускали «неисправности по должности» (3 случая). Часто губернской администрации и Сенату приходилось разбирать ссоры и взаимные оскорбления чиновников (4 случая) и их дисциплинарные проступки вроде пьянства, прогулов, «нерадения в делах», неповиновения, дерзостей начальству (4 случая).

В третью группу наказуемых проступков (7 случаев) вошли неопределенно или никак не квалифицируемые в послужных списках нарушения типа: «незаконные» поступки (2 случая), различные обиды (1 случай), «по секретному делу» (1 случай).

Приведенная классификация на три группы в известной степени условна, ибо содержание записи в графе служебных взысканий служебного формуляра не было строго регламентировано и унифицировано. Нередко каждое судебное дело, особенно по доносам, содержало несколько разнохарактерных пунктов обвинений. Так, жиганский уездный судья, коллежский асессор Алексей Николаевич Ачкасов, родом из казанских дворян, бывший боевой офицер, с осени 1797 г. по июль 1798 г. был судим по двум доносам коллежского асессора Горемыкина и сержанта Корякина в отнятии двух «прочетных указов» у везшего почту жиганского якута, в каких-то «угнетениях» сержанта Корякина, в приеме от якутов подарков и «произведения торговли»¹⁵⁴.

Об итогах судебного расследования и составе служебных взысканий послужные списки 1799 г. сообщают при 19-ти не законченных следствием делах лишь в каждом двух из трех случаев (34 на 48)¹⁵⁵. Судя по тому, что каждое третье дело (15 из 48) оканчивалось оправданием чиновника¹⁵⁶, губернские судебные учреждения с губернатором и Сенат в основном действовали по принципу «ворон ворону глаз не выклюет». Показательно в этом случае решение по делу нерчинского «земского комиссара» в ранге коллежского асессора Ивана Осиповича Моисеева, 54 лет, в прошлом боевого офицера, выслужившегося из солдатских детей до секунд-майора, участника первой русско-турецкой войны и похода в Крым в 1781 г. После отставки он сразу попал в Нерчинск и через 7 лет службы в местном нижнем земском суде в 1793 г. «был судим...

в Иркутской уголовной палате за растрату присылаемых заводским крестьянам за работы денег, (обвинен — Г. Б.) во взятках, и в упущении канцелярского порядка, но умышленного и дальнего упущения того палатою по решению ее 1797 г. октября 8-го числа не найдено, и по силе манифеста 9 сентября 1793 г. — от дальнего (дальнейшего. — Г. Б.) взыскания освобожден». С прежней должности его все же сняли, но через 10 дней после приговора назначили судьей в Доронинский уездный суд; а после ликвидации там уездных учреждений снова определили на старую должность в Нерчинский нижний земский суд¹⁵⁷.

Из 19 отмеченных случаев служебных взысканий 8 приходится на «выговор» и предупреждение¹⁵⁸. Самой радикальной мерой было снятие с должности, всего пять случаев¹⁵⁹. Материальные санкции в виде «пени», штрафа и вычетов из жалованья применялись четыре раза¹⁶⁰. Уже сам по себе факт отдачи под суд даже без освобождения от должности был ощутимым наказанием, ибо во время нахождения под следствием чиновнику выплачивалось еще со времен Петра I лишь половинное жалованье. Взятие под стражу и «содержание на хлебе и воде» в течение определенного, обычно небольшого, срока, практиковалось редко и только в отношении чиновников в небольших рангах. В послужных списках 1799 г. эта мера встречается лишь два раза. А. М. Игумнов, 39 лет, родом из местных подьячих детей, с 1798 г. заседатель Киренского уездного суда в ранге городского секретаря, прослужил 23 года, сначала писцом Иркутской губернской канцелярии, а затем в канцеляриях Олекминска и Киренска. Уже будучи классным чиновником XIV класса, как записано в послужных списках 1797 и 1799 гг., «был под судом за пьянство, ленность и неповиновение, за что и выдержан на хлебе и воде один месяц»¹⁶¹. Такая мера наказания иногда выступала в качестве отпущения грехов, например, по отношению к акланскому дворянскому заседателю IX класса И. М. Трубачеву. Он из лакеев дворца сразу попал в 1783 г. на должность акланского уездного казначея, а через 2 года целых 9 лет находился под судом. Дело кончилось в 1795 г. недельной выдержкой «на хлебе и воде», после чего его назначили на более высокую должность судьи нижнего надворного суда в Якутск. После ликвидации этого учреждения И. М. Трубачев год оставался без должности, хотя чиновников не хватало¹⁶².

Семейное положение классных гражданских чиновников Иркутской губернии, возрастной состав их потомства и заня-

тия интересны прежде всего для выяснения степени участия этого слоя сибирской бюрократии в ее естественном воспроизводстве. В количественном отношении эта категория населения воспроизводилась естественным путем только на две трети — в среднем на 157 чиновников приходилось 109 детей м. п. Вместе с тем каждый пятый (30 чел.) имели по два и более ребенка. Такой разрыв объясняется сравнительно большой численностью не столько холостяков, ими был каждый пятый (30 из 157), сколько бездетных женатых, всего 71 чел. (табл. 15). Подавляющее большинство назначаемых в Восточную Сибирь чиновников приезжали с семьями, даже если были грудные младенцы. Так, из 79 женатых, прибывших в Иркутскую губернию, только двое приехали без домочадцев. Годовалый сын 39-летнего Н. Д. Кузьминского, год назад назначенного из коллежских регистраторов Сената гижигинским комиссаром в ранге титулярного советника, находился с матерью в Петербурге, а 4-летний сын секретаря Акланского нижнего земского суда 26-летнего Ф. Г. Пономарева, назначенного на эту должность три года назад, остался у деда священника в Дмитровском уезде Московской губернии, где отец ребенка служил 6 лет и год жил после выхода в 1795 г. в отставку по болезни¹⁶³.

Взрослых, свыше 25 лет, детей, которые и жили и служили отдельно от родителей за пределами Сибири, было буквально единицы. У 50-летнего губернского прокурора в ранге надворного советника из крещеных евреев Моисея Абрамовича Шеера, сын Авраам, 33 лет, служил в гвардии капитаном, а 14-летний Яков находился «в науках» в столице. У бывшего синодского регистратора Федора Борисовича Лоскутова, с 1775 г. служившего в Восточной Сибири и занимавшего с 1799 г. должность заседателя Нижнеудинского уездного суда, 22-летний сын Александр учился в Московском университете, а два других сына жили с отцом¹⁶⁴. Всего из 54-х детей прибывших из-за Урала чиновников только шестеро оставалось в 1799 г. за пределами Сибири. Как и в Средней Сибири (см. далее), чиновники местного происхождения значительно отличались по своему семейному положению от прибывших из европейской части России и от мигрантов из других сибирских районов. Местные чиновники составляли только треть женатых (42 из 127), но на их долю приходилась половина всех детей м. п. (54 из 109 чел.). Значительная разница в размерах естественного прироста у местных жителей и всех мигрантов показывает, что дело заключалось не в существовании спе-

цифически-сибирской демографической традиции брачности и плодovitости, а в реальных конкретных условиях жизни чиновничьих семей. На рождаемость в семьях чиновников-мигрантов отрицательно влияли длительные, случающиеся в каждые 5—6 лет переезды, необходимость экологической адаптации в Сибири, которая даже в региональном плане отличалась крайним разнообразием природно-климатических условий. Среди прибывших из-за Урала больше было холостяков (см. табл. 15). Мигранты имели более солидный стаж воинской службы, причем чаще не в казачьих и гарнизонных командах, а в регулярных полевых полках, что тоже сильно мешало семьеобразованию и нормальному течению семейной жизни. В связи со сказанным становится ясно, почему среди российских чиновников в рангах потомственных дворян, несмотря на их более солидный возраст (47,3 года и 40,5 года у младших чиновников), было в среднем меньше женатых, а у последних — меньше детей, чем у обладателей чинов IX—XIV класса (см. табл. 15).

Анализ возрастного состава детей показывает, что браки, судя по удельному весу малолетних и среднего возраста, заключались в среде классных чиновников довольно поздно. При среднем возрасте отцов в 41,4 года средний возраст детей м. п. составлял только 7,4 года, то есть брачный возраст равнялся 32-м годам в среднем.

Род занятий потомства классной восточно-сибирской бюрократии дает некоторое представление о том, в какой степени ее ряды и вообще чиновников пополнялись за счет естественного прироста. По возрасту годных, по тогдашним понятиям, к службе (от 11 лет и выше) насчитывалось 44 чел., или 40,4% от всех детей (см. табл. 15). Однако лишь около половины их (21 чел.) учились или уже служили, а прочие находились «в домах». Всем домоседам, кроме 16-летнего сына польского шляхтича и киренского дворянского заседателя К. А. Вишневого, было от 11 до 16 лет¹⁶⁵. Из этой возрастной группы, в отличие от прежних десятилетий, служил или учился только каждый четвертый, всего 7 из 29 чел.¹⁶⁶ Самым молодым из них был 12-летний подканцелярист Якутской областной палаты суда и расправы Иван Шемахин, внук и сын солдата А. В. Шемахина, который 16 лет назад в 1783 г. прибыл в Якутск после отставки из армии с рангом губернского секретаря¹⁶⁷. В целом служащее потомство классных чиновников, всего 23 чел., по ведомствам распределялось следующим образом: в полках и гарнизонах — 5, в гражданских учреждениях —

Семейное положение
классных чиновников Иркутской губернии на 1799 г.

Семейное положение	VIII ранга и выше			От IX до XIV ранга			Итого		
	всего	сибиряков	местных	всего	сибиряков	местных	всего	сибиряков	местных
Всего чиновников	48	6	4	109	49	45	157*	55	49
в том числе женатых и вдовцов	37	5	4	90	43	38	127	48	42
из них:									
бездетных	24	1	1	47	21	16	71	22	17
с 1 д. м. п.	4	3	2	19	6	6	23	9	8
с 2 д. м. п.	5	1	1	13	9	9	18	10	10
с 3 д. м. п.	4	-	-	7	3	3	11	3	3
с 4 д. м. п.**	-	-	-	4	4	4	4	4	4
Всего детей мужского пола	26	5	4	83	50	50	109	55	54
из них в возрасте:									
до 5 лет	10	2	2	30	18	18	40	20	20
от 6 до 10 лет	4	-	-	21	15	15	25	15	15
от 11 до 15 лет	8	2	1	21	10	10	29	12	11
от 16 до 20 лет	-	-	-	6	4	4	6	4	4
от 21 до 25 лет	2	-	-	4	2	2	6	2	2
свыше 25 лет	2	1	1	1	1	1	3	2	2

Примечание. ЦГИА, ф. 1349, оп. 4, д. 35, л. 1—154 об. Подсчет наш.
* — Семейное положение восьми человек не указано, в том числе у троих в рангах потомственного дворянства и троих сибиряков, из которых один местный.

** — Из них в семье губернского архитектора А. И. Лосева было 5 детей м. п.

15, в школах и даже Московском университете — 3. В Москве обучался сын дворянского заседателя Нижне-Удинского уездного суда, титулярного советника Федора Борисовича Лоскутова, 50 лет, родом из детей «приказнослужилых» Новгородской губернии, того самого Лоскутова, которого отдал под суд в 1819 г. М. М. Сперанский с должности нижеудинского исправника. За огромные злоупотребления имущество Лоскутова конфисковали. Одних денег было отобрано 132242 руб., не считая мехов и серебра¹⁶⁸. Другой его сын, 20-летний

Евграф, в 1799 г. уже коллежским регистратором XIV класса служил тоже в Нижне-Удинском нижнем земском суде.

Важно отметить, что из 20 непосредственно служащих детей классных чиновников 15 пошли по стопам своих отцов, а 12 чел. являлись представителями уже третьего поколения чиновников одного ведомства¹⁶⁹. При этом ряды гражданской бюрократии пополнялись быстрее: пятеро, у которых отцы начинали свой служебный путь с казармы, сразу попали в канцелярии учреждений¹⁷⁰.

В процессе формирования наследственной бюрократии Восточной Сибири наиболее заметную роль уже играли чиновники местного происхождения. Их потомство составляло около половины всех находящихся на службе или учебе, в том числе: по гражданскому ведомству — 7, в полках, гарнизонах и казачьих командах — 3, в «иркутской народной школе» — один. Преемственность в роде службы у них выступала отчетливее, чем у детей приезжих. Так, 10 из них, то есть все, кроме школьника И. И. Палютина, сына ассессора Иркутской казенной палаты, служили в тех же ведомствах, где начинали свою службу их отцы и деды. При этом представители ряда фамилий во втором, а иногда и в третьем поколении дослуживались до классных чинов (Басаревы, Васильевы, Старостины, Лосевы и др.). Так, у названного выше И. С. Старостина сын был в ранге XIII класса, а два внука, 16-летний Василий и 14-летний Иван, служили сержантами в Якутской и Зашиверской гарнизонных военных командах¹⁷¹. Секретарь Охотского уездного суда в ранге XIV класса 54-летний Мина Афанасьевич Ильин, из детей иркутских приказных, имел четырех сыновей: Николай, 25 лет, был регистратором Иркутской казенной палаты, 18-летний Алексей и 13-летний Филипп служили там же копиистами, а младший, 8-ми лет, жил «при матери» в Иркутске¹⁷². Сын иркутского «навигационного ученика» Антон Иванович Лосев, сам окончивший ту же школу, что и отец, и выслуживший за 24 года службы геодезистом, уездным землемером и архитектором чин титулярного советника, а через год — должность губернского архитектора, имел пять сыновей, которые со временем все пошли по стопам отца, а старший Иван, 16 лет, в 1799 г. уже числился в штате Департамента водяных коммуникаций землемером. В 1802 г. А. И. Лосев, крупнейший в то время знаток Восточной Сибири, достиг чина коллежского ассессора VIII класса, а позже коллежского советника, став душевладельцем и собственником более чем 1000 дес. земли, пожалованных ему 26 мая 1822 г.

по именному указу Александра I¹⁷³. В целом из 20 чиновников, вышедших из семей классной бюрократии Иркутской губернии на 1799 г., 9 (в том числе пятеро местного происхождения) уже имели ранги XIV и выше класса.

Личный состав дворянской бюрократии Средней Сибири с 80-х гг. XVIII в. целесообразнее рассматривать отдельно от Заенсейской Сибири. Эти районы входили, как известно, в разные не только по названию, но и статусу наместничества (Иркутское считалось пограничным, а Тобольское — внутренним) со своими особенностями административно-территориальной структуры и штатов. После отмены обязательной государственной службы для российского дворянства с 60-х гг. XVIII в. значительно возросла роль губернаторов в подборе кадров для своих губерний. Это обстоятельство после открытия самостоятельной Иркутской губернии со временем тоже привело к определенным отличиям в составе чиновников, путях и источниках пополнения их рядов. Наконец, Тобольское и Иркутское наместничества различались по составу и численности полевых, гарнизонных и иррегулярных частей и команд, которые широко использовались для пополнения кадров местного управления.

Сведений комплексного характера за 80-е гг. XVIII в. — 10-е гг. XIX в. по личному составу чиновников приенсейских уездов, входивших в Тобольскую (а до 1797 г. и в Колыванскую) губернию, сохранилось немного. Черновой и неоконченный беловой списки классных чиновников Тобольского наместничества по старшинству за 1789 г., которые составлялись в связи с запросом нового генерал-губернатора наместничества Кашкина, во многом не содержат сопоставимых данных¹⁷⁴. Рапорта с мест, по которым составлялся список, значительно отходили от общего формуляра послужных списков. Так, у чиновников, выходцев из армии, белло давались этапы военной службы, не отмечалось место квартирования их частей. Полностью выпали сведения о наличии или отсутствии крепостных крестьян и дворовых, семейном положении. По ряду уездов, в том числе Енисейскому, у чиновников не указаны возраст, сословное происхождение, время назначения на последнюю должность¹⁷⁵. Например, из 184 чиновников черного списка только у 38 указано социальное происхождение. Привлекая другие архивные материалы, в частности формулярные списки служивших до 1797 г. ачинских чиновников, по трем уездам Средней Сибири на 1789 г. удалось вывести основные показатели по биографиям и службам 16 чиновников

на классных должностях¹⁷⁶. По уездам они распределялись следующим образом: в Енисейске — 6 (городничий, расправный судья, капитан-исправник, два дворянских заседателя нижнего земского суда и секретарь); в Ачинске — 7 (исправник, 4 дворянских заседателя нижнего земского суда, секретари земского суда и нижней расправы) и в Туруханске — 3 (капитан-исправник и два дворянских заседателя нижнего земского суда). Из этих чиновников пятеро не имели классных чинов — все секретари родом из подьячих детей и туруханские чиновники (капитан-исправник из сибирских дворян И. И. Галкин и дворянский заседатель, сын боярский И. Я. Гоголев), которые происходили из местного казачества. Поэтому их целесообразнее рассматривать отдельно от классной бюрократии. Высокий процент у среднесибирских чиновников, не имеющих даже низшего классного ранга с правами личных дворян (5 из 16), свидетельствует о значительной нехватке классных чиновников в окраинных уездах Тобольского наместничества, которая ощущалась даже спустя 6 лет после его учреждения. Кроме общих причин, этот кадровый голод, возможно, был связан с тем, что в самые отдаленные по отношению к губернскому центру приенсейские уезды мало привлекали присылаемых чиновников. Это видно и из сравнения личного состава и служб классных чинов в этих же уездах и во всем Тобольском наместничестве. Если во всем регионе из 184 чиновников 51 были в рангах VIII и выше класса, то в Средней Сибири это соотношение было в 3 раза ниже штатного. Только енисейский городничий секунд-майор Н. Г. Евсеев имел VIII классный чин, а из остальных 10 человек двое имели IX класс (капитан и титулярный советник); двое — XII класс (поручик и губернский секретарь), а шестеро — низший XIV класс (прапорщики и губернский регистратор).

Сравнительно низким было и территориальное происхождение всех классных чиновников. Только Н. Г. Евсеев и ачинский исправник прапорщик М. П. Тельцов были «из российских дворян», но и они, вероятно, являлись сибиряками, ибо начали службу солдатами в войсках «Сибирского гарнизона», где скорее всего служили и их отцы. В 80-е гг. отец Н. Г. Евсеева был коллежским асессором и жил в Тобольске (см. гл. 4). Из прочих трое были детьми солдат, еще трое — из детей сибирских служивых людей, причем отец дворянского заседателя Ачинского нижнего земского суда титулярного советника П. Половодова был простым казаком. Дворянский заседатель Туруханского нижнего земского суда в ранге

губернского секретаря С. И. Плотников был из купеческих детей. Отслужив 20 лет «цолнером» при Кяхтинской таможне, он получил в 1783 г. первый классный чин и сам попросился служить в Туруханский уезд. У двоих, капитана Д. М. Иванова и поручика Г. А. Потапова, назначенных в 1787 г. после отставки из Тобольского гарнизонного полка в Енисейск, соответственно расправным судьей и исправником, социальное происхождение не указано, но место, род и характер предыдущей службы позволяют считать их тоже сибиряками¹⁷⁷.

Судя по составу служб классных чиновников всего наместничества и приенсейских уездов, армия, в частности сибирские гарнизоны, оставалась главным поставщиком дворянских кадров для местного управления. С армейскими чинами на гражданской службе числилось в наместничестве 107 чел. из 184-х, а в уездах Средней Сибири — 10 из 11-ти. Кроме С. И. Плотникова, все 10 человек начали службу с 13—14 лет солдатами и, прослужив в среднем по 15 лет, получили к 28 годам первый классный чин прапорщика. По времени выслуги первого классного чина исключения составили двое. Н. Г. Евсеев, который, как выше отмечалось, был из российских дворян, поступив на службу в 1762 г., уже через два года стал прапорщиком, а через 12 лет — секунд-майором¹⁷⁸. В отличие от «природного» дворянина Н. Г. Евсеева, у дворянского заседателя Ачинского нижнего земского суда, 48-летнего прапорщика из солдатских детей И. Замиралова ушло целых 30 лет, чтобы пройти путь от «навигацкого ученика» до первого классного чина. Лишь двое (Д. Д. Иванов и И. И. Башкуров) выходцев из армии служили в полевых частях, а прочие — только в местных гарнизонах. Боевой же опыт имел лишь прапорщик Иван Иванович Башкуров, который сержантом в 1770—1772 гг. «участвовал в походах по Грузии, Имеретии, Мингрелии, брал Кутаиси при штурме», а в 1773—1776 гг. был среди подавлявших пугачевское движение в Оренбургской губернии и Башкирии. Но участие в походах и сражениях слабо повлияло на военную карьеру сына тобольского солдата. Через 14 лет службы он стал прапорщиком, а с открытием Тобольского наместничества в 1782 г. занял должность туруханского исправника. Спустя четыре года, из которых два последних он одновременно исполнял обязанности городничего, энергичного 39-летнего чиновника переводят исправником же в Енисейск, а через три года, 12 сентября 1789 г., — уездным казначеем в Тюмень, что было по классу должности явным понижением¹⁷⁹. Как и в прежние десятиле-

тия И. И. Башкуров и прочие приступали к «статской службе» в приенсейских уездах, не имея никакого опыта в гражданском управлении. Исключение составляли только трое. Капитан Д. Д. Иванов после восьмилетней службы в Тобольском гарнизонном полку был в сентябре 1782 г. «без всякой просьбы определен Тобольским наместническим правлением в штатскую службу капитан-исправником», а позже назначен енисейским расправным судьей. Выходца из тобольских дворян В. И. Пушникова 25-летним сержантом определили дворянским заседателем в Тарский, а затем Каинский нижний земский суд, причем в Каинске он некоторое время исполнял должность исправника. Сенат же указом от 18 декабря 1786 г. произвел его не в соответствующий гражданский, а военный низший чин прапорщика. Обманутый в своих честолюбивых ожиданиях (должность позволяла получить даже чин VIII класса), Пушников пытался уйти в отставку по болезни, но его перевели 10 октября 1788 г. дворянским заседателем в Ачинский нижний земский суд. Прослужив в этой должности два года, В. И. Пушников следующие три года ходил в винных приставах этого же суда, а затем уволился по болезни и уехал снова в Каинск, где в конце того же 1793 г. вновь поступил дворянским заседателем в местный нижний земский суд. Одновременно с В. И. Пушниковым на такую же должность в Ачинске попадает из Омского нижнего суда 26-летний губернский регистратор из сибирских дворян С. Ф. Девятяровский. Он за два года службы прошел путь от солдата до сержанта Тобольской губернской чертежной, затем с 1781 г. помогал местному губернскому архитектору «для чертежа планов и фасаду» губернаторского и вице-губернаторского домов. После открытия наместничества, когда появились многочисленные чиновничьи вакансии, 1 сентября 1782 г. расторопного сержанта назначили дворянским заседателем в новоучрежденный уездный Омск, а через четыре года, 15 сентября 1786 г., Сенат утвердил это назначение тобольских властей, присвоив ему очередной уже классный чин, «переименовав по исключению из военной службы в губернские регистраторы»¹⁸⁰.

Сравнительно молодой возраст классных чиновников Средней Сибири (в среднем 37 лет) является еще одним свидетельством того, что после открытия в Сибири наместничества власти вынуждены были спешно и с рядом отступлений от общего порядка решать кадровую проблему. Об этом же говорят время вступления в гражданскую службу и ее удельный

вес в общем служебном стаже среднесибирских чиновников. Шестеро вступили в «статскую службу» в 1782—1784 гг., которая на 1789 г. занимала у каждого из 11 классов чиновников в среднем 5 из 24-х лет общей службы. Средний же срок службы на одном месте классов чиновников в Приенисейском крае составил менее трех лет, что является доказательством сохранения высокой подвижности дворянской бюрократии. Так, исправник и три дворянских заседателя Ачинского нижнего земского суда полностью находились на своих должностях только по году, а два их предшественника прослужили по два года. Четыре енисейских чиновника занимали свои должности только третий год. Раза в два дольше сидели на своих местах туруханские чиновники, но большинство из них не имели, как отмечалось, классов чинов и были местного происхождения.

Изменения, происшедшие в личном составе классов чиновников всех трех уездов Приенисейского края (Енисейского, Красноярского, Туруханского) через двадцать лет, можно проследить по сохранившимся послужным спискам чиновников Томской губернии за 1810 г.¹⁸¹ Формуляры этих списков оставались однотипными, а потому сопоставимыми с формулярными списками 80—90-х гг. XVIII в. Однако служебные перемещения, участие в походах и сражениях в поздних списках давались уже сжато и неполно. Не всегда также совпадают названия отдельных сословных групп, например, в списках 80—90-х гг. нет такой категории, как «военные дворяне».

Анализ личного состава чиновников Приенисейского края на 1810 г. проведен по тем же основным показателям, что и в 1789 г. (табл. 16, 17). Всего с нововведенными с 1804 г. частными комиссарами (но без уездных землемеров) в уездных и нижних земских судах, вместе с городничими и стряпчими, насчитывалось 33 классов должности, в том числе по Красноярскому уезду — 14, Енисейскому — 11 и Туруханскому — 8. Все они были заняты классными чиновниками, кроме Енисейского уезда, где оставалась свободной должность тасеевского частного комиссара, а секретарь нижнего земского суда Е. И. Ефремов был только в ранге канцеляриста (данные о нем в табл. 16, 17 не включены). По должностям среди чиновников было: по 3 — городничих, уездных судей, исправников, секретарей нижних земских судов и уездных судов, 7 дворянских заседателей, 2 уездных стряпчих и 8 частных комиссаров. По классам же чинов и рангам четверо относились к потомственному дворянству (по два надворных совет-

ника и коллежского асессора), остальные 27 были личными дворянами (титularных советников — 16, коллежских секретарей — 2, губернских секретарей — 7 и губернских регистраторов — 2). По сравнению с 1789 г. явно поднялся, приближаясь к общегосударственной норме, класс чинов, занимавших должности городничих, дворянских заседателей и особенно секретарей нижних земских и уездных (бывших расправных) судов.

Источники комплектования среднесибирской дворянской бюрократии за 20 лет усложнились и в ряде моментов больше стали соответствовать традиционной сословной политике центральной власти, которая стремилась осуществлять управление Сибирью через присылаемых из-за Урала дворян-чиновников. По территориальному происхождению (которое нами определялось, в силу специфики источника, главным образом по месту первой службы) выходцев из-за Урала насчитывалось 17 чел. из 31, в том числе из Петербургской губернии — 7, Могилевской — 2, Новгород-Северского наместничества — 1, Пермской губернии — 2, Грузии — 1 и неизвестно из какой местности Европейской России — 4 человека. Таким образом, судя по Приенисейскому краю, Западная Сибирь почти наполовину сама обеспечивала свои потребности в дворянских бюрократических кадрах. Чиновники, сибиряки по происхождению, делились почти поровну на местных уроженцев (из Енисейска — 5 и Красноярска — 1) и выходцев из собственно Западной Сибири (Тобольская губерния — 4, бывшая Колыванская — 2, Томская — 2). Вместе с тем важно подчеркнуть, что в Средней Сибири давно отошли в прошлое те времена, когда почти всегда классные должности в уездах занимались непосредственно прибывшими из центра российскими дворянами. Таким чиновником, да и то не потомственным, а личным дворянином, оказался лишь 26-летний А. Д. Потатув, который после 12 лет службы в столичных учреждениях (Адмиралтейско-коллегии, Сенате и Юстиц-коллегии) уволился по собственному желанию из Юстиц-коллегии с чином титулярного советника, был занесен в 1808 г. «в список просящихся в должности по этому правительству», то есть ведомству, и через год получил назначение уездным стряпчим в Красноярск¹⁸². Прочие 16 российских по происхождению чиновников до вступления на последнюю должность в Приенисейском крае прожили в Сибири от 2 до 23 лет, или в среднем почти по 14 лет, причем трое из них последним назначением возвращались в Приенисейский край. Титулярный советник из бывших воен-

ных моряков П. И. Кузнецов, назначенный в 1807 г. из кийских частных комиссаров Томского уезда красноярским уездным судьей, в 1799—1804 гг. являлся винным приставом казенного Каменского винокуренного завода в Ачинском, позже Красноярском, уезде. В 1809 г. назначенный из Бийского уезда боготольским частным комиссаром титулярный советник А. С. Агеевский еще в 1795 г. был дворянским заседателем Красноярского нижнего суда, за семь лет дослужился там из коллежского регистратора до губернского секретаря, а затем вновь уехал в Западную Сибирь. Еще для шести российских по происхождению чиновников последняя запись в формулярном списке 1810 г. означала лишь смену должности или места службы в пределах Приенисейского края. Туруханский городничий В. Е. Красин, уроженец Орловской губернии, 17-летним севским семинаристом ушел в Главную учительскую гимназию, после ее окончания 7 лет работал учителем в Барнауле, а с 1793 по 1794 г. — в Красноярском малом народном училище, после его закрытия несколько лет служил в Тобольске, переехав в Иркутск, определившись комиссионером на Тельминскую суконную фабрику. В 1804 г. он возвратился в Красноярск в качестве уездного стряпчего. В последнюю должность В. Е. Красин вступил в 1807 г.¹⁸³ Туруханский уездный судья Л. К. Вроблевский, из отставных капитанов Тобольского гарнизона, за 8 лет гражданской службы с 1802 г. успел побывать дворянским заседателем и в Красноярском и Енисейском уездных судах. В целом, перед получением последнего назначения в Приенисейский край, в нем в прежние разные годы служило 13 чиновников, в том числе пятеро местных и восемь приезжих, из которых двое тоже были из сибиряков. Если же взять места выхода всех чиновников, прибывших в Приенисейский край не по последнему, а по разным назначениям и служивших в нем в 1810 г., то окажется, что 19 человек прибыли из Западной Сибири (6 из Томска, 4 из Кольвани, 3 из Тобольска, 2 из Кузнецка и Бийска, по одному из Тары и Нарыма) и 4 из Иркутской губернии (по 2 из Верхнеудинска и Иркутска).

Преобладание выходцев из Западной Сибири над мигрантами из Иркутской губернии говорит о том, что пространственные перемещения классов чиновников определялись, в первую очередь, административно-территориальными рамками, то есть реально по усмотрению наместнических правителей и губернатора.

По сословно-социальному происхождению лишь каждый 4—5-й классный чиновник был из дворянского сословия (см. табл. 16). «Природное дворянство» показали за собой

Таблица 16

Сословное происхождение
классных чиновников Приенисейского края в 1810 г.

Классы чинов	Всего лиц	Российские дворяне	Обер-офицерские дети	Нижние чины армии	Сибирское казачество	Духовенство	Приказные	Прочие
VII	2	2	-	-	-	-	-	-
VIII	2	-	-	1	1	-	-	-
IX	16	4	4	4	-	-	1	3
X	2	1	-	-	-	-	1	-
XII	7	-	-	-	2	1	2	2
XIV	2	-	2	-	-	-	-	-
Итого:								
VIII и выше	4	2	-	1	1	-	-	-
IX—XIV	27	5	6	4	2	1	4	5
Всех чинов	31	7	6	5	3	1	4	5

Примечание. ЦГИА, ф. 1349, оп. 4, д. 39, л. 19—52, 137 об.—156. Подсчет наш.

пять из семи человек, причем туруханский исправник в чине титулярного советника Ф. Ф. Якубовский был из польских шляхтичей, а уездный судья того же уезда с рангом коллежского секретаря Л. К. Вроблевский — из белорусских. К ним же следует отнести названного просто «из дворян» титулярного советника Д. Б. Несторжевского, который службу начал, как и Вроблевский, унтер-офицером лейб-гвардии, а после отставки из Томского гарнизона в том же 1809 г. был назначен яланским частным комиссаром¹⁸⁴. Только один, сухобузимский частный комиссар титулярный советник А. Я. Ляхов, прямо назвался «сыном российского дворянина», но как раз именно он по началу его службы (рядовой Тобольского гарнизонного батальона), длительной, через 9 лет, выслуге первого классного чина прапорщика и отсутствию крепостных крестьян скорее всего тоже был российским дворянином сибирского происхождения¹⁸⁵.

Служебная характеристика и семейное положение классных чиновников Приенсейского края в 1810 г.

Классы чинов	Возраст	Общий стаж службы		Род. пер. служ. бы	Время выслуги чинов (в годах)	Места службы				Количество миграций		Сем. полож	Судимость (в случаях)					
		весь	сибирский			во-енный	гражданский	всего	Европ. Рос-сия	Сибирь	Первое			Последнее	внутри-террито-риальные	чужден-ческие	детей м. п.	
																		Европ. Рос-сия
VII	49	33	15	2	—	6—21	30	2	—	—	2	—	6	2	—	1		
VIII	45,5	31	21	1	1	4,5—	26,5	1	1	—	2	—	5,5	2	5	1		
IX	45	31	11	10	6	12	24	12	4	1	1	11	2	5	5,4	13	11	7
X	37,5	23	4,5	1	1	9	17	1	1	—	—	2	1	4,5	2	2	2	2
XII	36	22	13	1	6	8,4	17	1	6	3	—	4	3	3	5	6	6	4
XIV	22	6,5	6,5	—	2	4	4,5	—	2	1	—	2	1	2	2	1	—	—
Итого:																		
VIII и выше	47	32	18	3	1	5—24	28	3	1	1	—	4	1	5,5	6	4	5	2
IX—XIV	40,5	26	11	12	15	10	20	14	13	6	1	26	12	4	5	22	19	13
Всех чинов	41,5	27	12	15	16	9,4	21	17	14	7	1	30	13	4,5	5	26	24	15

Примечание. ЦГИА, ф. 1349, оп. 4, д. 39, л. 19—52, 137 об. — 156. Подсчет наш.

Из служилых по происхождению дворян были красноярский городничий надворный советник «штаб-докторский сын» Ф. В. Келлер и енисейский городничий в таком же ранге П. Е. Савельев «из штаб-офицерских детей». К ним же, очевидно, следует отнести красноярского уездного судью П. И. Кузнецова и его помощника — дворянского заседателя титулярного советника С. М. Головина, о которых сказано, что они дети «военных дворян». Первый начал службу в 1779 г. камер-юнкером, а второй на 9 лет раньше солдатом Ревельского драгунского полка¹⁸⁶.

Почти все чиновники из дворян были беспоместными. Только у Л. К. Вроблевского «вместе с матерью и братом в Витебской губернии не в разделе» было 200 р. д. крепостных крестьян, да у Головина в г. Шадринске Пермской губернии имелось два дворовых человека¹⁸⁷. Два крепостных показано и за богучанским частным комиссаром Иваном Яковлевичем Гоголевым, который, видимо, посчитал их наличие достаточным основанием, чтобы подправить свое сословное происхождение и назваться сыном дворянина, хотя его отец был лишь из сибирских дворян. Это тот самый И. Я. Гоголев, что с 1782 г. попеременно являлся дворянским заседателем Туруханского, Енисейского, а с 1786 г. вновь Туруханского нижнего земского суда, но лишь через 18 лет службы, из которых 14 лет — на классных должностях, он в 1793 г. получил от Сената низший классный чин коллежского регистратора, а еще через 5 лет — ранг губернского секретаря XII класса¹⁸⁸.

Заметную роль в формировании бюрократического дворянства Средней Сибири продолжали играть дети чинов регулярной армии и казачества, всего по формулярным спискам 16 из 31. Кроме названных четырех человек из штаб-офицерских детей и военных дворян, пятеро чиновников были из солдатских, четверо из обер-офицерских детей, а трое из сибирских служилых людей. Показательно, что все обер-офицерские и солдатские дети, кроме двоих самых молодых¹⁸⁹, дослужились до IX ранга (7 человек), а самый пожилой из них — 54-летний дворянский заседатель Красноярского уездного суда Иван Кузьмич Морозов — до чина коллежского асессора, дающего потомственное дворянство. Он единственный из чиновников занимал должность ниже своего чина, но это, вероятно, было вызвано не его низким социальным происхождением (другим оно так не мешало), а возрастом, состоянием здоровья и, скорее всего, деловыми качествами. Ведь не слу-

чайно целых 17 лет И. К. Морозов получал более низкие, по сравнению с его чином, должности: в 1793 г. он, майор Нотебургского полка, был переведен «на капитанскую вакацию» в Колыванскую губернскую роту, а в 1798 г. — командиром Красноярской городской военной команды на вакацию даже подпоручика¹⁹⁰.

Важно отметить, что почти треть выходцев из военных семей (5 из 16), нарушая официальную установку на потомственную сословную преемственность занятий родителей, сразу начали службу не в военном, как их отцы, а в гражданском ведомстве. Если учесть, что вместе с ними лица, имевшие только опыт гражданской службы, составляли уже чуть больше половины всех классовых чиновников (16 из 31), то можно с достаточной уверенностью сделать вывод об известной привлекательности гражданской службы. С нею также связали свою судьбу дети приказных и подьячих — 4 чел., по одному сыновья «церковника», студента, корабельного мастера, купца не в подушном окладе и «иностранца грузинской нации» (носящего чисто русскую фамилию, имя и отчество Ивана Егоровича Иванова). Показательно, что армия впервые перестала выступать главным непосредственным поставщиком кадров для местного управления Средней Сибири. Будущие чиновники военную службу обычно начинали солдатами полевых войск, реже попадали сразу в гарнизоны. Дворяне по происхождению зачислялись в первый год службы капралами (1), прапорщиками (1), вахмистрами (1), сержантами (1), каптенармусами (1) или в гвардейские полки рядовыми и унтер-офицерами (3), а также камер-юнкерами (1). «Статскую» службу начинали, как и прежде, обычно копиистами (10), пищиками (3), реже подканцеляристами (1) и писарями (1). Свообразным, как отмечали, был путь к обычной чиновничьей должности у туруханского городничего титулярного советника Василия Ефимовича Красина, в прошлом учителя из семинаристов. В целом канцелярская приказная служба стала явно более торной дорогой к чиnam, дающим личное и потомственное дворянство. Именно такой дорогой пришли к своим чиnam 6 из 16 титулярных советников и один из двух коллежских асессоров.

Перераспределение основных источников формирования дворянской бюрократии Средней Сибири в пользу чисто гражданской более легкой службы повлияло на общий возраст чиновников, их подвижность и служебную выслугу. За счет некоторого сокращения естественной убыли до 41,4 лет уве-

личился средний возраст классовых чиновников. Примерно такой же разрыв в годах был между самым старым (67 лет) и самым молодым классовым чиновником (21 год). Удлинился общий (до 27 лет) и особенно сибирский (до 12 лет) служебный стаж, причем последний вырос не только за счет увеличения числа местных чиновников.

В силу двух последних до 1810 г. административно-территориальных изменений, пересмотров штатов и реформ местного управления значительными оказались территориальные и служебные по учреждениям перемещения классовых чиновников. В среднем, по явно заниженным данным, ибо в послужных списках отмечались не все передвижки, каждые 6 лет они сменяли место жительства, а еще чаще — раз в 5 лет — учреждение (см. табл. 17). Например, из среднесибирских чиновников, служивших с 1789 г., к 1810 г., то есть через 21 г., остались только двое (вышеупомянутый И. Я. Гоголев и 56-летний канский частный комиссар, титулярный советник А. В. Лисавин). Бессменно, 8 лет с 1802 г., прослужили в крае 5 чел. — все титулярные советники: в Красноярском уезде — 45-летний боготольский частный комиссар из новгородсеверских дворян А. С. Агеевский; в Енисейском — 45-летний дворянский заседатель уездного суда И. И. Тренш, земский исправник родом из местных приказных 42-летний В. С. Денисов и уездный стряпчий из тобольских солдат И. И. Панов, 67 лет; в Туруханском — дворянский заседатель уездного суда из пермских солдатских детей В. Д. Жданов, 61 года. Все они, кроме А. С. Агеевского, успевшего за 7 лет до повторного возвращения в Красноярский уезд послужить в Нарымском, Кайнском, Кузнецком и Бийском уездах, оставались на службе в прежних уездах¹⁹¹.

Весьма показательно, что 24 чиновника, или три из четырех, занимали свои должности к 1810 г. всего лишь от года до трех лет, в том числе: до 1 года — 3 чел., 1 год — 9 чел., 2 года — 7 чел., 3 года — 5 чел. Семеро выполняли свои обязанности более длительный срок, в том числе: 1 чел. — 4 года, 3 чел. — 5 лет, 1 чел. — 7 лет. Дольше всех — 12 лет находился на одной и той же должности 45-летний дворянский заседатель Енисейского уездного суда титулярный советник Иван Иванович Тренш. Этот «немецкой нации корабельного мастера сын» в 1771 г. шестилетним¹⁹² был записан капралом во 2-й канонерский полк, затем, очевидно, с отдельной полковой командой попал в Алтайский горный округ, где с 1781 г. в течение трех лет в качестве продовольственного комиссара

закупал хлеб в Кузнецком уезде, потом по своему желанию перешел на гражданскую службу, определившись архивариусом в новоучрежденном Кольванском наместническом правлении, но через несколько месяцев в том же 1784 г. перешел на должность уездного стряпчего в г. Бийск. В 1785 г. он показан уже городовым секретарем Кольванского нижнего земского суда, а через три года в 1798 г., после очередной реформы, его с повышением должности и ранга перевели в Енисейский уездный суд дворянским заседателем с новым чином губернского секретаря. Через 6 лет службы на этой же должности ему присваивают очередной чин IX класса.

Столь частые перемещения чиновников во всей Восточной Сибири, помимо ряда субъективных причин и личных обстоятельств, традиционно практиковались центральной властью, которая в этом видела одно из радикальных средств борьбы со злоупотреблениями, считая справедливой поговорку «новая метла чище метет». С другой стороны, сами чиновники из соображений карьеры стремились не засиживаться на одном, особенно малоодоходном, месте. Как показывают послужные списки, производство в очередной чин обычно следовало за получением новой должности. Так, из 31 чиновника 27 свой последний ранг получили после предпоследней должности, 1 — одновременно, а 4 — после назначения в должность, которую выполняли в среднем 3 года. Хотя правилами чиновничьего производства 1801 г. вновь был восстановлен отмененный в 1797 г. прежний порядок получения чина XIV класса недворянами через 8 лет выслуги, установленный Сенатом еще 14 января 1760 г. и 8 августа 1765 г.¹⁹³, однако, по сравнению с 1789 г., довольно значительно сократился срок выслуги первого классного чина. Имевшие к 1810 г. чины VIII ранга и выше достигли его в свое время в среднем через 5,2 года, а чины IX—XIV рангов — через 9,4 года (см. табл. 17). Между тем время выслуги должно было бы, наоборот, увеличиваться, ибо, как отмечалось, сократился приток в гражданское управление лиц, проходивших в 80—90-е гг. XVIII в. военную службу, где чиновничество, особенно во время войны, шло быстрее. Тем более, что из всех среднесибирских чиновников в свое время участие в военных действиях принимали только двое, получившие, несмотря на это, свой первый классный чин лишь через 17 и 10 лет службы, а последний чин — через 24 и 18 лет. Заседатель Туруханского уездного суда титулярный советник из солдатских детей Иван Никитич Колосов, 48 лет, вступив в службу 20-летним фузилером в 1782 г., бомбарди-

ром I класса и капралом в 1794—1796 гг. воевал в Польше, а в чине подпоручика в 1798—1799 гг. участвовал в знаменитом Итальянском походе А. В. Суворова. В 1800 г. был отставлен Военной коллегией на инвалидное содержание без предоставления очередного чина. С 1802 г. Колосов — заседатель Красноярского уездного суда, на следующий год его предписано перевести на ту же должность в Кузнецк, но губернские власти направили его в Туруханск, где в 1810 г. он и отмечен в послужных списках. Красноярский уездный судья Петр Иванович Кузнецов, 44 лет, родом из «военных дворян», с 13 лет стал военным моряком, ходил на кораблях по Балтике штурманским учеником и подштурманом, в чине прапорщика участвовал до 1792 г. в десантных операциях русско-шведской войны. После отставки с 1793 г. подпоручиком был соляным приставом в Нарыме, получив через 4 года титулярного советника, а с 1799 г. служил на трех разных должностях в Красноярском уезде, заняв последнюю должность за три года до 1810 г.¹⁹⁴

Приведенные примеры, как и послужные списки других чиновников, прошедших через военную службу, показывают, что ускоренное прохождение ими чинов в конце XVIII в. носило единичный характер и практиковалось главным образом по сословным соображениям. Редким исключением является военная карьера 37-летнего красноярского исправника коллежского асессора Ивана Ивановича Галкина, который, будучи родом из сибирских дворян, 17-летним смог со 2 апреля 1790 г. попасть рейтаром в «лейб-гвардии конный полк», меньше чем за год дослужить до вице-вахмистра и уйти с 1 января 1791 г. в отставку по болезни в чине поручика, соответствовавшем XII классу чинов по «Табели о рангах». Через год после отставки Тобольское губернское правление назначило И. И. Галкина заседателем Туруханского нижнего земского суда, спустя семь лет около года он был на должности местного городничего, а затем еще два года — комиссара Туруханского уезда. В 1802—1804 гг. он поочередно заседатель нижнего земского суда в Енисейске и Красноярске. После введения должностей частных комиссаров с декабря 1804 г. он выполняет эту должность в Богучанском комиссарстве Енисейского уезда, но спустя полгода его переводят снова в Красноярск на должность исправника с присвоением ранга титулярного советника. Через четыре года на 19-м году своей службы в мае 1809 г. он достиг заветного ранга коллежского асессора, хотя его отец, долго занимая классные

должности в 70—80 гг., так и не получил классного чина¹⁹⁵.

Нужно также учитывать, что выслуга более высоких военных чинов традиционно лимитировалась наличием свободных вакансий, чего не было на гражданской службе, где в это время стали практиковать в качестве награды присвоение более высокого чина без повышения в должности¹⁹⁶. Но в отличие от Европейской России в Сибири и в конце изучаемого периода это не практиковали. Чины традиционно давались преимущественно по должностям, ибо ощущалась нехватка чиновников. Только в XIV классе чинов, где было 5 ступенек рангов, повышение в ранге, как средство поощрения, следовало без назначения на новую должность.

Постоянная нехватка классных чиновников в связи с резким увеличением по реформе 1782—1783 гг. штатов местного управления Сибири была усугублена введением с 1804 г. частных комиссаров «обер-офицерского рангу». Это вынуждало губернское начальство ускорять представление, а Сенат в большинстве случаев награждать классными рангами чиновников недворянского происхождения. Показательна в этом случае служебная карьера всех семи чиновников в ранге губернского секретаря XII класса. Их возраст был моложе общего среднего на пять лет, социальное положение не отмечалось сословной престижностью (по двое из приказных и сибирских служилых людей, по одному — из духовенства, купцов и мастеровых), службу начинали все, кроме сына боярского И. Я. Гоголева, копиистами, весь стаж службы каждого был ниже общего почти на шесть лет, а тем не менее первый классный чин они получили в среднем через 8,4 года (соответственно, через 4, 4, 8, 5, 10, 10, 18 лет); то есть на целый год раньше, чем в среднем все чиновники, и на два — чем остальные 27 чиновников в рангах личных дворян. Однако следующий ранг XII класса чинов они, как и чиновники XIV—IX рангов, получили, прослужив такое же длительное время хотя для перевода из чина в чин с 1790 г. был установлен трехлетний срок.

Выявленное и в Иркутской губернии, и в среднесибирских уездах резкое различие в чинопроизводстве по двум основным группам чинов, дающих права личного и потомственного дворянства, свидетельствует о гибкой, но по характеру феодально-охранительной сословно-классовой стратегии центральной власти (чины присваивали только Сенат, а с 1798 г. — лично император). С одной стороны, правительство сознательно не пропускало по выслуге лет в VIII класс чинов и выше,

то есть в состав полноправного российского дворянства, подавляющее большинство классных чиновников сибирского происхождения, а с другой — в утилитарных практических целях местного управления несколько облегчило в конце XVIII в. выходцам из сословно-неподатных слоев и групп получение низшего ранга XIV класса чинов (губернским регистраторам, протоколистам, архивариусам, коллежским регистраторам, городовым секретарям, а на военной службе — прапорщикам). Эта политика нашла прямое отражение в указе 16 декабря 1790 г. «О правилах производства в статские чины», по которому для перевода в чин VIII класса из предыдущего недворянам требовалось служить в чине IX класса не 3 года, а 12 лет¹⁹⁷.

Несмотря на значительную пестроту в темпах продвижения по служебной лестнице, которая в сибирских условиях характеризовала деловые качества чиновников недворянского происхождения, служебная пригодность в списках показана стопроцентной. О каждом из них сказано, что «к прохождению службы годен... и к повышению достоин». В этом ярко выступает основанный на выслуге, а не заслуге, формально-бюрократический номенклатурный принцип, ибо каждый четвертый-пятый (7 чел. по десяти делам) от 2 до 15 лет находился под судом и следствием, и только каждый третий (4 чел. из 12 по шести делам из 19) был оправдан по суду, а у пятерых по семи делам судебное расследование еще не было закончено. В целом каждый второй (16 из 31) подвергался в течение своей (в среднем 27-летней) службы суду и следствию по 28 различным делам, причем шестеро — неоднократно и по разным случаям (туруханские дворянский заседатель А. Д. Жданов и исправник Ф. Ф. Якубовский; красноярские городничий Ф. В. Келлер, исправник И. И. Галкин, канский частный комиссар А. В. Лисавин; дворянский заседатель Енисейского уездного суда И. И. Тренш и богучанский частный комиссар И. Я. Гоголев).

Состав незаконных деяний, большая часть которых была совершена до занятия нынешних должностей (19 у 11 чел.), был разнообразным. Чаще всего допускались злоупотребления властью — 9 случаев, в том числе 3 — растрата казенных денег и имущества; по 2 — вымогательство у крестьян хлеба и денег, а с ясачных — взятки, присвоение части купеческого товара, а также самовольное наказание крестьянина палками, допущенное туруханским судьей Л. К. Вроблевским, который не хотел отличать местных жителей от своих крепостных. На

втором месте стояли должностные упущения по службе, всего 7 случаев, в том числе наветы и ссоры с сослуживцами — 4, медленное ведение дел, допущение побега колодников и «плохой угар вина» на управляемом казенном заводе. На превышение власти приходится 6 случаев, в том числе два раза имела место «перемена ясака», когда изымалась лучшая ясачная пушнина; задержка купеческих товаров на Усть-Тунгуске, самовольная запись крестьянина в мещане, освобождение дворового от рекрутчины и «битье преступников при допросах». Рукоприкладство позволил ладейский частный комиссар, родом из местных казаков, коллежский секретарь Д. П. Политов¹⁹⁸.

Характер трех подсудных случаев обозначен в послужных списках очень неопределенно как «незаконные поступки» (2) и «обиды».

Особо следует отметить три попытки незаконной наживы путем торговли с ясачными, они приходились на богатые пушным зверем Туруханский и Енисейский уезды. За это в 1799 г. попал под следствие, был судим и только через 5 лет вновь допущен к прежней должности заседатель Туруханского уездного суда титулярный советник В. Д. Жданов. За шесть лет еще не решили дела по обвинению красноярского исправника И. И. Галкина в перемене ясака и незаконной торговле, когда он еще был в 1803—1804 гг. богучанским частным комиссаром. Аналогичное обвинение было предъявлено и губернскому секретарю И. Я. Гоголеву, который с 1782 до 1806 гг. был заседателем Туруханского уездного суда¹⁹⁹.

Интересно, что только треть лиц и судебных дел (5 чел. и 9 случаев) приходилась на чиновников местного происхождения, которые составляли половину местной бюрократии. Казалось бы, это должно было привлечь внимание правительства в своем неизменном стремлении не давать засиживаться чиновнику на одном месте. Однако центральная власть хорошо понимала, что местным, с их обширными родственными связями, было легче и проще не допускать недовольство населения их служебной деятельностью до огласки, следствия и суда.

Самым распространенным наказанием за все эти незаконные деяния были штрафы. В случае принесенного материального ущерба по закону следовало делать денежные вычеты из жалованья или описывать и пускать с торгов имущество. Последняя мера ни разу не встречалась, хотя В. Д. Жданов, будучи в 1791—1793 гг. томским соляным приставом, был су-

дим за недостачу 1 тыс. руб. казенных денег, но ушел в отставку. Показательно, что через 6 лет в 1799 г. его вновь приняли в том же чине на службу в Туруханский уездный суд, где через год он опять попадает под следствие и суд.

Специфика гражданской службы и повышенная миграция отразились на семейном положении дворянской бюрократии, которое отличается рядом особенностей. В отличие от других слоев и сословий эта категория до конца изучаемого периода не обеспечивала собственное воспроизводство естественным путем. Так, на 31 чиновника (средний возраст 41,4 г.) приходилось только 24 д. м. п. детей всех возрастов (см. табл. 18).

Таблица 18

Семейное положение
классных чиновников Средней Сибири на 1810 г.

Состав семей	Местные	Сибиряки	Выходцы из России	Всего
Всего чиновников,	6	8	17	31
в том числе женатых				
и вдовцов	6	6	14	26
Из них:				
бездетных	2	1	8	11
с 1 д. м. п.	-	4	2	6
с 2 д. м. п.	4	1	1	6
с 3 д. м. п.	-	-	2	2
Всего детей м. п.	8	6	10	24
Из них в возрасте:				
от 1 до 5 лет	2	1	3	6
от 6 до 10	4	2	5	11
от 11 до 15	-	1	-	1
от 16 до 20	-	1	-	1
от 21 до 25	2	-	1	3
свыше 25 лет	-	1	1	2

Примечание. ЦГИА, ф. 1349, оп. 4, д. 39, л. 19—52, 137—156. Подсчет наш.

При этом главная причина крылась не в слабой распространенности семей, а в бездетности. Если каждый пятый-шестой человек был холостым, то женатых, но бездетных, считая двух вдовцов, насчитывалось в два раза больше, всего 11 чел. Низкий процент детей мужского пола по отношению к взрослому мужскому населению (всего 77,4%) во многом зависел от территориального происхождения чиновников. Из табл. 17, 18 видно, что собственное демографическое воспроизводство

обеспечивалось только у местных уроженцев, у которых на 6 взрослых приходилось 8 детей м. п.

Судя по возрастной структуре детей (в среднем двое из троих родились в последние от 1810 г. 10 лет), браки заключались сравнительно поздно. Сословно-ценностная и профессиональная ориентация мужского потомства чиновников почти целиком определялась происхождением родителей. У двоих самых пожилых (67-летнего И. И. Панова и В. Д. Жданова 61 года, потомственных солдат) сыновья тоже пошли по стопам отцов на военную службу и к 1810 г. стали: один в 33 года поручиком, другой в 35 лет капитаном. Семь сыновей пяти чиновников в возрасте, соответственно, 10, 11, 15, 20, 21, 23 и 25 лет начали, как и их отцы, государственную службу в местных канцеляриях²⁰⁰. Трое из них уже дослужились до первого классного чина. Сын 50-летнего туруханского исправника Ф. Ф. Якубовского, 25-летний Иван, в чине коллежского регистратора вместе с отцом в начале 1810 г. перевелся из Нижне-Удинска Иркутской губернии и определен в Туруханский уездный суд. Ачинский частный комиссар А. Д. Паутов, 42 лет, выходец из сибирских приказных, начал службу писарем в канцелярии Кольвано-Воскресенского горного начальства, перешел в 1807 г. из Семипалатинского в Красноярский земский суд на ту же секретарскую должность. Через год его перевели сначала в Боготольское, а в 1809 г. в Ачинское комиссарство частным комиссаром, в то время как его два сына оставались в Красноярске — 20-летний губернский регистратор Максим возглавлял местное уездное казначейство, а 15-летний Степан служил подканцеляристом в земском суде²⁰¹. Наконец, у 48-летнего губернского секретаря Андрея Ивановича Попова, родом из местных енисейских приказных, который все 38 лет стажа выслужил в учреждениях Енисейска и Туруханска, 23-летний сын Илья служил в губернском Томске в ранге коллежского регистратора, а второй сын, Василий, 21 года, был канцеляристом Енисейского уездного суда, где дворянским заседателем с 1807 г. служил его отец²⁰².

Таким образом, если в демографическом плане в 1810 г. классные чиновники воспроизводились естественным путем на 75%, то в профессионально-сословном отношении их ряды восстанавливались лишь на 29% и то при условии, что оба офицера со временем окажутся на гражданской службе.

Отсюда следует вывод, что этот функционально-управленческий слой, как и в Иркутской губернии, не мог сохраняться

без регулярного пополнения извне за счет других общественных групп или территориальных отрядов этого же слоя.

Общая система чиновничества, сложившаяся во второй половине XVIII — нач. XIX вв., основывалась на принципе выслуги лет, дополненной личной заслугой. По указу 1767 г. для перевода из ранга в ранг нужно было выслужить 7 лет (в Сибири 6 лет). С целью ограничить приток разночинцев по бюрократическому каналу в ряды российского дворянства по указу 16 декабря 1790 г. для перевода в чин VIII класса, дававшего потомственное дворянство, требовалось прослужить в IX ранге уже 12 лет, в то время как выслугу в обер-офицерских рангах от XIV до IX сократили до трех. Срок же выслуги первого классного чина (XIV ранг) для лиц недворянского происхождения оставался равным восьми годам²⁰³.

Среднесибирские чиновники в среднем вступили в службу в 1782—1783 гг., когда выслуга из чина в чин составляла в России 7 лет, а в Сибири 6 лет. Исходя из срока выслуги лицам недворянского происхождения для получения и прохождения всех обер-офицерских рангов от XIV до IX включительно потребовалось бы в среднем до 1790 г. 28 лет, а в Сибири 24, не считая 8 лет, которые следовало выслужить для производства в первый классный чин. Для получения ранга, дающего потомственное дворянство, до 1790 г. потребовалось бы, соответственно, 35 и 30 лет. После 1790 г., когда срок выслуги обер-офицерских чинов сократили до трех лет, но была увеличена выслуга VIII ранга до 12 лет, при сохранении 8-летней выслуги первого классного чина на получение потомственного дворянства через гражданскую службу стало бы в среднем уходить 29 лет (8+3+3+3+12). У среднесибирских, как и иркутских, чиновников VIII класса и выше производство шло быстрее (см. табл. 17).

Итак, в течение XVIII — нач. XIX вв. в личном составе классных чинов общегосударственной бюрократии Восточной Сибири произошли значительные изменения. В пять раз быстрее, чем росло все население, увеличилась общая численность классных чиновников, составив с их семьями к концу XVIII в. во всех ведомствах до 2,5 тыс. чел. Существенно изменились источники формирования классной бюрократии Восточной Сибири. Ко времени введения «Табели о рангах» в 20-е гг. XVIII в. она составлялась по сословному происхождению из российских дворян, прошедших почти поголовно через военную службу. Служилой же верхушке сибирского казачества и приказных воеводских канцелярий местного происхождения пра-

вительство по традиции, идущей с XVII столетия, упорно отказывало в чинах и рангах, уравнивавших ее с российским дворянством, хотя и назначало их на важные и ответственные должности местного управления. Во время Елизаветы и Екатерины II в ряды классных чинов местного управления в виде исключения, за личные заслуги, стали включать отдельных гражданских чиновников и отставных офицеров местного происхождения. Некоторые обрусевшие представители родоплеменной верхушки сибирских народов типа князей братьев Пелымских за свое «благородное» происхождение тоже стали получать права и статус российских дворян. С 80-х гг. XVIII в., особенно с приходом к власти Павла I, резко обозначился поворот в кадровой политике правительства. Классные чины чаще стали жаловать чиновникам сибирского происхождения на общих основаниях, за выслугу лет и по занимаемой должности. В первые два десятилетия XIX в. ряд чиновников местного происхождения, например А. И. Лосев и Т. П. Калашников, через службу только в Сибири уже оказались в рангах, дающих права потомственного российского дворянства, стали душе- и землевладельцами. Доля сибирских уроженцев, по-прежнему служивших по военно-гражданскому ведомству, среди классных чинов местной общегражданской бюрократии неуклонно росла, составив к концу XVIII в. около 1/3 общей ее численности. Перед реформой Сибири М. М. Сперанского в 1822 г., по авторитетному свидетельству В. И. Вагина, чиновничество Восточной Сибири уже являлось преимущественно местного происхождения²⁰⁴. Это дает основания считать в основном завершившимся длительный процесс формирования костяка восточно-сибирской классной бюрократии. С традиционной узкосословной дискриминацией служебных слоев зауральской окраины России, в основном формально-юридически, было покончено. Однако командные должности от генерал-губернаторов до руководителей основных губернских учреждений по-прежнему доверялись, как правило, присланным из центра дворянам-чиновникам. Количественное преобладание чинов IX—XIV классов над чинами VIII и выше класса за Уралом было явно выше штатного, то есть в Восточной Сибири более заметным, чем в Европейской России, был разрыв между классной должностью и реальным чином-рангом чиновника. Лица с рангом личного дворянства (IX—XIV классов) нередко занимали должности, которые соответствовали по «Табели о рангах» чинам, дающим право потомственного дворянства. В Иркутской губернии в 1799 г. их

было более 20 чел., или 1/8 всех классных чиновников. Мало того, даже в конце XVIII — нач. XIX вв. классные должности иногда занимали лица, совсем не имеющие чина. Например, по «Спискам чинов в присутственных местах Тобольского наместничества на 1789—90 гг.» видим, что дворянскими заседателями нижних земских судов и даже капитан-исправниками (позже земскими комиссарами) были сибирские дворяне и дети боярские. То есть правительство, оберегая чистоту сословных рядов, не торопилось таким чиновникам присваивать соответствующие ранги. При этом, чтобы ослабить «законные», исходя из принципа соответствия должности и ранга, претензии, Сенат годами не утверждал таких чиновников в их должностях. Приобретаемая из-за этого приставка «зауряд» делала их служебное положение еще более неустойчивым. Это ставило их в двойственное положение (по службе — дворяне, по статусу — нет) и делало полностью зависимыми от воли правительства. В любой момент эти по должности временно личные дворяне из верхушки служилых и приказных людей, лишившись службы, могли оказаться даже в составе тягловцев, в то время как имеющие ранг, потеряв должность, все равно оставались дворянами со всеми вытекающими отсюда привилегиями. Наконец, одним росчерком пера Павел I превратил отставных обер-офицеров из разночинцев на гражданской службе из потомственных дворян в личные, когда по указу 1797 г. их военные чины перевели в гражданские. Прапорщик стал коллежским регистратором, капитан — титулярным советником. Такая участь постигла и тех, кто по указу 1788 г. сохранял свои военные чины, если переходил без отставки из военной службы на гражданскую.

Служилое казачество на классных должностях, но без рангов только со второй половины XVIII в. получило общие формально-юридические права на обер-офицерские чины и ранги. По отношению же к выходцам из тяглых сословий на гражданской службе практика непредоставления классных чинов сохранялась и позже. Жалование с 1763 г. стали получать по должности, но с учетом рангов. Этим вводилась не только своего рода сословная, но и материальная дискриминация, особенно ошутимая по отношению к чиновникам-сибирякам недворянского происхождения.

В интересах управления к началу XIX в. правительство во всей стране во многом отказывалось от практики искусственного недопущения, через систему чинопроизводства, представителей разночинных слоев населения (в Сибири — казачества

и приказных) в ряды классной бюрократии, но оно постаралось основную массу не допустить в ряды «благородного» российского дворянства. Екатерина II в начале 80-х гг. значительно снизила общий статус личных дворян, увеличив разрыв, в том числе через чиновничество, между личным и потомственным дворянством. По правилам 1790 г. доступ к обер-офицерским чинам облегчился (выслуга в три года для производства в чин), а к штаб-офицерским затруднился (выслуга от IX в VIII ранг установлена в 12 лет).

Однако на восточно-сибирской окраине страны центральная власть не смогла реализовать в полной мере эти узкословные установки. Ведь их проводили в жизнь как раз те самые дворяне служилого происхождения, чей статус стремились принизить. Назначение на губернские должности титулованных или наиболее одаренных представителей столбового дворянства и все расширяющиеся их полномочия, естественно, не могли дать желаемого эффекта. В результате усиливались лишь произвол, беззаконие и взяточничество сверху донизу.

В целом хотя по служилому разночинному происхождению молодая восточно-сибирская бюрократия к концу изучаемого периода и стала походить на бюрократию буржуазного типа, однако по системе чиновничества, профессиональной подготовке и пригодности, а главное, по выполняемым функциям она являлась сословно-вычлененным служебным бюрократизированным слоем феодально-крепостнического Российского абсолютистского государства, который юридически лишь тонкой верхней своей прослойкой входил в потомственное российское шляхетство.

ГЛАВА III ФОРМИРОВАНИЕ ЧАСТЕЙ РЕГУЛЯРНОЙ АРМИИ

Вооруженные силы феодальной эпохи носят в целом универсальный по своим функциям характер, но и при таком использовании лишь небольшая их часть существовала в виде постоянных подразделений, а основная масса войска приходилась на дворянское и народное ополчение. На развитой и тем более позднефеодальной стадиях развития общества военное дело, как известно, по объему специальных знаний, умений и

уровню военной техники достигало такого уровня профессионализма, что вооруженные силы превращались в регулярную армию централизованных государств.

В силу особенностей конкретно-исторического пути России, в условиях длительной настоятельной потребности в национальном единстве для решения оборонно-патриотических задач и сохранения суверенной государственности российский феодализм, в лице своего господствующего класса, пришел к политически-централизованным формам Российского государства раньше, чем для этого полностью вызрели соответствующие экономические предпосылки. Процесс централизации страны и ее развитие шли преимущественно на феодально-крепостнической основе, которая постоянно расширялась за счет новых окраин и народов. В этих условиях гением Петра I была создана регулярная армия особого, не наемнического, а национального типа, что стало залогом высоких боевых качеств российских вооруженных сил, их передовой тактики и стратегии. Из податного населения страны на основе рекрутских наборов, кроме иррегулярного казачества, формировались полевые, а по губерниям — гарнизонные полки. Количество ежегодно набираемых рекрутов можно было варьировать численность воинских частей, но все равно их содержание и в мирное время было тяжким бременем для феодально-крепостнической страны, где еще господствовало в целом натуральное и мелкотоварное общественное производство. Средств явно не хватало, и уже при Петре I нередко по несколько месяцев даже гвардейским полкам задерживали жалованье. Тем не менее выкованные в трудностях Северной войны регулярные армия и флот с национальным в основном офицерским корпусом нельзя было не сохранять. Оставались нерешенными важные внешнеполитические проблемы. Все чаще армия выступала мощным фискально-полициейско-политическим механизмом внутри страны. Поэтому при проводимой в 1718—1722 гг. налоговой реформе на содержание полков назначается новый подушный налог. Все полки в связи с этим распределили по губерниям. Территориальное рассредоточение гарнизонных и полевых полков дало новые широкие возможности для тотального их использования в хозяйственно-попечительских, финансово-налоговых, полицейско-карательных и судебно-следственных целях. Личный состав полков, в первую очередь офицерский корпус, непосредственно взаимодействовал с гражданской администрацией, дополняя, а в отдельных районах и случаях нередко и заменяя ее. В стране

сложился некий симбиоз двух, военной и гражданской, систем управления. Символом военно-бюрократической машины по реализации классовых целей правящего класса стали учрежденные с 1764 г. в каждом губернском и уездном городе военные штатные команды во главе с офицером, который подчинялся и гражданским властям в лице воеводы, а позже — городского.

Исходя из общих задач нашего исследования, в этой главе рассматривается не вся совокупность вопросов поднятой темы, а лишь те ее аспекты, которые отражают, на наш взгляд, особенности системы государственного феодализма на восточной окраине, а именно: причины, процесс складывания и размещения частей регулярной армии в Восточной Сибири XVIII — нач. XIX вв.; источники формирования их личного состава; особенности функций и сословного статуса офицеров. (Социальному положению офицеров и классовых штатских чиновников посвящена особая итоговая глава.)

Данная тема относится к числу забытых в сибиреведческой дореволюционной и советской литературе, хотя существует ряд крупных работ общероссийского плана как дооктябрьских (В. Э. Дэн, Н. П. Глиноецкий, А. Л. Савельев и др.), так и советских (Л. Г. Бескровный, А. П. Богданов, М. Д. Рабинович, С. М. Троицкий, Л. Е. Шепелев, П. П. Епифанов) авторов. Их труды являются надежным основанием для разработки этой темы.

В общих описательных книгах по истории Сибири П. А. Слоцова, В. К. Андриевича, А. П. Васильева, Ю. С. Гагемейстера или частных, типа работы А. С. Сгибнева «Охотский порт», приводится лишь отрывочный материал о численности, размещении и службах регулярных полков. Но даже в самой подробной из них, двухтомной работе генерал-майора А. П. Васильева «Забайкальские казаки», в силу узковедомственного и краеведческого ее характера, история полевых и гарнизонных частей, размещенных в Восточной Сибири, дана как часть истории забайкальского казачества. Излишне говорить, что дворянско-буржуазная историография всех идейно-политических направлений и течений на редкость единодушно трактует деятельность регулярных частей с надклассовых позиций, заливая казенным патриотическим елеем сообщаемые ими самими факты участия полков и гарнизонных команд в выбивании налогов, карательных операциях против недоимщиков, поимке беглых, полицейско-тюремной охране на казенных заводах, рудниках, фабриках, солеварнях и т. д.

В советской историографии по отдельным вопросам темы приводятся интересные материалы в работах по истории великих географических открытий на северо-востоке Азии и в Северной Америке (А. В. Ефимов, В. И. Греков, А. И. Алексеев, В. А. Дивин, С. Н. Марков и др.), по описанию и изучению Сибири (А. И. Андреев, Л. А. Гольденберг, А. И. Алексеев, Б. П. Полевой и др.), хозяйственно-промысловому освоению Северной Америки (Р. В. Макарова, С. Г. Федорова и др.), по культурно-просветительной жизни Сибири (А. Н. Копылов).

3.1. СКЛАДЫВАНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЧАСТЕЙ РЕГУЛЯРНОЙ АРМИИ

Сухопутные вооруженные силы России XVIII столетия состояли из полевых и гарнизонных полков, а также иррегулярного казачьего войска. В Сибири XVII — нач. XVIII вв. все задачи, присущие вооруженным силам, выполняло казачество, которое в Заенисейской Сибири к первой переписи составляло почти половину всего русского населения¹. В течение XVIII столетия функции казаков во многом перешли регулярным частям. Состав, соотношение, размещение и действия родов войск и частей регулярной армии в Восточной Сибири XVIII — нач. XIX вв. зависели от следующих возлагаемых на них задач. Во-первых, процесс огосударствления Сибири в XVIII в. не закончился. Он охватил более полно северо-восток Азии, Камчатку и перешел в Северную Америку. В этом процессе, который определялся вольной промышленной колонизацией, давшей Русскую Америку, участвовали и вооруженные силы, в первую очередь молодой российский Тихоокеанский флот с опорной базой в Охотске². Во-вторых, регулярные части за Енисеем нужны были России, чтобы обеспечить как общегосударственные, так и классовые интересы на беспокойных в XVIII столетии южно-сибирских рубежах. Наконец, сам тип окончательно созданной при Петре I национальной регулярной армии с рекрутской системой комплектования предполагал наличие по всей стране территориальных воинских формирований регулярного типа. Нужны они были и в полицейско-карательных целях, ибо усиливался кре-

постнический режим, вызвавший, в частности, массовое бегство на окраины.

В разные десятилетия изучаемого периода важность и первоочередность этих задач для вооруженных сил Восточной Сибири, естественно, менялись, но определяющей по своим последствиям и размаху выступала вторая, то есть внешнеполитическая, задача.

Первые регулярные гарнизонного типа полки на территории Восточной Сибири появились в XVIII в. в связи с внедрением рекрутской системы. Сибирская губерния представляла собой один территориальный округ, в котором с 1711 г. часть собранных рекрутов обучали в двух развернутых гарнизонных полках, а затем направляли в полевые части. С 1719 г. по петровскому указу предписывалось в гарнизонные полки направлять ежегодно 1/3—1/4 рекрутов. Такое же число гарнизонных солдат передавали в полевые полки, причем под жестоким штрафом запрещалось отдавать одних «худых», а следовало разделить солдат на три части (лучших, средних и «худых») и «со всякой части в каждый полк по пропорции давать». Таким образом, гарнизонные полки являлись учебными, в нужное время выступая резервом пополнения полевых полков, а также запасными частями³. С введением в 1719—1722 гг. подушной подати на содержание регулярной армии (по 74, позже по 70 коп. с каждой д. м. п.) все полки были распределены по губерниям страны. По расписанию Петра I в 1720 г. на Сибирскую губернию пришлось 3 гарнизонных пехотных полка (Санкт-Петербургский, Московский и Тобольский) и один драгунский. Каждый пехотный полк тогда имел 1337 чел. личного состава, а драгунский — 1126 чел. По штатному расписанию в них всего состояло 5188 чел. и 1043 лошади. С 1724 г. им велено отбыть в Сибирь на постоянные квартиры, причем один из них, Тобольский, через год получил приказ развернуться в Забайкалье⁴. Переименованный в 1727 г. в Якутский, этот пехотный полк вместе с драгунской ротой и двумястами солдат охранной Екатеринбургской команды, всего 2 тыс. чел. во главе с полковником И. Д. Бухольцем, был придан посланному для пограничных переговоров с Китаем русскому послу графу Савве Владиславовичу Рагузинскому. Пограничная обстановка в то время была такой тревожной, что 15 сентября 1726 г. правительство Екатерины I распорядилось все сибирские города укрепить палисадами и окопать рвами. По Буринскому тракту от 20 августа 1727 г. государственная граница была определена только в западном направ-

лении, от Кяхты до перевала Шабин-Добага. Она прошла до линии фактически уже существовавших русских и монгольских караулов, а где их не было — по сопкам, хребтам и рекам. 21 октября 1727 г. в Кяхте был подписан договор, который подвел итоги переговорам о границах, торговле и дипломатических отношениях. Земли к югу от р. Уды и низовья Амура остались по-прежнему неразграниченными с таким условием, что ни одна сторона не будет заселять и завладевать ими⁵. Для реализации принятых Кяхтинским договором решений Якутский полк был оставлен в Забайкалье. Его солдат вместе с казаками использовали для строительства торговой Кяхтинской слободы (350 чел. во главе с капитаном Княгинкиным) и Селенгинской крепости как опорного пункта по урегулированию пограничных вопросов (в 1728 г. этим, в частности, занимался поручик Абрам Петров Ганнибал, прадед со стороны матери гениального русского поэта А. С. Пушкина)⁶.

В те же годы в связи с волнениями ясачных камчадалов и чукчей на северо-восток Азии был отправлен по указу 23 марта 1727 г. сформированный главным образом из казаков отряд из 1500 чел. во главе с капитаном Якутского полка И. Скорняковым⁷. Созданная в 1730 г. военная комиссия для решения вопросов численного состава армии, штатов полков, вещевого довольствия, продовольственного снабжения, всего того, чтобы «содержать армию всегда в постоянном и порядочном состоянии», положила Якутскому полку трехбатальонный состав (кроме него, такой состав из 49 гарнизонных полков страны получил только Московский), а также «армейское» жалование, то есть жалование по нормам полевых частей⁸.

При территориальном размещении подразделений Якутского и других полков Сибири учитывался самим же Петром I измененный в 1724 г. новый порядок расквартирования, отменивший размещение солдат по крестьянским дворам, но с поправкой на сделанное правительством Екатерины I перемещение полков в города, преимущественно пограничные и те, где дешев хлеб и много леса. Считалось, что от этого выиграют и крестьяне, и горожане, и казна, ибо будет «в таможенных и кабацких доходах пополнение». Силами солдат, а где их еще не было — силами крестьян, посадских и разночинцев велено возвести особые солдатские слободы, в которых сержантам отводили по избе, прочим унтер-офицерам — на двоих одну, солдатам — на трех одну. Размещали в таких слободах не меньше капральства и не больше роты. В каждой роте следовало иметь для обер-офицеров по двору, состоя-

шему из двух изб (для офицеров — с сениями, для их людей — обычную). В слободе, где размещался штаб полка, в центре застройки ставили особый двор из восьми изб и госпиталь⁹. Расписание 1731 г., по которому полки вновь выводились на «вечные квартиры» в селения, почти не затронуло Восточную Сибирь. Якутский полк был расквартирован следующим образом: в пограничном Селенгинске оставлся батальон из четырех рот с полковой канцелярией, в Иркутске и Нерчинске разместили по роте с капитанами¹⁰. Из-за недостатка в Иркутской провинции продовольствия остальные роты вывели в Кузнецкий и Томский уезды Тобольской провинции. В Енисейске был размещен Московский гарнизонный полк, переименованный указом Петра II в 1727 г. по месту расквартирования в Енисейский. Тобольский (бывший до 1727 г. Санкт-Петербургский) пехотный, драгунский Сибирский полки и отдельный драгунский эскадрон из 499 чел. оставались в Западной Сибири¹¹. Кроме того, по ведомости Адмиралтейской коллегии в «Сибирской экспедиции», то есть Первой Камчатской экспедиции Витуса Беринга, было показано находящихся в Якутске и Охотске «морских корабельных служителей: капитан — 1, лейтенант — 2, лекарь — 1, штурманов — 2, гардемарин — 1, квартирмейстер — 1, писарь — 1, матросов — 13, конопатчиков — 2, парусных учеников — 2, итого 26 чел., да 9 чел. от адмиралтейства (ученик ботовой и шлюпочный, один же мачтовый ученик, 4 плотника, кузнец и 2 конопатчика)»¹². Гарнизонный же пехотный полк по штатам 1731 г. на мирное время состоял из 1272 чел.¹³ Всего в Восточной Сибири к этому времени находилось около 2000 чинов регулярной армии, или до 40% личного состава всех размещенных за Уралом регулярных подразделений.

В 30—40-х гг. численность регулярных войск увеличилась главным образом в Западной Сибири в связи с обострением отношений с Джунгарией, правители которой организовали набеги на русскую территорию. Для прикрытия южно-сибирских рубежей правительство Анны Иоанновны пошло по традиционному, проверенному еще в XVII столетии в Закамье, но, как считает Л. Г. Бескровный, бесполезному в военном отношении пути. Небезызвестный Миних провел в военной коллегии решение о создании в южной Сибири нескольких укрепленных линий (Тобольско-Ишимской, Колывано-Воскресенской и Иркутской), которые представляли бы собой ряд опорных пунктов — крепостей и форпостов. Они отстояли друг от друга нередко на сотни верст и требовали по отда-

ленному своему местоположению огромных затрат¹⁴. Как бы там ни было, сооружение укрепленных военных линий, в первую очередь на юге Тобольской губернии, началось. Соответственно потребовалось увеличить контингент регулярных войск. Рядом указов в 1736—1737 гг. были сформированы еще один Тобольский драгунский полк и Тобольский пехотный батальон. Рядовой состав набрали из сибирских служилых людей, в том числе из уездов Восточной Сибири сначала 474 из 1133 чел., а по расписанию от 5 сентября 1737 г. — 786 из 1866 чел. Офицеров, унтер-офицеров и «унтер-штапа чинов», всего, соответственно, 52 и 105 чел., Военная коллегия назначила из полевых полков¹⁵.

В 1745 г. в Сибирь под командованием генерал-майора Киндермана вступили «для охранения границ» 2 пехотных и 3 конных полка. Ширванский и Нотебургский пехотные полки разместились в Тобольске и Тобольском дистрикте, а драгунские Луцкий и Олонекский — на создаваемой Колывано-Воскресенской военной линии¹⁶.

После Первой Камчатской экспедиции и экспедиции А. Ф. Шестакова правительство приложило немалые усилия по развёртыванию Охотского порта, строительству кораблей, организации грандиозной Второй Камчатской экспедиции 1733—1743 гг. Усиление колониального могущества иностранных государств, особенно Англии, обязывало Россию закрепиться в своих дальневосточных владениях. Вторая Камчатская экспедиция решала и научно-познавательные, и политико-экономические задачи. Она должна была исследовать ширину пролива между Азией и Америкой, выяснить возможности плавания Великим Северным путем в Индию и Китай. С этой целью четыре морских отряда, выйдя из устьев Оби, Енисея и Лены, должны были обследовать все северное побережье Сибири от Баренцева до Берингова моря. Еще одна важная задача экспедиции заключалась в установлении морского пути в Северную Америку и Японию. Обеспечить нужды Второй Камчатской экспедиции и наладить хозяйственную жизнь Охотского края должна была администрация Охотского порта. Следовало устроить дороги, расселив на них ссыльных, организовать в Охотске смолокурение и железодельный завод, чтобы «ковать не только нагели и другие припасы, но и якоря... для судов», разводить скот, лошадей, завести пашню. Также ставилась задача создать как военный, так и торговый флот для поисков новых земель, организации промысла и торговли с другими странами. Командир порта получил всю полноту

гражданской, военной и судебной власти над Охотским краем. Ему следовало завести мореходную школу, льготами привлечь купечество, «смотреть за камчатскими приказчиками», которых посылали из офицеров для управления местным населением¹⁷.

Общая численность моряков-офицеров и матросов, участвующих в работе Второй Камчатской экспедиции и освоении Охотско-Камчатского края, точно не известна. С учетом широкого привлечения казачества всех восточно-сибирских уездов к ее работе, число прибывших чинов экспедиции достигало в целом 150 чел.¹⁸

В 40-е — нач. 50-х гг. на численность и размещение регулярных войск за Енисеем повлияли события на Камчатке. С 1743 г. там активизировались «немирные» чукчи и коряки. В сформированную в 1743 г. Анадырскую партию вошли, кроме казаков, 40 солдат Якутского полка во главе с начальником Камчатки майором Д. И. Павлуцким. После ряда вооруженных успешных стычек Д. И. Павлуцкий в 1747 г. вместе со своим отрядом из 40 чел. погиб. Сибирский приказ распорядился, чтобы командир Якутского полка В. В. Якоби отправил в Якутск роту в составе 120 чел., а вместо них «за малолетством в Иркутской провинции» солдат получил роту, стоящую в Кузнецком уезде. Когда 28 июня 1748 г. рота в составе 131 чел. прибыла в Иркутск, то вице-губернатор «за неимением в городе обер-офицера, солдат и казаков малолетством» оставил из нее в своем распоряжении 26 чел., в том числе прапорщика, капрала и сержанта. Через год эту роту во главе с капитаном В. Шатиловым тоже отправили в Анадырь, чтобы «искоренять немирных чукчей и бунтовщиков военной оружейной рукою». Однако и этих сил оказалось недостаточно, поэтому пришлось привлечь другие сибирские полки к «замирению» Камчатки. В 1753 г. в Якутско-Охотском крае в общей сложности находилось 13 офицеров и 598 рядовых Якутского, Тобольского и Енисейского полков, из них из Якутского полка было 256 чел., в том числе 8 офицеров¹⁹. В 1755 г. здесь были еще солдаты Ширванского пехотного и Вологодского драгунского полков, всего 610 чел.²⁰

Резкое увеличение контингента регулярных сил в Восточной Сибири произошло в конце 50—70-х гг. XVIII в., когда сильно обострились отношения с Цинской империей в связи с так называемым «амурским вопросом». С 1752 г. встала задача переноса сообщения с Камчаткой и Охотском (для доставки туда продовольствия и промыслового освоения Се-

верной Америки) не через Якутск-Охотск и бурное Охотское море, а по Амуру, нижнее течение которого, как отмечалось, не было разграничено. Сибирский губернатор адмирал В. А. Мятлев подал об этом записку Елизавете Петровне, и та велела начать соответствующие переговоры²¹. Выгоды амурского пути были столь очевидны, что Сенат, не дожидаясь положительного дипломатического результата, указом 28 декабря 1753 г. по предложению П. И. Шувалова утвердил проект В. А. Мятлева и создал так называемую «Секретную Нерчинскую экспедицию» во главе с Ф. И. Соймоновым. Ее главной задачей была подготовка всего необходимого для русского плавания по Амуру. Ему передали всех бывших участников Второй Камчатской экспедиции. Ф. И. Соймонов занялся подготовкой заселения устьев рек, впадающих в Амур, организацией выплавки железа в Нерчинском уезде, открытием штурманских (навигационных) школ. Для оперативного решения вопросов Ф. И. Соймонова назначают нерчинским экипажмейстером и «за воеводу», подчинив ему всех местных казаков²². Деятельность комиссии Ф. И. Соймонова старались держать в секрете, чтобы не обеспокоить цинские власти. Однако каторжник Шульгин, бежавший с Нерчинских заводов, передал китайским властям ходившие слухи о том, что Ф. И. Соймонов якобы готовится завоевать китайский город в устье Амура (Айгунь). Обеспокоенный цинский император не разрешил в 1757 г. прибывшему в Пекин русскому послу В. Ф. Братищеву сплавлять Амуром хлеб для Охотско-Якутского края и Камчатки. На его отрицательную позицию повлиял также отказ России выдать Амурсану, одного из организаторов освободительной борьбы «черных калмыков», то есть киргизов, против маньчжурской экспансии, а также перебежчиков, которые после разгрома Джунгарии спасались от тотального террора цинских феодалов на русской территории²³.

На восточно-сибирской границе с Китаем обстановка резко обострилась. Маньчжурское правительство использовало любые предлоги, чтобы прекратить кяхтинскую торговлю. Возник спор о порядке разбирательства дел русских подданных по обвинению в убийстве или грабеже на цинской территории, о выдаче перебежчиков. Резко участились случаи грабежа и угона скота монголами с русской территории. В этих условиях «главный пограничный правитель» и селенгинский комендант В. В. Якоби добился реформы своего полка, чтобы упрочить охрану монгольской границы. Находившихся в Якутске, Камчатке и Анадыре 8 офицеров и 248 солдат исключили из

состава полка и образовали Камчадалскую команду. Полк полностью доукомплектовали рекрутской молодежью, набранной в Иркутской провинции, а также казачьими и солдатскими детьми. Из местных же казаков и присланных с соликамских заводов крестьян сформировали новый драгунский полк и конную гренадерскую роту. Ядром же его стал прибывший из Тобольска батальон²⁴. Однако в случае военного конфликта этих местных сил даже для прикрытия двухтысячeverстной границы было явно недостаточно. Лежавшие в приграничной зоне Нерчинские заводы, которые давали ежегодно стране сотни пудов серебра и тысячи пудов свинца, охранялись лишь двумя капральствами солдат «Екатеринбургской горной стражи». Якутский пехотный полк был разбросан мелкими командами по Селенгинскому и Нерчинскому уездам, самыми крупными из которых были в Селенгинске при штабе полка — 88 чел., в Кяхтинском форпосте — 189, в Нерчинске и слободе Цурухайту — 123 чел. Больше регулярных частей ближе Красноярска не было²⁵. Для усиления обороны горного округа в районе богатейшего строящегося Уровского завода от форпоста Цурухайтуевского до Аргунского острога были поставлены через каждые 10 верст караулы-остроги, обнесенные палисадом, рогатками и надолбами. Кроме того, указом 9 апреля 1756 г. на заводы откомандировали 2 роты Якутского полка, из которых одна находилась на пограничных караулах, а другая несла конвойную и караульную службу при заводах²⁶.

Новый проект В. В. Якоби о необходимых мерах и об увеличении войск для усиления обороны Забайкалья на случай войны рассматривала в апреле 1757 г. созданная при Военной коллегии особая «комиссия о нерегулярных войсках». Комиссия, а затем Военная коллегия и Коллегия иностранных дел в целом согласились с его предложениями. В соответствующем докладе Сенату от 9 сентября 1757 г. предлагалось к имеющимся в Селенгинске Якутскому пехотному трехбатальонному полку и конной роте сформировать 4 пехотных полка и разместить их по «Селенгинской и Нерчинской границам». Кроме того, половину выписных казаков, или 5 тыс. чел., набранных в 1752 г. генерал-майором Киндерманом из крестьян и разночинцев Западной Сибири и Приенисейского края, тоже планировали переселить к границе. Всего на случай войны намечено иметь на селенгинском участке 20 тыс. регулярного пехотного и 3 тыс. нерегулярного войска, а на Нерчинском, соответственно, 10 тыс. и 2 тыс., всего 35 тыс. войск. Сенат, в целом согласившись с необходимостью увеличить контингент войск

на границе до 35 тыс., все же остановился на поданном 9 марта 1759 г. проекте сибирского губернатора Ф. И. Соймонова, который казался более осуществимым. По утвержденному Екатериной II докладу Сената от 17 октября 1760 г. в число 35 тыс. решено сформировать 5 ландмилицейских полков: один конный на базе 6 рот, взятых из шести полков, находящихся в Западной Сибири (полевых Олонецкого и Луцкого, Вологодского и Ширванского, гарнизонных Сибирского и новоучрежденного), дополнив их иркутскими и енисейскими казаками (400 чел.), а если не хватит — то не имеющими ремесел и «торгов» посадскими и цеховыми Восточной Сибири и поселщиками; остальные 4 полка — из выписных западно-сибирских казаков, с зачетом их всех в рекруты и выключкой из подушного оклада приписных к Алтайским заводам. Набранный контингент, всего 8143 чел., следовало вооружить и поселить по Селенгинской и Нерчинской линиям с женами и детьми на армейском жалованье за счет Нерчинских заводов. До завершения же их комплектования и снаряжения границу решено закрыть по всем 22 караулам легкими командами яицких и донских казаков (всего 980 чел.), вместе с местными и казаками из бурят²⁷.

Для определения мест строительства пограничных крепостей от начала Амура между Шилкой и Аргунью до Тункинского острога и далее до Красноярской границы в 1761 г. прибыли в Селенгинск 6 «инженер-офицеров». Через 3 года работы все составленные карты и общий «прожект» вновь назначенным укреплениям старший инженер-капитан-поручик Яков Тевяшов на пяти подводах увез в Тобольск в созданную в 1760 г. при сибирском губернаторе особую «пограничную комиссию» во главе с сыном губернатора полковником Михаилом Федоровичем Соймоновым. По проекту для новой Иркутской военной линии на 14 редутов-крепостей потребовалось бы 225 инженер-офицеров, 840 артиллеристов, 2173 конных и 2283 пеших драгун, солдат и казаков, а с 3093 бурятами всего 8614 чел. Сооружение линии обошлось бы в 434166 руб. с привлечением 2290 людей и 5277 лошадей²⁸. За два года, к августу 1762 г., на базе четырех рот западно-сибирских полков был сформирован Якутский конный ландмилицейский полк с личным составом в 1 тыс. чел., куда вошли еще 400 енисейских и иркутских казаков не старше 35 лет и 200 посадских и цеховых. На другие запланированные полки, как рапортовал 22 августа 1762 г. Ф. И. Соймонов Сенату, денег в Сибирской губернии, то есть на Нерчинских заводах,

не было²⁹. Сенат препроводил этот рапорт в особую Военную комиссию, учрежденную при Военной коллегии для приведения «обширных российских границ в совершенную безопасность». Комиссия, рассмотрев все материалы, в том числе еще одно мнение В. В. Якоби, пришла к выводу, что в Восточной Сибири нужен более значительный контингент регулярных войск, и предложила вернуться к старому проекту В. В. Якоби, но значительно изменив его — вместо пяти ландмилицеских полков составить особый корпус из двух карабинерских и пяти пехотных полков с полным штатом и офицерским корпусом, разместив по три полка — в Иркутском и Селенгинском уездах, а один — в Нерчинском. Военная коллегия и Сенат согласились с этим, а 29 ноября 1763 г. поданный доклад подтвердила Екатерина II³⁰. К этому времени русско-китайские отношения приняли весьма напряженный характер. Цинское правительство стало самовольно облагать ясаком «уряхайцев», живших по нейтральной полосе между границами. Богдыхан Цинской империи Хун Ли занял угрожающую позицию. Листы из Лифань-юаня в Сенат были наполнены столь грубой бранью, что Сенат в начале 1764 г. по разрешению Екатерины II в своем листе китайскому трибуналу отвечал, что «ругательства — лишь гнусное оружие невежд», ими Россия может или «пренебречь с презрением», или же за них «наказать чувствительно»³¹.

В плане реализации этого измененного плана В. В. Якоби конный ландмилицеский Якутский полк превратили в карабинерский, а в число пехотных были сформированы два — Иркутский и Селенгинский, из выводимых из Польши беглых старообрядцев. Новые полки были расквартированы соответственно в Иркутске и Селенгинске. В Иркутском уезде предполагалось разместить еще два полка, а в Нерчинске — один, так как их здесь можно обеспечить продовольствием и фуражом. Но и этот план не был реализован в полном объеме. На 1764 г. наметили сформировать 2 ландмилицеских полка из «польских выведенцев». В Тобольске из сибирских и российских полевых полков составили их командный костяк из полковых командиров, офицеров, унтер-офицеров, а на каждую роту — по сержанту, каптенармусу, по 4 капрала и по 2 барабанщика. Прибываемых в Тобольск польских выходцев зачисляли в роты, экипировали, сводили в полки и отправляли в Забайкалье. Всех негодных в солдатскую службу польских «выведенцев» старше 40 лет тоже отправляли в Селенгинский и Нерчинский уезды для обеспечения полков продовольствием.

Убыль в этих регулярных частях полагалось восполнять детьми солдат и поселенных на пашню крестьян из «поляков»³².

Между тем Военная комиссия через год, уже не найдя реальной угрозы войны с Китаем, представила новый доклад, который 19 октября 1764 г. вошел в силу. Для удобства обороны и управления выделяли особую Иркутскую губернию. Из России переводили в Омск и Петропавловск два драгунских полка, а из трех формируемых из польских переселенцев полков два, Иркутский и Селенгинский, размещали в Восточной Сибири. В Селенгинске, как центре обороны границы всей Иркутской губернии, планировали сосредоточить всю артиллерию с приданной ей обслугой. На наиболее вероятных путях из Монголии в долины Верхнего Онона, Чикоя и Селенги определили поставить три крепости (Акшинскую, Селенгинскую и Кударинскую), обнеся их палисадом, земляными редутами и вооружив артиллерией по 28 стволов. В крепостях назначались коменданты, им придавалось по роте, а в Акшу — две. В свете этого доклада Военная коллегия издала указ о новом порядке пограничной службы, по которому комендантам подчинили всех городских казаков Нерчинского и Селенгинского уездов³³. Пять рот Селенгинского и весь Якутский карабинерный полк закреплялись за пограничной линией. Однако этот порядок сразу же стал нарушаться. Иркутский пехотный полк переименовали в Томский и отправили на Кузнецкую пограничную линию, назначенный вместо него Кольванский драгунский разместили в Красноярске, так как в Прибайкалье сильно поднялись цены на хлеб в связи с формированием новых полков и поступлением посельщиков. Позже генерал Шпрингер, командующий Сибирскими военными линиями в Тобольской губернии, самовольно вернул полк на Кузнецкую линию. Вскоре, когда стало ясно, что войны с Китаем удастся избежать, и в связи с начавшейся первой русско-турецкой войной, Селенгинский пехотный полк назначили «в заграничную армию». Командир полка полковник И. В. Якоби (сын селенгинского коменданта В. В. Якоби) вывел его в 1769 г. за 6 месяцев из Сибири³⁴.

Новое изменение порядка пограничной службы, повлиявшее на численность и состав регулярных войск Восточной Сибири, последовало 31 августа 1771 г. Причиной послужило бегство волжских калмыков через Иртышскую сибирскую линию в Джунгарию и частые набеги кабардинцев на Кавказе. По сибирским и кавказской границам решено увеличить в крепостях гарнизоны. Драгунские полки, разбросанные мел-

кими командами, показали себя неэффективно, поэтому признано полезным заменить их небольшими «когортами», или полевыми командами, состоящими из пехоты, драгун, егерей, артиллерии и линейных казаков. В Сибири все драгунские полки обратили в гарнизонные батальоны, всего 13, в том числе 7 формируемых, а также стали собирать 7 легких когорт полевых войск. Когорты должны были действовать в поле, а батальоны — в зоне своих укреплений. Когорты равнялись батальону. Селенгинская седьмая когорта, эта первая чисто полевая часть Забайкалья, должна была состоять из двух рот мушкетеров, всего 556 чел., егерской команды в 48 чел., 60 легких драгун, 33 артиллеристов и 15 обозных, всего 712 чел.³⁵ Оставшиеся в Восточной Сибири два Якутских полка (Якутский карабинерский — 1199 чел. и пехотный — 842 чел.) в соответствии с последними «положениями» раскассировали: из карабинерского выделили Селенгинскую легкую команду, а большую часть оставшегося личного состава распределили в назначенную на постой в Красноярске девятую легкую полевую команду и во вновь формируемый для Нерчинских заводов «из сдешнего департамента» 3-ротный заводской батальон в составе 998 чел. Этот батальон составлялся на базе одного батальона бывшего 3-батальонного гарнизонного Якутского пехотного полка, когда-то первого регулярного воинского подразделения на территории Восточной Сибири. Два остальных батальона из 6 рот каждый, дополнив до 804 чел., развернули в три, с 1764 г., когда все гарнизонные полки преобразовали в гарнизонные внутренние и пограничные батальоны, они размещались в Иркутске (один) и Селенгинске (два)³⁶.

К 1773 г., судя по обстоятельному докладу иркутского губернатора А. И. Бриля, намеченная система обеспечения безопасности границ выглядела следующим образом. В губернии находились 15-я легковая полевая команда из бывшего Якутского карабинерского полка (556 чел.) и 3 гарнизонных батальона, стоящих один в Иркутске, а два — в Селенгинске. Из них в Кяхтинскую, Цурухайтуевскую и Троицкую крепости и на караулы назначались: из 2-го Селенгинского батальона на Цурухайтуевскую и Чиндатурскую дистанции, в Акшинскую крепость и в г. Нерчинск — по одной роте, а последняя, пятая, стояла в Верхнеудинске. Из первого Селенгинского батальона две роты несли службу по Селенгинской линии в Троицкосавской крепости, Кяхтинском форпосте и Кударинской слободе, а одна — на Харацайской дистанции в Иркутском уезде. Одна рота Иркутского батальона была закреплена за Тункинской

дистанцией, а две находились в самом Нерчинске, где по расписанию 1765 г. положено содержать 70 пушек, мортир и гаубиц. По коллективному мнению А. И. Бриля, начальника Нерчинских заводов В. И. Суворова и генерала В. Ивашева, возглавлявшего специальную комиссию по пограничным делам при иркутском губернаторе, следовало иметь дополнительно еще два батальона по 998 чел. в каждом, разместив их в Иркутске и Верхнеудинске. При пяти главных крепостях на дистанциях нужны коменданты майорского чина и при них канцелярии (2 писаря, провиантский комиссар, профос), так как у каждого находилось под началом с казаками до 400 чел. В Нерчинске и Верхнеудинске предлагалось иметь, по их мнению, комендантов полковничьего чина, ибо у каждого в команде было свыше 1 тыс. чел., считая 500 служилых бурят и городских казаков. К легкой полковой команде добавлялись еще две с размещением их в Селенгинском и Иркутском уездах, где достаточно провианта³⁷.

Поручик Чурнасов вновь снял планы и составил сметы строительства крепостей, которые оказались в 3 раза дешевле прежних. Их сооружение потребовало бы 156744 руб. 50 коп., 9646 людей и 5277 лошадей. Из планируемого им штата на линии (196 инженерных чинов, 571 артиллерист, 864 кавалериста, 1028 пехотинцев, 1460 тунгусов и братских людей, всего 3919 чел. при 492 орудий) не хватало 169 артиллеристов, 164 кавалериста и 146 гарнизонных солдат³⁸. Оба батальона генералы полагали сформировать из местных казаков, для чего всех записавшихся в посад и в крестьянство служилых людей просили исключить из подушного оклада, как и тех штатных казаков, что были в 1765—1766 гг. включены К. Л. Фрауендорфом и В. В. Якоби в податные списки. В число же двух новых полевых команд предлагалось перевести в Иркутск девятую полевую команду, стоящую в Красноярске, так как она располагалась далеко от границы, никуда не употреблялась и фактически была по отдаленности бесконтрольной. Костяк третьей легкой полевой команды намеревались составить из частей 9-й, 15-й команд и местных гарнизонных батальонов, а пополнять рекрутами Енисейской провинции и прибывающими в зачет рекрутами, а также посадскими и цеховыми, не имеющими за собой ремесел и торговли³⁹.

Таким образом, в начале 70-х гг. масштабы планируемой Иркутской воинской линии стали скромнее по числу стоящих на ней людей (только артиллерию увеличивали почти в 2 раза), но все равно оставались впечатляющими. Вместе с другими

регулярными частями предполагалось иметь 5 гарнизонных батальонов (4992 чел.) и 3 легких полевых команды (1668 чел.), или всего 6660 чел. регулярной армии.

К 1777 г. южная граница по всей Иркутской губернии была устроена. На восьми ее дистанциях насчитывался 71 пост, или караул, в том числе 8 крепостей, при которых поселили русских казаков и 1800 солдат (1 тыс. из селенгинских батальонов и 980 из Якутского полка). Стык между Иркутской военной линией и Красноярской до 1781 г., когда там учредили два караула по рр. Уе и Уде, никем не охранялся. Управляли дистанциями офицеры Селенгинского гарнизонного полка, а за старших в караулах над казаками были унтер-офицеры. Общее управление пограничной линией и войсками на ней до 1783 г. было в руках губернатора, а с 1783 г. — у подчиненного ему обер-коменданта Троицкосавской пограничной крепости, имевшего особую пограничную канцелярию⁴⁰.

В последующие десятилетия состав регулярных частей изменялся мало, только полевые команды, или когорты, были преобразованы сначала в драгунские, а затем в егерские части. В 1785 г. в Иркутской губернии было около 4 тыс. чел. регулярных войск, в том числе 4 отдельных пехотных батальона в составе заводского Екатеринбургского на положении полевого и трех гарнизонных (Иркутского и двух селенгинских), один эскадрон Сибирского драгунского полка и три артиллерийских команды, каждая более чем по 100 чел. (Иркутская, Нерчинская и Селенгинская)⁴¹. В Красноярске стояла до конца XVIII в. первая рота Томского полка⁴². В 1785 г. был вновь сформирован Иркутский драгунский гарнизонный полк и егерский батальон. По штатам 1786 г. личный состав этих подразделений был соответственно установлен в 1882 и 988 чел.⁴³

В период правления Павла I в 1797 г. в Иркутской губернии стояли только два гарнизонных полка на полевом положении — Иркутский и Селенгинский, а все 4 гарнизонные или мушкетерские батальоны в 1797 г. намечено перекомплектовать в 3 мушкетерских полка (Екатеринбургский, Селенгинский и Томский). Восточно-сибирские третий и четвертый батальоны вошли в Селенгинский полк с приданными двумя гренадерскими ротами, всего 2146 чел., и были выведены в 1798 г. на назначенные квартиры в Усть-Каменогорск⁴⁴.

Общая численность регулярных войск в Восточной Сибири и удельный вес их с семьями в общем русском населении края с трудом поддается определению. Эта категория, как

неподатная, редко показывалась в наиболее массовых, а значит, и более сохранившихся и дошедших до нашего времени источниках. Относительно сопоставимые данные встречаются начиная с третьей переписи. Так, в Иркутской губернии по ведомости иркутского губернатора А. Бриля от 26 августа 1768 г. по третьей ревизии (1762—1764 гг.) числилось военных чинов с отставными 6758 д. м. п. и 1250 д. ж. п.; по топографическому описанию в четвертую перепись в штатных военных командах и отставных, соответственно, было 1890 и 1753 чел., из них «военнослужащих в штатной команде» — 781 и 203; в 1811 г., по данным К. Германа, в одних городах насчитывалось 9901 военный; по «Географо-статистическому описанию Иркутской губернии» 1819 г. А. И. Лосева по метрическим книгам считалось 6634 д. м. п. и 3315 д. ж. п.; наконец, по материалам Ю. А. Гагемейстера в 1823 г. указано «служащих военного ведомства» в Иркутской губернии 6324 и 1994 и в Якутской — 685 д. м. п. и 314 д. ж. п., а всего, соответственно, 7009 д. м. п. и 2308 д. ж. п. Если учесть неподатных «дворян и разночинцев вне службы», которые в подавляющем большинстве состояли из отставных военных, то общая численность достигнет 7900 д. м. п. и 3478 д. ж. п.⁴⁵

Изменения абсолютной численности этого слоя населения за вторую пол. XVIII — первую четв. XIX вв. показывают, что хотя эта группа населения и занимала среди неподатных, вслед за казачеством, второе место, но была количественно неустойчивой, а удельный вес ее среди общего русского населения постоянно сокращался: от 8008 д. об. п. на 55828 в 1768 г. до 11378 д. об. п. на 241151 в 1823 г., или от 14,3 до 4,7% всего населения⁴⁶. Правда, падение удельного веса этого служебного слоя было меньшим, чем в 3 раза, как это получилось по подсчетам, так как данные за 1768 г. занижены, по нашему мнению, на 1/3 (не 55828 д. об. п., а 83123 д. об. п.) из-за прописки и массы поселщиков, которых позже вписали в подушные списки. Однако и с этой поправкой тенденция снижения относительной численности военных прослеживается достаточно отчетливо. Это свидетельствует о постепенной нормализации к XIX в. гражданской жизни в заенисейской Сибири и снижении в ней роли военно-приказного начала, обусловленного, как отмечалось, напряженной приграничной обстановкой. Распределение военных чинов по уездам губернии в 1768 г. подтверждает сказанное. Так, в приграничном Селенгинском уезде находилось 4880 д. м. п. и 753 д. ж. п., в Иркутском, соответственно, — 1108 и 229, Нерчинском —

397 и 131, Охотском — 234 и 60, Камчатке — 81 и 49, Якутском — 29 и 27 и, наконец, Илимском уезде — 29 д. м. п. и 1 д. ж. п.

Диспропорция полов в пользу мужчин вскрывает еще одну общую особенность формирования этого функционально-служебного слоя, который до конца изучаемого периода был далек до своего естественного воспроизводства.

Для уяснения места частей регулярной армии в системе государственного феодализма в Сибири важно установить содержание и социальную суть ее функций. В прямом своем качестве, как военная сила, сибирские регулярные части использовались редко. Исключения составляют действия отдельных рот Якутского пехотного полка по «замирению» Камчатки в 1727—1762 гг., причем для этого, как отмечалось, привлекались силы других западно-сибирских, и полевых, и гарнизонных, полков. При этом следует отметить, что военные действия против чукчей и коряков, вооруженных луками со стрелами и холодным оружием, больше были похожи на карательные экспедиции, которые затянулись в силу специфики местных условий. Затем эти силы были объединены в одну Камчадалскую команду и стояли гарнизонами по 9-ти местным крепостям, зимовьям, городам Охотско-Якутского края и Камчатки, выполняя одновременно административно-фискальные и судебные функции по отношению к русскому и ясачному населению. По «Ведомости о Камчатском, Охотском и Якутскому уездах» от 7 марта 1774 г., составленной по указанию А. И. Бриля в связи с предполагаемой административной реформой, всех военных чинов с семьями насчитывалось 534 д. м. п. и 334 д. ж. п., в том числе в остроге Больше-рецком — 21 д. м. п. и 7 д. ж. п. В Нижнекамчатском, соответственно, 18 и 10, Тагильской крепости — 79 и 54, Гижигинской 111 и 61, в Якутске — 51 и 60, зимовье Ковымском — 38 и 26, в Охотске — 166 д. м. п. и 116 д. ж. п. Камчатский командир капитан Т. И. Шмалев, замечательный историк-самоучка, в своем «Кратком о Камчатке объяснении» сообщает, что солдаты гарнизонов участвуют в промыслах, «зadolжали купцам» и, хотя получают двойное армейское жалованье, «вообще нищенствуют». При этом он высказывал мысль о нецелесообразности и убыточности для казны содержания на Камчатке 300 воинских чинов, на которых приходится всего 706 ясачных камчадалов⁴⁷. Позже правительство ликвидирует часть укреплений в Охотско-Якутском крае и на Камчатке, в том числе Гижигинскую крепость⁴⁸.

На южной границе дело до вооруженной борьбы с Цинской империей не дошло. Но это не значит, что войска там были не нужны, так как само присутствие воинских контингентов сдерживающе действовало на южного соседа. Функция корпуса пограничной стражи для регулярных частей Восточной Сибири была одной из основных. До 60-х гг. рапорты командиров Якутского пехотного полка И. Д. Бухольца и В. В. Якоби пестрели жалобами на нехватку солдат, ибо их раскомандировывали на форпосты по «китайской границе», на Камчатку и прочие места, так что на месте их «весьма мало имеется». В 1741 г. В. В. Якоби сообщал Сибирскому приказу, что кроме посланных солдат в экспедицию к М. П. Шпанбергу, сотруднику В. Беринга, многие «находятся в непрестанных пограничных и полковых работах», при Селенгинской и Чикойской крепостях, а также «стоят в караулах бесценно в других местах»⁴⁹.

Вместе с тем и в эти десятилетия большинство личного состава занималось обеспечением своего полка продовольствием, фуражом, доставкой и починкой амуниции, содержанием полковых мельниц, кузниц, табуна и даже полковым хлебопашеством. Ежегодно полку требовалось 10—15 тыс. пудов хлеба, который привозили из Иркутска на купеческих судах и крестьянских подводах, а чаще, так как редко кто брался за доставку из-за низких цен, самими солдатами на полковых лошадях, которых держали для хозяйственных нужд в количестве от 300 до 800 голов. Конфискуемые у контрабандистов лошади тоже поступали в полковой табун. Сено для него солдаты заготавливали сами⁵⁰. Привезенное зерно молили на двух выстроенных при И. Д. Бухольце полковых, а также и на частных мельницах. В 1762—1764 гг. в связи с развертыванием полка до трехбатальонного состава В. В. Якоби организует строительство еще трех полковых мельниц, из них «две наливные», а третья — ветряная «в один постав». В Селенгинске, кроме того, была с 1757 г. полковая «мельница», действующая лошадьми». Все мельницы строили и обслуживали солдаты.

Полковой табун увеличился к 1757 г. до 934 кобыл и жеребят⁵¹. С 1758 по 1764 гг. В. В. Якоби стал практиковать полковое хлебопашество, так как привозимого хлеба не хватало. Усилиями солдат в эти годы засеивались до 200 дес. ежегодно. По примеру западно-сибирских военных линий Якоби планировал всемерно расширять полковую пашню, но Сенат 19 октября 1764 г., принимая новый проект пограничной охраны, запретил В. В. Якоби превращать солдат в хлебопашцев⁵².

Вклад солдат в развитие производительных сил Восточной Сибири выразился и в том, что семейные из них старались обзавестись своим, крестьянского типа, хозяйством.

Отмечая видную роль Якутского полка в 30—50-е гг. в охране границы, следует учитывать постоянное использование для этих целей местного казачества. В начале же 60-х гг., когда обстановка стала очень напряженной, после ряда неосуществимых проектов быстрого формирования значительных воинских контингентов для прикрытия русско-китайской границы, правительство пошло по наиболее реальному пути. Состав иррегулярных казаков, занятых на границе, расширили, сформировав для этой цели даже два бурятских полка. Поэтому реально находящийся на огромной протяженности границы Якутский карабинерный и два пограничных батальона (Иркутский и Селенгинский) не столько сами несли службу по всем ее караулам и редутам, сколько своим малочисленным составом организовывали и контролировали пограничную службу закрепленных за Иркутской военной линией иррегулярных сил и служивых бурят⁵³. Как отмечалось, офицеры были комендантами гарнизонов восьми крепостей и начальниками дистанций, а унтер-офицеры и капралы возглавляли отряды казаков, дежурившие по караулам и редутам. Рядовой же состав был занят внутренней караульной и таможенной службой, а также внутривойсковыми хозяйственными делами. Так, солдаты стоявшей в 1752 г. в Нерчинске 7-й роты Якутского мушкетерского пехотного полка, всего 31 чел., были распределены следующим образом: при Нерчинской воеводской канцелярии — 8 чел.; один — целовальником у соляных местных амбаров; один — у взыскания недоимок с ратуш питейных сборов; 10 при Нерчинской таможене. Занятия прочих 11 чел., в том числе каптенармуса, ротного писаря, цирюльника и барабанщика, не были указаны⁵⁴.

В соответствии с феодальным принципом — налоги собирают те, в чью пользу они идут, с 1708 по 1762 г., как подробно показано в работах М. М. Богословского, Ю. В. Готье и Л. Г. Бескровного, важной обязанностью регулярных полков был сбор подушных денег⁵⁵. В Восточной Сибири они шли на Енисейский и Якутский гарнизонные полки, введенные туда в 1725—1726 гг. на постоянные квартиры. От каждого полка выделялся, согласно указу от 26 ноября 1718 г., специальный комиссар с несколькими счетчиками из солдат для приема подушных сумм. Поскольку выборных из местных дворян комиссаров подушного сбора в Сибири не было, то офицеры имели

дело прямо с воеводскими канцеляриями и управителями присудов. По указу от 2 января 1728 г. в каждый полковой дистрикт посылались один обер-офицер с капралом и 16-ю солдатами, а с 1730 г. их число удвоили «для лучшего в подушном сборе воеводам вспоможения». В том же году сбор подушных сумм полностью возложили на полки. С 1736 г. этим снова стали заниматься воеводские канцелярии, которым до 1775 г. помогали специально назначаемые Военной коллегией офицеры при подушном сборе. Для сбора недоимок и рекрут посылали отряды солдат с офицерами, наделенными большими полномочиями. Они могли даже за неисполнение их требований «описывать дворы и пожитки и продать по тоlikое число, сколько с кого штрафных денег взят надлежит». С 1732 г. офицеры получили право требовать у воевод все ведомости о недоимках, в случае их задержки держать губернаторов и воевод в канцеляриях без отлучки, а секретарей и подьячих — «скованных без выпуска». Такие случаи источники отмечали по Енисейску и Якутску. В 1732 г. поручик Якутского полка Иван Остяков за неподачу ведомостей «садил в цепь и железа... отъявленного грабителя» якутского воеводу Ф. И. Жадовского и освободил его только после вмешательства казачьего головы Аргунова и капитана Д. И. Павлуцкого⁵⁶.

Объявив содержание армии всенародной повинностью, правительство возложило на нее, как на заинтересованную сторону, борьбу с побегам и утайками от обложения. Полки обязаны были «смотреть так, чтоб из крестьян, которые на полк писаны, никто не бегал, а если проведает, что к побегу будут собираться, тех от того удерживать, а которые побегут, за теми гнать в погоню и ловить». Армейские офицеры ревизировали подушные переписи. В уездах и дистриктах Иркутской провинции этим, например, во вторую ревизию (1744—1747 гг.), занимались офицеры Тобольского и Якутского полков. Так, капитан Якутского пехотного полка Сергей Плохов проверял подушные списки по г. Селенгинску и Кяхте, поручик Иван Венгерский — по ведомству Итанцинского острога, и оба вызвали многочисленные жалобы со стороны населения за вымогательство взяток и поборы⁵⁷.

Солдаты также посылались для сбора различных окладных и неокладных сумм в уездах, контролировали выборных посадских целовальников, занятых таможенной службой.

Солдат использовали и в фискально-полицейских делах, связанных с взятием частными лицами подрядов. Так, когда

пять купцов и мещан Иркутска во главе с Ворошиловым взяли на 1746—1750 гг. винный откуп по Якутскому уезду на сумму в 11946 руб., то в заключенном договоре с местными властями, в частности, было сказано, что «для караулу, рассылок и остерегательства других команд в случае корчемных выимок и поимки по окольным дорогам неявленных товаров, корчемных питий и протчего нанимать из отставных солдат, казаков, обер и унтер-офицеров с указными паспортами, а если сыскать вольных нельзя, то дать им за действительно служащих солдат или казаков до 20 чел. с обычным жалованьем из кофискованных денег и товаров», а если не хватит, то содержать из «кошту компаньонщиков»⁵⁸. Последние, раз команды оказывались на их содержании, имели право требовать через воеводскую или провинциальную канцелярии замены тех солдат или казаков, которые плохо справлялись с порученным им делом. Таким образом, правительство отдавало подрядчикам на откуп не только определенную статью казенного дохода, но и передавало как бы во временную аренду воинские команды, без которых, как все понимали, невозможно было получить прибыль от казенной монополии.

Довольно широко военные чины, особенно офицеры, привлекались в административно-управленческих и хозяйственно-организаторских целях. Уже отмечалось, что офицеры местных частей нередко назначались за воевод и городничих. В 1764—1783 гг. офицеры были экономическими казначеями — управителями у бывших монастырских крестьян⁵⁹. Открыто военизированным стало в конце XVIII в. управление приписными крестьянами Нерчинских заводов. Их волости возглавлялись офицерами местного горного батальона. По «Списку о классных чиновниках, служащих при Нерчинских заводах», каждый третий из офицеров с декабря 1797 по октябрь 1798 гг. «находился у управления государственных волостей крестьянами»⁶⁰. С 80-х гг. XVIII в. встречаются офицеры и среди надзирателей, или «посельщичих смотрителей» селений сосланных в зачет рекрутов крепостных, а также переведенцев и ссыльных⁶¹.

Помимо фискально-финансовых и карательных функций регулярные части широко использовались в охранно-полицейских целях. Солдаты во многом сменили, а с 1764 г. полностью вытеснили казаков во внутренних городских караулах. Образованные по указу от 19 апреля 1764 г. из гарнизонных полков батальоны в городах и крепостях состояли из 6 рот, в том числе 4 строевых и по одной инвалидной и мастерской.

Строевые роты по положению составлялись из отставных армейских солдат и несли всю службу по гарнизону, инвалидная же — из отставных от строевых рот, солдаты которой назначались «в спокойную службу без ружья». Мастерская рота состояла из солдат, владеющих различными ремеслами, особенно по таким строительным специальностям, как каменщики, плотники, кузнецы, слесари и «дерноклады»⁶². В пограничных батальонах мастерскую роту заменяли строевой. С этой реформой была введена более четкая специализация у гарнизонных и полевых частей. По «Генеральному наставлению» в пункте 5-й функции гарнизонных батальонов и пехотных полков были определены следующим образом: «Когда случится в тех местах, где гарнизонные батальоны определены, пехотные полки, то они должны содержать гаубвахты, всю крепость и все знатные посты, употреблять для искоренения воров и разбойников, для усмирения в непослушании пришедших крестьян в той провинции, где непременно свои квартиры имеют, а гарнизонным остается тогда только содержать караулы у всей внутренней городской экономии и у строений, как-то у церквей, магазейнов, у почтового двора, у госпиталей, у школ, садов и цейхгаузов, у денежных сборов и у прочих подобных сему мест, также и главные форпосты; равномерно и обер-офицеры гарнизонные ко всем таким командам, до гарнизона надлежащим, определяются, где более 2-х суток пробыть надобно, как например, к приему фуража и провианта, к строению и того подобного, а затем еще все оставшие употребляют в крепостную и городскую работу с заплатой. Когда же полевых полков не случится, то караулы и все прочее, что на полевых солдат положено, отправлять гарнизону»⁶³.

В Восточной Сибири два гарнизонных батальона сделали пограничными, а их полицейско-исполнительные функции перешли к учрежденным штатом 15 декабря 1763 г. по всем городам «городовым командам», которые употреблялись «для случавшихся в городах посылок, отправления в разные места денежной казны, к поимке в случае нужном воров и разбойников и для разных караулов и осмотров». Эти команды (губернская рота из 132 чел., провинциальная — из 57, уездная — 29, а с 1775 г. из 34 и в пригородках — из 14) подчинялись гражданским властям в лице губернаторов и городничих и содержались за их счет⁶⁴. Это придало местной исполнительной власти открыто военно-бюрократический характер.

Офицеры использовались и в контрольно-ревизионных целях. Они обычно возглавляли судебно-следственные комиссии, назначаемые для разбора дел о злоупотреблениях местной администрации⁶⁵. Наконец, довольно часто в Восточной Сибири личному составу регулярных сил приходилось выступать в роли тюремщиков, особенно у осужденных по политическим мотивам⁶⁶. Секретных и важных арестантов караулили особые команды во главе с обер-офицерами, которые получали особые инструкции. Так, в 1748 г. в Нижне-Ковымском остроге надзором за арестантом бароном Менгденом с семьей ведал прапорщик Якутского полка Дмитрий Крылов. В Селенгинске караулом над Степаном Лопухиным и его женой Натальей ведал поручик Якутского полка Ангусаев, который рапортом от 7 июля 1748 г. донес, что колодник «из-за ножной болезни умер 6 июля». В Охотске под караулом находился бывший подполковник Лопухин, которым ведал прапорщик Сибирского полка Новицкий. По инструкции Лопухина следовало «содержать под крепким осторожным караулом неисходно, и кроме церкви Божьей никуда не пускать, и при тем смотреть, чтоб с ним никто в церкви не говорил и никаким образом уйти не мог и посторонних никого к нему не допускать, бумаги и чернил не давать». Прапорщик был не в ладах с охотским командиром премьер-майором Афанасием Зыбиным, чьи люди обозвали однажды Новицкого «дураком и разбойником». Когда оскорбленный тюремщик пожаловался, то А. Зыбин донес, что Новицкий, нарушая инструкцию по содержанию узника, «входил в комнату и пил с ним». В результате Сибирская губернская канцелярия сменила 30 сентября 1747 г. Новицкого, а Сенат через год указал судить прапорщика военным судом в Тобольске, то есть «держат над ним фергер и кригсрехт»⁶⁷.

Таким образом, регулярные части Восточной Сибири, в первую очередь гарнизонные и городские команды, выполняя преимущественно фискально-полицейские функции, выступали особым ведомственным аппаратом общего управления, который тесно состыковывался, а на уровне городских команд сливался с общегражданским аппаратом.

В силу своей ярко выраженной функциональности армия, как определенный служебный слой тогдашнего общества, в меньшей степени, чем другие нетяглые слои населения, но все же была неоднородной в сословно-классовом отношении. Это предполагает раздельное рассмотрение основных и противоположных по статусу двух слагаемых регулярной армии — офицерского корпуса и рядовых.

По штатам XVIII в. офицеры составляли в разных родах войск от 2 до 4% общего личного состава полков (табл. 19). Причем в привилегированных (конница) и специальных (артиллерия) полках их удельный вес был выше. Гарнизонные полки имели самый низкий процент офицерского состава. То же самое можно отметить и в более мелких, чем полк, подразделениях — батальонах и ротах. В целом, если господствующий класс страны составлял 1—1,5% всего населения России XVIII в.⁶⁸, то в армии концентрация дворян-офицеров была в 2 раза выше. Этот факт в какой-то мере объясняет, почему армия была послушным орудием в руках дворянского класса страны.

В полках, впервые с 20-х гг. XVIII в. расквартированных в Сибири, это соотношение между офицерами и рядовым составом в целом тоже выдерживалось, ибо части формировались в Европейской России. Так, в 1724 г. в одном драгунском и трех пехотных регулярных полках, находящихся в Сибири, из 5138 чел. было 148 штаб- и обер-офицеров, или 2,88%⁶⁹.

В последующие десятилетия формируемые в Сибири полки обычно имели офицеров ниже штатного расписания. Так, набранные в 1737 г. из сибирских казаков драгунский гарнизонный полк и пехотный батальон (соотношение основных чинов в них было взято Военной коллегией по полковому штату Сибирского драгунского полка, а батальона — по Сибирскому пехотному гарнизонному полку), всего, соответственно, 1212 чел. в драгунском полку и 799 чел. в батальоне, имели 37 и 15 офицеров, что составило 3,05 и 1,88%⁷⁰ (см. табл. 19).

В 1754 г. из расквартированных в Западной Сибири трех полевых драгунских полков два не имели полного штата офицеров: в Олонецком не хватало по штатам мирного време-

Штаты полков в XVIII в.

Состав полков по штату	Штаб- и обер-офицеры	Унтер-офицеры	Рядовые	Всего	В том числе офицеры
1	2	3	4	5	6
1711 г.					
Полевые:					
пехотный	40	80	1367	1487	2,7
драгунский	38	80	1210	1328	2,9
артиллерийский	73	285	3165	2523	3,0
гарнизонный пехотный	40	80	1363	1483	2,7
1720 г.					
Полевые:					
пехотный	44	88	1356	1488	3,0
драгунский	42	80	1131	1253	3,3
Гарнизонные:					
пехотный	32	72	1215	1319	2,4
драгунский	39	70	968	1077	3,6
1731 г.					
Полевые:					
пехотный	38 (39)	68 (69)	1400 (1449)	1506 (1557)	2,5
драгунский	35 (36)	80	978 (1109)	1093 (1225)	3,2 (3,0)
Гарнизонные:					
пехотный	27 (29)	52	1193 (1179)	1272 (1260)	2,1 (2,3)
драгунский	34 (37)	70	951 (1074)	1055 (1181)	3,2 (3,1)
отдельный батальон	13	26	584	623	2,1
отдельный драгунский эскадрон	18	35	446 (506)	449	4,0
1763 г.					
Полевые:					
пехотный	52	?	2041	2093	2,5
драгунский	32	65	835	932	3,4

Продолжение табл. 19

	1	2	3	4	5	6
Гарнизонные:						
пехотный		?	?	?	1840	?
драгунский батальон		?	?	?	1199	?
		?	?	?	772	?
1796 г.						
Полевые:						
пехотный		?		?	?	?
драгунский		60	130	1648	1838	3,3
Гарнизонные:						
пехотный		?	?	?	?	?
драгунский		?	?	?	?	?

Примечание. ГАТО ТФ, ф. 341, оп. 1, д. 142, л. 48—52; Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII в. М., 1958, с. 41, 43, 45, 57—58, 61, 312, 318, 320. Штат артиллерийских полков утвержден в 1712 г. По штатам 1731 г. в скобках отмечен личный состав военного времени.

ни 9 чел., в Луцком — 3, только в Вологодском было два офицера сверх комплекта⁷¹. По рапорту Сибирской гарнизонной канцелярии и ведомости бригадира И. Крофта в Герольдмейстерскую контору о составе офицерского корпуса «Сибирского гарнизона» от 25 марта 1754 г. в драгунском «новоустроенном» гарнизонном полку до штата не хватало 5 офицеров, а Сибирский драгунский полк был в комплекте. Из пехотных частей новый отдельный батальон имел всех офицеров (13), Енисейскому полку не хватало одного до 27, а Тобольский имел сверх комплекта 7 офицеров⁷². В Якутском же пехотном гарнизонном полку, стоявшем в Селенгинске, в том же году на 36 офицеров было 8 сверх комплекта, в том числе 3 капитана, 3 поручика, подпоручик и прапорщик. Хотя по жалованью и довольствию он, как уже отмечалось, с 1729 г. считался полевым, но штаты у него должны быть гарнизонными⁷³.

Во второй половине XVIII в. удельный вес офицеров в личном составе колебался в пределах штата, по крайней мере в тех полках, которые размещались в важных по определению властей районах. Так, по «Списку армейским офицерам по полкам и батальонам» на март 1797 г. в трех полевых драгунских полках, расквартированных на западно-сибирских воен-

ных линиях, насчитывалось 236 офицеров, в том числе в Сибирском 70, Оренбургском 110, Иркутском 56. Показательно, что Иркутский до 1796 г. стоял в Восточной Сибири, где с 80-х гг. положение на границе стабилизировалось. Та же картина наблюдается и в гарнизонных полках «полевого положения» и в шести мушкетерских батальонах. Если Тобольский гарнизонный полк имел 60 офицеров, то Иркутский — всего 16; а Селенгинский, размещенный ближе к границе, — 34. Три восточно-сибирских пехотных батальона (3-й, 4-й, 5-й) имели, соответственно, 22, 20 и 20 офицеров, а западно-сибирские 1-й — 24, 2-й — 21 и 6-й — 24 чел.⁷⁴ В целом, судя по «Списку», в регулярных частях, находящихся до 1796 г. в Восточной Сибири, в трех батальонах — Иркутском полевом драгунском, Иркутском и Селенгинском гарнизонных полках насчитывалось 168 офицеров⁷⁵. С командным составом учреждений в 1764 г. военных «штатных городских команд» (в губернской — 3 офицера, в трех провинциальных — по 2, в 17-ти уездных — по одному)⁷⁶ офицерский корпус составлял в самом конце XVIII в. 194 чел., или около 2/3 общего числа штатских чиновников с классными рангами чинов. Но к 1799 г. их численность из-за вывода полевого драгунского Иркутского полка и двух батальонов уменьшилась на 98 чел.

Большой интерес представляет вопрос о происхождении офицеров сибирских частей регулярной армии. Наиболее полно его освещают именные списки офицеров «Сибирского гарнизона» и полевых полков, расквартированных с 1745 г. на юге Западной Сибири⁷⁷. Сравнение списков, сохранившихся по Якутскому пехотному полку за 6 лет (1749—1754 гг.), по драгунским (Сибирскому и новому) и пехотным (Тобольскому и Енисейскому) полкам, а также по новому батальону — за 4 года (1748, 1749, 1752, 1753 гг.), позволило уточнить социальное и территориальное происхождение офицеров, их движение, грамотность, наличие поместий и крестьян. Однако далеко не все списки содержат информацию по всем этим показателям. Наиболее подробны именные списки за 1748 г. и 1754 г., которые полнее давали социальное и территориальное происхождение офицера. Например, прибывший в 1749 г. в пехотный батальон капитан Иван Леонтьев, 71 года, в списках 1752 г. показан просто «из крестьян», а в списке 1754 г. есть важное дополнение «г. Туринска»⁷⁸. Обнаружилось также, что

отдельные офицеры со временем старались слегка «подправить» свое непрестижное происхождение, ибо, очевидно, оно влияло на прохождение службы. Так прапорщик Сибирского драгунского полка Василий Новицкий, 46 лет, в списках 1749 г. показан из «солдатских детей», а в списке 1753 г. — уже из «унтер-офицерских детей». Капитан новоучрежденного драгунского полка Петр Хрушков, 65 лет, решил, что быть солдатским сыном естественней, чем сыном посадского, поэтому соответствующая запись и появилась в списках 1754 г. (в отличие от 1748 г.). Капитан Сибирского полка 47-летний Александр Поливанов более серьезно продвинулся таким образом по сословной лестнице, скромно указав в 1754 г., что он «из дворян», а не из «обер-офицерских детей», как было обозначено в 1749 г.⁷⁹ В отдельных случаях, как это сделал капитан Сибирского полка 49-летний Редриков, сибиряки не указывали, что они из детей сибирских дворян, оказываясь таким образом тоже в российском шляхетстве⁸⁰.

Были метаморфозы и обратного порядка, скорее всего не по инициативе самих офицеров. Так, капитан Сибирского драгунского полка Петр Костерин, 65 лет, в 1748 г. написан из «шляхетских детей», а в следующем 1749 г. — уже «обер-офицерским сыном», то есть лицом, не имеющим по праву рождения даже статуса личного дворянина. Его сослуживец по полку капитан Федор Мурзин, 68 лет, был уличен в не меньшей погрешности и был в том же 1749 г. назван уже не из «детей рейтар», а из крестьянских детей⁸¹.

Анализ сословного происхождения офицеров полевых полков, сравнительно недавно прибывших из России, и полков «Сибирского гарнизона», которые находились за Уралом от 11 до 30 лет, показывает, что сибиряки-офицеры и офицеры, выслужившиеся не из дворян, составляют заметную группу в гарнизонных полках и почти отсутствуют в полевых.

Так, в полевом Луцком драгунском полку из 32 офицеров было 23 из «российского шляхетства», один из польского, один однодворец, трое дети церковнослужителей, двое солдатские дети, один сын придворного лакея и один неизвестно какого состояния. В Вологодском драгунском полку из 37 офицеров было 29 из российских дворян, один из польских, один «малороссиянин», двое солдатских детей, три поповских сына и один из детей сибирских дворян. В Олонецком полевом драгунском полку была идентичная картина: из 26 офицеров 15 детей российских дворян, один из польской шляхты, пять солдатских детей, 2 из купцов, один из подьячих и один не-

Движение офицерского состава полков «Сибирского гарнизона»
в середине XVIII в.

Годы	Западная Сибирь			Восточная Сибирь			Всего мигрантов
	Всего офицеров	Из них		Всего офицеров	Из них		
		убыло	прибыло		убыло	прибыло	
1748	138	15	7	22	?	?	?
1749	130	35	18	53	27	1	5
1750	?	?	?	?	31	3	—
1751	?	?	?	?	28	2	2
1752	113	14	21	35	28	6	4
1753	120	?	?	?	26	—	9
1754	?	?	?	?	36	?	?

Примечание. По Западной Сибири показаны драгунские гарнизонные Сибирский и «новоучрежденный» полки, два пехотных гарнизонных Енисейский и Тобольский полки и пехотный батальон. В Восточной Сибири находился Якутский пехотный гарнизонный полк.

известно из какого сословия. В этих полевых полках довольно значительный контингент унтер-офицеров и солдат тоже был дворянского происхождения: в Луцком — 85, Вологодском — 64 и Олонцеком — 37 чел.⁸² Они выступали внутренним полковым резервом для пополнения офицерских рядов. Во всех же пяти сибирских гарнизонных полках и батальоне в 1753 г. из 146 офицеров только 30 были из «российского шляхетства» или к нему относящихся детей штаб-офицеров, то есть почти лишь каждый пятый, в то время как в трех полевых из 95 — 67 чел., или два из трех. Во всей совокупности офицеров сибирских частей, служивших с 1748 по 1753 г., удельный вес потомственного и выслуженного шляхетства будет ненамного выше, чем в 1753 г., — на 210 чел. только 55, или почти каждый четвертый. Кстати, сокращение даже за четыре года числа офицеров из дворян весьма характерная тенденция, которая еще ярче обнаруживается во второй половине XVIII в., если судить по удельному весу потомственных дворян среди оставших офицеров, которые определялись на гражданскую службу в Иркутскую губернию (см. гл. 2). Показатели по Якутскому пехотному гарнизонному полку, который был до 1758 г. единственной крупной воинской единицей в Восточной Сибири

(Енисейский полк был выведен из Енисейского уезда в 1745 г.), близки к общесибирским: в 1749 г. в нем из 27 офицеров было 4 из дворян, в 1750 г. из 30 — 6, в 1751 г. из 28 — 6, в 1752 г. из 28 — 5, в 1753 г. из 26 — 5 и в 1754 г. из 35 — 7.

Судя по именованному списку 1748—1753 гг., довольно высоким было движение офицеров между полками, в среднем от 20 до 45% состава ежегодно (табл. 20). Интенсивно в 1749—1754 гг. менялся и личный состав офицеров Якутского пехотного полка. В течение шести лет в полку служило 44 офицера, из них 8 убыло, в том числе двое — 4 года назад, четверо — три года и двое — два года назад, а 15 чел. прибыло, в том числе 8 — год назад, двое — 4 года назад и пятеро — 5 лет назад. Из 36 чел., реально служивших в 1754 г., только половина, 18 чел., служили все 6 лет в этом полку. По чинам наиболее подвижными были младшие офицеры: из 10 прапорщиков участвовало в миграциях 8, из 11 поручиков — 8, из 8 капитанов — 2 чел. Сменился за это время и весь «ундерштап», состоящий из 4 чел.⁸³ При этом убыль несколько преобладала над приростом. Трудно сказать, чем это было вызвано: непрестижностью ли гарнизонной службы, желанием ли офицеров из российских дворян покинуть Сибирь, просто высокой среди них смертностью или полной отставкой. Ведь, как известно, в гарнизонные части направлялись офицеры и солдаты, уже неспособные к тяготам полевой службы, хотя их процент среди офицерства, судя по социальному происхождению, был невелик. Однако недворянину требовалось немалое время, чтобы выслужить офицерский чин. По крайней мере, возрастной состав офицеров четырех сибирских гарнизонных полков и батальона (по Якутскому возраст не указан в списках) был довольно высоким: из 177 офицеров более двух третей, или 122 чел., были старше 40 лет. По возрастным группам они распределялись следующим образом: до 25 лет — 2, в том числе 1 убыл к 1753 г., от 26 до 30 лет, соответственно, 6 и 3; от 31 до 35 лет — 25 и 4; от 36 до 40 — 22 и 6; от 41 до 45 — 16 и 3; от 46 до 50 — 31 и 10; от 51 до 55 — 24 и 6; от 56 до 60 — 29 и 8; от 61 до 65 — 17 и 8, свыше 65 лет было 5 чел., из них один убыл, наконец, возраст не был указан у 7 чел. Повышенная убыль офицеров старших возрастов подтверждает предположение о значительном влиянии смертности и отставки на общее движение офицерского состава регулярных частей Сибири в середине XVIII в. Видимо, следует отдать предпочтение первому фактору, ибо социальное происхождение у всех престарелых офицеров, как правило,

низкое; и им попросту, кроме монастыря, некуда было уйти. Так, самый старый офицер войск «Сибирского гарнизона» подполковник Енисейского пехотного полка Михаил Лебедев, 78 лет, был «из рейтарских детей» г. Михайлова. Упомянутый уже капитан пешего батальона Иван Леонтьев, 71 г., происходил из крестьян Туринского уезда Сибирской губернии. 67-летний поручик этого же батальона Меньшиков был из солдатских детей Катанского острога Екатеринбургского ведомства, тоже входившего до 1718 г. в состав Сибирской губернии. Отец прапорщика нового драгунского полка 64-летнего Григория Мердяшева являлся казаком (в 1753 г. Мердяшев назвался рейтарским сыном). Сослуживец Мердяшева, капитан Василий Соколов, 63-х лет, был из посадских, а капитан Тобольского драгунского полка 65-летний Григорий Долгих вышел из семьи «монастырского служителя Кандинского монастыря Тобольской епархии»⁸⁴. Это все уцелевшие ветераны петровских времен, которые до последнего дня связали свою жизнь с армией. Им на смену приходили офицеры другого типа. Так, самыми молодыми в сибирских полках были дети штаб-офицеров этих или полевых полков. Например, 29-летний капитан Енисейского пехотного полка Михаил Лебедев был сыном командира этого же полка, о котором уже выше шла речь. Поручик Тобольского драгунского полка 24-летний Яков Павлуцкий служил до 1749 г. у отца, тоже командира полка, и происходил из целого клана тобольских Павлуцких, ведущих свой род от сосланного в Сибирь в середине XVII в. польского шляхтича Яна. Деда Якова были детьми боярскими, а отец и дяди уже получили офицерские чины, сумев доказать, как и Пелымские (см. гл. 2), свое шляхетство. Отец его, тоже Яков, дослужился до бригадира и был комендантом Тобольска, а двоюродный брат Дмитрий в чине майора был командиром Камчатки, после расследования злоупотреблений якутского воеводы с 1741 по 1746 гг. заменил его, а в июне 1747 г. погиб в вооруженном столкновении с восточными чукчами и коряками⁸⁵. Секунд-майор Сибирского драгунского полка Петр Мякинин, 28 лет, сравнительно быстро достиг высокого для своего возраста чина, не без помощи своего отца, подполковника и командира Якутского пехотного полка, тоже Петра Мякина⁸⁶. Наиболее ярким примером родительской протекции, которая помогла стать известным дворцу и выслужить впоследствии высшие по сибирским меркам чины и должности, является карьера Ивана Варфоломеевича Якоби, достигшего в зените своей служебной деятель-

ности чина генерал-поручика и должности генерал-губернатора Иркутского и Кольванского наместничеств. Его отец, Варфоломей Валентинович Якоби (6 августа 1693 — 12 декабря 1769), выходец из Швеции (сын позже, памятуя о происхождении императрицы, будет писаться, что он из «немецкого шляхетства»), поступил на русскую службу в 1711 г., возможно, из плена. Он прослужил 20 лет в действующей армии, участвовал до 1740 г. во всех кампаниях (в двух турецких, шведской, польской и крымской), за боевые заслуги был определен при коронации Екатерины I в кавалергарды в чине капитана. Во время бироновщины В. В. Якоби был полковником. Военная коллегия, сразу сменив трех командиров сибирских полков, послала его 27 мая 1740 г. командиром самого отдаленного Якутского гарнизонного пехотного полка с производством в чин бригадира. Назначение в далекий Селенгинск, где был штаб полка, явно напоминало почетную ссылку, что дает основание считать полковника причастным к разгоревшейся в то время грызне за власть между Бироном, Минихом и Остерманом. В октябре 1740 г. В. В. Якоби прибыл в Тобольск, а в начале 1741 г. в Селенгинск. Энергичный, расчетливый и осторожный бригадир получил всю полноту власти в Забайкалье, ибо был и командиром полка, и селенгинским комендантом, и пограничным начальником, отвечая за состояние русско-китайской границы, общее состояние края, в том числе и внешнюю торговлю. В отличие от И. Д. Бухольца новый пограничный начальник был за жесткую позицию во всех пограничных спорах и являлся сторонником военного решения «амурского вопроса», о чем говорят его проекты обеспечения обороны русско-монгольской границы. В. В. Якоби так досадил китайским купцам и их пограничной администрации, что цинское правительство не раз требовало его убрать и даже прекращало по этому поводу торг через Кяхту, что приносило России большие убытки. В 1764 г. они все-таки добились своего: указом 19 октября 1764 г. Сенат все пограничные дела передает начальнику Сибирской линии генерал-майору Шпрингеру, а В. В. Якоби производят в чин генерал-майора и оставляют «в числе генералитета», то есть генералом для поручений с местом пребывания в Селенгинске. В этой почетной полуотставке В. В. Якоби прожил в Селенгинске до 1769 г., где и умер⁸⁷. Памятник на его могиле и в настоящее время находится на пустом городище Староселенгинска⁸⁸. Семья его (6 дочерей и 2 сына) будто бы жила за границей, затем он выписал к себе младшего Ивана, определив семилетнего

мальчика (а по другим сведениям 19-летнего юношу) в свой полк⁸⁹. Младший Якоби через две недели после занесения в списки рядовых уже стал капралом (25 апреля 1747 г.), а через 34 дня — сержантом. Меньше года понадобилось ему, чтобы стать прапорщиком (16 мая 1748 г.).

В 1753 г. и 1756 г. по протекции отца его включали в состав посольств, ведших переговоры в Пекине о статусе Монголии. Эти почетные назначения, отмеченные в его полковничьем формуляре, что «в походах не бывал, токмо в двоекратных посылках был к китайскому двору: в первый раз, от коллегии Иностранных дел, во второй — в 1756 г. по Именному указу» форсировали его карьеру: в 1753 г., минуя подпоручика, он сразу стал поручиком, с 28 июня 1756 г. капитаном, а через 5 месяцев в том же 1756 г. секунд-майором⁹⁰. В 1762 г. в условиях обострения пограничного положения И. В. Якоби присвоили чин подполковника и назначили командиром еще несуществующего Селенгинского драгунского гарнизонного полка, который формировали из польских выведенцев. Молодой, еще ни разу не нюхавший порошу подполковник, спешно едет в Тобольск и собирает первый в своей жизни полк, определив унтер-офицерами и капралами учеников Тобольской школы геодезии и геометрии⁹¹. Закончив комплектование полка, И. В. Якоби в августе 1764 г. становится полковником. Если ему в это время было не 24, а 38 лет, все равно для офицера-сибиряка эта карьера — совершенно исключительное явление. В 1769 г., как с гордой лаконичностью сказано в черновом формуляре, он прошел со своим полком «от китайской до закрытской границы». Приведем далее полностью сведения послужного, правленного самим И. В. Якоби, списка, ибо в нем содержатся новые подробности о действиях русских войск в Крыму. С 1 мая 1770 г. он под начальством П. А. Румянцева участвовал в «Крымской кампании под Перекопом», откуда снова возвратился «по особому повелению в сторону Кинбурна до урочища Валиваков». В следующем 1771 г. его полк в гуще военных действий: участвует в новом «Крымском походе до Перекопа и штурме Перекопской линии», затем в «особливой экспедиции» через Сиваш, в которой И. В. Якоби командовал «особым каре на всем пути от Перекопа до реки Салейра». В этом походе его часть отличилась, а сам полковник был ранен в ногу, за что 25 сентября 1771 г. Екатерина II пожаловала его, минуя бригадира, сразу в генерал-майоры. Рана была легкая (о ней он напомним, когда окажется под судом), и молодой генерал остался в строю, участвовал при

взятии Кафы, хотя и своеобразно — охраняя армейский обоз и подступы к осадной артиллерии. В черновом формуляре сказано по этому поводу: «В другой раз при взятии Кафы 28 июня отдеташирован был, не доходя одного (города. — Г. Б.) в 130 верстах, на закрытие к осадной артиллерии с 10-м парком и всего 2-й армии обозом; после взятия Кафы оставлен там обер-комендантом». В последующие годы первой русско-турецкой войны он в сражениях участия не принимал, но подчеркивал, что «через все время бытности в Крыму командовал особливим деташементом»⁹².

После войны И. В. Якоби числился в Крымском корпусе, а с 1778 г. — назначен Екатериной II, заметившей у молодого генерала большую склонность к администрированию, астраханским губернатором⁹³. Но через два года к 1781 г. он уже сменил и живет в Астрахани, ожидая нового назначения. Из мести и зависти, а также от скуки и безделья он участвовал в травле А. В. Суворова, который прибыл в Астрахань, чтобы обеспечить безопасность всей юго-западной российской границы и урегулировать отношения с Персией, обостренные, с одной стороны, успехами России в Крыму, а с другой — негибкой политикой астраханских властей, в первую очередь губернатора. По мнению великого полководца, И. В. Якоби был одним из сочинителей, вместе с действительным статским советником М. С. Степановым и местным негоциантом Наврузом Али-Имангуловым, пасквиля на него, где высмеивался «неуживчив, самоуглублен, склонный к неожиданным озорным поступкам генерал-поручик под именем Фехт-Али-хана, который хвалился завоевать Персию, требовал у персидского хана красавиц, лучших персидских аргамаков, уборов, драгоценностей, индийских парчей». А. В. Суворов, человек, как известно, аскетического склада, исключительно честный, придерживающийся высоких морально-этических принципов и свято относившийся к семейной жизни, был глубоко оскорблен злостной клеветой, дошедшей до самой императрицы, которая, наоборот, приняла ее с удовольствием⁹⁴. По крайней мере, запятнавший себя расчетливой клеветой на А. В. Суворова И. В. Якоби не был наказан, напротив, в том же году получил назначение на должность симбирского и уфимского губернатора и чин генерал-поручика, а с 1782 г. — генерал-губернатора всего Уфимского наместничества⁹⁵. С учреждением Иркутского наместничества он, как местный уроженец и «специалист» по управлению нерусскими народностями, чем однажды ему польстила Екатерина II, расчетливо «забыв» про астраханский

привал, стал в 1783 г. первым его губернатором и одновременно правящим должностью губернатора Кольванского наместничества. С 1784 по 1788 г. И. В. Якоби являлся генерал-губернатором Иркутского и Кольванского наместничеств, пока не был снят и вызван в Петербург для следствия по поводу доноса иркутского чиновника, надворного советника Парфентьева, который обвинял И. В. Якоби в намеренном обострении русско-китайских отношений и разрыве кяхтинской торговли, чтобы в конечном итоге развязать войну с Цинской империей. В какой степени это обвинение соответствовало истине, трудно сказать, но некоторые материалы следствия об этом свидетельствуют. По крайней мере, И. В. Якоби подавал Екатерине II особую записку, содержащую довольно подробно разработанный план ведения войны с Китаем с целью присоединения Монголии и полного решения все того же «амурского вопроса»⁹⁶. Наводит на определенные размышления и трагичная судьба одного молодого иркутского чиновника канцелярии генерал-губернатора, которого будто бы И. В. Якоби посылал к коменданту Троицкосавской пограничной канцелярии, чтобы тот организовал набег с русской стороны на монгольскую территорию и этим вызвал вооруженный пограничный конфликт. Когда комендант отказался и послал донос, то чиновник якобы покончил жизнь самоубийством⁹⁷. Судя по объемистым экстрактам по делу И. В. Якоби, отложившимся в фонде Г. Р. Державина, бывшего министром юстиции в самом начале XIX в., следствие затянулось до долгие годы, ибо когда стало известно о падении сибирского «полудержавного властелина», то, как водится, посыпались всевозможные доносы и обвинения, всего более 60. «Иркутское дело», которое разбиравлось двумя департаментами Сената, на первом этапе насчитывало «275 материй» или вопросов и направлений, по которым шло следствие. Сформулировано 110 пунктов обвинения, которые в 1790 г. расклассифицировали следующим образом: «61 — ложные, 34 — решенные, 15 — невинные, 5 — виновные». И. В. Якоби активно защищался, используя все средства. Он имел определенные связи при дворе. Недаром главный доносчик Парфентьев, подавая жалобу через графа Брюса, выражал недоверие по этому делу из-за «пристрастия» членам Государственного совета графу Воронцову, Безбородко и тайному советнику, бывшему фавориту Екатерины II, Завадскому⁹⁸. С другой стороны, спекулируя на пристрастии Екатерины II к расширяемому ею сословному самоуправлению на местах, И. В. Якоби в 1789 г. организовал коллективное письмо от

иркутских сельских и мещанских заседателей, а также братских ясачных, в котором представляемые ими труженики якобы «отчаяние выразили по поводу утраты такого великодушного начальника как Якоби»⁹⁹. Сочувственно были приняты и его встречные обвинения ряду иркутских чиновников, стоявших в оппозиции к генерал-губернатору из-за его бесцеремонного вмешательства в дела их учреждений, отрешение без суда и следствия от должностей, штрафы и прочие нарушающие их служебный авторитет и человеческое достоинство поступки. На этом первом этапе следствия было привлечено к ответу 25 чиновников, из которых полностью прощено 13. Первый проект решения по делу И. В. Якоби не был утвержден императрицей, и дело пошло по новому кругу. Бывший иркутский генерал-губернатор так и умер под следствием, оставив своей единственной дочери, матери будущего видного декабриста Ивана Александровича Анненкова, огромное состояние¹⁰⁰.

Но вернемся к источникам формирования офицерского корпуса регулярных войск Восточной Сибири. Роль среди них естественного прироста до середины XVIII в. все же не была значительной. Уже отмечалась огромная диспропорция полов у военных чинов. Офицеры не составляли среди них исключения, судя по данным на 1798 г. о количестве детей в пяти ротах Иркутского гарнизонного мушкетерского полка полковника Блюма. В исповедных росписях отмечено, что из 14 офицеров трое было холостяками, но у женатых числилось всего двое мальчиков до 7 лет и 7 детей женского пола¹⁰¹. Если предположить, что число детей мужского пола равно числу женского пола (старше семи лет могли учиться не дома и поэтому выпасть из исповедных списков), то и в этом случае естественный прирост в конце XVIII в. демографически восполнил только наполовину численность офицерского состава полка. В штатных городских командах, где служба не была связана с частыми территориальными перемещениями, офицеры, как правило, были семейными и имели детей. Так, 45-летний прапорщик В. Пирожков, командир Якутской городской команды, в 1770 г. имел трех сыновей: женатого 23-летнего сына Михаила, 14-летнего Ивана и Григория, 9-ти лет. К 1779 г. они служили: старший — сержантом, прочие с 1772 и 1779 гг. — рядовыми в его же команде¹⁰². Позже, в 1789 г., эту команду возглавлял отставной поручик Дмитрий Татаринов, у которого имелся 3-летний сын Егор¹⁰³. Командир в 1793 г. Туруханской городской воинской команды, 44-летний прапорщик Семен

Русанов, тоже был женат и имел 9-летнего сына, обученного уже грамоте¹⁰⁴.

В первые десятилетия существования полков в Сибири офицерские ряды пополнялись присылаемыми или выпущенными из гвардии в армию унтер-офицерами. Но подобные присылки в целом носили эпизодический характер. Например, в регистрационной книге указов Военной коллегии в Сибирскую губернскую канцелярию за весь период с конца октября 1739 г. до января 1741 г. зафиксировано всего два таких случая, когда в распоряжение Тобольска прибыли произведенные в прапорщики лейб-гвардии конного полка рейтар Максим Косинцев и бывший при китайском караване «академист» Михаил Посников¹⁰⁵. Поэтому очень крупной и редкой следует признать, судя по переписке Селенгинской комендантской канцелярии с Сибирской губернской канцелярией за 1741 г., посылку в полки «Сибирского гарнизона» 21-го офицера из числа выпущенных из лейб-гвардии унтер-офицеров и капралов. Их распределили, в первую очередь, в ближние полки (в Тобольский — 2, Енисейский — 3, новый драгунский — 4, пехотный батальон — 2 чел. и др.), а на долю Якутского пехотного осталось только 5 прапорщиков, о чем 1 сентября 1741 г. и вышел соответствующий указ. Однако командир Якутского полка бригадир В. В. Якоби 12 февраля 1742 г. рапортовал, что на место назначения прибыл только один Иван Бухольц, двое еще «не явились к службе», а другие двое и не явятся, ибо, по его данным, сумели остаться в Тобольске. Испытывая острую нужду в офицерах, В. В. Якоби решил выйти из положения за счет внутренних ресурсов полка. На имеющиеся четыре вакансии из унтер-офицеров были «выбаллотированы», то есть выбраны, офицерами полка три грамотных унтер-офицера (Семен Кекеров — родом из казачьих детей, Александр Ангусаев — из сибирских детей боярских, Иван Ленной — из конных казаков) и комиссар полка из подьячих Василий Сергеев. Командир «Сибирского гарнизона» и Военная коллегия санкционировали это производство. В списках офицеров Якутского полка за 1749—1754 гг. Сергеев показан капитаном «сверхкомплекта», Кекеров и Ленной — поручиками, а Ангусаев — в чине поручика выбыл из полка в 1750 г.¹⁰⁶ По именованному списку офицеров Якутского полка за 1749—1755 гг. установлено, что крупная для полка баллотировка шести унтер-офицеров в прапорщики имела место и в начале 1754 г. В документе прямо не сказано, что они именно таким путем стали офицерами, но личный состав

новоявленных прапорщиков это подтверждает. Среди них — Сергей Мякинин, сын командира этого же полка, Василий Зыбин, сын командира Охотского порта премьер-майора Афанасия Зыбина, Иван Тарский, сын капитана местного полка родом из казачьих детей, Иван Тренц, сын иркутского лекаря¹⁰⁷. Только в отношении двоих, Михайла Маэра из обер-офицерских детей и Федора Курбатова из солдатских детей, нельзя определенно сказать, имели ли они прежде отношение к Якутскому полку, а значит, могли ли быть присланными от Военной коллегии.

Представление о том, с каким багажом дети офицеров приступили к службе и как шли к офицерскому чину, дает опубликованный С. М. Троицким послужной список А. А. Зыбина. В нем, в частности, сказано, что «детей у него, премьер-майора Зыбина, сын Василий Афанасьев сын Зыбин, от роду себе имеет двадцать четвертый год. И в бытность ево при отце... обучен собственным ево капиталом в начале словенно-русской грамоте и писать, а потом изучен всей арихметики, плангеометрии и тригонометрии, рисованию и часть от артиллерии, за что в прошлом 749-м году по свидетельству в Якуцком полку пожалован был он в начале в тот полк каптенармусом, а по прошествии года — сержантом, и прошлого же 1754-го году по атестованию от Якуцкого полку Военною коллегиею пожалован обер-офицером в прапорщики, на что имеет патент, в котором ранге и ныне состоит в том Якуцком полку в службе беспорочно»¹⁰⁸.

О роли местных и внутрисибирских источников в пополнении офицерского корпуса «Сибирского гарнизона» можно судить по территориальному происхождению родителей офицеров, указанных в именных списках 1748—1755 гг. Из 210 офицеров 78 чел. были сибирского происхождения (в том числе 13 из 44 Якутского полка), то есть их родители жили в Сибири. Если учесть, что у ряда офицеров сословный статус родителей показан российским, а сами они родились или выросли в Сибири и через службу в местных полках вышли в офицеры, то доля офицеров-сибиряков будет еще выше. Например, вышеупомянутые прапорщики Якутского полка (Зыбин, Тарский, Мякинин, Тренц) показаны в списках глухо, что они «обер-офицерские дети», или «шляхетские дети», или «из дворян», но мы знаем, что они выросли в Сибири; значит, являются офицерами местного происхождения. Если судить по Якутскому пехотному полку (в этом случае из 44 чел. не 13, а 20 сибиряков), то общее число офицеров-сибиряков нуж-

но увеличить на одну треть, то есть будет не 78, а 104 чел., что практически составит половину всего офицерского корпуса. Отсюда вытекает важный вывод, что с середины XVIII в. до 50% офицерского состава войск «Сибирского гарнизона» уже давала выслуга солдат-сибиряков непрестижного происхождения и детей местных офицеров. К сожалению, источники не позволяют точно и непосредственно определить эти два слагаемых сибирской группы офицеров. Ясно одно, что выходцы из казачества и солдат из податных сословий явно преобладали. Так, в Якутском гарнизонном пехотном полку на 20 офицеров-сибиряков приходилось только 7, чьи отцы были обер-офицерами и российскими дворянами. По остальным западно-сибирским полкам это соотношение (естественно, у офицеров с установленным сибирским происхождением) выглядело еще более впечатляющим — из 65 чел. только у 13 родители были в потомственном или лично-служилом дворянстве. Таким образом, по этим данным выслуга давала, по сравнению с естественным воспроизводством (дети офицеров становились офицерами), от двух третей до четырех пятых, или от 60% до 80%, всех офицеров сибирского происхождения. Но и эта цифра должна быть повышена, если учесть, что среди 99 (кроме сибиряков) оставшихся офицеров только 58 были из дворян, причем лишь у 21 из них по всем спискам удалось установить российский происхождение их родителей, у 37 территориальное происхождение не было указано. Остальные офицеры (99—58) были неизвестного происхождения, но не из дворян.

Во второй половине XVIII в. удельный вес среди офицеров, выслужившихся из податных и казаков, как по всей стране, так и по Восточной Сибири сокращается. Уже правительство Елизаветы Петровны после сбора сведений об офицерах из дворян и не из дворян принимается за сословную чистку офицерского корпуса. Было отставлено много обер-офицеров «из солдатских детей и крестьян и прочих нижних пород»¹⁰⁹. Усложнились возможности выслуги нижних чинов в их благородия. Для производства в офицерские и даже в унтер-офицерские чины неукоснительно обязательным условием стало знание грамоты. Прежде, судя по именным офицерским спискам, строго не выдерживалось распоряжение Петра I, подтвержденное в 1731 г., «чтоб безграмотных не производить, дабы каждый к обучению грамотному попечение имел не ленностное». Так, в четырех (без Якутского) сибирских гарнизонных полках вместе с отдельным батальоном из 130 офицеров, служивших в 1749 г., 19 были неграмотными, в том

Таблица 21

Размеры штатного жалования гражданских чиновников Иркутской губернии в XVIII-нач. XIX вв. (в руб.)

Классы чинов	В 1727 г.	В 1764 г.	В 1783 г.	В 1797 г.	В 1805 г.
III—IV	1200	1850	6000—4650	4650	12000—6100
V—VIII	671—150	600—450	1350—450	1350—450	2000—600
IX—XIV	200—60	300—150	375—200	375—250	500—350
Чиновники без классовых чинов	—	80—30	150—40	200—80	250—120
В % к жалованию классовых чинов Западной Сибири	100	100	125—150	115—180	108—125

При мечании. Источники те же, что и в табл. 1, 2, 5. В размеры жалования губернаторов и наместников (III—IV классы чинов) вошли столовые суммы. Показателями по группам чинов характеризуются максимальный размер оклада у высшего в рамках группы чина и минимальный — у низшего. С 50-х гг. на Камчатке, а позже в Якутии и Охотском крае чиновнику стали получать двойной оклад.

числе 16 чел. с недворянским происхождением¹¹⁰. В 1755 г. по рапорту В. В. Якоби в Якутском пехотном полку среди офицеров двое были неграмотны и «ненадежного кондиту»¹¹¹. Таким образом, требование обязательной грамотности имело и ярко выраженную сословную окраску.

В «Инструкции полковнику» 1764 г. в примечании к пункту № 2 сказано, что «унтер-офицеров из не дворян в офицеры не прежде аттестовать, как по 12 лет их службы, хотя они и пороков не имели, дворян же по полку ни в какие другие чины не производить, как только в подпрапорщики и в младшие сержанты, из которых чинов они должны преимущественно перед недворянами итти в офицеры, невзирая не токмо на старшинство недворян унтер-офицеров против них ниже на чин их». Вместе с тем сверх комплекта запрещалось в унтер-офицеры производить кого-бы то ни было¹¹². Военский устав 1796 г. был еще сильнее пронизан курсом, взятым центральным правительством на недопущение недворян к производству в офицеры. Подтверждался 12-летний срок выслуги недворян для получения офицерского чина и вводилась обязательная 4-летняя служба рядовыми для производства в унтер-офицеры. Вслед за тем указом 17 апреля 1798 г. вовсе запрещено было представлять унтер-офицеров из недворян не только в офицеры, но даже в портупей-прапорщики и подпрапорщики, так как в этих последних званиях должны были состоять одни лишь дворяне¹¹³.

О том, что эти ограничения действовали в регулярных частях Восточной Сибири, свидетельствуют данные выборки из формуляров тех занимавших в 1799 г. классные должности в Иркутской губернии чиновников, что были сибирского происхождения и начинали свою карьеру с военной службы. Таких из 172 чел. насчитывалось всего 18¹¹⁴, но только 12 в офицерском звании ушли на гражданскую службу. При этом семеро получили свой первый офицерский чин прапорщика при отставке¹¹⁵, а пятеро — раньше, но эти пятеро были детьми офицеров. О И. Е. Фирсове и К. М. Бейтоне уже шла речь в предыдущей главе. Е. Я. Фирстенберга, родом из «курляндского шляхетства», сына бригадира, 6-летним записали в 1763 г. сержантом Томского пехотного полка, а в 16 лет произвели в прапорщики. А. А. Борисов, тоже сын штаб-офицера, в 1788 г. в 11-летнем возрасте стал сначала фурыером, а через несколько месяцев — сержантом и вахмистром «Сибирского корпуса мушкетерского батальона», а в 16 лет — корнетом. В 1795 г. Борисов уже подпоручик и адъютант штаба генерала Юргенса

на Сибирских военных линиях. Наконец, Д. А. Гуляев начинал службу в 1777 г. подпрапорщиком Иркутской губернской роты, затем, послужив в Иркутском пограничном гарнизонном батальоне, вернулся в городовую команду, через 8 лет, в 1788 г., стал прапорщиком Нерчинской городской команды. Но и он являлся «офицерским сыном»¹¹⁶. Таким образом, ни один представитель сибирских податных сословий и казачества не пробился через военную службу и офицерский ранг в ряды классных чиновников, в то время, как дети лиц из привилегированных сословий, хотя их число было меньшим, смогли это сделать. Шестеро же (солдатские дети Толстиков, Якимов, Савельев, Шлаков, унтер-офицерский сын Багулин, казачий сын Бритюков), начав службу в Иркутском, Селенгинском батальонах (3 чел.), Иркутской городской команде (2 чел.) и Якутском пехотном полку (1 чел.) и дослужившись до первых унтер-офицерских чинов, очевидно, почувствовали при своем незавидном сословном происхождении бесперспективность выслуги офицерского чина в местных условиях мирного времени и ушли на гражданскую приказную службу, со временем получив через нее свои классные чины¹¹⁷.

Вместе с тем удельный вес российских «природных» дворян среди офицеров сибирских регулярных частей во второй половине XVIII в. падал. Это видно из формуляров тех штатских чиновников Иркутской губернии на 1799 г., которые служили до этого в Сибири офицерами. Всего таких насчитывалось 10 чел.¹¹⁸ А. М. Постников, 1738 г. рождения, «родом» из купцов по собственному желанию, начинал службу 26-летним солдатом Сенатской роты, а в 1775—1779 гг. до отставки был поручиком Сибирского драгунского полка. И. Д. Захаржевский, 1757 г. рождения, сын протопопа, вступил в службу 14-летним солдатом Нотебургского полка, участвовал в военных кампаниях в Польше (1771 г.) и русско-шведской войне (1789 г.), заканчивал военную карьеру в 1791—1797 г. секунд-майором Кольванского гарнизонного полка. Е. Я. Фирстенберг, 1757 г. рождения, сын бригадира из «курляндского шляхетства», уже 6-летним был записан сержантом в Томский пехотный полк, через 10 лет стал прапорщиком Тобольского пехотного полка, участвовал в 1789 г. в «шведском походе», по окончании войны в 1791 г. ушел в отставку и вернулся в Сибирь в качестве судьи Иркутского надворного суда в ранге коллежского асессора. А. А. Шульгин, 1761 г. рождения, из костромских мелкопоместных дворян, 18-летним поступил в конную гвардию рейтаром, а закончил службу в 1793 г. капитаном Сибирского

драгунского полка, прослужив в нем два года. А. А. Кондратов, родом из иркутских дворян, дослужился до секунд-майора (см. о нем гл. 2). А. В. Борисов, 1771 г. рождения, из детей штаб-офицеров, в 17 лет стал фурьером Сибирского гарнизонного мушкетерского батальона, а вскоре был произведен в сержанты и вахмистры, получил корнета в том же полку, в 22 года — подпоручик и адъютант штаба генерала Юргенса на Сибирской военной линии. И. Е. Фирсов, 1742 г. рождения, тоже был из детей сибирских штаб-офицеров и сделал военную карьеру от 13-летнего солдата Якутского гарнизонного пехотного полка до 37-летнего секунд-майора Тюменского пехотного батальона, не выезжая из Сибири и не нюхая пороха. Н. Н. Хабаров, 1760 г. рождения, обер-офицерский сын, тоже сибиряк, вступил в военную службу 15-летним капралом Сибирского конного пятого мушкетерского батальона, а заканчивал ее 33-летним прапорщиком сначала Иркутского, а затем Стретенской гарнизонной команды. Д. А. Гуляев, 1760 г. рождения, с 1788 г. прапорщик Нерчинской штатной городской команды, ушел в 1796 г. в отставку в чине подпоручика (см. о нем выше). Наконец, Я. Е. Украинцев, 1730 г. рождения, «малороссиянин», начинал военную службу 14-летним рядовым Ингерманландского драгунского полка, к 30 годам стал корнетом, боевой офицер, участник первой русско-турецкой войны и походов в Силистрию 1770—1774 гг., по болезни переведен в 1777 г. капитаном в Иркутскую губернскую роту, с 1781 г. — плац-майор, с 1785 г. — комендант Акшинской пограничной крепости, через 11 лет получил на этой должности премьер-майора, с 1797 г. — переименован из комендантов в городничие с заменой воинского чина гражданским рангом коллежского асессора VIII класса. Как видим, только четверо из десяти (Постников, Захаржевский, Шульгин и Украинцев) прибыли из Европейской России, а прочие были сибиряками, в том числе четверо — местными (Кондратов, Фирсов, Гуляев, Хабаров). Показательно, что из офицеров российского происхождения только Шульгин был дворянином, а остальные трое являлись разночинцами. Преобладание детей офицеров (6 из 10) свидетельствует об определенных успехах сословной политики правительства в отношении комплектования данного военно-служебного слоя.

По сравнению с названными офицерами различных регулярных частей, которые служили в последнюю треть XVIII в., еще демократичнее выглядит состав десяти офицеров Нерчинского горного батальона в 1802 г. По сословному происхожде-

нию из потомственных дворян было 2 чел. (подпоручик Г. Томилов и курляндец капитан Х. фон Фитингоф), обер-офицерских детей — один поручик С. Смолянинов, лекарских детей — три брата, подпоручики и прапорщики Рики, из «российских солдатских детей» — капитан М. Макаров, из детей духовенства — прапорщик Н. Высоцкий, из дворовых, отпущенных на волю, людей — адъютант И. Мусорин и прапорщик П. Обирков¹¹⁹. Поскольку братья Рики были детьми местного заводского лекаря в обер-офицерском чине, который попал в Сибирь еще в составе Второй Камчатской экспедиции, а Томилов и Смолянинов тоже являлись местными (первый начинал службу в 1788 г. подпрапорщиком Иркутского пограничного батальона, а второй в 1780 г. — унтер-шихтмейстером), то оказывается, что и в этой регулярной части только половина офицеров были приезжими, а остальные являлись детьми местных обер-офицерских чинов. С учетом 45-летнего Мусорина, который начинал службу рядовым Ширванского пехотного полевого полка, расквартированного в Западной Сибири, и стал офицером после 20-летней службы в Нерчинском батальоне, доля сибиряков-офицеров стала преобладающей. Пути, приведшие российских выходцев в Нерчинский батальон, были типичными и соответствовали в целом их сословной принадлежности. Фитингоф, как природный дворянин да еще и иноземец, начал службу в 1770 г. 20-летним и сразу подпрапорщиком полевого Ладожского полка, через три года был переведен в полевой же, расквартированный в Западной Сибири Вологодский пехотный полк сержантом, а на следующий 1774 г. занял вакансию прапорщика в Нерчинском горном батальоне. Через 10 лет, оставаясь все в том же чине, он ушел на 4 года в отставку, чтобы получить чин подпоручика и должность командира местной штатной команды. Спустя год Фитингоф из командира городской команды превратился в соляного пристава, но в ноябре 1788 г. возвратился на военную службу в тот же Нерчинский батальон, получив через 1,5 года поручика, а еще через два — капитана. Командир Нерчинского горного батальона М. Макаров, 1755 г. рождения, начинал ратную службу 10-летним солдатом Ревельского пограничного гарнизона, через 12 лет стал «генеральным писарем» Вятского пехотного полка. После участия в 1778—1779 гг. в «походах по Польше» он в 1781 г. стал адъютантом Нерчинского батальона с заслугой двух лет чина прапорщика, все остальное время служил в этой части, проходя чины подпоручика в 1783 г., поручика в 1788 г. и капитана в 1790 г. Наконец, Высоцкий и

Обирков служили курьерами при Военной коллегии, были во второй русско-турецкой войне при известном Г. А. Потемкине, возили важные пакеты в Гамбург, в Польшу к турецкому визирю, оба в один день 23 марта 1795 г. за заслуги были произведены в прапорщики и направлены в Нерчинский горный батальон.

Другие показатели послужных списков 10 офицеров Нерчинского батальона тоже довольно близки к данным формуляров такого же количества офицеров различных сибирских полков, оказавшихся к 1799 г. на гражданской службе в Иркутской губернии. Средний возраст нерчинских офицеров составлял 36,9 лет, все, кроме Смолянинова, начинали с военной службы, средний ее стаж равнялся 20,7 г., а сибирский — 18,5 лет. На получение первого офицерского чина у них ушло 8,7 лет. Половина из них были под судом и следствием, подвергаясь различным взысканиям от ареста до штрафа. Их семейное положение было более прочным — девять человек были женаты, но детей мужского пола насчитывалось лишь четверо.

По всей стране и на ее сибирской окраине вся система чиновничества по военному ведомству изменялась в течение XVIII в. в двух направлениях. С одной стороны, ужесточалась военная иерархия через частичное изживание сословно-корпоративного начала в офицерской среде, снижался контроль всех офицеров полка за деятельностью своего командира¹²⁰, окончательно утвердился приоритет продвижения по офицерским рангам-чинам над заслугой¹²¹. С другой стороны, расширялись льготы лицам дворянского происхождения на службе по военному ведомству, все командные должности в армии объявлялись монополией «благородного» российского шляхетства. Особенная забота, как уже отмечалось, проявлялась со второй половины XVIII в. к детям природных дворян, служивших солдатами и унтер-офицерами, не говоря уже о том, что обязательная с 13 лет солдатская служба дворян перед получением офицерского чина была с 1731 г. заменена обучением в узкосословном кадетском корпусе. Кроме того, в течение XVIII в. при определенной тенденции к выравниванию статусов офицеров и дворян-чиновников офицерское звание оставалось более льготным. Во времена Петра I из всех лиц, находящихся на государственной службе, офицеры имели самое престижное положение и статус. Считалось, что «служба мечом честнее службы пером»¹²². Единственная общесословная дворянская обязанность —

государственная служба — стала смягчаться, в первую очередь, для военного ведомства. По манифесту от 31 декабря 1736 г. на военную службу дворян стали брать с 20 лет и ограничили ее 25-ю годами, после чего даровалось право отставки с повышением чина, но с поставкой за себя одного рекрута с каждых 100 душ крепостных крестьян. Указом в 1740 г. уточнялось, что те, кто имел 50—70 душ, вносили вместо рекрута 30 руб., а 30—50 душ — по 20 руб.¹²³ С 1741 г. обязательная служба должна была начинаться не с 20, а с 17 лет, но с 1762 г. она вообще превратилась, как известно, из обязанности в право поступления на государственную службу. При этом по манифесту 18 февраля 1762 г. только офицерский чин давал безусловную отставку, а дворяне в нижних чинах могли увольняться лишь через 12 лет военной службы.

Производство в обер-офицерские чины при Петре I и в 40—50-х гг. определялось баллотированием всех офицеров полка, то есть выборным путем, в то время как в гражданском ведомстве оно непосредственно зависело «от старшинства и достоинства служащего», то есть в большей степени от усмотрения вышестоящих чиновников. Военные чины одинакового класса по «Табели о рангах» с гражданскими считались выше, а счет старшинства по этим основным группам чинов велся раздельно¹²⁴. Известно, что первый военный чин XIV класса (прапорщика) давал права потомственного дворянства, в то время как на гражданской службе такой статус имел только VIII класса ранг коллежского асессора. Это важное преимущество военных чинов XIV—IX классов с ограничениями было подтверждено 18 мая 1788 г., по которому чин обер-офицера давал статус потомственного дворянства, но лишь тем, кто оставался в армии пожизненно. При выходе же в отставку по собственному желанию военный чин приравнивался к гражданскому и отставные обер-офицеры оказывались только личными дворянами¹²⁵. Окончательно уравнивал чины военные со штатскими именным указом Павла I от 11 января 1797 г. В нем, в частности, говорилось: «Всех состоящих в статской службе с рангами службы военной повелением переименовать в классы службы статской, поступая таковым же образом и с теми, кои впредь из военной в статскую службу будут определяемы, считая старшинство со дня пожалования в тот самый ранг, из которого в класса статской службы переименуются»¹²⁶. Этот указ в первую очередь задевал интересы основной массы обер-офицеров служилого происхождения. Более высокое жалование получали офицеры всех чинов,

в то время как по гражданскому ведомству с 1727 по 1763 гг. оно сохранялось только у верхушки чиновников и по отдельным учреждениям (см. гл. 2, 4). При этом в отдаленных районах Восточной Сибири (на Камчатке, в Якутии) с 40-х гг. военные чины получали двойные оклады. Льготность офицерского статуса проявлялась также и в праве каждого офицера, начиная с прапорщика, иметь денщиков¹²⁷. Наряду с названными льготными сторонами статуса офицеров-дворян были особенности иного непривлекательного для них порядка. Все военнослужащие подвергались некоторым специфическим ограничениям в имущественном плане. Так, по «Воинским артикулам» 1715 г. артикулом I главы 27-й части 12-й находящимся на службе офицерам и солдатам, а также морским служителям запрещалось брать в долг, особенно если сумма превышает размеры их жалованья¹²⁸.

Другой особенностью личного статуса дворян-офицеров, в том числе в Сибири, является широкое по статьям и длительное по времени использование по отношению к ним телесных наказаний. Возможно, это обусловлено не только суровостью Военного Устава 1716 г., созданного в условиях военного времени, но и тем, что ряды офицерства длительное время даже официально не были сословно замкнутыми. Так, 30 сентября 1740 г. Военная коллегия прапорщика Якутского пехотного полка Тимофея Тугаринова велела прогнать шпицрутенами сквозь строй три раза и написать в солдаты до выслуги «за слабое и непорядочное содержание под караулом арестанта Долгорукова», выразившееся в том, что он отпускал его и ходил сам вместе с ним в кабаки, а также «за пропой своих кормовых денег и кражу у Долгорукова серебряных пряжек с башмаков и шелковых чулок»¹²⁹.

Офицеры-дворяне были более цельным по общим сословным правам отрядом господствующего класса-сословия страны. Например, в их рядах не было, как у гражданской классной бюрократии, слоя личных дворян. Вместе с тем разница в сословном происхождении весьма ощутимо давала о себе знать. По сути дела, выслуженное потомственное дворянство у беспоместных долго оборачивалось для их детей даже не личным дворянством, а промежуточным, неопределенным, но тяглым состоянием. Большинство штаб- и обер-офицеров не из дворян не имели земель, крепостных и жили жалованьем, но правительство, прекрасно зная об этом, не предоставляло их детям того сословно-дворянского образования и воспитания, которое автоматически обеспечивало бы им принадлежность к

дворянскому сословию. Так, уже «Инструкцией» по проведению второй подушной переписи в пункте 20 всех детей, «определенных в монастырь на пропитание отставных штаб-, обер- и унтер-офицеров и рядовых», велено взять в солдаты, а матросских детей — в матросы. Непригодным же к военной службе следовало «давать волю кто к какому делу похочет и к такому и писать». Тех же из отставных, кто пропитание добывает себе сами, то если они сидят на пашне — то писать всех, в том числе неспособных к военной службе, в крестьяне, а если они живут от других занятий — то в цеховые. Их детям, таким образом, предлагался не Кадетский корпус, а в лучшем случае солдатская служба. Совершенно иной подход к детям отставных штаб-, обер-, унтер-офицеров и рядовых из природных дворян демонстрирует 21-й пункт «Инструкции». Их следовало, согласно указу от 11 декабря 1742 г., просто переписать и тех, кому исполнилось 11 лет, отправить с паспортами в Петербург и Москву «для разбора»¹³⁰. Получается, что только высокое имущественное положение офицеров из разночинцев делало реальностью выслуженные ими дворянские права. Правительства и Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны были последовательны в этом вопросе. По «Штату» 1731 г. при определении, сколько в гарнизонных школах «в год жалованья положено», малолетних офицерских детей не отличали «от протчих служилого чина людей»¹³¹, оговаривая при этом, что дети офицеров могут учиться в гарнизонных школах и на своем иждивении. Правительство Екатерины II ничего в этом порядке не изменило, только в 1774 г. зарезервировало в гарнизонных школах страны для детей малообеспеченных офицеров и вообще дворян 1 тыс. мест¹³². По всей Сибири в названном году было 1264 школьника, в том числе в Иркутской школе 194 ученика, а Селенгинской 308, причем впервые приступили к учебе, соответственно, 27 и 9 чел.¹³³

Показательно отношение и Военной коллегии к отставным обер-офицерам из разночинцев. Так, в 1763 г. при заселении Оренбургской военной линии идущим на поселение отставным обер-офицерам давали деньги «на проход» и ссуду в тех же размерах, что и рядовым отставным¹³⁴. Со временем правительство окончательно утвердилось в принципе неподатности всех отставных чинов регулярной армии, но и тогда офицерские дети особо не выделялись. Это видно и по именному указу от 23 января 1784 г. о том, что «всех поселенных отставных, как ис пехотных, так и конных полков детей их, положенных в оклад, из оного навсегда исключить, сообразно указу наше-

му от 25 января 1763 г., и впредь в тот оклад не полагать, да и исчисляющиеся на них недоимки подушных и протчих сборов не взыскивать»¹³⁵.

Приоритет «природы» был сохранен и в определении характера поземельного статуса по отношению к казенным свободным землям. Жившие, в частности, в Сибири служилые по происхождению дворяне приравнивались к однодворцам (см. гл. 4).

Покупать и продавать эти земли им не разрешалось, хотя та же Межевая инструкция узаконила фактическое расхищение государственных земель Европейской России многими природными дворянами, которые за номинальную плату закрепляли за собой сотни и тысячи десятин свободных казенных угодий. Явно сословной дискриминацией веяло и от решений правительства по поводу крестьян, доставшихся по наследству от дворян, выслужившихся из однодворцев. Сенатским указом от 22 апреля 1787 г. по государственным платежам объявлялись такие крепостные казенными, а не владельческими¹³⁶. Именно с этих позиций относилось правительство к владению землей и людьми офицеров и чиновников Сибири местного служилого происхождения (см. табл. 4).

Итак, формирование регулярных частей в Восточной Сибири: XVIII — нач. XIX вв. было вызвано преимущественно задачами обеспечения безопасности южно-сибирских границ и защиты государственных интересов в северо-восточной Азии. Но полевые, гарнизонные подразделения, как и городские команды, в первую очередь использовались для усиления аппарата управления самой отдаленной окраиной страны. Идея патриотизма, защиты Родины с оружием в руках была подменена задачами успешного функционирования системы государственного феодализма на зауральской окраине и корпоративными интересами господствующего класса страны. При этом по своему происхождению, чинам, родам и типам войск офицеры, как и гражданские классные чиновники, все в большей степени оказывались к началу XIX в. не только на территориальной, но и социально-сословной периферии офицерского корпуса и всего класса-сословия феодалов Российской империи. В сословном и функциональном отношении многие из них, вместе с большинством гражданских классных чиновников, составляли лишь военно-бюрократический служебный слой на полном содержании государства.

ГЛАВА IV ОСОБЕННОСТИ СОСЛОВНО-СОЦИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ ВОЕННО-БЮРОКРАТИЧЕСКОГО ДВОРЯНСТВА

Классные чиновники и офицеры, являясь агентами правительства в данном регионе, одновременно выступали в качестве частных лиц, также как отставные и вообще не служащие природные дворяне. Все вместе они составляли особую группу в составе восточно-сибирского общества.

В плане общей темы нашего исследования большое значение имеют вопросы о том, какую политику занимало центральное правительство по отношению к частным социально-экономическим устремлениям этой группы, какой состав имели эти интересы и деятельность по их реализации, носителями каких общественных отношений являлась эта группа и каково ее классовое лицо в целом.

В литературе поставленные вопросы почти не рассматривались. В досоветских работах «повезло» только одному, но очень важному вопросу — почему в Сибири не сложилось помещичье землевладение. В жалобах дворян-современников изучаемого периода на нежелание центральных властей допускать их к «сибирскому пирогу» дворянские авторы первой половины XIX в. (Н. С. Пестов, Н. Семивский, В. В. Хвостов, А. П. Степанов и др.) и официальная литература последующего времени (В. К. Андриевич, И. В. Шеглов) смогли увидеть только доказательство народности и отеческой заботы монархической власти, пресекающей крайние формы эксплуатации, закабаления и произвола со стороны местной дворянской администрации¹. В работах демократического направления (С. С. Шашкова и особенно А. П. Шапова²), раннебуржуазного (П. А. Словцова, Ю. А. Гагемейстера) и либерально-буржуазного направлений (В. И. Вагина, Н. М. Ядринцева, К. П. Михайлова, Д. М. Головачева, В. П. Косованова³) почти полное отсутствие помещичьего землевладения в Сибири справедливо связывалось прежде всего с ведущей ролью вольнонародного освоения Сибири. Хотя приезжие администраторы и местная казачья верхушка пытались, по словам Н. М. Ядринцева, «создать новое подобие крепостного права, а также пересадить его отчасти из Европейской России»⁴, они быстро

убедились в невыгодности поместий из-за низкой отдачи от принудительного труда и невозможности прибегнуть к вольному найму. Д. М. Головачев отмечал, что частнокрепостнические устремления верхушки сибирского общества из налоговых соображений не встретили понимания у правительства, которое, заботясь об охвате всего населения государственным тяглом, не допускало захвата земель, закрепощения крестьян-землевладельцев, «ясачных инородцев» и ссыльных⁵. В. П. Косованов ввел в научный оборот часть сохранившихся поземельных документов таких крупных землевладельцев Приенисейского края, как Самойловы⁶. Вместе с тем авторы преувеличивали значение специфически сибирского архаичного пути формирования дворовых людей через плен и христианизацию нерусского населения. При этом их, как и всех несвободных, начиная с С. С. Шашкова, безоговорочно стали называть рабами, а социальные отношения с их владельцами — «рабовладельческими». С. С. Шашков писал, что во второй половине XVIII в. с развитием рыночных отношений рабов стали использовать не только для домашних работ, «и в Сибири начинает образовываться сословие дворян-рабовладельцев»⁷.

Под дворянством в Сибири эти дореволюционные авторы, кроме П. М. Головачева, обычно понимали всех обер- и штаб-офицерских рангов чиновников и офицеров, а также сибирских дворян с детьми боярскими, хотя в общих того времени работах по истории российского дворянства и управления страной уже отмечалось, что личные дворяне, не говоря уже о верхушке сибирского казачества, не входили по объему и характеру сословных прав в состав сословия российского шляхетства и явились, по выражению Ю. В. Готье, «дворянским пролетариатом»⁸. А. П. Шапов, высказав перспективную мысль о том, что чиновничество Восточной Сибири сильно уступало в экономическом плане купечеству, явно модернизировал суть столкновений и борьбы «купеческой и губернаторской партий, (которые — Г. Б.) обе были несправедливы и вредны для нормального общественного развития, только в неодинаковой степени в различных отношениях»⁹.

В советской историографии разработка поднятых вопросов в целом велась по уже намеченному пути и преимущественно на материале XVII в. В. И. Шунков, широко используя положения своих предшественников, четко сформировал новый важный, но не бесспорный тезис о том, что частное феодальное землевладение в Сибири крепостнического типа имело лишь тенденцию к своему развитию и было бесперспективным,

ибо Сибирь вступала в феодализм, когда в Европейской России уже наметился переход к капитализму¹⁰. Работы 40-х гг. А. Пруссакса, С. И. Барабожа и Н. В. Горбаня выполнены в намеченном В. И. Шунковым направлении¹¹. Наиболее четко высказался М. К. Азадовский, который, анализируя сибирскую беллетристику тридцатых годов XIX в., дал обзор общественной жизни первой трети XIX столетия, определявшейся, по его мнению, схваткой «двух хищных групп» — местной сильной купеческой буржуазии с чиновничьей партией.

При этом автор путано определил социальную сущность местной бюрократии. С одной стороны, «...борьба местной буржуазии в целом... переходила в общественную, в борьбу против деспотизма, произвола и насилия властей» и имела прогрессивный характер, с другой — эта борьба якобы велась внутри одного господствующего, а значит, буржуазного класса¹².

В 60—70-е гг. к поднятой теме исследователи практически не обращались. Автор этих строк в постановочном плане рассматривал социально-экономическую роль военно-бюрократического дворянства как частных лиц в системе различных укладов и типов общественного развития сибирской окраины при ведущей роли государственного феодализма¹³. По нашему мнению, пути и судьбы частного землевладения в Сибири правомернее связывать не с весьма слабыми раннебуржуазными связями страны, а с особенностями русского освоения Сибири и спецификой политики абсолютистского государства, стремившегося на позднефеодальной стадии за счет окраин централизованно черпать новые материальные средства для сохранения своего господства.

Сословный статус и социальное положение классной бюрократии и офицеров Восточной Сибири XVIII — нач. XIX вв. имели некоторые особенности. В качестве служебного слоя чиновники-дворяне Иркутской губернии, особенно российского происхождения, имели, как отмечалось, некоторое преимущество в чиновничьем производстве и размерах жалованья, однако в возможностях реализации своих основных классово-сословных привилегий закон их серьезно ограничивал. По идущей от Соборного Уложения 1649 г. традиции¹⁴, по всей стране чиновникам по месту несения службы запрещалось заниматься хоздьяйственно-предпринимательской деятельностью, ростовщичеством и откупам, заключать сделки, брать кабалы, покупать земли. Этот запрет неоднократно повторялся в XVIII в. в наказах сибирским воеводам и губернаторам¹⁵ и в

специальных правительственных актах, например, в указах от 23 июня, 1 июля и 27 августа 1740 г., 25 августа 1744 г. и 23 апреля 1749 г.¹⁶ Так, именной указ от 23 июня 1740 г. констатировал, что «губернаторы, воеводы и прочие судьи, також секретари и канцелярские служители в противность Уложения деревни и земли и прочия недвижимыя имения на свои и посторонних надежных им людей, також и жен и детей своих имена, покупают и в заклад берут у таких дворян и других чинов людей, которые сами и их все имение в полной их команде имеются». Поэтому запрещалось всем местным властям, независимо от их ранга, «где кто из них к делам определены, у дворян и других чинов людей, которые в тех же местах испомещены, деревень, земель, людей и крестьян покупать и под заклад брать, как на свое имя, так и на имя родственников или посторонних лиц»¹⁷.

Сенатским докладом от 13 июня 1764 г., утвержденным именным указом, сначала уездным и провинциальным воеводам, а указом 27 января 1766 г. — и губернаторам разрешили покупать земли и владеть ими на подведомственных им территориях. Снятие запрещения мотивировалось тем, что увеличение жалованья по только что изданным штатам гарантирует от злоупотребления этих должностных лиц, желавших получить «акциденции» в виде земли. Заявлялось также, что при новой государыне воеводы назначаются не «для получения от воеводств себе пропитания», но «по способности к исправлению порученных дел»¹⁸.

По указу от 28 января 1770 г. губернаторам, воеводам и приказным людям было разрешено «векселеваться» в губерниях, где они служат¹⁹. Однако в Сибири и служащим, и отставным чиновникам из дворян на законном основании воспользоваться этим разрешением из-за отсутствия права владения не только заселенными, но и свободными землями было очень сложно. Вся земля, как известно, считалась в Сибири государственной. Раздаче и продаже в частную собственность она не подлежала. Мало того, по Восточной Сибири практически повсеместно жили ясачные «инородцы», чьим поземельным правам в налоговых интересах закон традиционно отдавал преимущество²⁰.

Немаловажное значение имел и тот факт, что подавляющее большинство гражданской классной бюрократии за Енисеем по своему происхождению и по чинам не имело прав русского потомственного дворянства. Начиная со времени правления Анны Иоанновны, правительство по всей стране

неуклонно отказывало личным дворянам в праве приобретения населенных земель, хотя унаследованными землями и крестьянами до 80—90-х гг. они могли еще владеть²¹. Например, по указам 9 февраля 1758 г. и 23 ноября 1760 г. «состоящим не из дворянства в гражданских обер-офицерских рангах, яко то: протоколестам, регистраторам, бухгалтерам и тому подобным чинам, по точному об них в «Табели о рангах» (1722 г.— Г. Б.) изображению, что дети их не суть дворяне, деревень равно с дворяны покупать и за собой иметь не велено». Одновременно утверждался ущербный для личных дворян порядок чиновпроизводства. Счет служебного старшинства они должны были вести между собой, а не с армейскими офицерами соответствующих чинов, которые, как известно, все были в потомственном дворянстве²². Явное превосходство природных дворян в чиновпроизводстве закрепилось указом от 15 июля 1762 г. «О награждении отставляемых дворян от службы офицерскими чинами», чтобы они после «беспорочной» службы независимо от выслуги «перед теми, кои не из дворян отставляемы будут, преимущество имели»²³. Таким способом только что пришедшая к власти Екатерина II покупала расположение российского шляхетства.

Приоритет «породы» был сохранен и в определении характера поземельного статуса по отношению к казенным свободным землям. На живших в Сибири служивых по своему происхождению дворян юридически распространялся тот пункт 24 главы «Наставления к межеванию» 1766 г., по которому правами на землю они приравнялись к однодворцам. По этой инструкции дослужившимся из однодворцев и из других непривилегированных сословий «штаб- и обер-офицерам следовало намеривать в однодворческих селениях только по 60 дес. земли на каждое семейство, а их крепостным крестьянам — по 15 дес., как и прочим однодворцам». Следующий пункт «Инструкции» закреплял служивый и условный характер их землевладения, так как вышедшим в купеческое состояние однодворцам отводить земли вообще запрещалось²⁴.

Между тем известно, что та же Межевая инструкция узаконила фактическое расхищение государственных земель Европейской России многими природными дворянами, которые за номинальную плату закрепляли за собой сотни и тысячи десятин свободных казенных угодий.

Этот же узкосословный принцип проявлялся и в указе Сената от 31 января 1784 г., запрещавшем заниматься высокоходным винокурением тем однодворцам, а значит, и всем

недворянам, которые дослужились до обер-офицерского чина, но не имели собственного дворянского поместья. Мотивировка была предельно откровенной — их земли считаются казенными, а не «благоприобретенными»²⁵. Явно сословной дискриминацией веяло и от решений правительства по поводу крестьян, доставшихся по наследству от дворян разночинного происхождения. Сенатский указ от 22 апреля 1787 г. признавал права наследников, но по государственным платежам объявлял их одновременно казенными. Обязывая этих владельческих крестьян платить и подушные и оброчные деньги, правительство ссылалось на пункты 15 и 18 главы 19 Межевой инструкции 1766 г., где было сказано, что казенные «однородческие земли и крестьяне состояния своего ни в коем случае не перемениют». В заключение Сенат объявлял, что это правило остается действующим, и впредь велел им руководствоваться во всех губернских казенных палатах и наместнических управлениях²⁶. Дело, конечно, заключалось не в формулировках принятой 20 лет назад инструкции, а в последовательной узкосословной политике дворянского Сената, который и в 80-е гг. по-прежнему считал служилое потомственное дворянство второстепенным слоем российского шляхетства. Однако и природным дворянам за Уралом владеть населенными землями не разрешалось под тем предлогом, что в сравнительно недавно колонизируемой русскими Сибири, где купля-продажа земли сразу была запрещена, не могло быть ни потомственных, ни благоприобретенных имений.

Встает вопрос, почему центральная власть и в XVIII в. не допускала развертывания за Уралом помещичьего землевладения, которое насаждалось на других, правда, ближних, окраинах Российской империи. Казалось бы, с появлением имений на отдаленной окраине расширялась социальная опора правительства. Okрепло бы и материальное положение у не имевших поместий в Европейской России сибирских чиновников, которым явно не хватало скудного казенного жалования.

Однако соображения другого порядка оказались весомее. Запрет частного феодального землевладения за Уралом существенно не задевал интересы природного российского шляхетства, которое не рвалось на службу в этот отдаленный малонаселенный край, уже получивший мрачную известность как край каторги и ссылки.

Всех, даже потомственных, дворян-чиновников и офицеров, которые жили в Сибири и все шире пополнялись за счет местных уроженцев, центральная власть рассматривала в целом

как особый неполноценный слой даже не русского, а всероссийского дворянства. С узкосословной точки зрения критически оценивались и ускоренное чинопроизводство при выслуге первого классного чина, и особый местный счет старшинства, и случаи включения ссыльных дворянского происхождения и их потомства в местный аппарат управления, и сам факт службы на самой отдаленной национальной окраине, и, наконец, распространенность межсословных и межэтнических браков. В этом плане показательна история служебного использования двух ссыльных братьев из дворян Семчевских. Один раньше был в Вологодском наместничестве провинциальным секретарем, а другой — лекарем. За взятки при наборе рекрутов в 1782—83 гг. их сослали в Иркутскую губернию, первое, Якова, — на каторгу, а лекаря Михаила — на поселение. Иркутское начальство не раз просило разрешения принять их на службу. С 1797 г. Якова взяли на классную должность бухгалтера Тельминской казенной фабрики, но без права выслуги. В 1804 г. именным указом Михаил Семчевский получил право на врачебную практику. Оба ревностно занимались своим делом и были замечены М. М. Сперанским, который в 1821 г. выхлопотал им помилование. Именным указом детей Якова исключили из подушного оклада, а ему самому разрешили выслугу в чинах, «но единственно в Сибири». На таком же положении, как сообщает В. И. Вагин, оказывались и другие амнистированные (но без права выезда из Сибири) ссыльные из дворян²⁷.

Центральная власть не позволяла дворянам — чиновникам и офицерам иметь земли на праве частной собственности еще и потому, что это, по ее мнению, могло осложнить решение задач как общегосударственного, так и классово-корпоративного характера. Вводя различные казенные монополии и расширяя сферу государственного сектора в экономике сибирского края, центральная власть не хотела превращать материально и функционально полностью зависимых исполнителей своей воли в частных лиц, которые на законных основаниях стали бы конкурировать с государственным сектором в получении рабочих рук, сельскохозяйственных угодий, доходов от торговли и эксплуатации природных богатств Сибири. Боязнь превращения правительственных агентов, занятых только казенным интересом, в легальных конкурентов казны в присвоении огромных сибирских доходов продиктованы указы о строгих мерах против злоупотреблений и запретов дворянам-чиновникам кабалить русское и ясачное население, заниматься хо-

зяйственно-промысловой деятельностью, то есть иметь свои частные, экономические интересы, которые будут сталкиваться со служебными, казенными.

В реализации своей политики центральное правительство использовало борьбу труженников Сибири против закрепостительных действий местной администрации и казачьей верхушки. Эта борьба и была главной объективной причиной эмбрионального состояния частного землевладения помещичьего типа.

Традиционный правительственный подход к местной бюрократии Сибири только как к служебно-функциональному слою был утопичным, а значит, не мог последовательно проводиться в жизнь. Крепостнический абсолютизм ни в целом по стране, ни особенно на окраинах материально был не в силах централизованно и полностью содержать свой бюрократизирующийся аппарат местного управления. Уже при Петре I средств хроически не хватало. Жалованье, которое бралось из местных доходов, выплачивалось нерегулярно. Поэтому во время реорганизации местного управления в 1727—1728 гг., когда сократили штаты и уменьшили жалованье, чиновникам Сибири разрешили арендовать свободные сенокосные угодья с уплатой оброчных денег. Через каждые четыре года объявлялась переоброчка этих угодий, по которой прежний держатель мог их лишиться, если кто-нибудь соглашался вносить за эти земли более высокую плату. Позже, по крайней мере в Восточной Сибири в 60-е гг., эту практику распространили на пахотные угодья. Как отмечалось, в эти годы предпринимались лихорадочные усилия по обеспечению южной границы, расширялись Нерчинские заводы. Для этих целей в Иркутскую губернию переместили не одну тысячу людей. Недостаток продовольствия, в первую очередь хлеба, серьезно сдерживал реализацию задуманных мероприятий. Сам Иркутск стал губернским городом, где впервые оказались на постоянном жительстве уже несколько десятков российских дворян в сравнительно высоких рангах. По отношению к ним тоже потребовалось решать вопрос об использовании угодий. Эти обстоятельства побудили Сенат 3 декабря 1764 г. обратиться с указом, которым, в частности, каждый житель Восточной Сибири обязывался «заниматься... размножением хлебопашества к общей пользе»²⁸. О землевладении чиновников указ, судя по всему, ничего нового не сказал (в ПСЗ он не попал), но и этого было достаточно. По свидетельству крупного знатока истории Восточной Сибири того времени А. И. Лосева, первый ир-

кутский губернатор К. Л. Фрауендорф «имел попечение об улучшении состояния чиновников, позволяя им пахать землю на основании указа 1728 г. марта 15 дня²⁹ и в силу указа Сената 1727 г. ноября 18 дня. (Эти указы не попали в ПСЗ. Кроме того, — Г. Б.) до указа Правительствующего Сената 1747 г. апреля 29 дня были даваемы из ссыльных женатые с детьми и холостые, написанные в подушные оклады, таким дворянам и разночинцам, кто и долгов своих не имели, но их из платежа подушных взять желал: И таким образом пользовались чиновники и прочие состояния работниками из ссыльных»³⁰. Как видим, правительство, разрешая чиновникам ограниченное временем и типом угодий пользование землей, сразу позаботилось и о рабочих руках для них.

Новый иркутский губернатор А. И. Бриль пошел еще дальше своего предшественника. Явно произвольно переосмыслив Межевую инструкцию 1766 г., он 27 марта 1768 г. велел жителям губернии троекратно объявить в церквях и листы повесить в общественных местах о том, что всем желающим любого звания разрешается занимать свободные земли без всякой платы и использовать их для хлебопашества и прокормления скота. Естественно, что в первую очередь это обращение было адресовано к местным чиновникам и офицерам. В листе, составленном для губернского города и жителей Иркутского уезда, было сказано, что «из находящихся в Иркутске при делах и не у дел штаб- и обер-офицеров и имеющих офицерские чины в силу Межевой инструкции, а потом из иркутских жителей и из приезжих всякого звания кроме беспаспортных, и из имеющихся оного г. Иркутска и уезда в разных слободах и деревнях, кто где изыщет из залежных и впусе лежащих земель, для наивсегдашней хлеба пахоты, а штаб- и обер-офицеры — и по неполучению рацийонов к продовольствию лошадей, (то им всем — Г. Б.) сенные покосы взять себе без никакого в казну ни деньгами, ни провиантом платежа, а (кто — Г. Б.) сколько десятин угодной к пахоте земли (обыскал, то — Г. Б.) таковые б желающие без всякого сомнения являлись в Иркутскую губернскую канцелярию или всяк по своей команде» для подачи сказок об этих угодьях и составления о них ведомости. При этом губернатор уверял, что «безоборочная земля» будет отведена не только для содержания скота, но и под займки для хлебопашества. Длительность владения пустопорожними землями оговаривалась лишь условием их «наивсегда безперерывно обрабатывать»³¹. Нет сведений о том, что центральная власть издавала указ подобного со-

держания. Вместе с тем это распоряжение А. И. Бриля сделало местной нормой право дворян и офицеров на «росчисти», то есть на разработку некультуренных земель. Это право они также использовали для легализации самовольно используемых угодий и различных поземельных сделок. Известно, что дворяне Восточной Сибири, как и все население, совершали самые различные поземельные сделки не только с «росчистями», но и с оброчными угодьями, не говоря уже о дворовых участках и огородах. Однако положение обязывало их обычно скрываться за подставными лицами, поэтому в сохранившихся от XVIII в. поземельных актах дворяне-чиновники и офицеры, как участники сделок с землей, встречаются крайне редко. Центральное правительство, бессильное реально пресечь частные поземельные сделки, заботилось лишь о формальной-юридической стороне. Находящиеся в движении угодья запрещалось оформлять куплей-продажей. С точки зрения центральной власти как верховного земельного собственника все частные поземельные акты были незаконными, а сами земли рассматривались как «порожие»³². В случае необходимости казна бесцеремонно распоряжалась ими, в том числе нередко довольно крупными земельными владениями, имевшимися как у отдельных представителей сибирских служилых людей, так и у дворян-чиновников. Об этом, например, свидетельствует судьба земель и крестьян уже знакомого нам К. М. Бейтона и его родственников, которые были унаследованы от отца, иркутского сибирского дворянина, и приумножены их «трусами». Хотя К. М. Бейтон дослужился к 1783 г. до коллежского асессора VIII класса чинов и находился в должности асессора Иркутского верхнего надворного суда, тем не менее в 1790 г. по решению Иркутской казенной палаты его имение с 31 р. д. крестьян взяла, как и земли родственников с 33 р. д. крепостных, «в казенное ведомство... по надобности под заселение казенных земель»³³. К. М. Бейтон успел стать надворным советником VII класса, но так и не дождал до положительного решения по данной им в Сенат апелляции. Только его родственникам, прапорщику Алексею и переводчику Семену, а в их лице всему роду Бейтонов, именным указом от 3 мая 1800 г. Павел I велел отвести «взамен отнятых угодий из пустопорожных и оброчных казенных земель... в вечное и потомственное владение» 9 тыс. десятин угодий и дать на них жалованную грамоту³⁴. Аналогичная судьба постигла некоторые земельные владения других выходцев из восточно-сибирских служилых людей, хотя в их семьях во второй половине XVIII в. тоже были

чиновники и офицеры обер- и даже штаб-офицерских чинов (Игумновы, Самойловы и др.)³⁵. В 80—90-е гг. при Екатерине II, которая заявила в 1782 г. тобольскому генерал-губернатору Е. П. Кашкину, что в Сибири «нет недвижимых дворянских имений»³⁶, они лишились земель и части сидящих на них крепостных крестьян. Преемники Екатерины II от Павла I до Николая I вернули земли только тем наследникам, которые смогли доказать, что их предки были из природных российских дворян (Самойловы, Сухотины-Родюковы), значит, их земельные дожалования имели в XVII в. статус поместья, а по указу о единонаследии с 1714 г. статус вотчины. При этом крепостных крестьян или денежную компенсацию за них не возвратили, так как считалось, что в Сибири XVII в. отводились ненаселенные земли. У сибирских помещиков остались только потомки наследственных переведенных из России крестьян или купленных «инородцев». Классные же чиновники и офицеры местного и российского, но служилого происхождения так и не получили права иметь населенные поместья. Только с 1800 г. за отличие в службе отдельные чиновники стали получать «всемилоостливейшие пожалования» пустопорожных казенных земель на праве частной собственности. По Восточной Сибири такие пожалования получили в 1816 г. ачинский чиновник Давыдов, всего 183,5 десятин³⁷, а в 1822 г. 55-летний иркутский губернский землемер, коллежский советник и кавалер А. И. Лосев, родом из иркутских «навигационных» учеников, которому отвели, не считая «неудобиц», 1 тыс. дес.³⁸ Такой же в принципе узкосословной и одновременно фискально-расчетливой была политика абсолютизма по отношению к дворянскому праву владения людьми в Сибири. Принадлежность к несвободному населению, переход лично-свободных в частнозависимое состояние определялись объемом дворянских прав у чиновников, а также хозяйственным положением и официальным статусом труженика.

Чиновники и офицеры из «природных» дворян в принципе не могли переводить своих наследственных или покупных крестьян в Сибирь, так как считалось, что у них за Уралом нет своих земель, а казенные, как отмечалось, заселять запрещалось. До первой ревизии 1718—1722 гг. исключение составляли те представители сибирских служилых людей, то есть казачества, которые имели звание «дворян и детей боярских московского списка» и вместо хлебного жалования служили с пашни, то есть имели земли на поместном праве. Таким правом перевода, например, воспользовался дворянин

московского списка Сухотин, заселивший в 1703 г. своими российскими крестьянами д. Тигино Красноярского уезда³⁹.

На законных основаниях обзавестись на месте крепостными крестьянами присылаемые из-за Урала дворяне-администраторы и военные тоже не могли. Прямых раздач казенных крестьян в крепостную неволю правительство в Сибири не практиковало. Все больше ограничивались возможности закабаления и похолопливания тружеников, потерявших полностью или частично средства к существованию. Еще со времени принятия в 1649 г. Соборного Уложения в Сибири, как и во всей стране, всем слоям населения запрещалось кабалить, то есть оформлять за неуплату долгов холопами черносошных крестьян, посадских, а также ясачных людей, то есть всех налогоплательщиков. Мотивы были самыми прозаическими — если тяглый двор (позже р. д.) терял статус личного свободного, то казна лишалась с него в XVII в. почти всех налогов, а с первой ревизии — взимаемых «вместо помещицкого доходу» оброчных денег (при Петре I 40 коп., а при Екатерине II — до 3 руб.). Превращение тяглеца в холопа приводило к снятию с него различных натуральных повинностей и мирских сумм, собираемых по общинным раскладкам. Но экономические отношения указом не отменишь. Кабальные сделки по-прежнему оформлялись, но без потери должником своего сословного наследственного статуса. По отношению же к несостоятельным должникам взамен «заемной», «заживной» и «полетной» (погодной) частных кабал правительство Петра I ввело отработку долга не у истца с зачетом по 5 руб. ежегодно, а на каторжных работах с зачетом истцу по 10 руб. в год⁴⁰. По Вексельному уставу 1727 г. расценки повысили до 12 руб. ежегодно, снова разрешив за двойную плату в 24 руб. брать несостоятельных должников «в работу» истцам и всем желающим «партикулярным» людям. Тогда же было велено отдавать в солдаты годных в воинскую службу должников с уплатой за них истцам с общин не более 100 руб. Указами 19 июня 1736 г. и 28 мая 1767 г. подтвердили практику отдачи как несостоятельных должников, так и подушных недоимщиков на каторжные работы и частным лицам «в работу»⁴¹. Вместе с тем центральная власть все настойчивее призывала заменять кабальный труд вольным наймом. Так, в 1787 г. по всей стране был разослан именной указ, который, запрещая закабаление казенных тяглецов по купчим и закладным крепостям, рекомендовал «наймение разного чина людям»⁴².

Однако крепостническая власть не могла себе представить, что общество, в первую очередь «благородное» сословие, может обойтись без несвободных людей, «находящихся в услугах». В XVIII в. повсеместно, в том числе и в Сибири, даже личное дворянство сохраняло право владения и полного распоряжения потомственными холопами (дворовыми людьми), но с уплатой за них подушных 70-гривенных денег. Разрешалось также холопить по взаимному согласию сторон деклассированных лиц (вольноотпущенников, нищих, незаконно-рожденных, вскормленников, ссыльных на поселение и «пропитанных» ссыльных), то есть всех неимущих, оказавшихся вне сословий. Аналогичным образом можно было поступать с детьми-сиротами, калеками, стариками и прочими экономически полностью несостоятельными лицами из тяглых сословий, которые были обузой для своих общин. Например, в Сибири широко использовался указ Петра I 1722 г. о вскормленниках, по которому не помнящих своих следовало отдавать в матросы, а младших передавали всем желающим «в вечное владение, и кому отданы будут, за теми и писать в подушный сбор»⁴³. Вскормленников за лицами неподатных сословий обычно записывали разночинцами с уплатой только подушных денег, а иногда и посадскими людьми. Таким путем крепостническое правительство частично освобождалось от расходов по социальному обеспечению нетрудоспособной части населения, а в Сибири — еще и по хозяйственному устройству принудительно присылаемого колонизационного элемента.

Дворяне стремились распоряжаться такими «дворовыми» людьми как старинными природными холопами. Их использовали в «домовых работах» и «услугах», продавали, дарили, уступали, обменивали на движимое и недвижимое имущество, сдавали за кого-нибудь в рекруты, насильно женили (см. об этом далее). Однако в налоговых целях, ужесточая курс против частного землевладения в Сибири, правительство разрешало со второй половины XVIII в. дворовым людям из кабальных записываться в государственные крестьяне, посад и ясачные плательщики. Предлог, хотя и формальный, был найден — добровольность их прежнего несвободного состояния. Например, дворовых, которых владельцы помещали на землю, превращая их в крестьян-издольщиков, после Межевой инструкции 1766 г. по настоянию несвободных землепашцев стали отписывать в казенное ведомство. В данном случае

статус земли переносился на самих землепашцев, что свидетельствует о том, что правительство в своих казенно-корпоративных целях умело придало законную форму антикрепостническим настроениям закабаленных сибиряков. Только отдельным представителям военно-бюрократических чинов Сибири, которые сумели, во-первых, доказать свое потомственное дворянское происхождение, а во-вторых, законность приобретения дворовых и крепостных крестьян, удалось сохранить за собой несвободные рабочие руки (см. об этом далее). Даже вывезенные из Европейской России дворовые могли в это время обращаться к местным властям с жалобами на своих владельцев, хотя, как известно, Екатерина II в 1767 г. запретила крепостным крестьянам жаловаться на своих господ. Показательна в этой связи история 17-летнего дворового Егора Агафонова, которого вывез в 1783 г. из Псковской губернии Торопецкого уезда земский исправник Жиганского уезда титулярный советник М. С. Подчертков. На допросе в конце мая 1785 г. дворовый показал, что он носил воду, рубил дрова, топил печи и другую работу делал. Из-за пропавшего топора хозяин стал его жестоко избивать, грозясь совсем убить. Так как крепостного истязали и раньше, особенно «по наущению» жены хозяина, то он, приняв всерьез эту угрозу, выскочил в окно в одной рубашке, переплыл Лену на лодке и спрятался на острове. Ночью же вернулся в Жиганск, три дня скрывался у винного сидельца на судне и по совету местных жителей, которые позже подтвердили, что хозяин бьет Егора «немилосердно», подал жалобу на М. С. Подчерткова городничему С. И. Валю и расправному судье Боборыкину. Делу дали ход, тем более, что дворовый заявил об отсутствии у хозяина крепости на него. М. С. Подчертков первоначально отказался предъявить документы на право владения своим дворовым, грубо ответив судье: «Вам какое дело». Однако позже исправник сам подал в расправу просьбу сыскать своего «сбежавшего неизвестно почему человека», где, в частности, сообщал, что Егор был крепостным его матери, дочери князя Андрея Ивановича Шаховского, а достался ему по закладной своего зятя, князя Артемия Яковлевича Нарымова. «Якутского правления комендант» подполковник Мариловский не взялся сам решать это щекотливое дело и переслал его в Иркутск. Через полгода наместническое правление в феврале 1786 г. приговорило вернуть дворового хозяину, ибо он «при некоторых неясностях все же из природных деда и матери крепостных крестьян», а не купленный. Намекнув

С. И. Валю и Боборыкину о превышении ими власти в этом деле, Иркутск тем не менее велел напомнить исправнику о человеколюбии и сообщить, что запрос о принадлежности Е. Агафонова направлен в Псковскую губернию⁴⁴.

Среди источников формирования в Сибири дворовых людей довольно заметное место занимали пленные «инородцы» из южно-сибирских и северо-восточных районов. Хотя Соборное Уложение запрещало воеводам и приказным покупать «сибирских татар», а указ 1726 г. освобождал от неволи всех «новокрещенов»⁴⁵, эти распоряжения были отменены в мрачные времена бироновщины именным указом Анны Иоанновны 16 ноября 1737 г. Указ гласил, что «калмык и других наций, которые, как известно, бывают крещены и хозяевам достаются больше малолетние, дозволяется всякому покупать, крестить и у себя держать без всякого платежа подушных денег одной запиской в губернских и воеводских канцеляриях... и быть им неотъемлемым у тех, кои их с собой объявят»⁴⁶. Указом от 9 января 1757 г. купля-продажа южно-сибирских пленных «инородцев» даже стала поощряться как богоугодная и полезная для колонизации Сибири мера. Согласно указу «привозимых киргизами разных наций пленников, всякого звания людям, по недостатку в Сибири пахотных людей, которым по указам крепостных иметь велено, покупать и на товар выменивать, а потом и крестить не только воспрещать не надлежит, но еще и приохочивать к тому надобно, для того, дабы лучше старание было из магометан и идолопоклонников приводить в православный христианский закон... Всем покупаемым пленникам у таких людей, которым по указам крепостных людей иметь не велено, быть крепким по смерти оных покупателей»⁴⁷. Так, в Сибири своеобразно продолжилась давняя практика отпуска холопов на свободу после смерти господина.

Пограничная торговля людьми по всей южной Сибири в связи с падением Джунгарии и массовым бегством калмыков и других племен в русские пределы приняла значительные размеры, но все же С. С. Шашков явно их преувеличивает, утверждая, что «каждый офицер, каждый чиновник, даже множество простых солдат обзавелись в это время многочисленной челядью»⁴⁸. Только в 1808 г. вышел указ, который сильно подрывал похолопливание «инородцев», ибо предписывалось всех их по достижении 25 лет отпускать на волю⁴⁹.

В реальной сибирской практике широко распространенным явлением было закабаление. Сибирь того времени отличалась

обилием лиц, совсем или частично не имевших средств к существованию, так как из-за Урала постоянно прибывали беглые, покормежники с паспортами, ссыльнокаторжные и различные деклассированные элементы. Нередко и для сибиряков (крестьян, посадских и рядовых казаков) из-за неустойчивости их мелких хозяйств, господства индивидуально-подворного землевладения, слабости общин с их обязательными раскладками тягла единственным приемлемым выходом из тяжелого положения оказывалась отдача в чужой дом на срок или пожизненно одного из членов своей семьи. О типичности и обыденности закабаления, в частности, говорится в «определении» иркутского губернатора К. Л. Фрауендорфа от 10 сентября 1765 г. В нем отмечалось, что «здешних разночинцев и крестьян и прочих чинов обоего пола людей... весьма немалое число, заняв у разного звания чинов, как в городе так и в уезде на свои нужды денег, вместо заплаты оных для зарабатывания заимодавцам отдают своих детей или сами к ним на работу идут на урочные годы, иные по записи от крепостных дел, а другие и без всякого письменного виду по одним только словесным и между собою партикулярным договорам». Такая практика приносила казне убыток, так как «терялись крепостные пошлины», и приводила к различным тяжбам. Некоторые, взяв деньги, не хотели жить и работать у заимодавца, ссылаясь на то, что «на себя записи не давали». Других, наоборот, не отпускали, когда они «выживут свои годы». Встречались и такие предприимчивые хозяева, которые закрепляли за собой работников путем женитьбы. Они «на свадьбу держат излишнева много расходу, чем такой мало-разсудной народ сперва с охотою себе приемлет, а по прошествии урочных лет все то хозяева ставят им в счет весьма высокою ценою». Некоторые «работники, забирая деньги вперед и накопя на себе великий долг, никак выслужиться не могут и затем принуждены оставаться почти вовсе и в холопстве, и от своей крестьянской работы отстанут, и приходят в крайнюю нищету. Напоследок, видя себя совсем закабаленными и не хотят более жить, сами отходят и бежат или жалуются о долгом держании на хозяев, а те на работников». Губернатор предписывал, перечислив эти нарушения, чтобы все подали сведения о взятых «из долгов и из найму, тож и взятых на воспитание... имеющих в услужении» людях. В противном случае все жалобы и споры между хозяевами и работниками губернская и уездные канцелярии рассматривать не будут⁵⁰.

Из-за состояния источников трудно судить о масштабах феодализации военно-гражданской классной бюрократии Восточной Сибири в XVIII — нач. XIX вв. Бесспорно одно — этот процесс имел место. И чиновники и офицеры всякими правдами и неправдами обзаводились дворовыми людьми, в благоприятных по почвенно-климатическим условиям и экономической конъюнктуре районах (южной Сибири, притрактовой полосе) заводили на принудительном труде земледельческие хозяйства. По «Домовой летописи» капитана Ивана Андреева можно судить, как возникло и развивалось подобное поместье в южной Сибири. Дед автора, служивый человек, умерший в 1739 г., положил начало поместью, купив в 12 верстах от Тобольска деревню Этыкерову, населил ее купленными людьми и «жизнь свою препровождал в изобилии». Сын его, участник подавления восстания в Башкирии, за раны получил «башкирцев шесть человек в вечное владение и поселил их в деревне, которую отец ему по духовной отказал». Эта деревня с крепостными людьми затем перешла автору летописи, которому пришлось во время четвертой ревизии утверждать свои права на крещеную собственность, ибо «не имея над собою смотрения и не видя господ... (крестьяне в 1783 г. — Г. Б.), взбунтовав, подавали челобитныя, называя себя вольными людьми... С великим трудом (признается И. Андреев. — Г. Б.), приведя их в страх и показав, что есть господа», владелец принял за организацию хозяйства комплексного типа. Он писал: «Накупил я лошадей, завел рогатого скота, птицы, употребляя людей и лошадей к ломке и возке соли и к прочим случающимся поделкам, и весьма жизнь свою поправлять всяким заведением начал, а сверх того, как для себя, так и для коменданта многия вещи крашивал, золочивал и разные полезные показывая услуги, и жизнь свою препровождал с удовольствием»⁵¹.

Судя по количеству сельских дворовых людей, вероятно, не отставал от И. Андреева енисейский городничий секунд-майор Николай Гаврилович Евсеев. Этот прибывший перед пятой ревизией в Енисейск отставной офицер показал за собой по старому месту жительства при крепости Железнинской Семипалатинского уезда 15 д. м. п. и 13 д. ж. п. дворовых по четвертой переписи, а по пятой — 14 д. м. п. и 14 д. ж. п. в девяти семьях. К своему владельцу, по его сказке, дворовые попали разными путями. По наследству от отца, коллежского асессора, жившего в Тобольске, Н. Г. Евсееву досталось 2 д. м. п. и 2 д. ж. п. Жена его, Вера Ивановна, дочь

управителя Тобольского яма коллежского секретаря И. Борисова, в виде приданого от отца и брата принесла мужу 7 дворовых, в том числе 6 д. ж. п. Сам Н. Г. Евсеев в 1790, 1792 и 1794 гг. купил у опекуны сирот тобольского уездного казначея М. И. Логунова и у двух классных чиновников 5 д. м. п. и 4 д. ж. п., в том числе у коллежского асессора Н. А. Бошняка в Кургане целую семью Матвеевых, состоящую из отца с матерью, двух сыновей, двух дочерей и «взятой с воли» невестки. Пять его дворовых были женаты на дочерях государственных крестьян Тобольского уезда и Краснослободского дистрикта. Но существу, эти женщины тоже были проданы в неволю. Естественный прирост между четвертой и пятой ревизиями дал Н. Г. Евсееву 5 д. м. п. и 2 д. ж. п., не считая двух женщин, которые тоже находились в потомственном холопстве, ибо «рождены от дворового человека». О путях появления у себя четырех дворовых владельц предпочел умолчать⁵².

Самыми крупными в Приенисейском крае земле- и холоповладельцами были Самойловы, уроженцы Енисейска. В трех селениях (селе Рождественском, деревнях Заречной и Подтесовой), а также в самом городе у них числилось по третьей ревизии 74 р. д. и 45 д. ж. п., а по четвертой — 44 р. д. и 52 д. ж. п.⁵³ Алексей Ефимович Самойлов во время четвертой ревизии был поручиком Тобольского гарнизонного полка, а в 1785 г. определен в дворянские заседатели Ачинского нижнего земского суда⁵⁴. Михаил Степанович, его двоюродный племянник, пройдя унтер-офицерские чины в Тобольской городской команде и гвардейском Семеновском полку, был в 1783 г. прапорщиком, позже поручиком Ярославского пехотного полка, а с 1791 г. перешел в дворянские заседатели уездного нижнего земского суда г. Мологи Ярославского наместничества⁵⁵. Два родных брата Алексея Ефимовича в конце 80-х — нач. 90-х гг. XVIII в. тоже были дворянскими заседателями — один в Енисейском, а другой в Нарымском нижнем земском суде⁵⁶. Эти четверо Самойловых, как и их родственники (енисейские мещане Тимофей, Алексей и Николай, владевшие по третьей ревизии 16 д. м. п. и 23 д. ж. п., а по четвертой — только 4 д. ж. п.), получили крестьян и дворовых от своих родителей, Ефима Алексеевича, енисейского казачьего головы, и Степана Антоновича, купца, бывшего в 1759—1764 гг. президентом Иркутского провинциального магистрата и депутатом Уложенной комиссии. Свой род енисейские Самойловы велят от Карпа Самойлова, якобы русского дворянина,

прибывшего из Москвы в Сургут в 1649 г. с двумя дворовыми на службу стрелецким и казачьим головой. С 1660 г. он служил в Енисейске, получил в счет жалованья землю на ближнем от города Подтесовском острове⁵⁷. Его внук, Алексей Тимофеевич, в окладе сибирского дворянина долго был местным казачьим головой и, используя свое положение, стал крупным земле- и холоповладельцем. Он округлил свои владения в окрестностях Енисейска, где кроме старой Подтесовской деревни (она же Дурнино и Кекурская) появились д. Черменина и д. Самойлова. Кроме того, в 1736 г. А. Т. Самойлов купил у дворян Истопниковых соседнюю со своими землями «на лугу в кулиге» деревню Трескину с двумя семьями крепостных крестьян, всего 10 д. об. п. Из содержания купчей на деревню, точнее замку, видно, что крепостные, кроме своего хозяйства, обрабатывали хозяйскую пашню и пасли хозяйский скот. Были проданы за 170 руб. «хоромного и дворового строения изба с клетью, да два амбара деревянные, да крепостных наших людей мужска и женска полу русской породы... и с их собственными пожитками и со всяким скотом, да наших (Истопниковых. — Г. Б.) собственного скота: три коровы дойных да теленок, три лошади, девять серпов, три сотника, три косы да стоячий всякий хлеб сколько имеется в той деревне на пахотной нашей земле»⁵⁸. Этих крестьян с выпаханной земли А. Т. Самойлов сразу перевел в Тасеевский присуд, где с 1730 г. имел «за службу пожалованную в прибавок землю». Эти плодородные угодья, лежащие от р. Топола до Алтатки, привели в восторг И. Г. Гмелина. Предприимчивый казачий голова, по свидетельству своего правнука Степана Антоновича Самойлова, присовокупил к этим крестьянам часть «наследных крепостных и вновь покупкою в России и здесь людей составил деревню» Самойлову (с. Рождественское), в которой своим иждивением позже выстроил церковь. В 1740 г., когда по этим местам проезжал И. Г. Гмелин, в селе имелось 10 дворов и дом «приказчика», поставленного владельцем. Вокруг села лежали разделенные лесом хорошие засеянные ярицей, озимой рожью и пшеницей поля, а также пастбища, на которых успешно выращивались калмыцкие овцы⁵⁹. Своим пяти сыновьям (Антону, Петру, Алексею, Ефиму и, очевидно, Константину) он оставил во владение около 150 тыс. дес. земли и 65 крепостных. Еще при своей жизни казачий голова, отдавая предпочтение не государственной службе, а хозяйственной деятельности, записал своих сыновей в купечество, оставив только одного Ефима в служи-

лом казацьем сословии. Ефим Алексеевич Самойлов дослужился до сибирского дворянина, был казацким головой Енисейска, организовал смещение провинциального воеводы П. Ф. Мировича, не раз посылался управителем в соседний Туруханск. Дети его получили обер-офицерские чины на военной, а позже на гражданской службе, что помогло им, а позже их потомкам сохранить значительную часть земель и некоторых крестьян до реформы 1861 г.⁶⁰

В соседнем Красноярском уезде еще в 1703 г. енисейский дворянин «московского списка» Сухотин заселил д. Тигино вывезенными из Европейской России семью душами крепостных крестьян. В 1712 г. он сумел получить на поместном праве в счет хлебного жалованья около 54 тыс. дес. земель. Внука основателя вместе с семьей за жестокое обращение убили свои же крепостные, а само имение сожгли. Дворянка Марфа Родюкова, унаследовавшая по женской линии д. Тигино, тоже не отличалась гуманностью. Вскоре за покушение на ее жизнь все крепостные были сосланы на Нерчинские заводы, а вместо них ей в 1799 г. дали новых из числа ссыльных экономических и государственных крестьян, всего 45 р. д. В начале XIX в. у помещиков Родюковых казна отрезала около 48 тыс. дес., на которых раньше стихийно возникло 7 казенных деревень и куда в 60—70-х гг. были подселены поселщики. Казенные крестьяне настойчиво, вплоть до Сената, продолжали борьбу с местным помещиком за землю, но Родюковым до отмены крепостного права в 1861 г. удалось сохранить около 2 тыс. дес. угодий и остаться душевладельцами. В 1857 г. в д. Тигино у них числилось 77 д. м. п. и 81 д. ж. п. крепостных⁶¹.

Последний в истории Красноярска воевода, коллежский ассессор И. Я. Пелымский, прослуживший на этом посту 25 лет, тоже был сравнительно крупным и земле- и холоповладельцем. Судя по исповедной росписи 1769 г., он имел 8 семейных и 4 одиноких дворовых, всего с членами семей 14 д. м. п. и 18 д. ж. п.⁶² Надсмотр за ними воевода поручил тоже дворовым людям. Несколькими дворовыми для домашних нужд ведал, по выражению невестки воеводы. Матрены Самойловой, «домовой управитель» Петр Березкин, а прочие находились на заимке в семи верстах от города под началом «приказчицы Настасьи и ее мужа Михаила Сафьянова»⁶³. Кроме сельскохозяйственного производства, о размерах которого нет сведений, И. Я. Пелымский занимался винными откупами. Не исключено, что через своих родственников,

енисейских купцов и мещан Самойловых, он участвовал и в торговых операциях. По крайней мере, средства у него для этого были. Так, в декабре 1788 г. неизвестные воры, которых не остановили запоры двух каменных кладовых и замки на устюжской работы сундуках бывшего воеводы, унесли только деньгами 10 тыс. руб., в том числе 7 тыс. «золотыми империалами». Если учесть, что за три года до кражи И. Я. Пелымский въехал в новый, первый в городе каменный дом из девяти покоев с каменным же подвалом, то можно с уверенностью сказать, что красноярский воевода нажил, находясь на государственной службе, значительное состояние, которое, судя по объявленным капиталам местных купцов, было самым крупным в Красноярске⁶⁴.

Сравнительно крупные земле- и душевладельцы, которые организовали свой хозяйства, встречались и в заенисейской Сибири. Так, ревизоры второй подушной переписи в Нерчинском уезде обнаружили, что вдова кяхтинского таможенного комиссара Константина Игумнова Дарья вместе с сыном в обер-офицерском чине, Василием, в плодородной Кударинской степи владела огромной заимкой, где, кроме дворовых, использовался труд 33 беглых людей и закладчиков⁶⁵. Из исков, которые рассматривала «Следственная сибирских и камчатских дел комиссия» в 1749—1750 гг., в частности, узнаем, что Игумновы незаконно кабелили как местных, так и пришлых жителей. В октябре 1749 г. в пользу челобитчиков был решен иск «Селенгинского ведомства Ильинского острога посадского Степана Чиркова да яренчанина Давыда Козлова на иркутского дворянина Василия Игумнова в написании им на них заочно крепостей и об отпуске их, Чиркова и Козлова, обще с женами и с детьми из дому помянутого Игумнова на волю, и о заплате им за пожилые годы денег. Которые крепости явились по усмотрению комиссии указам противны, и в оных написан роздел детям» закабаленных людей⁶⁶.

У небезызвестного иркутского сына боярского Матвея Яковлевича Бейтона по второй переписи числилось полученных от отца и найжитых неправедным путем, как отмечалось в гл. 2, 65 д. м. п. дворовых людей. В 1748 г. он еще купил 18 дворовых у лейб-гвардии рейтара Ивана Шарыгина, принадлежавших прежде бывшему подполковнику Якутского гарнизонного полка В. Мерлину, а одного отдал в рекруты. Вместе с 16-ю родившимися по третьей переписи у М. Я. Бейтона оказалось 64 р. д. дворовых в 21-й семье⁶⁷, которые использовались в сельскохозяйственном производстве и размещались

главным образом в д. Бейтоновой и на заимке. Некоторые из наследников этого самого крупного помещика Иркутского края, как отмечалось, достигли обер- и даже штаб-офицерского чина и яростно боролись за сохранение своих прав на подневольные рабочие руки и на более чем 10 тыс. дес. земельных угодий.

Часть своих многочисленных дворовых мог использовать на подгородной заимке иркутский полицмейстер и секунд-майор Иван Иванович Замошников, который во время проведения третьей ревизии в 1762 г. объявил за собой сказкой 22 д. м. п. и 9 д. ж. п. в 7 семьях и 5 одиноких дворовых. В качестве приданого за своей женой Акилиной, дочерью иркутского сына боярского Ивана Пивоварова, он получил семью из 5 д. м. п. и 2 д. ж. п. От отца, тобольского дворянина, И. И. Замошников унаследовал в 1745 г. две семьи из 16 человек, в том числе 5 д. ж. п. Три семьи дворовых, всего 7 д. м. п. и 3 д. ж. п., полицмейстер купил в 1752 и 1760 гг. у вдов якутского и иркутского детей боярских А. Пущина и К. С. Ошуркова. Кроме того, среди дворовых были четверо «незаконнорожденных, воспитанных в доме его» детей. Среди семи жен дворовых были дочери бельского, верхнеангарского и тобольского крестьян, иркутского разночинца, тюменского казака и «новокрещеная башкирской породы», что говорит о распроетраненности экономического похолопления, официально прикрытого, как указано в сказке владельца, «любовным сватовством»⁶⁸.

В Селенгинском уезде по крайней мере три поколения Фирсовых владели деревней с населенными там дворовыми людьми. Так, в третью перепись 22 октября 1762 г. 20-летний сержант Якутского пехотного полка Иван Ерофеевич Фирсов дал сказку о владении им 22 дворовыми, в том числе 10 д. м. п. От отца, отставного офицера и коллежского асессора, а также брата, пограничного комиссара Григория Фирсова⁶⁹, он получил 6 д. м. п. и 6 д. ж. п., а прочих, кроме одного человека, купил. Среди продавцов были жена лейб-гвардии капрала Брюханова и лейб-компания гренадер И. Анучин, вызвавшие из своих российских вотчин в Шацком и Пошехонском уездах по семье (в одной было 2 д. м. п. и 3 д. ж. п., а в другой 3 д. м. п. и 2 д. ж. п.). Адъютант же артиллерийской команды И. Крюков продал в 1774 г. вдову своего дворового Матрену. Фактически купленным был незаконнорожденный Виссарион Иванов 21 года, который «достался по уступке и родству» от вдовы иркутского посадского Ф. Го-

лоушина. Наконец, И. Е. Фирсов показал себя владельцем внучки полученной им по разделу с братом Григорием Анны Петровой, дочь которой была выдана замуж за селенгинского посадского Степана Михайлова. Скорее всего, этот муж дворовой женщины приобрел жену, не потеряв своей свободы (он среди дворовых не показан) ценой соглашений о похолоплении какой-то части своих будущих детей⁷⁰.

И. Е. Фирсов, как отмечалось во 2-й главе, дослужился до секунд-майора, после отставки дошел до VII класса чинов по гражданскому ведомству. Служба не помешала ему сохранить часть дворовых людей. В 1795 г. за ним числилось 8 д. об. п., но через четыре года почему-то он не показал себя холоповладельцем⁷¹.

Коллежский асессор Иван Алексеевич Эверс, уроженец Якутска, но по происхождению из дерптских «лифляндских дворян», отстраненный в 1793 г. от должности якутского гражданского судьи за злоупотребления, в частности, за захват у якутов покосов, использовал своих дворовых людей, всего 11 р. д. по V ревизии, «в обрабатывании своих жатв» и разведении скота. Он ратовал за активное участие якутской казачьей верхушки и чиновников в хозяйственной жизни края, за раздачу им земель на правах частной собственности. Себе же И. А. Эверс просил Павла I, а затем Александра I отвести 1 тыс. дес. различных угодий⁷².

Приведенные примеры показывают, что отдельным родам военно-бюрократического дворянства Сибири, преимущественно местного служилого, а также и русского происхождения, в течение жизни нескольких поколений удалось создать сравнительно устойчивые и жизнеспособные хозяйства помещичьего типа.

Если судить только по наличию в них десятков сельских дворовых людей и крепостных крестьян, то эти хозяйства следует признать мелкопоместными. Но нужно учитывать, что их владельцы использовали также труд многочисленных ссыльных, посельщиков, подворников и просто беглых.

О том, что деятельность небольшой группы сибирских помещиков отражала умонастроения и запросы всей местной военно-служилой бюрократии, свидетельствуют проекты сибирских властей и отдельных чиновников, реализация которых привела бы к развитию за Уралом легальных феодальных отношений помещичьего типа. Вскоре после своего назначения губернатором Д. И. Чичерин совместно со своим предшественником Ф. И. Соймоновым подал 11 июня 1763 г. особый доклад Ека-

терине II, где в целях успешной казенной колонизации Сибири предлагалось изменить прежнюю аграрную политику. Для увеличения сбора хлебов, потребных на различные казенные нужды и винокурение, рекомендовалось оставить бывшую десятинную казенную пашню «в собственном тех крестьян владении»⁷³, разрешить неограниченное окультуривание нетронутых земель и их свободную куплю-продажу, заменить оброчное землепользование частным землевладением и собственностью. «Годные к пашне земли, — писали они, — **всякого звания жителям** (выделено нами. — Г. Б.), кто б только ни пожелал, для распашки оныя взять, заплатя в казну по силе Межевой инструкции (1754 г. — Г. Б.) деньгами, а пятинных уже хлебов за те земли... не собирать»⁷⁴. В 1765 г. Д. И. Чириков вновь вернулся к этому вопросу, предлагая раздавать землю уже только служилым людям, офицерам, отставным чиновникам, а также купечеству. Он широко практиковал раздачу поселщиков в хозяйства зажиточных сибиряков на условиях уплаты за них подушного налога, ставил вопрос о дозволении всем неподатным, даже приказным служителям и купцам, покупать на общих основаниях крепостных крестьян в Европейской России⁷⁵.

На сходных позициях стоял неизвестный, явно из чиновников, автор поданной в Кабинет записки «О размножении земледелия в Колыванском округе», составленной в начале 80-х гг. XVIII в. (копия датируется августом 1796 г.). Все беды хлебопашества Колыванской губернии, по мнению автора, происходили от того, что нет «дворянского заведения», без которого не будет и «прочного партикулярного заведения». Автор отмечал, что с открытием губернии приехало много новых чиновников, но они не обживают, а все оглядываются назад, мечтая вернуться в Россию, так как нет «постановления властей... необрабатываемые земли брать всякому, сколько кому заблагорассудится». Старые же чиновники «на заимках безо всякого права хлеб сеют», не чувствуя себя рачительными хозяевами и на оброчных угодьях, которые через каждые четыре года могли переходить к тому, кто давал при переоброчке более высокую арендную плату. Главный вывод этого проекта сводится к тому, что во всей Сибири для «бережного использования земли, примера крестьянам, обществу и казне пользы следует раздать пустопорожные земли в вечное и потомственное владение дворянам», которые заведут на них крепкие помещичьи хозяйства товарного типа⁷⁶.

В записке якутских чиновников С. Г. Гарновского и И. С. Эверса «О якутах» и проектах «О приведении города Якутска и области его в лучшее состояние», поданных в 1798 г. и 1802 г. в Сенат и лично Александру I, настойчиво проводилась мысль о том, что для успешного экономического развития Якутского края и всей Иркутской губернии необходимо раздать земли местным чиновникам, обер-офицерам, сибирским дворянам и казакам и распорядиться ею «на вечные и потомственные времена яко собственностью своею», а также «дозволить» заселять их имеющимися у них собственными людьми». При этом авторы ссылались на «Наказ» Екатерины II, где сказано, что «не может земледельство процветать тут, где никто не имеет ничего собственного, поелику всякий человек имеет больше попечения о своем собственном, нежели о том, что другому принадлежит»⁷⁷.

Наиболее разработанный проект учреждения в Сибири помещичьего землевладения принадлежал будущему декабристу Г. С. Батенькову, когда в начале 20-х годов XIX в. он был правителем дел Первого Сибирского комитета. В своих двух записках о раздаче свободных земель чиновникам Иркутской губернии он предлагал отводить земли «находящимся на службе, неслужащим и отставным чиновникам в вечное и потомственное владение, коим располагать они будут так, как своею собственностью... на правах дворянского имения»⁷⁸. Оброчные угодья следовало продавать по средним ценам на землю, которые сложились в других губерниях. Владельцам предоставлялась полная свобода распоряжения всеми видами угодий. Поскольку наемных работников было трудно найти, то в качестве рабочей силы Г. С. Батеньков предлагал раздавать поселщиков, то есть сосланных помещичьих крестьян из расчета 1 чел. на 3 отведенные десятины, как обыкновенно давали по указам 29 апреля 1747 и 17 июня 1752 гг. «работников для заведенных фабрик». Желаящие могли также брать «сосланных в работу или на поселение преступников» и «пропитанных», то есть приписанных к селениям, но не принятых в крестьянскую общину ссыльных. Взятых работников владелец должен полностью содержать за свой счет, помочь им обзавестись крестьянским хозяйством, получая за это с каждой десятины основных сельскохозяйственных угодий треть снятого урожая хлебов и укоса трав. Плохих работников и издольщиков-третников можно было отдавать в «казенную работу», получая взамен бывших новых. Крепостническая

зависимость издольщиков от хозяина должна была носить для труженников пожизненный характер⁷⁹.

Помещичьего типа хозяйств в Сибири было сравнительно немного. В сибирских условиях, когда правительство негативно относилось к их появлению, а несвободные люди активно противодействовали доморощенным помещикам, такие хозяйства с закрепленными в них рабочими руками приходилось создавать не одному, а нескольким поколениям. Помимо неблагоприятных социально-политических условий для их возникновения, такие хозяйства чаще всего оказывались экономически просто невыгодными в силу господства натурального хозяйства; слабости рынка из-за огромных транспортных расходов в огромном малонаселенном крае, больших трудностей в использовании принудительного труда, особенно ссыльных, поселщиков и закабаленных сибиряков⁸⁰. Все это вынуждало многих дворян в Сибири ограничиваться в основном домашними услугами дворовых людей, не заводить большой господской запашки, а иметь ее в потребительских размерах в своей заведенной деревне или заимке. Прочие зависимые от них люди сидели на господской земле дворами или жили в различных государственных селениях, вели обычные крестьянские хозяйства и выплачивали своим владельцам оброк в денежной и реже натуральной форме. Довести до значительных размеров оброчные платежи таких зависимых крестьян тоже не было экономической возможности. Натуральные сборы хлебом и другими сельскохозяйственными продуктами в больших объемах было сложно реализовать, а крестьянам для уплаты денежного оброка регулярно сбывать продукцию своего хозяйства на рынке было еще труднее, чем их владельцам. Вот почему, например, территориально были рассредоточены крепостные люди капитана Тобольского новоучрежденного драгунского полка Петра Никифоровича Чанчикова, уроженца Красноярска, за которым по второй ревизии числилось 26 дворовых, в том числе 16 д. м. п., а по третьей — 31 чел. в пяти семьях. Из них 6 чел., в том числе 2 д. м. п., были природные дворовые из купленных еще в Москве в 1705 г. дедом владельца, красноярским сыном боярским Иваном Чанчиковым, а остальные были приобретены у двух человек: в 1739 г. в Красноярске у конного казака Я. П. Самсонова семья «мунгальской породы новокрещена» из 2 д. м. п. и 2 д. ж. п. (по третьей ревизии их стало 6 д. м. п. и 2 д. ж. п.); а в 1743 г. — у енисейского разночинца Дмитрия Ерлыкова 2 семьи из 10 д. м. п. и 5 д. ж. п. Приобретенных дворовых владелец не стал свозить в село

Ясаулово, где жили наследственные его крепостные люди, а оставил ерлыковских в подгородном Ладейском селе, а семью новокрещена поместил в с. Балчесском, лежащем от города в 100 с лишним верстах вниз по Енисею⁸¹.

Вместе с тем для социальной ориентации как приезжих чиновников и офицеров, происходивших со второй половины XVIII в. главным образом из служилых и беспоместных дворян, так и военно-бюрократического дворянства местного происхождения весьма характерно стремление обзавестись если не поместьями, то дворовыми людьми. Их несвободный труд использовался для различных «домовых услуг» или в производственной сфере, но с чисто потребительскими целями.

Крепостных людей по городам до 80-х гг. XVIII в. имели многие из классовых чиновников и офицеров. Так, в провинциальном Иркутске на 6 семей классовых чиновников (без полицмейстера И. И. Замощикова) по третьей ревизии приходилось 20 дворовых, в том числе 13 д. м. п. Товарищ вице-губернатора и премьер-майор В. Ветлицкий, родом из бежецких дворян, привез с собой в Иркутск 23-летнего дворового, купленного у вдовы своего брата, женил его на девке Аграфене 23 лет, крепостной своей жены, дочери поручика Федота Павлуцкого, получившей в наследство от отца, кроме Аграфены, еще две семьи из 6 д. об. п. Женами в этих семьях были «по добровольной отдаче» от родителей дочери тобольского крестьянина и иркутского казака. Кроме того, из наследства «законной 1/7 части» своего первого мужа капитана Ф. Колбецкого Павлуцкая имела одного 27-летнего дворового родом из Воронежской губернии. Всего у Ветлицких числилось 5 д. м. п. и 4 д. ж. п. дворовых людей. Коллежский асессор И. Федоров, член Иркутской провинциальной канцелярии по корчемным делам, владел семьей, состоящей из крещеного 27-летнего башкирца, его жены, 23-летней дочери балаганского крестьянина Н. Развозжаева, и двухлетнего их сына Александра. Прапорщик Н. Тырков, находящийся у «иркутского подушного сбору», прежде служил в Тобольске, где купил у местного сына боярского М. И. Аврамова в 1752 г. семью в составе 2 д. об. п. Вдова бывшего при местной канцелярии в должности «эконом галтера секретаря» Иоганна Брокмана Катерина (в девичестве Кених) владела двумя семьями крепостных из 4 д. об. п. От купленного в 1747 г. мужем в Москве у князя А. А. Долгорукова дворового А. Хрустова, который бежал в 1761 г., от первой его умершей жены остался 8-летний сын, а

от второй жены — 3-летняя дочь с матерью, взятой из семьи иркутского казака М. Матренинского. От второй крепостной семьи осталась только 6-летняя Марья, ибо ее родители (отданный по указу Иркутской провинциальной канцелярии местный разночинец И. С. Дворников и его жена «природная крепостная девка») умерли в 1763 г. К сожалению, в ревизской сказке владелицы не отмечено, стал И. С. Дворников за 10 лет до своей смерти несвободным из-за «неоплатных» долгов или же по брачному договору. Коллежский регистратор в должности секретаря местной провинциальной канцелярии Ефрем Смирнов показал¹ в ревизской сказке 1763 г., что у него имеется 52-летний дворовый (которого из-за болезни оставил уехавший в Москву бывший нерчинский воевода и поручик Ф. Погадаев), а также незаконнорожденный, по словам владельца, «мною воспитанный», И. Васильев 13 лет. Наконец, вдова в прапорщичьем ранге комиссара Франца Вернера Мария имела в дворовых 15-летнего сына смоленского крестьянина, которого продал его помещик, отставной поручик⁸².

В уездном Красноярске, судя по исповедным росписям 1769 г., практически вся верхушка гражданской, военной и духовной администрации пользовалась трудом дворовых людей. У воеводского товарища, поручика Ивана Андреевича Бобровского, кроме работника из поселщиков была семья дворового (1 д. м. п. и 2 д. ж. п.); у коменданта, майора Петра Ивановича Тархова, — семья дворового, состоящего из отца, матери и сына; у командира гарнизонной городской команды капитана Семена Митрофановича Терского — вдова дворового с сыном да малолетний вскормленник; у брата воеводы прапорщика Василия Яковлевича Пельмского — семья дворовых из 3 д. м. п. и 2 д. ж. п.; наконец, у духовного заказчика протопопа Алексея Михайловского — вскормленники (2 д. м. п. и 2 д. ж. п.) и работник из посадских с сестрой-девицей⁸³.

В провинциальном Енисейске по четвертой ревизии, кроме Самойловых, державших в городе только 10 д. об. п. дворовых, еще в 7 семьях классных чиновников и офицеров имелись дворовые люди, всего 28 чел., в том числе 16 д. м. п. Енисейский городничий секунд-майор А. П. Алашев показал сказкой, что имеет 2-летнего незаконнорожденного, «которого благоволено по силе законов записать за мною по г. Енисейску во дворовых людях». У вдовы бывшего мангазейского воеводы, коллежского ассессора Басаргина, Устины после отпуска на волю дворового И. Васильева 15 лет, записавшегося в цех, остались его 55-летняя мать, взятая в свое время из семьи

местного мещанина, и сестра 13 лет. Недавно прибывший в город коллежский секретарь Ефим Смирнов купил у прапорщика И. Козловского брата и сестру Чернегиных, а у сержанта Тобольского батальона из российских дворян М. П. Тельцова — семью в составе отца, матери и четырех детей, родителей которых сержант прежде приобрел у енисейского дворянина М. Самойлова. У вдовы поручицы Максимовой числилось 3 дворовых, из которых двое были калмыками, а также 2 д. ж. п., в том числе дочь тобольского разночинца, отданная в жены калмыку С. Максиму. Геодезии прапорщик Иван Козловский в ходе четвертой переписи, продав купленных в свое время у мещан Самойловых 3 д. м. п. и 2 д. ж. п., оставил записанных на жене еще 2 д. м. п. и 3 д. ж. п., из которых семья — муж и жена были куплены у мещанина М. Самойлова, а прочие были из незаконнорожденных. Вдова же поручика С. Михалева имела незаконнорожденную девку Лукерью 14 лет и 14-летнего подростка, купленного мужем у игумена местного монастыря Мартьяна, который в свою очередь владел им по «верующему письму» от бывшего енисейского воеводы полковника де Гарриги. Жена отставного поручика И. П. Михалева Анна показала за собой 4 незаконнорожденных, из них 1 д. ж. п.⁸⁴

В целом, судя по приведенным данным по трем городам, в 60-х — начале 80-х гг. на каждую семью классного чиновника или офицера, имевшую крепостных, в среднем приходилось по 3—4 городских дворовых людей, в том числе по 2 д. м. п. (в 17 семьях 63 д. об. п. и 38 д. м. п.). Этот показатель к 1799 г. остался примерно прежним у чиновников всех городов Иркутской губернии. По их формулярам у 6 чел. имелось 20 д. м. п. дворовых. Но в целом удельный вес чиновников-холоповладельцев в этой губернии к концу XVIII в. явно снизился, составив лишь около 4% общего числа классной бюрократии губернии, или 6 из 165 чел.⁸⁵ Это результат тщательных проверок законности прав владельцев на «крещеную собственность», проведенных во время четвертой и пятой ревизии, ограничения источников холопства, а также резкого после 1782 г. увеличения общей численности классного чиновничества, недавно прибывшего из Европейской России при реформе местного управления Сибири.

Количество сельских дворовых людей и крепостных крестьян у военно-бюрократического дворянства Восточной Сибири уменьшилось еще заметнее, ибо в первую очередь их, как ведущих крестьянское хозяйство, отписывали в казенное ведом-

ство. Спад общего темпа прироста всех несвободных людей, находящихся у верхушки администрации Восточной Сибири от второй половины XVIII в. к началу XIX в., несколько ослаблялся неуклонным возрастанием доли классной бюрократии, но все же прослеживался достаточно отчетливо. По ведомости Иркутской казенной палаты от 29 октября 1783 г., поданной в Сенат для «разбора» итогов четвертой переписи, в губернии без заводского округа за чиновниками в штаб- и обер-офицерских рангах и офицерами числилось дворовых по третьей ревизии 139 р. д. и 154 д. ж. п.; по четвертой, соответственно, 279 и 289; по пятой ревизии, по данным А. И. Лосева, 291 р. д., наконец, в 1823 г. 289 р. д.

Вместе с тем, как и в Западной Сибири, военная и гражданская бюрократия стала преобладать среди владельцев крепостных крестьян и дворовых. Так, по всей Тобольской губернии в четвертую перепись им принадлежало 1326 р. д. из 2505, или 52,9%, а в Иркутской губернии, соответственно, по третьей переписи — 139 из 252, а по четвертой — 279 из 325, или 91,4%⁸⁶.

Таким образом, главным носителем частнокрепостнических отношений за Уралом с 80-х гг. XVIII в. уже стала выступать дворянская военная и гражданская местная бюрократия, получившая более реальное монопольное право владения людьми. Способы же приобретения подневольных людей остались прежними — воспитание незаконнорожденных, купля-продажа, особенно калмыков и киргизов, обычная кабала, взятие ссыльных и поселщиков, женитьба на представительницах купеческой и служилой местной верхушки, в приданое которых входила «крещеная собственность».

Приведенные данные свидетельствуют, что владение людьми, эксплуатация подневольного труда и землевладение не могли выступать основой материального положения военно-бюрократического дворянства Восточной Сибири. Доходы от российских поместий тоже имели немногие из них, причем число российских помещиков среди классной бюрократии Восточной Сибири, как отмечалось в гл. 2, неуклонно уменьшалось в течение XVIII — нач. XIX вв. Например, во второй четверти XVIII в. из 34 отставных штаб-офицеров, назначенных в Сибирь, только четверо были беспоместными, в том числе один из 6, служивших за Енисеем (см. гл. 2, табл. 3). Горные чиновники Сибири, родом из природных дворян, почти все в 1735 г. имели поместья (55 из 57 чел.). Если же взять конец XVIII в., то по формулярам на 1799 г. классных чиновников

Иркутской губернии лишь около трети природных дворян (18 из 49) имели в Европейской России крепостных крестьян, или только каждый десятый из всех классных чиновников (см. гл. 2, 3). Еще реже российские помещики встречались в течение XVIII в. среди офицеров «Сибирского гарнизона». Так, командир Якутского полка В. В. Якоби на запрос Военной коллегии относительно наличия у офицеров вверенного ему полка «деревень с крестьянами» и денщиков в своем рапорте от 12 февраля 1742 г. только в отношении двух из 27 офицеров ответил утвердительно. У подполковника Василия Мерлина в пяти российских деревнях числилось 50 крестьян, да за известным премьер-майором А. А. Зыбиным в одной деревеньке было 6 крестьян⁸⁷. По именованным спискам офицеров пяти сибирских полков и батальона за 1748 г. из 138 чел. 40 были по происхождению из природных дворян, но из них только у четверых показаны поместья (Тобольского полка подполковник И. Нелюбов — в Алатырском и Сибирском уездах, капитаны Г. Хатунский — в Каширском, Ф. Обязов — в Саранском и драгунского батальона А. Нелидов — в Комстромском уездах)⁸⁸. Для сравнения уместно отметить, что в двух гарнизонных столичных (Невском и Петербургском) полках из 71 офицера имели поместья 44 человека⁸⁹.

Показательно также, что из 10 человек, которые в 70—90-х гг. служили офицерами в сибирских регулярных полках до перехода на гражданскую службу в Иркутскую губернию, только один, капитан Сибирского драгунского полка А. А. Шульгин, был родом из российских дворян и имел 16 р. д. крепостных крестьян в Костромской губернии. Кроме него, выходцев из России было четверо, но они были детьми разных чинов: штаб-офицера, купца, протопопа и «малороссиянина». К 1799 г., перейдя уже в гражданское ведомство, они так и не обзавелись крещеной собственностью, кроме советника губернатора в V ранге чинов А. М. Постникова, имевшего одного дворового⁹⁰.

Важно отметить и другое обстоятельство. Эти немногие офицеры-помещики, как и гражданские чиновники из дворян, за долгие годы службы в Сибири обычно теряли какую-либо связь со своими российскими поместьями, которые в основном были мелкими. Не случайно многие затруднялись ответить, где и сколько у них имеется крестьян. Например, в «Росписи заводским управителям» о наличии у них крепостных, составленной в середине 1735 г. в связи с указом о наделении горных чинов Сибири и Урала поместьями, числилось 55 душе-

владельцев из «шляхетства», но 32 из них показали, что не помнят или не знают, сколько они или их родственники, которым они наследуют, имеют деревень и крестьян⁹¹. Об этом же свидетельствует послужной список на 1753 г. 56-летнего премьер-майора А. А. Зыбина, главного командира Охотского порта. По поводу наличия деревень подканцелярист А. Мигальцын со слов А. А. Зыбина написал: «До взятия ево, премьер-маэра Зыбина, в военную службу, в городе Серпухове на реке на Наре в Теменском стану деревнях Сидеренках и Скребуховой в даче по наследству поместья и имелась, точию со отбытия ево в дальнюю службу за долговременную ево небытностью уже никакова от них известия ни чрез кого доньше было не получаемо, и чаемо, что все в небытность ево раззорены, и крестьяне, не имея себе помещика, без всякого призрения, каковыми-либо случаями выбыли». Ниже было отмечено, что в 1752 г. А. А. Зыбин, будучи в Москве с казенной пушшиной, узнал там от родственника, что осталось в «Сидеренках крестьян ево уже только две семьи»⁹².

Естественно, что офицеров-помещиков, как и гражданских чиновников, владельцев крупных поместий, труднее было удержать после указа 1762 г. о вольности дворянства на службе в далекой Сибири. Если они все же оказывались там, то зачастую не брали с собой семьи, как это сделал якутский воевода Обросимов, явно надеясь вернуться обратно (см. гл. 2.2).

Таким образом, внутри ведущего слоя военно-гражданской администрации Восточной Сибири в XVIII — нач. XIX вв. протекали два встречных процесса. Первый, слабый и сильно заглушенный процесс полуполюгального прокрепостнического «одворянивания», представлен превращением некоторых чиновников и офицеров в местных помещиков и душевладельцев. Другой процесс, более явный и официальный, вытекающий из общих условий службы и состава присылаемого контингента, можно назвать в социально-экономическом смысле процессом «раздворянивания», то есть дефеодализации присылаемых в аппарат местного управления чиновников-дворян. Слой российских помещиков в местной бюрократии Сибири свелся в конце рассматриваемого периода к отдельным высшим чиновникам губернского управленческого звена, которые, как правило, и не задерживались на отдаленной заенисейской окраине. В такой форме в сибирских условиях протекал общий для всей страны сложный и не прямолинейно развивающийся процесс обособления от совокупности частных феодалов-

крепостников служебного управленческого слоя бюрократического типа, находящегося целиком на казенном содержании и безусловно зависящего от центральной власти. Как видим, конечные результаты отмеченных явлений означали усиление системы государственного феодализма на сибирской окраине.

Однако в абсолютистских государствах, каким была Российская империя XVIII в., бюрократизация государственного аппарата могла носить буржуазный характер, а само чиновничество превращаться в буржуазию. В специальной главе своего глубокого исследования о формировании всей российской бюрократии в первой половине XVIII в. С. М. Троицкий показал слабые, неразвитые проявления этого процесса на примере хозяйственно-предпринимательской деятельности наиболее ярких и типичных представителей разных слоев российского дворянства⁹³.

Захватил ли этот процесс сибирскую, в первую очередь классную, военно-гражданскую бюрократию? Вряд ли на этот вопрос можно ответить утвердительно. Напомним, что центральная власть серьезно препятствовала этому, запрещая до конца 60-х гг. любые формы частной хозяйственной предпринимательской деятельности своей местной администрации, отказываясь легализовать частное землевладение, сохраняя казенные монополии в наиболее доходных отраслях экономики сибирского края. Как выше отмечалось, частную хозяйственно-организаторскую деятельность бюрократии в земледельческом секторе нельзя связывать с предпринимательством буржуазного типа, ибо она проявлялась в скромных размерах и базировалась на принудительном труде крепостных крестьян, дворовых людей, ссыльных, а при сезонной нехватке рабочих рук — чаще на традиционной подмоге, чем на вольном найме. Например, неизвестный автор, ратуя за введение в Кольванской губернии помещичьего землевладения, писал в 80-х гг. XVIII в., что работы на «своевольных» заимках и оброчных землях производятся обычно не за плату, ибо «внаймы за деньги достать некого, а за приуготовление вина, пива и обеда... Это делают не одни чиновники, приглашая тем работников к работе, но и сами крестьяне, исправляя таким образом все свои работы, семейного труда требующие»⁹⁴.

В сферу крупной горно-заводской промышленности Восточной Сибири XVIII — нач. XIX вв. представители сибирского военно-бюрократического дворянства вступали всего дважды, но оба раза — вместе с частнопредпринимательским капиталом податного происхождения. Наследник «партикулярного» Клю-

чи-Воскресенского медеплавильного завода поручик Иван Савельев ничего не смог сделать, чтобы пустить этот бездействующий завод и сделать доходным арендованный в 1774—1782 гг. на юге Красноярского уезда Ирбинский желе-зоделательный завод⁹⁵. Несравненно большего смог добиться Э. Г. Лаксман, открывший в 1784 г. в 40 верстах от Иркутска Тальцинский стекловаренный завод. Это предприятие просуществовало до конца XIX в. и особенно успешно функционировало 11 лет при жизни ученого-изобретателя. Успеху дела способствовало то, что завод был основан в компании с умным и дальновидным купцом А. А. Барановым, будущим главным управителем русских владений на Аляске. Завод оказался рентабельным не только благодаря открытому Э. Г. Лаксманом более дешевому способу плавки стекла и монопольному положению во всей Восточной Сибири. Не менее важным оказалось то, что основатели сумели получить от генерал-губернатора И. В. Якоби казенные привилегии: под постройку было отпущено 10 дес. казенной земли, а для поселения 20 работников — 300 дес. угодий за символическую плату в 70 коп. за десятину. Рабочую силу предоставила тоже казна, разрешив взять 20 ссыльных из уплаты за них подушного налога⁹⁶.

Участие в солеваренной и винокуренной промышленности Восточной Сибири капиталов чиновников и офицеров выразилось в заведении одиночных предприятий. В Киренском уезде в конце XVIII в. действовал один из двух частных небольшой Усть-Кутский солеваренный завод «капитанши Ковалевской» со средней годовой продукцией около 10 тыс. пудов. В 1798 г. заводу назначили поставить в казну 17900 пудов на сумму в 4487 руб. 57 коп.⁹⁷ Обслуживался он, как и казенные солеварни, трудом ссыльно-каторжных, а возможно и крепостных мужа, которых последний имел вместе с братом в количестве 30 р. д. по пятой ревизии. В социальном облике реального владельца завода не было ничего буржуазного. Николай Андреевич Ковалевский, 1760 г. рождения, из российских дворян, 19-летним начал службу в Сенатской роте в Петербурге, через 4 года в 1783 г. произведен из старших курьеров сразу в капитаны для определения «к штатским делам» и оказался на должности соляного пристава Усть-Кутской пристани Киренского уезда. В том же 1784 г. он перешел на более прибыльную должность винного пристава, а в 1788 г. стал главой местного нижнего земского суда. Через 5 лет в 1793 г. Н. А. Ковалевского уволили с должности киренского исправника и отдали под суд за «непозволенную торговлю» солью,

вином и за участие через подставных лиц в казенных подрядах. Через год предприимчивый капитан сумел оправдаться. Возможно, именно в это время он взял в аренду и «возобновил действием» старую казенную Усть-Кутскую солеварню. В 1798 г. его, в соответствии с указом Павла I об обязательной службе дворян, назначили комиссаром нижнего земского суда в глухой Акланский уезд, переводя из капитанов в коллежские ассессоры более высокого VIII ранга чинов. В связи со вступлением в службу, завод записали на имя его жены⁹⁸.

Козьмодемьянский винокуренный завод в Верхне-Удинском уезде, принадлежавший надворному советнику Медведеву и капитану Голикову, к 1798 г. уже не действовал⁹⁹. Сведениями о его деятельности мы не располагаем.

Таким образом, вклад военно-бюрократического дворянства как частных лиц в развитие промышленного производства Восточной Сибири XVIII — нач. XIX вв. оказался очень скромным. Ведущее место в этом секторе экономики края занимали казенные предприятия.

Участие в крупном промысловом предпринимательстве чиновников носило в основном спекулятивный характер. Так, И. В. Якоби рапортовал Сенату 10 декабря 1785 г., что иркутские вице-губернаторы Цедельман и Бурцев, а также брат последнего охотский прокурор Бурцев незаконно торговали «морскими паями», очевидно, шелеховской соединенной Американской компании. Цедельману под принятые в залог паи выдано заимообразно из казенных сумм 2 тыс. руб., которые уже обязался внести Бурцев, «приняв их паки себе»¹⁰⁰.

Случаи непосредственного участия чиновников в хозяйственно-промысловом освоении восточно-сибирского края встречались редко. Так, в Якутии хозяйственной активностью отличался выходец из местных дворян коллежский ассессор Егор Кичкин. По свидетельству А. С. Эверса и С. Гарновского, он в своем хозяйстве делал успешные опытнические посевы ржи, имел много лошадей и крупного рогатого скота, большой огород¹⁰¹. Силами набранной охотничьей артели вел промысел диких животных. Так, будучи в 1784 г. заседателем Охотского совестного суда, Е. Кичкин под вексель на 1500 руб. обязался поставить тотемскому купцу Глызину 35 тыс. тушек зайцев по цене 30 руб. за тысячу¹⁰². По пятой ревизии у него числился один дворовый человек¹⁰³.

Классные чины местного аппарата управления охотнее всего занимались незаконными торговыми операциями, особенно с пушниной в ясачных волостях (см. гл. 2.3). Через под-

ставных лиц чиновники брали казенные подряды по поставке хлеба, вина и соли, скупали пушнину, хлеб, продавали «русские и сибирские товары». Так, И. В. Якоби во время разбирательства своего дела, уличая в неблагоприятных делах своих обвинителей, показывал, что вице-губернатор Бурцев «в компании» через купца Нечаевского с размахом торговал «сибирскими товарами» под именем своего родственника купца Красноглазова. При этом он разорил своего торгового агента, когда взял у него без векселя более чем на 10 тыс. руб. товара, а затем велел его как несостоятельного должника заключить под стражу и описать имущество¹⁰⁴.

Вообще торговлей в разных размерах занимались очень многие чиновники. Например, по свидетельству сотрудников М. М. Сперанского, всем земским комиссарам Восточной Сибири в первой четверти XIX в. торговля давала основные средства к существованию¹⁰⁵. Как и в сфере обмена, чиновники, по существу, не отличались от купцов, когда обращались к ростовщичеству. В этом малопочтенном занятии они нередко добивались даже большего успеха, так как использовали свое служебное положение. Например, печально известный своими злоупотреблениями нижегородский исправник Ф. Б. Лоскутов широко занимался ростовщичеством, причем насильно раздавая крестьянам деньги под громадные проценты — в 50% годовых на 1 руб. В случае неплатежа он самовольно забирал имущество должника¹⁰⁶. В конце XVIII в. дачей денег в рост постоянно занимались вдова якутского городничего П. Д. Штевенга, енисейский дворянский заседатель И. Я. Гоголев и другие.

В целом ни содержание, ни характер частных хозяйственно-организаторских усилий и предпринимательской деятельности военно-бюрократического дворянства во всех сферах производства и обмена не дают, на наш взгляд, оснований говорить о наличии признаков в социально-экономическом смысле обуржуазивания дворянства Восточной Сибири. Новые технико-организационные мануфактурные формы, используемые в горном деле, солеварении и винокурении, наполнялись крепостническим содержанием. Принудительный труд преобладал, постоянно пополняясь за счет прямых санкций властей и за счет вольного через кабалу найма. Тем более, что классная военно-гражданская администрация и в своей частнохозяйственной деятельности постоянно стремилась «власть употребить», хотя это могло быть экономически неоправданным и даже противоречить здравому смыслу. Просто срабаты-

вал социально-психологический стереотип мышления и сословного поведения.

Внеслужебные частные занятия дворянского управленческого слоя восточно-сибирского общества в сфере производства и обмена не давали ему не только основных, но и заметных средств к существованию. Казенное содержание, в первую очередь прямое денежное жалованье, официально утвердилось со второй половины XVIII в. в качестве единственного средства полного материального обеспечения военно-бюрократического дворянства Сибири. Возникает вопрос — обеспечивало ли жалованье сословно-дворянский прожиточный уровень и воспроизводство классной военно-бюрократической группы населения Восточной Сибири? Ответ на него принципиально важен для определения классовой принадлежности этого общественного слоя.

В армии размеры жалованья в XVIII в. непосредственно определялись чином, а с 60-х гг. XVIII в. — и должностью. Со времени Петра I, когда денежное жалованье заменило земельные пожалования и хлебные дачи, его размеры стали универсальным показателем казенного содержания, которое в целом было недостаточным для беспоместных обер-офицеров. До второй половины XVIII в. оно было довольно нестабильным, что ставило офицеров, живущих только с жалованья, в трудное положение. По гарнизонным частям (а именно они главным образом находились на территории Восточной Сибири) размеры жалованья, например, по штату 1731 г., по сравнению с петровским временем уменьшились у полковников в 2 раза — от 400 до 200, а при Елизавете Петровне снова увеличилось почти в 2 раза. Вместе с тем разрыв в окладах у штаб- и обер-офицеров в целом оставался очень значительным: полковник в 1731 г. получал в 3,3 раза больше капитана (200 и 60 руб.) и почти в 7 раз больше прапорщика: у последнего оклад 27 руб. Прапорщик имел явно меньше того минимума, который был необходим для дворянского образа жизни. В 1731 г. в пехотном батальоне он получал в 5,5 раза больше солдата, а в драгунском полку в 3 раза больше рядового драгуна¹⁰⁷. Этот разрыв сохранялся и в 40—50-е годы, ибо изменение окладов не затронуло рядовых солдат и низший слой офицерства. По «Штату» 1763 г. были установлены новые оклады, которые сохранились в основном до конца века. При этом расчетливая Екатерина II вводит жалованье комендантам и другим штаб-офицерам по должности, а не как раньше — по чину, что несколько подогрело служебное рвение. Баталь-

онным и ротным же чинам платили из двух окладов (старые по чину и новые по должности) более высокий. Служащим в гарнизонных частях и инвалидных городских командах было установлено единое жалование, равное 1/2 оклада офицеров полевых полков. Более высокую прибавку получили прапорщики — 126 руб., или в 4,6 раза (см. табл. 5 гл. 2). Этим их как бы подтянули к уровню среднего слоя офицеров, оклад которых остался прежним (152 руб.). Капитанам, как командирам рот, в том числе губернских инвалидов, тоже прибавили с 60 руб. до 247 руб. 36 коп. Однако, если учесть, что покупательная способность денег во второй половине XVIII в. значительно упала, а жалование увеличили только при Павле I, то следует признать, что общий прожиточный уровень обер-офицеров не изменился к лучшему. В целом, как свидетельствуют многочисленные данные, в XVIII в. только жалование штаб-офицеров позволяло беспоместным иметь соответствующий дворянскому положению прожиточный минимум (в первой половине XVIII в. от 100 руб. и выше, во второй около 400 руб.). Это годовое жалование, по подсчетам С. М. Троицкого и Н. Я. Эйдельмана, во второй половине XVIII в. соответствовало среднему доходу помещиков страны — в середине века с одного крепостного получали 1 руб. дохода, а в конце столетия — 300—400 руб. со 100—150 крепостных¹⁰⁸. Поэтому центральное правительство со второй половины XVIII в. вынуждено было назначить пенсии в размере 1/4 жалования семьям офицеров, потерявшим кормильца, и тем бездетным офицерам, кто после отставки уже не был годен к гражданской службе. Размеры пособия приближались к солдатским окладам, что позволяло прожить только впроголодь. Так, престарелый Я. Линденау получал в 60-е гг. из канцелярии Нерчинских заводов только 5 руб. 30 коп. В соответствии с указом Крис-Цалмейстерской комиссии Военной коллегии 9 октября 1777 г. «вдове жалование» поручицы, жившей в Якутске в 1781 г., составляло за 5 месяцев всего 4 руб. 95 коп.¹⁰⁹ Нерчинского горного батальона отставной подпоручик Григорий Соколов получал по 10 руб. и по прапорщичьей вакансии 33 руб. ежегодно. При этом с одинокого и слепого дряхлого офицера за упущения по прежней службе продолжали взysкивать с каждого рубля этой суммы по 10 коп. штрафных денег¹¹⁰.

Скудные размеры жалования младшим офицерам и мизерное содержание отставных были продиктованы узкосословной политикой верховной власти, прекрасно знавшей, что это в

первую очередь задевает жизненно важные интересы происходивших из разночинцев служилых и беспоместных дворян. То есть максимально использовав энергию, силы и способности этого самого многочисленного слоя российского офицества, центральная власть фактически оставляла малообеспеченную часть их к старости на произвол судьбы. Их места занимали рано оторванные от семей для подготовки к службе в кадетском корпусе, специальных и гарнизонных школах дети этих офицеров и все более многочисленные в условиях разложения феодализма беспоместные «природные» российские дворяне, а также наиболее энергичные и способные выходцы из низов, выдержавшие горнило солдатской службы и прошедшие унтер-офицерские чины.

Аналогичным образом дело обстоит с жалованием гражданских чиновников Восточной Сибири. Только немногочисленная классовая бюрократия в штаб-офицерского ранга должностях VIII класса получала казенное содержание, примерно равное годовому доходу среднего помещика (табл. 21). Среднее жалование чиновников на обер-офицерских должностях в два раза было ниже этого уровня. Таким образом, если по военному ведомству права потомственных дворян у обер-офицеров оставались юридической фикцией, ибо не были соответственно обеспечены материально, то в гражданском ведомстве младшая классовая бюрократия не получила от центральной власти ни того, ни другого.

Жалование беспоместных штаб-офицеров и чиновников в штаб-офицерского ранга чинах, дававшее им средний доход дворянина-землевладельца, выступало частью централизованной феодальной ренты, а ее получатели, хотя и не владели землей с крестьянами, являлись корпоративной частью классовословия феодалов. С такой политико-экономической точки зрения жалование беспоместных чиновников и военных в обер-офицерских чинах выступало не рентой, а только материальной компенсацией (заработной платой) за специфическую служебного характера деятельность в сфере управления. Отмеченная существенная разница в размерах жалования этих основных разрядов классовых чиновников имела рентное значение, то есть выступала классовым критерием еще и потому, что в сфере управления существовал при низком в целом уровне образования общий «профессиональный дилетантизм», а в системе чиновничества, как отмечалось, явное предпочтение при прохождении чинов отдавалось природным дворянам¹¹¹.

Сложнее определить социальную сущность тех представителей классной администрации IX—XIV рангов, которые путем служебных злоупотреблений (взяток, хищений, вымогательств, присвоений и др.) могли получать средства, значительно превышавшие размеры их годового жалованья. Можно ли их относить к феодалам? Не претендуя в решении этого сложного вопроса на истину в ее последней инстанции, можно сказать следующее. Произвол, служебные злоупотребления по своей природе — явления сложного надформационного характера. Они встречаются во всех эксплуататорских обществах. От произвола страдали представители всех, в том числе господствующих, слоев населения. Незаконные действия администрации по отношению к собственности и имуществу граждан вытекали не только, может быть, и не столько из принадлежности к господствующему классу, а из специфики общественно значимой деятельности этого слоя, то есть из его управленчески-распорядительной функции. Конечно, в каждом эксплуататорском обществе произвол и злоупотребления получали соответствующую классовую окраску. Классово ярко выраженными были незаконные деяния управленческого феодального слоя общества на ранней и развитой его формационных стадиях, когда практически все представители господствующего класса обладали не только экономическим, но и политическим господством. Объем их прерогатив по отношению к управляемому населению определялся, кроме обычного права, слабо разработанным писаным правом, а система материального содержания характеризовалась, как известно, кормлениями. Формировавшийся в абсолютистском Российском государстве бюрократизированный аппарат управления, как отмечалось, унаследовал многие чисто феодальные черты прежней администрации. Верхний и средний слои классовой бюрократии, не говоря об офицерах, прямо входили в класс-сословие феодалов. Денежное жалованье как основная форма материального обеспечения чиновничества окончательно утвердилось только в 60-х гг. XVIII в. До этого внеклассные чиновники, а в Сибири и воеводы, жили от «дел», а жалованье, случалось, выдавалось пушниной или различными товарами. Размеры должностных ставок так и не были унифицированы до конца XVIII столетия¹¹². До 1764 г. законными считались не только «акциденции» (частные вознаграждения) канцелярским служащим, но и прием «в честь» подарков от населения чиновниками всех рангов. Практика подношений «в честь» по различным поводам (вступление в должность, официальные

праздники, дни рождения и т. д.) помогали легализовать поборы¹¹³. В этом плане правомерно говорить о том, что произвол и лихоимство «чиновничества всех рангов» являлись «претензией на долю феодальной ренты» и «составной частью общей системы государственного феодализма»¹¹⁴. Для тружеников взятки и всевозможные поборы означали потерю через внеэкономическое принуждение части своего овеществленного труда. Однако чиновники-лихоимцы в обер-офицерских чинах, не говоря о лицах местного самоуправления, действовали как феодалы, но это не делало их членами господствующего класса-сословия. Классы феодального общества, как известно, являлись одновременно сословиями, то есть сословный статус был жестко связан с определенным отношением к предмету, средствам и орудиям производства. За каждым сословием закреплялись тип, объем и номенклатура имущественных и земельных прав, а значит (прямо, например, у купечества или опосредствованно) — и размеры самой собственности трудового или нетрудового типа. При иерархической условной феодальной собственности не соответствующие сословному статусу и поэтому незаконные материальные средства в политико-экономическом смысле оказывались нелегальным сокровищем. Обладание им не изменяло имеющийся жестко фиксированный сословный статус, который сам выступал почти непреодолимым препятствием для общественного перехода этого сокровища в новое сословно-классовое качество. При крепостничестве общественно-правовой тупик незаконного внесословного богатства предельно отчетливо проявлялся не столько у имущих верхов сословных низов, которые с XVIII в. могли записаться в купечество, сколько у тех беспоместных должностных лиц разночинного происхождения, которые жили жалованьем и не имели права участвовать в торгово-хозяйственной деятельности. В Сибири, где имелись огромные возможности для незаконного обогащения, это было особенно заметно. Так, нижеудинский исправник и титулярный советник IX класса чинов Ф. Б. Лоскутов, родом из подьячих, награбил около 150 тыс. руб., но не мог с их помощью стать потомственным дворянином, закупить земель и крепостных крестьян. Он даже не мог, если бы захотел, кардинально изменить свой прежний потребительский уровень. Единственной легальной лазейкой оказалась материальная возможность послать сыновей в университет.

Невозможность общественной реализации нелегального сокровища вызывала различную реакцию владельцев, в том

числе желание «избавиться» от него через превышающие привычные меры потребительские траты (кутежи и т. д.) или разного рода благотворительность. Только при достаточно развитом уровне товарно-денежных отношений и существовании безусловной частной собственности подобные нелегальные сокровища могли достаточно свободно переходить в законный капитал, что превращало их владельцев в буржуа, но не в феодалов.

Из сказанного вытекает вывод, что в целом по социальному своему положению беспоместные личные дворяне — чиновники и обер-офицеры служилого происхождения не входили в господствующий класс-сословие феодалов, а образовывали служебную, хотя и верхнюю привилегированную прослойку социально-промежуточных слоев общества, которая непосредственно примыкала к правящему классу. Для периферийной сибирской части общероссийского класса-сословия феодалов, которая имела в основном только в бюрократическом и военном его слоях, обязательно требовалось **одновременное наличие** как статуса потомственного дворянина, так и достаточных на законном основании получаемых материальных средств для обеспечения соответствующего образа жизни. Дальнейшие исследования покажут, в какой степени этот классово формирующий сословно-имущественный критерий правомерно прилагать ко всему господствующему классу-сословию страны на позднефеодальной стадии своего саморазвития.

Мы можем лишь в постановочном плане затронуть еще один важный аспект вопроса о социальном положении лично-дворянской военно-бюрократической прослойки. Эта привилегированная служебная прослойка была неоднородной. Кроме приобретателей-лихоимцев, старающихся хотя бы «де-факто» быть феодалами, в ней уже можно выделить чиновничью интеллигенцию. Она в первую очередь формировалась не из лиц с распорядительно-исполнительскими, фискально-полицейскими и хозяйственно-попечительными функциями, а из чиновников, занятых в социальной инфраструктуре государственного сектора, то есть из учителей, врачей, архитекторов, землемеров, технических ведомственных специалистов. При этом известной демократичностью в чиновничьей интеллигенции выделялись лица, служебная деятельность которых (например, культурно-просветительского и медико-гигиенического профиля) протекала среди простых людей, а материальное обеспечение полностью или частично было возложено казной непосредственно на них же, то есть на бюджеты городских и сель-

ских органов местного самоуправления. Именно на эту либерально-просветительскую служилую сибирскую интеллигенцию уже явственно опиралось в первой трети XIX в. перерождающееся в буржуазию довольно крупное восточно-сибирское купечество, которое, по выражению М. К. Азадовского, «в борьбе за власть овладевало культурой»¹¹⁵. Служилая интеллигенция, особенно местные землемеры, архитекторы, врачи, учителя, переводчики, многое сделали для изучения физической и экономической географии Восточной Сибири (А. И. Лосев, Н. Ф. Богданович, С. М. Кашкарев¹¹⁶, братья Шмалевы¹¹⁷), изучения ее истории и этнографии (Т. И. Шмалев, А. И. Лосев, А. В. Игумнов¹¹⁸, Г. И. Спасский), становления здравоохранения (Н. Г. Ножевщиков, Егор Томилов, Михаил Робек, братья Рослейны, Осип Кричевский)¹¹⁹, распространения грамотности, просвещения и книжности (С. М. Кашкарев, В. Красин, П. И. Словоц, Г. И. Спасский и др.).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На последней, крепостнической, стадии формационного саморазвития российский абсолютизм, как безусловная политическая диктатура феодалов-крепостников, за счет колонизации окраин тоже пытался дать и помещицкому и казенному типам феодальных отношений дополнительный запас прочности и второе дыхание. Поэтому осваиваемые русскими огромные сибирские просторы с самого начала оказались ареной постоянного противоборства вольнонародного и правительственного начал. Действие этих социально-противоречивых сил обусловило сложный процесс путей и форм феодализации Сибири. В местных условиях и в экономическом, и в социально-политическом отношении более приемлемым и эффективным казался не частнопомещичий, а централизованный тип феодально-крепостнической эксплуатации. Правительство стремилось монопольно присваивать имеющиеся в Сибири богатства. Корпоративно-классовые задачи легче было выдавать за общегосударственные интересы. Для пресечения злоупотреблений наиболее зарвавшихся администраторов и утверждения феодального правопорядка можно было шире использовать присущие труженикам — мелким собственникам феодального общества развитые царистские иллюзии. С дру-

гой стороны, появление заезжих или доморощенных помещиков вызывало активное сопротивление трудового населения, спасавшегося от крепостнической петли за Уралом. Основная же масса природных феодалов не проявляла особого интереса к далекому ссылочному краю. Поэтому, настойчиво расширяя в наиболее доходных, а также в непосильных частным мелким хозяйствам сферах общественного производства и обмена казенный сектор как экономическую основу системы государственного феодализма и объявляя Сибирь своей зауральной вотчиной, крепостническое правительство старалось не допускать появления в ней частных дворян-землевладельцев. Воеводы, дьяки и подьячие рассматривались как находящиеся во временной «государевой посылке». Их часто меняли, причем население получило широкие права по обжалованию их действий. Казачьей верхушке в лице сибирских дворян и детей боярских, которые играли видную роль в местном управлении, не предоставлялись права российских дворян. Только в виде исключения некоторых из них жаловали «дворянами московского списка».

С петровского времени и особенно со второй половины XVIII в. несколько изменяется прежнее отношение к российским дворянам в Сибири, а также к допущению верхушки местных казаков и приказных людей в привилегированные дворянские сословия. Более дробное с ростом населения административно-территориальное деление, развивающаяся бюрократизация и отраслевая специализация местного аппарата управления, усложнение его функций хозяйственно-организаторского, налогово-полицейского и внешнеполитического плана, — все это привело к резкому увеличению численности назначаемых чиновников и расквартировке регулярных воинских частей. При этом в огромной малонаселенной Восточной Сибири удельный вес среди русского населения администрации, в том числе дворянской, стал в несколько раз выше общероссийского, так как, во-первых, назначаемые классные чиновники до начала XIX в. возглавляли не два, как обычно, а четыре звена местного управления (кроме губернского и уездного еще областное и низовое, состоящее из комиссарств-дистриктов); во-вторых, даже к концу XVIII в. русское население восточно-сибирского региона не сравнялось по численности с местным ясачным; в-третьих, в каждой административно-территориальной единице положенный штат чиновников приходился на меньшее в несколько раз количество русского населения, чем в Европейской России.

Усложнился и сам состав военно-бюрократического дворянства. В начале XIX в. в ведомственном отношении оно являлось частью общегражданского аппарата и различных отраслевых ведомств (военного, горно-заводского, финансового, таможенного, почтового, врачебного, учебного). В Восточной Сибири между этими ведомствами наблюдался повышенный обмен кадрами. Местное управление носило ярко выраженный военно-бюрократический характер, а все чиновничество было военизированным (с 80-х гг. даже по внешнему виду). В результате изменений общего и ведомственного управления местная классная администрация Восточной Сибири оказалась самым верхним разрядом общего иерархически организованного служебного слоя, состоящего из чиновников различной сословной принадлежности, неодинаковой классности и социального положения. За этим ведущим разрядом шел существующий из-за узкосословной политики центра разряд тоже назначаемых из неподатных лиц чиновников на казенном жалованье и в классных должностях, но без классных чинов. По своей должности они имели право на условные «зауряд-чины» и соответствующий дворянский статус, а значит, были условными должностными дворянами. Самый многочисленный разряд из назначаемых чиновников на казенном жалованье составляли канцелярские чины, не вошедшие в классную «Табель о рангах» 1722 г. Особый разряд образовывали выборные городским населением чиновники на классных должностях, учрежденных на основании губернской реформы 1775 г. в учреждениях сословно-представительного характера и в верхах городского самоуправления. С 1783 по 1787 гг. они даже получали казенное жалованье, но были в Восточной Сибири городскими податными и только на время исполнения должности пользовались статусом классных чиновников, то есть являлись временными и только личными зауряд-дворянами. Выборные же сельские заседатели из крестьян хотя и получали казенное жалованье, но их сословно-представительные должности и уездного и губернского ранга не считались классными в силу господствующей в стране сословной неправоты земледельцев. Наконец, выборные должностные лица крестьянского самоуправления (в волостях), а также в низовом городском самоуправлении вообще не относились к чиновничеству.

С XVIII в. значительно изменились источники пополнения военно-бюрократического дворянства. Поскольку новая идущая от Петра I система чиновничества позволяла выслу-

жить личный и потомственный дворянский статус, то за Уралом, куда крайне неохотно ехало служить родовитое шляхетство, верхушка местного аппарата управления и офицерский состав регулярных частей сложились в основном из беспоместных дворян служилого происхождения. Главным поставщиком классной местной бюрократии оказалась армия, причем со второй половины XVIII в. все заметнее был вклад частей «Сибирского гарнизона» и местного казачества. Участие сибиряков в формировании классного чиновничества было закононо в 1765 г. по настоянию Ф. И. Соимонова, когда разрешили, а в 80-х гг. расширили практику пожалования классными чинами сибирских дворян и детей боярских за казачью и гражданскую службу, а выходцев из казаков и приказных — за выслугу и заслугу в канцелярской службе. Хотя из-за частых административно-управленческих изменений приток приезжих дворян-чиновников все возрастал, но все же к концу XVIII в. местные и сибирские уроженцы составляли до трети личного состава классных чиновников. Они, вместе с каждым 8—10-м прибывшим из-за Урала и осевшим чиновником, являлись постоянными жителями Восточной Сибири. Но все же больше половины военно-бюрократического дворянства, находящегося в этом регионе, по-прежнему оставалось его временным и непостоянным населением, что было специфической особенностью положения самого территориально отдаленного отряда общероссийского дворянства. Другая особенность заключалась в очень высокой территориальной и должностной подвижности (горизонтальной социальной мобильности) всех классных чиновников. Во второй четверти XVIII в. они меняли места жительства и должности в среднем через каждые 3—4 года службы, а в последней четверти столетия через 6 лет. Неблагоприятными оставались условия для естественного воспроизводства этого управленческого слоя населения. Таким путем оно воспроизводилось в демографическом плане на 2/3, а в сословно-служебном плане лишь каждого третьего чиновника замещали на государственной службе его сыновья.

Разночинное служебное происхождение, повышенная подвижность, низкая степень естественного воспроизводства, сильно ограничиваемая сверху численность потомственных дворян-чиновников служилого происхождения, — все это проявление служебного характера классной верхушки управленческого слоя восточно-сибирского общества. Названные особенности выступали косвенными средствами, которыми

центральная власть удерживала сибирских чиновников в роли носителей только корпоративно-классовых интересов правящего класса страны. Кроме того, правительство препятствовало даже потомственным дворянам служилого происхождения вставать в ряды частных дворян-землевладельцев или предпринимателей пробуржуазного типа. Так, в Тобольском наместничестве за период между четвертой и пятой ревизиями в результате усилий властей из 72 «помещичьих заимок» осталось только 41, в том числе в Средней Сибири вместо четырех три!

По сословно-правовому статусу и экономическому положению только чиновники и офицеры VIII и выше рангов-чинов, если не имели поместий, относились к феодалам сословно-корпоративного типа, ибо получали через жалованье и сословные льготы свою долю централизованной феодальной ренты, которая обеспечивала им среднедворянский уровень жизни. Прочие классные чины, составлявшие более 3/4 всего военно-бюрократического дворянства Восточной Сибири, в классовом отношении являлись одним из периферийных отрядов общероссийской самой привилегированной прослойки². Ее бюрократическая часть была сословно выделена в личных дворян, а военная (обер-офицеры) — в потомственных, однако материально офицеры не были обеспечены соответственно этому статусу, который в довершение ко всему с 1788 г. получил условный характер.

Занятость в бюрократически организованной сфере управления, разночинное происхождение, наличие после указа о вольности дворянства 1762 г. пусть ограниченных, но свободно-договорных отношений при отправлении государственной службы, — все это придавало этой служебной и сословно незакрытой прослойке некоторые черты буржуазности. Однако в целом беспоместные личные дворяне оставались элементом позднефеодального крепостнического российского общества. Об этом свидетельствуют цели и задачи их служебной деятельности, низкий профессиональный и образовательный уровень, наличие сословного статуса, социально-экономические и политические взгляды и интересы, содержание частной хозяйственной деятельности. Как и другие чиновники, они олицетворяли механизм действия системы государственного феодализма в его крепостнической и черносотенной модификациях, сами изо всех сил старались по чинам-рангам войти в состав корпоративных феодалов с правами потомственных дворян. (Ближе всех к заветной цели были условные потомственные

дворяне, то есть чиновники, которые занимали должности, соответствующие VIII классу чинов). Личные дворяне, как и потомственные, стремились получить в Сибири в свое полное распоряжение земли и крепостных людей, являясь (в потенции) носителями феодально-крепостнических отношений помещичьего типа. Только небольшая часть классовых чиновников — личных дворян, которые полностью или частично находились не на казенном, а на общественном содержании, имела некоторую специфику в своем социальном облике. Они были заняты не в распорядительных и исполнительных органах, а в таких отраслях складывающейся социальной инфраструктуры государственного сектора, как здравоохранение и образование, что придавало им известную демократичность. Обладая обязательной специальной подготовкой, они составляли молодую сибирскую служилую интеллигенцию.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

1. Дружинин Н. М. Государственные крестьяне в дворянских правительственных проектах 1800—1833 гг. — Исторические записки, 1940, т. 7, с. 150; Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М. — Л.: АН СССР, 1946, т. 1, с. 23—27, 33—38; Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII веков. — В кн.: Шунков В. И. Вопр. аграрной истории России. М., 1974, с. 170, 177, 192.

2. Представление о современном уровне разработки этой проблемы в историко-философской литературе дают следующие исследования: Проблемы социально-экономических формаций. Историко-типологические исследования / Под ред. акад. Е. М. Жукова. М.: Наука, 1975; Тёкеи Ф. К теории общественных формаций. М.: Прогресс, 1975; Жуков Е. М., Барг М. А., Черняк Е. Б., Павлов В. И. Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М.: Наука, 1979; Полянский Ф. Я. Вопросы политической экономики феодализма. М.: Изд-во МГУ, 1980; Теория общественно-экономической формации / Под ред. В. В. Денисова. М.: Наука, 1982; Марксистско-ленинская теория исторического процесса / Под ред. акад. Ф. В. Константинова. М.: Наука, 1983; Барг М. А. Категории и методы исторической науки. М.: Наука, 1984.

3. О первом опыте основательного сравнительно-типологического анализа феодализма у народов закавказского, среднеазиатского, прибалтийского, древнерусского и молдавского регионов см.: Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма. М.: Наука, 1972; Советов П. В. Развитие феодализма и крестьяне Молдавии. Очерки истории ренты в XVI — начале XVIII вв. Кишинев: Штиинца, 1980. Пробные шаги в этом направлении по сибирскому региону сделаны автором

данной работы. — См.: Быконя Г. Ф. Поземельные отношения русского населения Восточной Сибири в XVII—XVIII вв. Материалы к спецкурсу и спецсеминару. Красноярск: изд. КГПИ, 1979; Быконя Г. Ф. Об особенностях классово-сословной структуры русского трудового населения Сибири в XVII—XVIII вв. — В кн.: Русское централиз. государство. Образование и эволюция. XV—XVIII вв. Чтения, посвящ. памяти акад. Л. В. Черепнина. М., 1980, с. 87—91; Быконя Г. Ф. Общее и особенное в развитии государственного феодализма на сибирской окраине России в XVII—XVIII веках. — В кн.: Социально-политич. и правовое положение крестьянства в дореволюц. России. Воронеж, 1983, с. 78—85.

4. Исследователи считают, что налоги сами по себе еще не создавали феодального способа производства, но это не исключало феодального типа эксплуатации. Так, в 11 главе «Капитала» К. Маркс писал, что «в феодальную эпоху высшая власть в военном деле и суде была атрибутом земельной собственности». — См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 344, 346. Следует также учесть, что в российской фискальной системе видную роль играли разнообразные натуральные повинности по обслуживанию казенного сектора не только в сферах управления и обмена, но и производства. Поэтому различные хозяйственно-попечительские действия казны, особенно в колонизируемых окраинах, относились не только к условиям, но и к самому процессу производства в крестьянском хозяйстве, напоминая заботу помещиков о хозяйственной исправности своих крестьян.

5. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 320—321.

6. Там же, т. 16, с. 314.

7. Подробнее об этом см.: Быконя Г. Ф. Проблема поземельных отношений русского трудового населения Сибири XVII—XVIII вв. в советской историографии. — В кн.: Вопр. историографии и социально-политич. развития Сибири XIX—XX вв. Красноярск, 1976, вып. 1, с. 98—106; Быконя Г. Ф. Поземельные отношения..., гл. 2, 4; Быконя Г. Ф. Общее и особенное в развитии государственного феодализма..., с. 78—80.

8. Обоснованные возражения этой точке зрения в конкретно-историческом плане см.: Александров В. А. Особенности феодального порядка в Сибири (XVII в.). — ВИ, 1973, № 8, с. 47—57; Александров В. А. Проблематика системы государственного феодализма в Сибири XVII века. — ИСССР, 1977, № 1, с. 97—108; Бояршинова З. Я. О феодальных отношениях в русской деревне Сибири в XVIII — первой половине XIX вв. — В кн.: Вопр. истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1973, с. 353—364; Бояршинова З. Я. Государева десятинная пашня в Сибири в оценке советских исследователей. — В кн.: Из истории крестьянства. Томск, с. 107—123; Громыко М. М. Некоторые вопросы сибирского крестьянства периода феодализма. — В кн.: Пробл. истории сов. о-ва Сибири, вып. 2. История крестьянства досоветского периода. Новосибирск, 1970, с. 5—6, 19—28; Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в. М.: Наука, 1972, с. 83—85, 99, 120, 172, 176, 178, 189. При этом В. А. Александров первым четко сформулировал мысль о разнотипности форм государственной эксплуатации, которые «заключались в бытовании наряду с государственными обычно-правовых норм, в сочетании барщины с правом сдачи тяглов и перемещений». — См.: Александров В. А. Особенности феодального порядка..., с. 53.

9. Недоразумением является утверждение о том, что автор настоящей работы в «многоукладный сибирский вариант государственного феодализма» включает все многообразие социально-экономических отношений, в том числе несистемные мелко-крестьянский свободный уклад и элементы раннебуржуазных связей. — См.: Горюшкин Л. М., Миненко Н. А. Историо-

графия Сибири дооктябрьского периода (конец XVI — начало XX вв.). Новосибирск: Наука, 1984, с. 69. В прежних работах мы употребляли синонимично понятия «социально-экономический уклад» и «тип социально-экономических отношений», что является неоправданным при строго типологическом анализе. Подробнее об этих понятиях см.: Семенов Ю. И. Значение категории «общественно-экономический уклад» для анализа социально-экономического строя общества. — Философские науки, 1976, № 3, с. 39—48; Семенов Ю. И. Общественно-экономические уклады. — В кн.: Теория общественно-экономической формации. М.: Наука, 1982, с. 126—163.

10. П. А. Зайончковский справедливо отмечает, что одним из важных признаков русской бюрократии XVIII—XIX вв. являлось в чиновничьем производстве явное предпочтение сословному происхождению перед личной заслугой, способностями и образованием. — См.: Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: Мысль, 1978, с. 20. С. М. Троицкий же неоправданно выпустил этот признак из дефиниции «русская бюрократия». — См.: Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М.: Наука, 1974, с. 5.

11. Троицкий С. М. Русский абсолютизм..., с. 296; Преображенский А. А. Об эволюции классово-сословного строя в России. — В кн.: Общество и государство феодальной России. М., 1975, с. 72; Буганов В. И., Тихонов Ю. А., Преображенский А. А. Эволюция феодализма в России. Социально-экономические проблемы. М.: Мысль, 1980, с. 246.

12. Н. Ф. Демидова, например, считает, что к началу 60-х гг. XVIII в. в России «при обособлении дворянства как класса нижнее звено гражданской администрации (которое, по ее мнению, состояло из чиновников IX—XIV классов. — Г. Б.), сохраняя свое привилегированное положение по отношению к податным сословиям, выводится за пределы класса дворянства, что оформляется законодательно». — См.: Демидова Н. Ф. Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII—XVIII вв. — В кн.: Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.). М., 1964, с. 223, 238.

ГЛАВА I

1. Герцен А. И. Былое и думы. М.: ГИХЛ, 1969, с. 219.
2. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. СПб., 1882, с. 342.
3. Вагин В. И. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 г. СПб., 1872, т. 1, с. 3.
4. По Восточной Сибири XVIII в. это прежде всего следующие монографии: Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Иркутск: Кн. изд-во, 1957, т. 2; Башарин Г. П. История аграрных отношений в Якутии (60-е годы XVIII — середина XIX вв.). М.: Наука, 1956; Сафронов Ф. Г. Русские крестьяне в Якутии (XVII — начало XX вв.). Якутск: Кн. изд-во, 1961; Сафронов Ф. Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII — середине XIX вв. М.: Наука, 1978. Значительный интерес представляет исследование Л. С. Рафиенко «Управление Сибирью в 20—80-е гг. XVIII в.», защищенное в 1968 г. в качестве кандидатской диссертации при Институте истории филологии и философии СО АН СССР.
5. Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien 1720—1727. Berlin, 1962. Teil 1, s. 198; Гмелин И. Г. Предисловие к первому тому флоры Сибирской. СПб., 1749, с. 44; Соймонов Ф. И. Древняя пословица «Сибирь — золотое дно». — В кн.: Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. СПб., 1761, ноябрь, с. 450—462; Паллас П. С. Путешествия по разным провинциям Российского государства. СПб., 1786, ч. 2, с. 495—496; СПб., 1788, ч. 3, пол. 1, с. 2—19.

6. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 147.
7. Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск: Наука, 1982, прил. 1.
8. Богословский М. М. Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719—1727. М., 1902, с. 47.
9. НЕС. СПб., 1788, т. 28, с. 78; ЦГАДА, ф. 371, оп. 1, д. 1869, л. 1—10, 23, 66—66 об.
10. Богословский М. М. Областная реформа..., с. 49, 262; Ершkin Н. П. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. М.: Учпедгиз, 1960, с. 113.
11. ЛО ААН, ф. 21, оп. 4, д. 19, л. 19 об., 207; ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 2004, л. 46.
12. Богословский М. М. Областная реформа, с. 69—166.
13. ПСЗ, т. 5, № 3378, с. 700; № 3380, с. 708—709.
14. Там же, т. 7, № 4606, с. 380; № 4916, с. 670—671.
15. Кирилов И. К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М.: Наука, 1977, с. 276—302.
16. ЦГАДА, ф. 286, д. 446, л. 225—227; Кирилов И. К. Цветущее состояние..., с. 276—302.
17. Быконя Г. Ф., Колесников А. Д. Основные направления крестьянской колонизации в XVIII в. — В кн.: Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск: Наука, 1982, с. 167.
18. Ершkin Н. П. Очерки..., с. 143—147.
19. Быконя Г. Ф. Внутренняя политика в Сибири в XVII в. — В кн.: Крестьянство Сибири эпохи феодализма, с. 291—293.
20. Готье Ю. В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. М., 1913, т. 1, с. 110.
21. ПСЗ, т. 7, № 4606, с. 380; № 4976, с. 670—671; ЦГАДА, ф. 199, оп. 1, д. 481, ч. 7, л. 35.
22. ПСЗ, т. 8, № 5659; Вилков О. Н., Кудрявцев Ф. А. Управление и классовая борьба. — В кн.: История Сибири. Л.: Наука, 1968, т. 2, с. 307.
23. ЦГАДА, ф. 248, д. 2795, л. 125 об.—126.
24. Вилков О. Н., Кудрявцев Ф. А. Управление и классовая борьба, с. 307; Рафиенко Л. С. Политика российского абсолютизма по унификации управления Сибирью во второй половине XVIII в. — В кн.: Вопросы истории Сибири досоветского периода (Бахрушинские чтения, 1969). Новосибирск: Наука, 1973, с. 220—223.
25. Рафиенко Л. С. Политика российского абсолютизма..., с. 230.
26. ЦГАДА, ф. 248, д. 2795, л. 235.
27. ПСЗ, т. 8, № 5733, 6813; ЦГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 73, л. 40; Алексеев А. И. Охотск — колыбель русского Тихоокеанского флота. Хабаровск: Кн. изд-во, 1958, с. 42—46.
28. ЦГАДА, ф. 286, д. 236, л. 518 об.—519.
29. Там же, ф. 199, д. 481, ч. 2, л. 64—67 об.; ч. 7, л. 35; ф. 214, оп. 1, ч. 8, д. 1479, л. 1—7.
30. Там же, ф. 248, д. 2795, л. 234—235.
31. Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири. СПб., 1886, кн. 2, с. 6, 43—44.
32. Там же, кн. 1, с. 325.
33. ПСЗ, т. 14, № 10281.
34. Там же, т. 10, № 7098.
35. Словцов П. А. Историческое обозрение, кн. 1, с. 280.

36. ПСЗ, т. 8, № 5805, с. 516.
 37. ЦГАДА, ф. 350, оп. 2, д. 1059, ч. 1, л. 599.
 38. Там же, ф. 199, оп. 2, порт. 515, тетр. 1, л. 60 об. — 72. Подсчет наш.
 39. Специально этот вопрос исследовала Л. С. Рафиенко, поэтому в нашу задачу не входит подробное рассмотрение деятельности этих многочисленных комиссий. См.: Рафиенко, Л. С. Следственные комиссии в Сибири в 30—60 гг. XVIII в. — В кн.: Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVII—XIX вв.). Новосибирск: Наука, 1968, с. 133—164.
 40. ПСЗ, т. 9, № 6370; т. 44, ч. 2, с. 35.
 41. Там же, т. 14, № 10769; Словцов П. А. Историческое обозрение, кн. 1, с. 325.
 42. Там же, т. 16, № 11991; т. 44, ч. 2, с. 68—69.
 43. Там же, т. 17, № 12710.
 44. Готье Ю. В. История областного управления, т. 1, с. 192—193.
 45. Там же, с. 66—67 об.
 46. ПСЗ, т. 16, № 12137.
 47. Лагус В. Эрик Лаксман, его жизнь, путешествия, исследования и переписка / Пер. Э. Паландера. СПб., 1890, с. 152—154; ПД, ф. 96, оп. 8, д. 6, л. 31.
 48. ПСЗ, т. 44, ч. 2, с. 155—157; т. 20, № 14279.
 49. Там же, т. 16, № 12269, с. 932, 944; т. 20, № 14242, с. 30—31; Готье Ю. В. История областного управления... с. 116—117, 122.
 50. Словцов П. А. Историческое обозрение, кн. 2, с. 76—78. Подсчет наш.
 51. Быконя Г. Ф., Колесников А. Д. Основные направления... с. 167.
 52. ЦГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 73, л. 41.
 53. ЦГАДА, ф. 416, оп. 1, д. 2, л. 83. Как установил В. Н. Шерстобоев, управление части слобод и всех острогов до 5 августа 1766 г. оставалось прежним. В распоряжении Иркутской губернской канцелярии подчеркивалось, что «впредь во всех слободах, кроме таких, как винны, пивны и соляна продажа имеются, кроме острогов, по приказным избам приказчиками из афицеров, дворян, детей боярских и казаков — не быть, а имеющихся всех отрешить». Однако злоупотребления воеводских приказчиков заставили губернскую власть пойти на полную их замену крестьянской администрацией в лице выборного приказчика, которого называли просто «выборным», его помощника «сотского» и традиционного старосты. — См.: Шерстобоев В. Н. Илимская пашня, т. 2, с. 134—136. В приенисейских же уездах и всей Западной Сибири воеводские приказчики сохранились еще до 80-х гг., а значит, чисто самоуправляющиеся волостные общины крестьян еще не сложились. Осведомленные об изменениях волостного управления в соседней Иркутской губернии крестьяне и разночинцы ряда присудов Енисейской провинции (Кемского и Рыбинского острогов) в своих наказах Уложенной комиссии в 1767 г. тоже просили убрать приказчиков из офицеров и дворян. Так, приангарские крестьяне Рыбинского острога писали, «что помимо ж приказчиков у нас в Рыбинском острогу выбираютца ис крестьян выборные старосты и всякия государственныя дела исправляют по указам помимо оных приказчиков». — См.: ЦГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 101, л. 16 об. — 42.
 54. ПСЗ, т. 20, № 14242, с. 32—43.
 55. ЦГАДА, ф. 416, оп. 1, д. 2, л. 82 об.
 56. ПСЗ, т. 20, № 14242, с. 23—41.
 57. ЦГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 73, л. 42—42 об.
 58. ПСЗ, т. 22, № 16595, с. 965—966.
 59. До этого тоже классово-демагогически были использованы прин-

ципы сословного представительства, но в верхнем эшелоне управления Российским крепостнически-абсолютистским государством при созыве Уложенной комиссии 1767 г. Пока только постановочно можно говорить об элементах местного сословно-корпоративного и общего представительства позднефеодального этапа как об одном из проявлений после 1775 г. «просвещенного абсолютизма». В советской литературе этот вопрос практически не разработан. Только В. В. Рабцевич в своей последней работе отмечает, хотя и без всяких пояснений, функционирование «учреждений сословно-представительного характера: городского магистрата, общей и шестигласной думы и т. д.» — См.: Рабцевич В. В. Сибирский город в дореформенной системе управления. Новосибирск: Наука, 1984, с. 61. В дореволюционной литературе писалось о существовании с 1785 г. городских «учреждений представительного характера». — См.: Кизеветтер А. А. Городское положение Екатерины II 1785 г. (Опыт исторического комментария). М., 1909, с. 274—275.

60. Учреждения о губерниях... СПб., 1780, с. 2—3.
 61. Быконя Г. Ф. Административно-территориальное деление в XVII—XX вв. — В кн.: Путеводитель по документам памятникам фондов гос. арх. Краснояр. края. Красноярск: Кн. изд-во, 1982, с. 254—256.
 62. ЦГАДА, ф. 248, д. 6500, ч. III, л. 84—85 об.
 63. ЦГИА, ф. 1294, оп. 1, д. 73, л. 46.
 64. Неточным является утверждение, что «промежуточная территориальная единица — провинция — была повсеместно ликвидирована». — См.: Ерошкин Н. П. Очерки... с. 159; Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. 3-е изд. М.: Высшая школа, 1983, с. 119.
 65. ЦГИА, ф. 1350, оп. 312, д. 239, л. 62; ДРВ. 2-е изд. М., 1791, ч. XVIII, с. 256—258.
 66. В дореволюционной литературе ошибочно утверждалось, что в Иркутской губернии имелся верхний земский суд, во всех четырех областях — верхние, а в уездах — нижние надворные суды. (см.: Григорьев В. Реформа местного управления при Екатерине II. СПб., 1910, с. 338). К сожалению, в одном из самых авторитетных советских изданий некритически повторяются эти сведения. — См.: Очерки истории СССР, Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. М.: Изд-во АН СССР, 1956, с. 305.
 67. ПСЗ, т. 23, № 16840; Зайцев К. И. Очерки истории самоуправления государственных крестьян. СПб., 1912, с. 34, прим. 2.
 68. Рабцевич В. В. Крестьянская община как орган управления сибирской деревни в 80-х годах XVIII в. — первой половины XIX века. — В кн.: Крестьянство Сибири периода разложения феодализма и развития капитализма. Новосибирск, 1980, с. 10—12.
 69. ГАКК, ф. 609, оп. 1, д. 24, л. 24—24 об.
 70. Вопрос о времени складывания сложных волостных общин и в России и Сибири решается по-разному. См., например: Рабцевич В. В. Правительственная политика и управление крестьян Сибири XVIII в. — перв. пол. XIX в. — В кн.: Крестьянство Сибири в эпоху феодализма... с. 324—332; Ерошкин Н. П. История государственных учреждений... с. 119—137. По-видимому о волостных сельских общинах в полном смысле этого понятия можно говорить со времени их превращения в чисто самоуправляемые.
 71. Штат Иркутского наместничества от 6 марта 1783 г. СПб., 1786, с. 8—10; ПСЗ, т. 22, № 16595, с. 965—966, 985—988, т. 44, ч. 2, табл. II, с. 262—263; ЦГАДА, ф. 248, д. 6500, ч. III, л. 16—49 об.
 72. ЦГАДА, ф. 248, д. 6500, ч. III, л. 17 об.

73. Штат..., с. 11.
 74. ПСЗ, т. 22, № 16595, с. 988.
 75. ЦГА ЯАССР, ф. 1, оп. 1, д. 88, л. 1—8 об.; ГАКК, ф. 609, оп. 1, д. 11, л. 5—6. Явно ошибочным является впервые выдвинутое более 20 лет назад утверждение, что «из-за отсутствия в Сибири дворянства и малочисленности городского населения все заседатели в полицейских и судебных учреждениях назначались правительством». — См.: Ерошкин Н. П. Очерки..., с. 179; Ерошкин Н. П. История государственных учреждений, с. 136.
 76. Шерстобоев В. Н. Илимская пашня..., т. 2, с. 537.
 77. ГАКК, ф. 609, оп. 1, д. 20, л. 27 об. — 28; д. 23, л. 1—21; ф. 592, оп. 1, д. 186, л. 9.
 78. ЦГАДА, ф. 248, д. 6500, ч. III, л. 322. Подсчет наш.
 79. Там же, л. 28.
 80. ПСЗ, т. 44, ч. 2, к № 16421, с. 200; Копылов А. Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII — начала XIX вв. Новосибирск: Наука, 1974, с. 86—91; Малышева М. П. Из истории формирования педагогических кадров гражданских школ городов Западной Сибири в конце XVIII в. — первой половине XIX в. — В кн.: Города Сибири (Эпоха феодализма и капитализма). Новосибирск, 1978, с. 189—193; Город у Красного яра (Документы и материалы по истории Красноярска XVII—XVIII вв.). Сост. Г. Ф. Быконя, Л. П. Шорохов / Отв. ред. Г. Ф. Быконя. Красноярск: Кн. изд-во, 1981, с. 253—255, 257—260.
 81. Быконя Г. Ф., Колесников А. Д. Основные направления..., с. 167, табл. 1.
 82. Обзорение главных оснований местного управления Сибири. СПб., 1841, с. 15—18.
 83. Эйдельман Н. Я. Грань веков. Политическая борьба в России. Конец XVIII — начало XIX столетия. М.: Мысль, 1984, с. 56—61.
 84. ПСЗ, т. 24, № 17634, с. 229—230; № 17862, с. 507; № 17864, с. 508; т. 25, № 18233, с. 789—790; № 18556, с. 280; ЦГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 73, л. 46 об. — 47. В штатах 1797 г. показано 17 уездов, в то время как по другим источникам, в том числе по послужным спискам чиновников 1799 г., видно, что в Иркутской губернии к 1797 г. было 15 уездов, а Доронинский и Сретенский слили с Нерчинским. — См.: ГИМ ОПИ, ф. 183, д. 49, л. 18 об.; ЦГИА, ф. 1349, оп. 4, д. 35, л. 1—170.
 85. ПСЗ, т. 44, ч. 2, табл. 3 к № 17494 и № 18556, с. 394—402, 408; Сенатский архив, СПб., 1888, т. 1, с. 128—129.
 86. Сенатский архив, т. 1, с. 129.
 87. ПСЗ, т. 21, № 17096, 18082; Кавелин С. П. Исторический очерк поземельного устройства государственных крестьян. М., 1912, с. 16; Зайцев К. И. Очерки..., с. 43; Рабцевич В. В. Правительственная политика..., с. 331—332.
 88. ЦГИА, ф. 1350, оп. 312, д. 239 (Атлас Иркутской губернии), л. 17 об. — 18.
 89. Рабцевич В. В. Правительственная политика..., с. 332.
 90. Ерошкин Н. П. Крепостническое самодержавие и его политические институты (первая половина XIX века) М.: Мысль, 1981, с. 27.
 91. ПСЗ, т. 44, ч. 2, табл. 3, 4 к № 13338 и 19141, с. 330—333, 356—357, 373—375.
 92. Там же, с. 331.
 93. Дружинин Н. М. Просвещенный абсолютизм в России. — В кн.: Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.). М.: Наука, 1964, с. 456—459; Федосов И. А. Социальная сущность и эволюция российского абсо-

лютизма. — ВИ, 1971, № 7, с. 46—65; Ерошкин Н. П. Крепостническое самодержавие..., с. 32.

94. Ерошкин Н. П. Крепостническое самодержавие..., с. 204—208.
 95. ПСЗ, т. 44, ч. 2. Прил. к № 20784, 21183, 21726, с. 247—250.
 96. ГАТО ТФ, ф. 154, оп. 1, д. 2, л. 11.
 97. Там же, л. 10 об. — 12.
 98. ГИМ ОПИ, ф. 183, д. 49, л. 19.
 99. Обзорение главных оснований, с. 18—21.
 100. Там же, с. 7; ЦГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 73, л. 46 об.
 101. Ерошкин Н. П. Крепостническое самодержавие..., с. 215.
 102. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. XVIII в. — первая половина XIX в. М.: Педагогика, 1973, с. 197—199.
 103. Копылов А. Н. Очерки..., с. 98—99.
 104. ПСЗ, т. 44, ч. 2, табл. 11, к. № 21743, с. 93—95.
 105. ЦГАДА, ф. 248, ф. 6500, ч. III, л. 19.
 106. Макарова Р. В. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. М.: Наука, 1968, с. 158—161.
 107. К истории Российско-Американской компании. Сборник документов. Материалов. Красноярск, 1957, с. 31; Алексеев А. И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки до конца XIX века. М.: Наука, 1982, с. 153.
 108. К истории Российско-Американской компании, с. 26—32.
 109. ПСЗ, т. 44, ч. 2, л. 247—249.
 110. Гагемейстер Ю. А. Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1864, т. 2, с. 279. Подсчет наш.
 111. Ерошкин Е. П. Крепостническое самодержавие..., с. 40, 81, 98—99, 215.

ГЛАВА II

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 8, с. 157—158; Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 439—440.
 2. Сахаров А. М. Образование и развитие Российского государства в XIV—XVII вв. М.: Высшая школа, 1969, с. 5—18, 24.
 3. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22, с. 20.
 4. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 301. Трудно согласиться с упрощенно-социологической трактовкой сущности петровских преобразований, которые якобы имели не прогрессивный, а преимущественно «косметический характер» и были только проявлением социальной мимикрии, то есть внешним приспособлением отживающего старого к новому. См.: Сухов А. Д. Прогресс и история. М.: Мысль, 1983, с. 73—74, 75—76.
 5. Троицкий С. М. Российский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М.: Наука, 1974, с. 172—180, 214, табл. 1, 3, 5.
 6. Об администрации Приенисейского края см.: О бывших в г. Енисейске господах и присутствующих, в которых годах кто имянно был воеводы, о которых только дойти было можно. — НЕС, 1798, т. 28, с. 77—83; (Рачковский И. И.) Город Красноярск первой четверти текущего столетия. Енисейские епархиальные ведомости, 1884, № 22, с. 306—313; Краткое показание о воеводах и губернаторах Сибири. Тобольск, 1792; Кытманов А. И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края. 1504—1893 г. Машино. рукопись. — ККМ, о/ф., № 7886, с. 8—178.
- Администрация Иркутской губернии и ее «деяния» более или менее подробно описываются в различных редакциях так называемой «Иркутской летописи», самая ранняя редакция которой относится к 1769 г. Ее пере-

работанные варианты (конца XVIII в. П. Т. Баенна и середины XIX в. П. И. Пежемского и В. А. Кротова) опубликованы. — См.: Летопись губернского города. — В кн.: Первое столетие Иркутска. СПб., 1902, с. 120—165; Иркутская летопись. — Труды ВСОРО, 1911, № 5. Подробнее об Иркутской летописи см.: Тыхонов И. И. Заметки о городских летописях Сибири. СПб., 1896, ч. 1; Азадовский М. К. Очерки литературы и культуры Сибири. Иркутск, 1947, вып. 1, с. 52; Очерки русской литературы Сибири. Новосибирск: Наука, 1982, т. 1, с. 173—175, 187—195.

На основе Иркутской летописи появился ряд краеведческих работ о восточно-сибирской бюрократии. — См.: Шукин Н. С. Сибирские воеводы. — Дело, 1866, № 1; Шукин Н. С. Крылов, следователь в Сибири. Из иркутской хроники 1758—1761 г. — В кн.: Луч. СПб., 1866, с. 18—66; Басин П. П. Из прошлого Сибири. Мученики и мучители. — Историч. вестн. СПб., 1902, т. 9—10, с. 532—574; Гурьев Н. А. Сибирские чиновники былого времени. — В кн.: Дорожник по Сибири и Азиатской России. СПб., 1901, кн. 2, с. 48—57; кн. 3, с. 31—38; Загорский В. Из быта и нравов Сибири XVIII века. — Сибирский арх., Иркутск, 1912, № 6, с. 449—461.

О якутской администрации однотипные иркутским сведения приводятся в «летописи» местного купца И. С. Москвина и в обширной компиляции В. Л. Приклонского. — См.: Москвин И. С. Воеводы и начальники города Якутска и их действия. — Памятная книжка Якутской области на 1863 г. СПб., 1864, с. 105—202; Приклонский В. Л. Летопись Якутского края, составленная по официальным и историческим данным. Красноярск, 1896, с. 30—101.

7. Иркутск. Материалы для истории города XVII—XVIII столетий. М., 1883; Сибирские города. Материалы для истории XVII—XVIII столетий. Нерчинск, Селенгинск, Якутск. М., 1886; Месясцелов с росписью чиновников Российской империи. СПб., 1769—1810; Общий морской список. СПб., 1878—1890, т. I—IV; Нордгауз. Описание рудников ведомства Нерчинских заводов. 1784 г. — ДРВ, 1791, ч. 18, с. 375—395; Богданович Н. Ф. Географическое описание Мангазев с уездом. 1783 г. — ГАКО, ф. 665, оп. 1, д. 213, 43 л. (Поздний вариант его опубликован. — См.: НЕС, 1788, т. 25, с. 53—90); Лаксман Э.-Г. Описание Нерчинских заводов, рудников и их округи. — НЕС, 1788, т. 26, с. 1—52; (Ланганс Ф. И., Федоров Я. и др.) Описание Якутской провинции (1794) — ГПБ РО, Эрм. собр., д. 238/6, 85 л. (Атрибуция рукописи выполнена В. Ф. Ивановым. — См.: Иванов В. Ф. Историко-этнографическое изучение Якутии. XVII—XVIII в. М.: Наука, 1974, с. 140, 148); Описание Тобольского наместничества. Новосибирск: Наука, 1982; Топографическое описание Иркутского наместничества из разных известий, наблюдений, записок и известных преданий почерпнутое. — ДРВ, 1791, ч. 18, с. 254—375; Топографическое описание Иркутского наместничества. 1792 г. — ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, д. 477; Описание Иркутской губернии. 1797 г. (Выполнено уездными землемерами, а составлено губернским землемером Филимоновым). — ЦГИА, ф. 1350, оп. 312, д. 239, 62 л.; Краткое описание... Иркутской губернии. 1798 г. — ГБЛ РО, ф. 68, № 6787, л. 130—132; Лосев А. И. Описание Иркутской губернии. 1805 г. — ЦНБ УССР РО, д. 1050, 313 л.; Лосев А. И. Географо-статистическое описание Иркутской губернии. 1819 г., ч. 1, II. — ЛОИИ, ф. 115, д. 367, 234 л.; д. 367а, 503 л.; Архив ВГО, разряд 55, оп. 1, д. 49; Лосев А. И. Хозяйственное описание Иркутской губернии. 1810 г. — ГИМ ОПИ, т. 1, 2; Докладные записки о Нерчинском округе конца XVIII — нач. XIX вв. — ГИМ РО, ф. 395, оп. 1, д. 64; Описание Нерчинской области. Б. г. — ГИМ РО, ф. 314, оп. 1, д. 3; Российского купца Григория Шелихова странствования из Охотска по Восточному океану к Американским берегам / Под ред. Б. Л. Полевого.

Хабаровск, 1971; Герман И. Ф. Сочинения о сибирских рудниках и заводах. СПб., 1797, кн. 1, с. 235—252; Герман К. Статистическое исследование относительно Российской империи. СПб., 1819, ч. 1, с. 144—302; Семивский Н. Новейшая любопытная и достоверная повествования о Восточной Сибири. СПб., 1817. По свидетельству современников Н. Семивский, будучи иркутским вице-губернатором, практически присвоил труд А. И. Лосева, подтвердив его при публикации некоторой правке.

8. Воспоминания Анны Евдокимовны Лабзиной (1758—1828). СПб., 1914; Жизнь незапамятного Тимофея Петровича Калашникова, простым слогом описанная с 1762 по 1794 год. — Русский арх., 1904, кн. 3, № 10, с. 147—183; Калашников И. Т. Записки иркутского жителя. — Русская старина, 1905, т. 123, кн. 7, 8, 9; Воспоминания И. Ф. Парфентьева. — ККМ, о/ф., д. 7886/231.

9. Андриевич В. К. Краткий очерк истории Забайкалья. СПб., 1887; Боголюбовский И. С. Историко-статистический очерк производительности Нерчинского горного округа с 1703 по 1871 г. СПб., 1872; Вагин В. И. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 г. СПб., 1872, т. 1, 2; Васильев А. П. Забайкальские казаки. Чита, 1916, т. 1; 1917, т. 2; Головачев П. Н. Первый сибирский публицист. — Сибирская жизнь, 1904, 4 июля; Корейша Я. Исторический очерк Иркутской губернской гимназии. Иркутск, 1910, вып. 1; Кошеваров А. Навигацкие школы в Сибири. — Записки Гидрографического департамента. СПб., 1850, ч. 8, с. 563—573; Кулибин С. Перечень русских горных деятелей. — Горный журн., 1900, № 8, т. 3; Сычевский Е. И. Историческая записка о Китайской границе. — ЦОИДР, 1875, № 2; Максимов С. В. Сибирь и каторга. СПб., 1900, т. IV, ч. IV; Сгибнев А. С. Исторический очерк главнейших событий на Камчатке с 1650 по 1856 годы. — Морской сборник (СПб.), 1869, № 8, часть неофиц., с. 33—110; Сгибнев А. С. Охотский порт с 1649 по 1852 год (Исторический очерк). — Морской сборник (СПб.), 1869, т. 105, № 11, 12; Сгибнев А. С. Навигацкие школы в Сибири. — Морской сборник (СПб.), 1866, т. 87, № 11, часть неофиц., с. 3—44; Сельский И. Ссылка в Восточную Сибирь замечательных сил (1645—1762). — Русское слово (СПб.), 1861, август; Соседко Ф. Д. Наша старина. — Забайкалье (Чита), 1902, № 52, 56, 63, 68—70, 85, 128, 129, 140; 1903, № 15, 16, 22, 25, 40, 42, 49, 50, 56, 63, 87, 91, 116—142.

10. Бочкарев В. Н. Сенаторские ревизии в России при Павле I. — Изв. Тверского пед. ин-та. Тверь, 1926, вып. 1; Жуков Н. Н. Из недр архива (Материалы к истории Нерчинской каторги). — В кн.: Нерчинская каторга. М., 1933, с. 8—31; Охун С. Б. Российско-Американская компания. М. — Л., 1939; Сафронов Ф. Г. Из истории якутской ссылки первой половины XVIII века. — Учен. зап. Якутского гос. ун-та, 1963, вып. 14; Сафронов Ф. Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII — середине XIX в. М.: Наука, 1978; Тимофеева М. Ю. Каторга и ссылка в Забайкалье (XVII—XVIII в.). — В кн.: Probl. краеведения. Чита: Забайк. фил. Георг. о-ва СССР, 1980, вып. 8, с. 12—23; Алексеев А. И. Охотск — колыбель русского Тихоокеанского флота. Хабаровск: Кн. изд-во, 1958; Алексеев А. И. Судьба Русской Америки. Магадан, 1975; Алексеев А. И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки до конца XIX века. М.: Наука, 1982, гл. 2; Глушанков И. В. Секретная экспедиция. Магадан, 1972; Дивин В. А. Русские мореплаватели на Тихом океане в XVIII веке. М.: Мысль, 1971; Мостахов А. П. Сподвижники путешественников и исследователей. Якутск, 1966; Фетисов А. П. Разбуженные просторы: Страницы истории Охотского побережья. Хабаровск: Кн. изд-во, 1982; Юрцовский Н. С. Очерки по истории просвещения в Сибири. Новониколаевск, 1923, вып. 1; Манассеин В. С. Возникновение и раз-

витие идеи учреждения Сибирского университета в связи с историей просвещения в Сибири в первой четверти XIX столетия. Иркутск, 1924, с. 4—7; Бакай Н. Академия наук в XVIII веке и прошлое Сибири. — Сиб. огни, 1925, № 4—5, с. 234—240; Петряев Е. Д. Исследователи и литераторы старого Забайкалья. Чита, 1954, с. 40—56; Обручев В. И. Избранные труды. М.: Наука, 1964, т. VI, с. 161—177; Кунгуров Г. Ф. Сибири и литература. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1965; Лебедева А. А. Очерки истории культуры Бурятии. Улан-Удэ, 1972, т. 1; Иванов В. Ф. Историко-этнографическое изучение Якутии XVII—XVIII в. М.: Наука, 1974; Копылов А. Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII — начала XIX в. Новосибирск: Наука, 1974; Палкин Б. Н. Русские госпитальные школы и их воспитанники. М.: 1959.

11. Шмаков А. А. Радищев в Сибири. Иркутск, 1952; Татаринцев И. И. Радищев в Сибири. М., 1977; Дивин В. А. Великий русский мореплаватель А. И. Чириков. М.: Географгиз, 1953; Алексеев А. И. Братья Шмалевы. Магадан, 1958; Алексеев А. И. Адмирал Нагаев. Магадан, 1959; Алексеев А. И. Ученый чукча Николай Дауркин. Магадан, 1961; Алексеев А. И. Гавриил Алексеевич Сарычев. М.: Наука, 1966; Гольденберг Л. А. Семен Ульянович Ремезов. М.: Наука, 1965; Гольденберг Л. А. Федор Иванович Соймонов. М.: Наука, 1966; Новлянская М. Г. Даниил Готлиб Мессершмидт. Л.: Наука, 1970; Раскин Н. М., Шафрановский И. И. Эрик Густавович Лаксман. Выдающийся путешественник и натуралист XVIII в. Л.: Наука, 1971; Раскин Н. М., Шафрановский И. И. Александр Матвеевич Карамышев. Л.: Наука, 1975; Кулябко Е. С. Замечательные питомцы Академического университета. Л.: Наука, 1977.

12. Троицкий С. М. Сибирская администрация в середине XVIII в. — В кн.: Вопр. истории Сибири досоветского периода (Бахрушинские чтения, 1969). Новосибирск, 1973, с. 304—305.

13. Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Иркутск: Кн. изд-во, 1957, т. 2, с. 88—132, 592—600.

14. Рафиенко Л. С. Управление Сибирью в 20—80-е гг. XVIII в.: Дис. ... канд. ист. наук. — Новосибирск, 1968, с. 233—259; См. также: Рафиенко Л. С. Лоренц Ланг и Восточная Сибирь. — Изв. Сиб. отд-ния АН СССР. Сер. общ. наук, 1977, вып. 2, № 6, с. 125—128; Рафиенко Л. С. Следственные комиссии в Сибири в 30—60-х годах XVIII в. — В кн.: Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVII—XIX вв.). Новосибирск: Наука, 1969, с. 145—173.

15. Быконя Г. Ф. Неизвестная карта Средней Сибири Ф. И. Страленберга. — ИВГО, т. 105, вып. 2, 1973, с. 161—167; Быконя Г. Ф. Заселение русских Приенисейского края в XVIII в. Новосибирск: Наука, 1981; Город у Красного яра (Документы и материалы по истории Красноярска. XVII—XVIII вв.) / Сост. и авт. коммент. Г. Ф. Быконя, Л. П. Шорохов. Красноярск: Кн. изд-во, 1981, ч. II; Быконя Г. Ф. Особенности состава и функционирования сибирской бюрократии XVIII века. — В кн.: Россия и социально-экономическое развитие Сибири. Тезисы докл. и сообщ. зональной науч. конф., посвященной 60-й годовщине образования СССР и 400-летию присоединения Сибири к России. Тюмень, 1982, с. 15—16.

16. НЕС, 1788, т. 28, с. 77—79; Москвин И. С. Воеводы и начальники Якутска, с. 107—108; ПСИ, т. 2, с. 23, 34, 109, 164; Баснин П. Т. Летопись, с. 126, 135, 139, 141, 143, 146, 147; Сенатский арх., СПб., 1913, т. XV, с. 278—279; Словоц П. А. Историческое обозрение Сибири. СПб., 1886, кн. 2, с. 303.

17. Сенатский арх., СПб., 1895, т. VII, с. 636—811.

18. Там же, с. 679, 657, 673, 677, 680, 682, 688.

19. Там же, с. 649, 657, 676, 680, 719.

20. ПСИ, с. 401; Кирилов И. К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М.: Наука, 1977, с. 276.

21. Кытманов А. И. Краткая летопись, с. 94; НЕС, 1788, т. 28, с. 79.

22. Вероятно, поэтому О. Н. Вилков и Ф. А. Кудрявцев начало губернаторства А. Г. Плещеева отнесли к 1735 г. — См.: История Сибири. Л.: 1968, т. 2, с. 311.

23. Иркутская летопись, с. 46—47. В изобилующей неточностями «Летописи губернского города Иркутска» П. Т. Баснина вице-губернаторство Плещеева вообще не упоминается. — См. кн.: Первое столетие Иркутска, с. 139.

24. Кудрявцев Ф. А., Вендрих Г. А. Иркутск. Очерки по истории города. Иркутск: Кн. изд-во, 1958, с. 58—59.

25. Готье Ю. В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. М., 1913, т. 1, с. 211; Шерстобоев В. Н. Илимская пашня, т. 2, с. 60, 146.

26. ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 8, д. 6092, л. 58; Город у Красного яра, с. 151, 159.

27. ЦГАДА, ф. 248, д. 8122, ч. 1, л. 146 об.

28. История Сибири, т. 2, с. 40.

29. Готье Ю. В. История областного управления, т. 1, с. 217—218.

30. Сенатский арх., т. VII, с. 789.

31. ПСИ, кн. 2, с. 147—148.

32. Сенатский арх., т. VII, с. 722.

33. ПСИ, т. 2, с. 435.

34. Там же, с. 677.

35. Там же, с. 714, 786, 794.

36. Троицкий С. М. Материалы переписи чиновников в 1754—1756 гг. как источник по социально-политической и культурной истории России XVIII в. — Археографич. ежегодник за 1967 г. М.: Наука, 1969, с. 132—148; Троицкий С. М. Сибирская администрация, с. 300—315; Троицкий С. М. Русский абсолютизм, с. 155—163.

37. ПСЗ, т. 10, № 7730.

38. ЦГАДА, ф. 248, д. 8122, ч. 1, л. 145—165; ф. 286, д. 236, л. 32—550.

39. Там же, ф. 286, д. 236, л. 32—32 об.; ПСЗ, т. 10, № 3370.

40. Там же, ф. 286, д. 236, 33об. — 46, л. 540—542.

41. Там же, ф. 248, д. 8122, ч. 1, л. 151 об.—157.

42. Готье Ю. В. История областного управления в России, т. 1, с. 140—148; Троицкий С. М. Сибирская администрация, с. 309.

43. ЦГАДА, ф. 248, д. 8122, ч. 1, л. 160.

44. Троицкий С. М. Русский абсолютизм, с. 198—199.

45. ЦГАДА, ф. 248, д. 8122, ч. 1, л. 158; ф. 214, оп. 1, ч. 8, д. 5861, л. 1—8, 13—13об. Рафиенко Л. С. Дис., с. 96.

46. ЦГАДА, ф. 248, д. 8122, ч. 1, л. 147 об., 152 об.

47. Сенатский арх., СПб., 1897, т. VIII, с. 218; ЦГАДА, ф. 8122, ч. 1, л. 153 об., 156; Троицкий С. М. Сибирская администрация, с. 305.

48. ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 8, д. 6092, л. 1—1об.; НЕС, 1788, т. 28, с. 80.

49. ЦГАДА, ф. 286, д. 360, л. 109; НЕС, 1788, т. 28, с. 79.

50. Приклонский В. Л. Летопись, с. 60; Словоц П. А. Историческое обозрение, кн. 1, с. 248—254; ЦГАДА, ф. 286, д. 236, л. 518 об.

51. ЦГАДА, ф. 286, д. 360, л. 103; Троицкий С. М. Сибирская администрация, с. 304—305. В бывшем родом «из шляхетства» С. Т. Угрю-

мове ошибочно видеть, как это делает С. М. Троицкий, «пример выслуги представителей непривилегированных слоев населения, достигших крупных постов». — Троицкий С. М. Сибирская администрация, с. 305. Следует также отметить, что отдельные авторы безосновательно отождествляют Степана Тимофеевича Угрюмова с его братом Леонтием, который в 1739 г. стал преемником В. Н. Татищева в канцелярии Главного правления Сибирских и Казанских заводов. — См.: Павленко Н. И. История металлургической промышленности первой половины XVIII в. М.: Изд-во АН СССР, 1953, с. 152—158.

52. Троицкий С. М. Сибирская администрация, с. 317—323.

53. ЦГАДА, ф. 248, д. 216, с. 1, 11 об.; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М.: Мысль, 1965, кн. XIII с. 314.

54. У сына Якова Василия, подпоручика Смоленского полка, казненного в 1764 г. за попытку возвести на престол Иоанна Антоновича, была конфискована «Служебная книга» С. У. Ремезова. — См.: Гольденберг Л. А. Семен Ульянович Ремезов, с. 109—112.

55. Презент. — Иркутское епархиальные ведомости за 1870 г., № 12, Прибавление, с. 131—140.

56. ЦГАДА, ф. 248, д. 8122, ч. 1, л. 147, 151 об. — 152 об.

57. Там же, л. 152 об.; Подробнее о его служебных злоупотреблениях см. ниже.

58. Данилевский Г. Мирович. Княжна Тараканова: Сожженная Москва. М.: Известия, 1961, с. 22—24. Известный романист допустил ряд неточностей в описании истории рода Мировичей. Пелагея Захаровна была матерью (от первого брака с Иваном Мировичем), а не женой Федора Мировича. В одной из ее челобитных о возвращении конфискованных имений в 1744 г. Петр и Яков названы «внучатами». (См.: ЦГАДА, ф. 248, оп. 113, д. 216, л. 13 об. — 14). П. Мирович стал енисейским воеводой не до амурского, а после нее. Ничего не говорится о воеводстве Якова в Кузнецке с 1743 по 1749 гг. Его печально известный сын Василий жил в Сибири и обучался в гарнизонной школе г. Томска, а в 1764 г., будучи армейским поручиком, пытался свергнуть Екатерину II и возвести на престол Иоанна Антоновича. — См.: Сибирский вестн.; 1867, № 8; ЦГАДА, ф. 248, д. 8122, ч. 1, л. 147.

59. Рафиенко Л. С. Лоренц Ланг, с. 126.

60. Цит. по: Рафиенко Л. С. Лоренц Ланг, с. 129.

61. ПСЗ, т. 11, № 8017; с. 20—31.

62. Рафиенко Л. С. Лоренц Ланг, с. 131.

63. Там же, с. 131.

64. Баснин П. Т. Летопись, с. 147; Иркутск. Его место и значение в истории и культурном развитии Восточной Сибири. М., 1891, с. 8—9.

65. ЦГАДА, ф. 248, д. 183, л. 1072; Рафиенко Л. С. Лоренц Ланг, с. 131—132.

66. ЦГАДА, ф. 248, оп. 126, д. 2795, л. 272—284; д. 6500, ч. 3, л. 203; ф. 214, оп. 1, 78, д. 5833, л. 142; д. 6512, л. 2, 5 об.; ГАТО ТФ, ф. 1777, д. 108, л. 3—4, 24, 27; Город у Красного яра, с. 252—253.

67. Рассадин Ст. Фонвизин. М.: Искусство, 1980, с. 234—235.

68. ПД, ф. 388, оп. 1, д. 83, л. 1—4.

69. Герцен А. И. Собр. соч. в 30-ти томах. М.: Изд-во АН СССР, 1956, т. VII, с. 192, 213.

70. Готье Ю. В. История областного управления в России, т. 1, с. 140—142.

71. ЦГИА, ф. 1349, оп. 4, д. 35, л. 76 об.—77.

72. Там же, л. 2 об.—3. О его службе в 80—90-е гг. XVIII в. см. далее.

73. ЦГАДА, ф. 286, д. 512, л. 134—134 об.; ЦГАДА, ф. 286, д. 360, л. 10, 33.

74. Там же, д. 360, л. 815 об., 1033; НЕС, 1788, т. 28, с. 81—82; Кытманов А. И. Краткий очерк, с. 116.

75. ЦГАДА, ф. 286, д. 360, л. 813; ф. 428, оп. 1, д. 277, л. 5—6; Рафиенко Л. С. Управление Сибирью, с. 246.

76. ЦГАДА, ф. 607, оп. 2, д. 59, л. 60—60 об.

77. ПСЗ, т. 22, № 16187, § 191; Романович-Славитинский А. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. СПб., 1870, с. 21.

78. Головачев П. Первый сибирский публицист; Гольденберг А. Л. Федор Иванович Соймонов, с. 171—174, 182.

79. ЦГАДА, ф. 248, д. 3468, л. 66—70.

80. ПСЗ, т. 17, № 12524; Сенатский арх., СПб., 1913, т. XV, с. 836.

81. НЕС, 1788, т. 28, с. 81—82; Кытманов А. И. Краткий очерк, с. 114, 125—127.

82. Ромодановская Е. К. Новые материалы по истории сибирской литературы XVIII в. — В кн.: Сибирь периода феодализма. Новосибирск: Наука, 1965, вып. 2, с. 309; Город у Красного яра, с. 165—166, 169.

83. ПСЗ, т. 20, № 14242, с. 34.

84. По мнению ряда советских ученых (А. И. Алексеева, Р. В. Макаровой), Лаксман родился не в 1726, а в 1736 г.

85. Раскин Н. М., Шафрановский И. И. Эрик Густавович Лаксман, с. 110.

86. Там же, с. 116.

87. Из письма от 24 августа 1782 г. к Г. Ф. Миллеру. Цит. по: Раскин Н. М., Шафрановский И. И. Эрик Густавович Лаксман, с. 118—119.

88. Там же, с. 119.

89. Там же, с. 119.

90. ГБЛ ОР, № 14302, с. 45; ПСЗ, т. 44, ч. 2, СПб., 1830, 1763 г., табл. VI, с. 68—69.

91. Баснин П. Т. Летопись, с. 164. Он, якобы, организовал «глухую команду», которая держала в страхе всех иркутян, и поддерживал знакомство с известным разбойником Гондюхиным.

92. Сенатский арх. СПб., 1913, т. XV, с. 279.

93. Загорский И. Из быта, с. 157.

94. ЛОИИ, ф. 115, д. 367 а, л. 24; Словцов П. А. Историческое обозрение, кн. 2, с. 280.

95. Домовая летопись Андреева, по роду их писанная капитаном Иваном Андреевым. — ЧОИДР, 1870, кн. IV, разд. V, с. 4; Головачев П. Сибирь в Екатерининской комиссии. Эюд по истории Сибири XVIII века. М., 1889, с. 69.

96. Кишкин Л. С. Чешско-русские литературные и культурно-исторические контакты. М.: Наука, 1983, с. 50—75.

97. ЦГАДА, ф. 286, д. 890, л. 396.

98. Кишкин Л. С. О просветительской деятельности Ф. Н. Клички в Иркутске в 1779—1783 гг. — Изв. Сиб. отд-ния АН СССР. Сер. общ. наук, 1972, вып. 1, № 1, с. 19—28.

99. ЛОИИ, ф. 115, д. 367а, л. 26—29 а.

100. ЦГАДА, ф. 350, оп. 2, д. 1059, ч. 1, л. 95—95 об.

101. Памятная книжка Иркутской губернии за 1861 г., с. 171.

102. НЕС, т. 28, с. 81—87; Памятная книжка Якутской области за 1863 г. СПб., 1864, с. 110—112.

103. ЦГИА, ф. 1349, оп. 4, д. 35, л. 43 об.—44. Н. Ф. Богданович был автором интересного «Географического описания Мангазеев с уездом 1783 г.», впервые введенного нами в научный оборот. — См.: ГАКО, ф. 665, оп. 1, д. 213, л. 1—43; Быкоя Г. Ф. Заселение русскими Приенисейского края, с. 193, 195.

104. ГПБ РО, ф. 178, № 1502, л. 68. Указ 23 марта 1714 г. «О наследистве движимых имуществ» разрешал кадетам дворянских фамилий идти в «чин купеческий» по достижении 40 лет, а также в «духовные».

105. Воспоминания Анны Евдокимовны Лабзиной, с. VIII—XVII, 79—88; Русский биографический словарь. Том «Ибак-Ключарев». СПб., 1897, с. 514—515; Раскин Н. М., Шафрановский И. И. Александр Матвеевич Карамышев, с. 7—63.

106. Шерстобоев В. Н. Илимская пашня, кн. 2, с. 97; Москвин И. С. Воеводы и начальники Якутска, с. 110—112.

107. ЦГАДА, ф. 248, д. 6500, ч. III, л. 375—378.

108. Там же, ф. 607, оп. 2, д. 59, л. 59—60; Москвин И. С. Воеводы и начальники Якутска, с. 111.

109. ЦГАДА, ф. 607, оп. 2, д. 59, л. 61—63.

110. Там же, д. 50, л. 60 об.—61.

111. Москвин И. С. Воеводы и начальники Якутска, с. 109.

112. ЦГАДА, ф. 248, д. 6500, ч. III, л. 205 об.

113. Там же, ф. 607, оп. 2, д. 59, л. 71.

114. Сгибнев А. С. Навигацкие школы в Сибири, с. 10—13; Юрцовский Н. С. Очерки, с. 35; Копылов А. Н. Очерки культурной жизни, с. 73.

115. Сгибнев А. С. Навигацкие школы, с. 29.

116. ЦГАДА, ф. 248, д. 6500, ч. III, л. 16—21 об., 29—49 об. По другому «Списку чинов» указано 322 чиновника. — См.: Там же, л. 185—209.

117. Иван Штейнгель был городничим в уездном городе Пермского наместничества. В прежнем чине подпоручика его назначили в Иркутский верхний надворный суд на должность второго ассессора IX класса с окладом в 375 руб. Однако вскоре его переводят капитан-исправником в Нижне-Камчатский уезд. — См.: ЦГАДА, ф. 248, д. 6500, ч. III, л. 17 об. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1903, т. 39, с. 885. В словаре неверно указано первое назначение И. Штейнгеля в Восточной Сибири.

118. ПД, ф. 96, оп. 8, д. 1, 3, 4; ПСЗ, т. 22, № 16075, с. 222—223.

119. ЦГИА, ф. 1349, оп. 4, д. 35, л. 1—154 об. Списки составляют общий том. Последние листы книги с формулярами нескольких чиновников утрачены. Неполон формуляр пяти чиновников.

120. Заседатели Жиганского уездного суда и казначеев Нерчинского, Оленского, Жиганского, Зашиверского, Гижигинского и Акландского уездов. — См. там же, д. 35, л. 74—75; 110 об.; 116 об. — 117 об., 124 об., 135, 143 об.

121. Городничих Верхне-Удинска и Охотска, иркутского уездного судьи, 11 заседателей и 6 секретарей уездных судов и нижних земских судов Олекминска, Оленска, Охотска, Жиганска, Зашиверска, Гижигинска, Акландска и Нижне-Камчатска, Верхне-Удинска, Нижне-Удинска, Киренска.

122. ЦГИА, ф. 1349, оп. 4, д. 35, л. 72 об.—79 об., 106 об., 140 об.

123. Там же, д. 35, л. 115 об.

124. Месяцеслов за росписью чиновников Российской империи. СПб., 1802, с. 292—293.

125. Там же, с. 237—294, 482—494. Подсчет наш.

126. Территориальное происхождение классного чиновничества выя-

вить довольно сложно. В послужных списках отмечалось не место рождения, а места прохождения службы, а у бывших военных — только названия их полков. Поместья же были у единиц, причем не указывалось, родовые они были или «благоприобретенные». Известное представление о конкретных районах выхода чиновников дают сведения формулярных списков их первой службы, которая обычно начиналась в учреждениях или воинских частях, находящихся в пределах губернии, где он родился. Если же сопоставить, как это сделано в табл. 11, у одного и того же контингента лиц места первой и последней службы до должности в Иркутской губернии, то обнаружится определенная тенденция в изменениях географических истоков прибываемого в Иркутскую губернию чиновничества.

127. ЦГАДА, ф. 286, д. 877, л. 498. В более позднем за 1799 г. послужном списке И. Е. Фирсова, возможно, с умыслом, участие в походах и служба в Томском пехотном полку не указаны, а чиновничество по времени сдвинуто на один срок позже: сержантом стал не в 1755 г., а в 1757 г., прапорщиком не в 1757, а в 1763, а так далее до 1779 г. — См.: ЦГИА, ф. 1349, оп. 4, д. 55, л. 68 об.—69.

128. Шерстобоев В. Н. Илимская пашня, т. 2, с. 92—93, с. 100—105.

129. Как показал К. М. Бейтон в своем формулярном списке за 1795 г., деревня и крестьяне по решению Иркутской казенной палаты 22 января 1790 г. взяты в «Казенное ведомство», но владелец подал апелляцию. См.: ЦГАДА, ф. 286, д. 877, л. 500. В послужном списке 1799 г. у К. М. Бейтона крепостных крестьян в наличии не числилось.

130. ЦГИА, ф. 1349, оп. 4, д. 35, л. 57 об.—58; ЦГАДА, ф. 286, д. 877, л. 500.

131. ЦГИА, ф. 1349, оп. 4, д. 35; л. 1 об., 2 об., 5 об.—7 об., 15 об., 25 об., 31 об., 43 об., 75 об., 89 об., 96 об., 97 об., 100 об., 103 об., 111 об.

132. В литературе принято считать, что владельцы от 1 до 100 р. д. являются мелкими помещиками, от 101 до 500 — средними и от 501 до 1000 и более — крупными. — См.: Шепукова Н. М. Об изменении размеров душевладения помещиков Европейской России в первой четверти XVIII—первой половины XIX в. — В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1963 г. Вильнюс: Наука, 1964, с. 390—391; Троицкий С. М. Русский абсолютизм, с. 302.

133. ЦГИА, ф. 1349, оп. 4, д. 35, л. 5 об.

134. Там же, л. 80 об.

135. Там же, л. 49 об.

136. Там же, л. 27 об.—28.

137. Там же, л. 8 об.—11.

138. Там же, л. 23 об.—25.

139. Там же, л. 37 об.—38.

140. Там же, л. 30 об.—31.

141. Там же, л. 29 об.—30.

142. Там же, л. 2 об.—4; Месяцеслов за 1802 г., с. 227.

143. ЦГИА, ф. 1349, оп. 4, д. 35, л. 84 об.—85.

144. Там же, л. 53 об.—54.

145. Там же, л. 59 об.—60.

146. Там же, л. 45 об.—46.

147. Там же, л. 69 об.—70.

148. Там же, л. 103 об.—104.

149. Там же, л. 1 об.—2.

150. Там же, л. 89 об.—90; 97 об.—98; 100 об.—101; 102 об.—103; 140 об.—141.

151. Там же, л. 128 об.—129, 133 об.—134.
 152. Там же, л. 91—94 об., 123 об.—124.
 153. Там же, л. 104 об.—105, 112 об.—113; 140 об.—141.
 154. Там же, л. 113 об.—114.
 155. Там же, л. 47, 49, 58, 60, 74, 76, 83, 102, 105, 108, 112, 121, 122, 124, 128, 132, 144, 145.
 156. Там же, л. 42, 47, 58, 63, 68, 85, 88, 91, 101, 104, 110, 113, 120, 141, 147.
 157. Там же, л. 71 об.—72.
 158. Там же, л. 43, 62, 74, 85, 96, 104, 136, 145.
 159. Там же, л. 73, 116, 118, 140, 145.
 160. Там же, л. 85, 116, 118, 121.
 161. Там же, л. 59; ГАИО, ф. 7, оп. 1, д. 924, л. 11 об., 19.
 162. Там же, ф. 1349, оп. 4, д. 35, л. 140.
 163. Там же, л. 134—135, 142 об.—143.
 164. Там же, л. 34 об.—35, 50 об.—51.
 165. Там же, л. 15, 17, 29, 37, 38, 39, 51, 60, 62, 71, 89, 101, 104, 109, 118, 150, 182.
 166. Там же, л. 31, 35, 45, 46, 105, 121, 128.
 167. Там же, л. 105.
 168. Там же, л. 51; Карцов В. Г. Декабрист Г. С. Батеньков. Новосибирск: Наука, 1965, с. 42—43.
 169. ЦГИА, ф. 1349, оп. 4, д. 35, л. 2 об., 3, 28 об.—30, 36 об.—37, 50 об.—51, 59 об.—62, 92 об.—93, 114—115, 123 об.—124, 127 об.—128.
 170. Там же, л. 34 об.—35, 37 об.—38, 44 об.—45, 104—104 об., 116 об.—117.
 171. Там же, л. 92 об.—93, 123 об.—124.
 172. Там же, л. 127 об.—128.
 173. Там же, 36 об.—37; оп. 6, д. 573, л. 3 об.; ГАИО, ф. 39, оп. 1, д. 10, л. 1—12; Вагин В. И. Исторические сведения, с. 140—141.
 174. ГАТО ТФ, ф. 341, оп. 1, д. 63, л. 2—226. В беловом списке отсутствуют сведения о городских секретарях и коллежских регистраторах (см.: Там же, л. 200—226).
 175. Там же, д. 63, л. 150—155.
 176. Там же, л. 22—23, 51—52, 74—74 об., 146—147, 150—155; д. 159, л. 174, 323 об.; 328 об.; ЦГИА, ф. 1349, оп. 6, д. 425, л. 3 об.—4; 5 об.—6; оп. 4, д. 39, л. 49 об.; ГАКК, ф. 909, оп. 1, д. 10, л. 43—44.
 177. Оба рано начали службу солдатами в Сибири, первый 14 лет в «полевой пехотной службе», а потом в Тобольском гарнизоне, второй с 9 лет; в должность определены не Сенатом, а Тобольским наместническим правлением. — См.: ГАТО ТФ, ф. 341, оп. 1, д. 63, л. 152—152 об., 155.
 178. ГАТО ТФ, ф. 341, оп. 1, д. 63, л. 150—151.
 179. Там же, л. 51—52.
 180. Там же, л. 21 об.—22.
 181. Территория Ачинского уезда с 1797 г. была разделена между Красноярским и Енисейским уездами, а сам город стал заштатным. — См.: ЦГИА, ф. 1349, оп. 4, д. 39. Данные по приенисейским уездам см.: Там же, л. 19—52, 137 об.—156.
 182. ЦГИА, ф. 1349, оп. 4, д. 39, л. 51—52.
 183. Там же, л. 19 об.—20; Город у Красного яра, с. 259—260.
 184. ЦГИА, ф. 1349, оп. 4, д. 39 л. 21 об.—22, 28 об.—29, 151 об.—152.
 185. Там же, л. 47 об.—48.
 186. Там же, л. 35 об.—42, 137 об.—138.
 187. Там же, л. 21 об., 42 об.

188. Там же, л. 150 об.—151; ГАТО ТФ, ф. 341, оп. 1, д. 63, л. 74 об.
 189. Из них 23-летний секретарь Красноярского нижнего земского суда Варфоломей Федорович Пельмский, внук последнего красноярского воеводы князя И. Я. Пельмского и сын капитана, за 6 лет выслужился из копииста до коллежского регистратора, а переведенный год назад из Томского губернского правления в секретари Туруханского нижнего земского суда В. А. Баранов, 21 года, получил свой первый классный чин через 2 года после начала службы.
 190. ЦГИА, ф. 1349, оп. 4, д. 39, л. 140 об.—141.
 191. Там же, л. 23 об.—24, 48 об.—49; 142 об.—143, 145 об.—146, 155 об.—156; Месяцеслов за 1802, с. 487—489.
 192. ЦГИА, ф. 1349, оп. 4, д. 39, л. 142 об.—143. (Возраст скорее всего занижен.)
 193. Шепелев Л. Е. Отмененные историей. Чины, звания и титулы в Российской империи. Л.: Наука, 1977, с. 50—51.
 194. ЦГИА, ф. 1349, оп. 4, д. 39, л. 36 об.—40.
 195. Там же, л. 44 об.—45. Впоследствии при первом енисейском губернаторе, известном писателе А. П. Степанове, И. И. Галкин был председателем губернского правления в чине статского советника и имел славу честного инициативного чиновника. — См.: Степанов А. П. Енисейская губерния. СПб., 1835, ч. 1, с. 179—180.
 196. Шепелев Л. Е. Отмененные историей, с. 16, 22, 48—52.
 197. ПСЗ, т. 23, № 16930; Шепелев Л. Е. Отмененные историей, с. 51. Скорее всего опиской нужно считать указание автора, что в VII, а не в IX классе следовало служить 12 лет.
 198. ЦГИА, ф. 1349, оп. 4, д. 39, л. 47 об.—48.
 199. Там же, л. 24, 45, 151.
 200. Красноярский исправник И. И. Галкин из сибирских дворян, который 8 месяцев прослужил в лейб-гвардии в начале своей карьеры, а затем служил только гражданскому ведомству. Его сын Александр в 10 лет был уже канцеляристом возглавляемого отцом нижнего земского суда. — См.: ЦГИА, ф. 1349, оп. 4, д. 39, л. 44 об.—45.
 201. ЦГИА, ф. 1349, оп. 4, д. 39, л. 46 об.—47.
 202. Там же, л. 143 об.—144.
 203. Шепелев Л. Е. Отмененные историей, с. 50—51.
 204. Вагин В. И. Исторические сведения, т. 1, с. 138.

ГЛАВА III

1. Водарский Я. Е. Численность русского населения Сибири в XVII—XVIII в. — В кн.: Русское население Поморья и Сибири (период феодализма). М. 1973, с. 199—212.
2. Алексеев А. И. Охотск — колыбель русского Тихоокеанского флота. Хабаровск: Кн. изд-во, 1958.
3. Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII веке. М.: 1958, с. 27, 44—45.
4. Сборник военно-исторических материалов. СПб., 1904, вып. XVI, с. 89; Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири. СПб., 1886, кн. 1, с. 212—213, 239; Кирилов И. К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М.: Наука, 1977, с. 261.
5. Словцов П. А. Историческое обозрение... кн. 1, с. 194; Васильев А. П. Забайкальские казаки. Исторический очерк. Чита, 1916, т. 2, с. 46; Беспозванных Е. Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений. М.: Наука, 1983, с. 81—83; Международные отношения на Дальнем Востоке.

- М.: Мысль, 1973, с. 38—39; Яснев В. С., Кручинин А. Г. Критика маоистских фальсификаций истории русско-китайского территориального разграничения. — В кн.: Китай в новое и новейшее время. М.: Наука, 1981, с. 34—79.
6. Словцов П. А. Историческое обозрение..., кн. 1, с. 212; Силин Е. П. Кяхта в XVIII веке. Иркутск, 1947, с. 40.
7. Васильев А. П. Забайкальские казаки, т. 2, с. 48.
8. Сборник..., с. 105; Бескровный Л. Г. Русская армия..., с. 54.
9. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М.: Соцэкгиз, 1963, кн. IX, с. 473—474, 592—593; Бескровный Л. Г. Русская армия..., с. 121—122.
10. О появлении на окраине Иркутска солдатской слободы с казармами и хозяйственными постройками, строительство которой выпало на долю горожан, местные жители помнили и в XIX в. — См.: Шукин Н. С. Сибирские воеводы. — Дело. 1866, № 1, с. 9.
11. Сборник, с. 95, 101.
12. Кирилов И. К. Цветущее состояние..., с. 262, 264.
13. Бескровный Л. Г. Русская армия..., с. 61.
14. Там же, с. 67; ПСЗ, т. 8, № 6129; т. 9, № 6973.
15. ГАТО ТФ, ф. 341, оп. 1; д. 142, л. 45—52. Подсчет наш; ЦГАДА, ф. 415, оп. 2, д. 32, л. 30. Ошибочным является утверждение, что «в 1734 г. в Сибири было создано три драгунских полка и один отдельный эскадрон». — См.: Бескровный Л. Г. Русская армия..., с. 61.
16. Словцов П. А. Историческое обозрение, кн. 2, с. 6. Сведения о месте расквартирования Вологодского полка не обнаружены.
17. Освещение деятельности Второй Камчатской экспедиции не входит в нашу задачу. Об этом см.: Греков В. И. Очерки истории русских географических исследований в 1725—1765 гг. М., 1960, с. 55—170.
18. Шерстобоев В. Н. Обслуживание Второй Камчатской экспедиции крестьянами Ленско-Илимского края. — В кн.: Сибирь периода феодализма. Вып. 2. Новосибирск: Наука, 1965, с. 299.
19. Сенатский архив, СПб., 1897, т. VIII, с. 43—45; Васильев А. П. Забайкальские казаки, с. 70, 76.
20. Васильев А. П. Забайкальские казаки, с. 86.
21. Международные отношения..., с. 40; Беспровзванных Е. Л. Приамурье..., с. 101.
22. Гольденберг Л. А. Федор Иванович Соймонов. М.: Наука, 1966, с. 131—145; Беспровзванных Е. Л. Приамурье..., с. 101—102.
23. Беспровзванных Е. Л. Приамурье..., с. 103—108.
24. Васильев А. П. Забайкальские казаки, т. 2, с. 84—87, 140—141.
25. Там же, с. 103.
26. Там же, с. 110.
27. ЦГАДА, ф. 248, д. 3824, л. 450—450 об. Вместо донских прислали только 250 тобольских городских конных казаков, которых первый иркутский губернатор К. Л. Фрауендорф и В. В. Якоби распределили в 1766 г. в Якутский карабинерский и, Селенгинский пехотные полки, а прочих — в гарнизонные батальоны и городские команды.
28. ЦГАДА, ф. 248, д. 3824, л. 459.
29. Васильев А. П. Забайкальские казаки, т. 2, с. 155—157.
30. ЦГАДА, ф. 248, д. 3824, л. 452.
31. Международные отношения..., с. 40.
32. Васильев А. П. Забайкальские казаки, т. 2, с. 168, 169.
33. Там же, с. 187—188.
34. ЦГАДА, ф. 248, д. 3824, л. 452 об.—453.

35. ПСЗ, т. 19, № 13649; Васильев А. П. Забайкальские казаки, т. 2, с. 203—204.
36. ЦГАДА, ф. 248, д. 3824, л. 452 об.—453; Сборник..., с. 105—108; Васильев А. П. Забайкальские казаки, т. 2, с. 189—204.
37. ЦГАДА, ф. 248, д. 3824, л. 456—459.
38. Там же, л. 459—461.
39. Там же, л. 462—463.
40. Васильев А. П. Забайкальские казаки, т. 2, с. 206—207.
41. Там же, кн. 2, прил., с. 2.
42. ГАКК, ф. 592, оп. 1, д. 216, л. 1—6 об.
43. Сборник, с. 20, 21.
44. Список армейский офицерам, по полкам и батальонам, март 1797. СПб., 1797, с. 127, 156—158, 220—221. В литературе неточно указывается время его формирования. — См.: Материалы для истории 41-го пехотного Селенгинского полка с 29 ноября 1796 по 29 ноября 1896 г. Луцк, 1896, с. 5.
45. ЦГАДА, ф. 248, д. 1651 г, л. 610—611; ДРВ, 1791, ч. XVIII, с. 279; Герман Карл. Статистическое исследование относительно Российской империи. О народонаселении. СПб., 1819, ч. 1, с. 302; ЛОИИ, ф. 115, л. 367, л. 161 об. Гагемейстер Ю. А. Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1854, т. II, прил., табл. I, VIII.
46. Подсчеты по тем же источникам и официальным итоговым данным, в них указанных.
47. ЦГАДА, ф. 248, д. 4002, л. 41 об.—43, 50—52 об.
48. Сафронов Ф. Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII—середине XIX вв. М.: Наука, 1978, с. 112.
49. ЦГАДА, ф. 415, оп. 2, д. 40, л. 121, 143 об., 183; ф. 248, д. 183, л. 536 об.
50. ЦГАДА, ф. 415, оп. 2, д. 40, л. 34—35; Васильев А. П. Забайкальские казаки, т. 2, с. 83—85.
51. ЦГАДА, ф. 248, д. 5968, л. 858—897.
52. Быконя Г. Ф. Динамика посевных площадей и объема хлебной продукции Сибири в XVIII—первой половине XIX вв. — В кн.: Крестьянство Сибири эпохи феодализма. XVII—пер. пол. XIX вв. Новосибирск, 1982, с. 190; Васильев А. П. Забайкальские казаки, т. 2, с. 83—84.
53. Васильев А. П. Забайкальские казаки, т. 2, с. 195—220.
54. ГАЧО, ф. 10, оп. 1, д. 56, л. 322—322 об.; д. 63, л. 10.
55. Богословский М. М. Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719—1727 гг. М., 1902, с. 128—163; Готье Ю. В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. М., 1913, т. 1, с. 35—41, 423—425; Бескровный Л. Г. Русская армия..., с. 112—159.
56. Москвин И. С. Воеводы и начальники города Якутска и их действия. — Памятная книжка Якутской области на 1863 г. СПб., 1864, с. 181—182.
57. ЦГАДА, ф. 1092, оп. 1, д. 14, л. 1—188; ф. 248, д. 183, л. 1094—1120.
58. Там же, ф. 248, д. 2795, л. 182, 197 об.
59. Шерстобоев В. Н. Илимская паша в XVIII в. Иркутск: Кн. изд-во, 1957, т. 2, с. 548—556; Шмулевич М. М. Троицко-Селенгинский монастырь (80-е годы XVII—начало XX вв.). Улан-Удэ: Бурят-кн. изд-во, 1982, с. 26—28.
60. ЦГАДА, ф. 349, оп. 6, д. 518, л. 39 об.—43.
61. ЦГИА, ф. 1349, оп. 4, д. 39, л. 1 об.—15.
62. Сборник, с. 110—113.
63. Там же, с. 113—114.

108. Троицкий С. М. Сибирская администрация в середине XVIII в. — В кн.: *Вопр. истории Сибири досоветского периода (Бахрушинские чтения, 1969)*. Новосибирск, 1973, с. 323.
109. Троицкий С. М. *Русский абсолютизм...*, с. 162; Дэн В. З. *Население России...*, с. 51, 53, прим. 1, 3.
110. ЦГАДА, ф. 286, д. 360, л. 218—225. Подсчет наш.
111. Васильев А. П. *Забайкальские казаки*, т. 2, с. 82.
112. Указы Екатерины II за 1764 г. М., 1765, с. 547.
113. Глиноецкий Н. *Исторический очерк развития офицерских чинов и системы чиновпроизводства в русской армии.* — В кн.: *Военный сборник за 1887 г.* СПб., 1887, № 4, март, с. 278.
114. ЦГИА, ф. 1349, оп. 4, д. 35, л. 18 об.—19, 37 об.—38, 55 об.—56, 57 об.—58, 60 об.—61, 68 об.—69, 72 об.—74 об., 81 об.—82, 83 об.—84, 105 об.—107, 126 об.—127, 132 об.—133, 136 об.—137, 151 об.—152, 153 об.—154.
115. Там же, л. 55 об.—56, 60 об.—61, 73 об.—74, 81 об.—82, 83 об.—84, 153 об.—154.
116. Там же, л. 18 об.—19, 72 об.—73.
117. Там же, 105 об.—107, 126 об.—127, 132 об.—133, 136 об.—137, 154 об.—155.
118. ЦГИА, ф. 1349, оп. 4, д. 35, л. 1 об.—2, 8 об.—9, 18 об.—19, 31 об.—32; 37 об.—38, 47 об.—48, 68 об.—69, 78 об.—79, 151 об.—152. Не считая К. М. Бейтона, который служил за пределами Сибири.
119. Там же, оп. 6, д. 518, л. 36 об.—52.
120. Бескровный Л. Г. *Русская армия...*, с. 72, 168—174.
121. Савельев А. Л. *Исторический очерк инженерного управления в России.* СПб., 1879, с. 28—30; Глиноецкий Н. *Исторический очерк...*, с. 274—275.
122. Романович-Словатинский А. Д. *Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права.* СПб., 1870, с. 134.
123. ЦГАДА, ф. 415, оп. 1, д. 12, л. 42; Романович-Словатинский А. Д. *Дворянство...*, с. 125.
124. Шепелев Л. Е. *Отмененные историей. Чины, звания и титулы в Российской империи.* Л.: Наука, 1977, с. 46—48.
125. ПСЗ, т. 22, № 16667; Бескровный Л. Г. *Русская армия...*, с. 443.
126. ЦГА ЯАССР, ф. 349, оп. 1, д. 750, л. 248 об.
127. ЦГАДА, ф. 415, оп. 2, д. 165, л. 47.
128. *Новый и полный всеобщий стряпчий или судебный обрядник.* М. 1811, ч. III, с. 218.
129. ЦГАДА, ф. 415, оп. 1, д. 12, л. 71.
130. ГБЛ РО, ф. 178, оп. 2, № 3063, л. 24.
131. ЦГАДА, ф. 248, д. 3468, л. 206; ф. 415, оп. 2, д. 165, л. 47; Дэн В. Э. *Население России...*, с. 154.
132. ПСЗ, т. 19, № 14105, 14130.
133. *Сборник...*, с. 167.
134. Дэн В. Э. *Население России...*, с. 44.
135. ГАИО, ф. 7, оп. 1, д. 570, л. 10 об.
136. ПСЗ, т. 22, № 16536, с. 846.

ГЛАВА IV

1. Хвостов В. С. *О Томской губернии.* СПб., 1809. (В действительности, как нами установлено, автором был томский землемер Вавилов. — См.: Быконя Г. Ф. *Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в.*

Новосибирск: Наука, 1981, с. 8); Семивский Н. *Новейшая любопытная и достоверная повествования о Восточной Сибири.* СПб., 1817, с. 33—34; Пестов И. С. *Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири.* 1831 г. М., 1835; Степанов А. П. *Енисейская губерния.* СПб., 1835, ч. 1, 2; Андриевич В. К. *Исторический очерк Сибири.* Иркутск, 1886, т. 2, с. 118—170; Томск, 1887, т. III, с. 41—50; Одесса, 1889, т. IV, с. 149—152; Андриевич В. К. *Краткий очерк истории Забайкалья от древних времен до 1762 г.* СПб., 1887, с. 121—194; Щеглов И. В. *Хронологический перечень важнейших данных по истории Сибири.* Иркутск, 1883.

2. Шашков С. С. *Восточные окраины.* — Дело, 1870, № 3; Шашков С. С. *Материалы по истории северо-восточной Сибири в XVIII веке.* — ЦОИДР, 1864, № 3, 6, с. 62—75; Шашков С. С. *Очерки русских нравов в старой Сибири.* — *Отечественные записки*, 1867, кн. XX—XXII; Шашков С. С. *Рабство в Сибири.* — В кн.: С. С. Шашков *Собр. соч.* СПб., 1898, т. 2, с. 503—548; Шашков С. С. *Русские реакции*, ч. III, 1762—1798 г. — Там же, с. 271—275; Шашков С. С. *Российско-Американская компания.* — Там же, с. 632—652; Шашков С. С. *Иркутский погром в 1758—1760 г.* — Там же, с. 652—666 (подробнее о взглядах С. С. Шашкова — см.: Бородавкин А. П. С. С. Шашков как историк Сибири. — *Тр. Томск. гос. ун-та, Томск*, 1957, т. 136); Шапов А. П. *Историко-географическая и этнологическая заметки о сибирском населении.* — *Изв. СОИРГО*, 1872, т. III, № 3, с. 142—272; Шапов А. П. *Сибирское общество до Сперанского* — *Изв. СОИРГО*, Иркутск, 1873, т. IV, № 3; *Повторную публикацию этой работы см.: Шапов А. П. Собр. соч.* СПб., 1908, т. III, с. 643—680 (подробнее о взглядах А. П. Шапова см.: Научитель М. В. *Социально-экономические взгляды А. П. Шапова. К 150-летию со дня рождения.* — *Изв. Сиб. отд-ния АН СССР*, 1981, № 11. *Сер. оощ. наук*, вып. 3, с. 153—161.)

3. Вагин В. И. *Исторические сведения о деятельности графа Н. Н. Сперанского в Сибири.* Иркутск, 1872, т. 1; Ядринцев Н. М. *Сибирь как колония.* СПб., 1882, с. 280—286, 360; Ядринцев Н. М. *Крепостнические традиции в Сибири (Исторический очерк).* — *Восточное обозрение*, 1882, № 21, с. 2—4, № 22, с. 9—11; Головачев П. М. *Сибирь в Екатерининской комиссии. Эюд по истории Сибири XVIII века.* М., 1889, с. 14—16, 27—55, 67—82; Михайлов К. П. *Крепостничество в Сибири.* — В кн.: *Сибирский сборник.* СПб., 1886, кн. 1, с. 93—148; Палопеженцев Н. И. *К вопросу о положении крепостных в Тобольской губернии в конце прошлого столетия.* — *Ежегодник Тобольского губернского музея.* Тобольск, 1808, вып. 9; Головачев Д. М. *Частное землевладение в Сибири.* — *Сибирские вопросы*, 1905, № 1, с. 125—130; Лященко П. К. *К истории насаждения частного землевладения в Сибири.* — *Сибирская летопись*, 1916, № 6—8; Косованов В. П. *Частное землевладение в Енисейской губернии.* — *Сибирские записки*, 1917, № 3, с. 22—53.

4. Ядринцев Н. М. *Крепостнические традиции...*, № 21, с. 2.

5. Головачев Д. М. *Частное землевладение...*, с. 122.

6. Косованов В. П. *Частное землевладение...*, с. 29—34.

7. Шашков С. С. *Рабство в Сибири*, с. 541—549.

8. Романович-Словатинский А. Д. *Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права.* СПб., 1870, с. 21—24; Готье Ю. В. *История областного управления в России от Петра I до Екатерины II.* М., 1913, с. 229.

9. Шапов А. П. *Сибирское общество...*, с. 663—671.

10. Шунков В. И. *Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.)* М.: Наука, 1956, с. 368, 371; Шунков В. И. *Вопросы аграрной истории.* М.: Наука, 1975, с. 236; *История Сибири.* Л.: Наука, 1968, т. 2, с. 110—112.

Подробнее об этой концепции см.: Быконя Г. Ф. Поземельные отношения русского населения Восточной Сибири в XVII—XVIII вв. Красноярск: Изд. КГПИ, 1979, с. 27—34.

11. Пруссак А. К истории крепостного права в Восточной Сибири. Рук. — ГАИО, ф. 293, оп. 1, л. 754, б. г.; Барабой А. Борьба крепостных крестьян Западной Сибири за волю. — ВИ, 1948, № 1, с. 77—83; Горбань Н. В. Движение крестьян духовных вотчин Тобольской епархии в XVIII в. — учен. зап. Омского пед. ин-та. 1949, вып. 4, с. 75—193.

12. Азадовский М. К. Очерки литературы и культуры в Сибири. Иркутск: Кн. изд-во, 1947, вып. 1, с. 56—57.

13. Быконя Г. Ф. Проблема поземельных отношений русского трудового населения Сибири XVII—XVIII вв. в советской историографии. — В кн.: Вопросы историографии и социально-политич. развития Сибири (XIX—XX вв.). Красноярск, 1976, вып. 1, с. 98—106; Быконя Г. Ф. Поземельные отношения..., с. 26—28; Быконя Г. Ф. Об особенностях классово-сословной структуры русского трудового населения Сибири в XVII—XVIII веках. — В кн.: Русское централизованное государство. Образование и эволюция. XV—XVIII вв. Чтения, посвящ. памяти акад. Л. В. Черепнина: Тезисы докладов и сообщений. М., 1980, с. 87—91; Быконя Г. Ф. Общее и особенное в развитии государственного феодализма на сибирской окраине России в XVII—XVIII вв. — В кн.: Социально-политич. и правовое положение крестьянства в дореволюц. России. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1983, с. 78—85.

14. Статья 58 гл. XX Соборного уложения гласила: «А которые лица; будучи в городех по воеводствам и по приказам возьмут на кого служилые кабалы в тех же городех, и те кабалы не в кабалы, потому что воеводам и приказным людям, будучи в городех, ни на кого служилых кабал и ни каких крепостей имать не велено». — См.: Тихомиров М. Н., Елифанов П. П. Соборное уложение 1649 года. М.: Изд-во МГУ, 1961, с. 249.

15. Например, в наказе от 31 декабря 1713 г. князю Ивану Шерботову, назначенному комендантом в г. Енисейск; в инструкции сибирскому губернатору 1741 г. — См.: ПСИ, кн. 2, № 7, с. 31; Сенатский архив, СПб., 1890, т. III, с. 445.

16. ПСЗ, т. 11, № 8145; Готье Ю. В. История областного управления..., т. 1, с. 220; Новый и полный всеобщий стряпчий или судебный обрядник. М., 1811, ч. III, с. 217; Шерстобоев В. Н. Илимская пашня..., кн. 2, с. 88.

17. ПСЗ, т. 11, № 8145.

18. Там же, т. 16, № 12181; 12554; Готье Ю. В. История областного управления..., т. 1, с. 223; т. II, с. 186, 187, 299.

19. Новый и полный всеобщий стряпчий..., с. 217.

20. Подробнее об этом см.: Павлов П. Н. Промысловая колонизация Сибири в XVII в. Красноярск: изд. КГПИ, 1974, с. 30—50; Быконя Г. Ф. Поземельные отношения..., с. 30—34.

21. Романович-Словатинский А. Д. Дворянство в России..., с. 240.

22. ПСЗ, т. 15, № 11148.

23. ПСЗ, т. 16, № 11611, с. 20; Троицкий С. М. Россия в XVIII веке. М.: Наука, 1982, с. 144.

24. ПСЗ, т. 19, № 15105; 14130.

25. Сборник военно-исторических материалов. СПб., 1904, вып. XVI, с. 167.

26. Дэн В. З. Население России по пятой ревизии. М., 1902, т. 2, ч. 2, с. 44.

27. Вагин В. И. Исторические сведения..., т. 1, с. 257.

28. ЦГАДА, ф. 416, оп. 1, д. 14, л. 3. К сожалению, этот Сенатский указ от 3 декабря 1764 г. не попал в ПСЗ.

29. Это не указ, как считал А. И. Лосев, а за ним Д. М. Головачев, а предложения сибирского губернатора князя Долгорукого Сенату, которые относились не к дворянам-чиновникам, а к сибирским дворянам и детям боярским. В частности, там было сказано, что «в Сибири дворянам без жалованья служить не можно, понеже крестьян и людей не имеют и купить негде. И для того предположено, дабы вместо жалованья землями с прстойными угодьями удовлетворить с таким обнадеживанием, что у них и их детей то пожалованное вечно остается». — См.: Головачев Д. М. Частное землевладение..., с. 126.

30. ЛОИИ, ф. 115, д. 367 а, л. 23.

31. ЦГАДА, ф. 416, оп. 1, д. 14, л. 9—12.

32. Быконя Г. Ф. Поземельные отношения..., гл. III, IV.

33. ЦГАДА, ф. 286, д. 877, л. 500; ЦГИА, ф. 1349, оп. 4, д. 35, л. 57 об.—58; Сенатский архив. СПб., 1888, т. 1, с. 615.

34. Сенатский архив, т. 1, с. 615.

35. Косованов В. П. Частное землевладение..., с. 22—36.

36. Словцов П. А. Историческое обозрение..., кн. 1, с. 519.

37. Головачев Д. М. Частное землевладение..., с. 129—130; Косованов В. П. Частное землевладение..., с. 35.

38. ЦГИА, ф. 1349, оп. 4, д. 35, л. 37 об.—38; оп. 6, д. 573, л. 3 об; ГАИО, ф. 39, оп. 1, д. 10, л. 1—11.

39. Косованов В. П. Частное землевладение..., с. 30.

40. Тихомиров М. Н., Елифанов П. П. Соборное уложение..., с. 155—156 (гл. X, ст. 266); Татишев В. Н. Избранные сочинения. М.: Наука, 1979, с. 280, 302; Новый и полный всеобщий стряпчий..., с. 194; Маньков А. Г. Уложение 1649 года — кодекс феодального права России. Л.: Наука, 1980, с. 118—121; Анисимов Е. В. Податная реформа Петра I. Л.: Наука, 1982, с. 152.

41. Новый полный и всеобщий стряпчий..., с. 194—196.

42. ЦГА ЯАССР, ф. 178, оп. 1, д. 30, л. 1—2, 2 об.—10.

43. ПСЗ, т. 7, № 4335; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М.: Соцэкгиз, 1963, кн. IX, с. 490.

44. ЦГА ЯАССР, ф. 1, оп. 1, д. 92, л. 117—121 об.

45. Тихомиров М. Н., Елифанов П. П. Соборное уложение..., с. 264 (гл. X, ст. 116).

46. Шашков С. С. Рабство..., с. 534; Шапов А. П. Историко-географические и этнологические заметки..., с. 146—147; Головачев П. М. Сибирь..., с. 39.

47. ПСЗ, т. 16, № 11587; Головачев П. М. Сибирь..., с. 40.

48. Шашков С. С. Рабство..., с. 533; Головачев П. М. Сибирь..., с. 48.

49. Шашков С. С. Рабство..., с. 543.

50. ЦГА ЯАССР, ф. 228, оп. 1, д. 1, л. 395—396 об., 400.

51. Цитируется по работе: Шашков С. С. Рабство..., с. 542.

52. ГАКК, ф. 909, оп. 1, д. 10, л. 43—45 об.

53. Там же, д. 1, л. 26—27.

54. Там же, л. 26; ГАТО ТФ, ф. 341, оп. 1, д. 40, л. 305.

55. Быконя Г. Ф. Поземельные отношения..., с. 97—99.

56. ГАКК, ф. 907, оп. 1, д. 43, л. 27; ГАТО ТФ, ф. 341, оп. 1, д. 40, л. 305 об; Быконя Г. Ф. Поземельные отношения..., с. 97—99.

57. ГАТО ТФ, ф. 341, оп. 1, д. 40, л. 305—305 об.

58. Кытманов А. И. Краткая летопись..., с. 84, 97; Косованов В. П. Частное землевладение..., с. 30—31.

59. ГАТО ТФ, ф. 341, оп. 1, д. 40, л. 305 об.; Gmelin I. G. Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733—1743. Göttingen, 1752, г. III, s. 386—389.
60. ГАТО ТФ, ф. 341, оп. 1, д. 40, л. 305 об.—306; Косованов В. П. Частное землевладение..., с. 32—33.
61. Косованов В. П. Частное землевладение..., с. 34—35. По свидетельству коренного красноярца И. Ф. Парфентьева, у последнего владельца д. Тигино, председателя Енисейской губернской палаты, а в середине 50-х гг. XIX в. и. о. губернатора Ивана Григорьевича Родюкова в поместье было до 300 д. об. п. Ими управлял его брат Николай, которого крепостные крестьяне убили за жестокость. Сам И. Г. Родюков (ум. 1870 г.) был человеком либеральных взглядов, в молодости дружил с лицейским окружением А. С. Пушкина, поддерживал знакомство с камергером и русским посланником в Японию Н. П. Рязановым, который умер в его доме на Старособорной площади в Красноярске. У него бывали находящиеся на поселении декабристы, в частности, В. Л. Давыдов. И. Г. Родюков помог Буташевичу-Петрашевскому задержаться почти на два года в Красноярске.— См.: ККМ, о/ф, № 7886/231, л. 590—599; Семевский В. И. М. В. Буташевич-Петрашевский в Сибири.— Голос минувшего. 1915, № 5 (май), с. 52.
62. Город у Красного яра. Документы и материалы по истории Красноярска. XVII—XVIII вв. Сост. Г. Ф. Быконя, Л. П. Шорохов. Красноярск: Кн. изд-во, 1981, с. 186—187, 252.
63. ГАТО ТФ, ф. 156, 1777 г., д. 108, л. 24 об.
64. Город у Красного яра, с. 251—253.
65. ЦГАДА, ф. 1092, оп. 1, д. 14, л. 13, 117—120 об.
66. Там же, ф. 248, д. 183, л. 561 об.—562.
67. Иркутск. Материалы для истории города XVII—XVIII столетий. М., 1883, с. 85—86. Подсчет наш.
68. ЦГАДА, ф. 350, оп. 2, д. 1056, л. 137; д. 1059, ч. 1, л. 336; Иркутск. Материалы..., с. 91—92.
69. Григорий Фирсов участвовал в подавлении башкирского восстания 1737 г. и вывез оттуда семью новокрещеного «башкирца», который в 1749 г. жаловался Следственной сибирских и камчатских дел комиссии, что его с женой и детьми вдова комиссара держит «неволею в холопстве». Тогда же жена «братского» подала иск на Татьяну Фирсову об отпуске ее мужа и двух дочерей ис холопства... на волю для положения ее мужа в ясак». — См.: ЦГАДА, ф. 248, д. 183, л. 562 об.
70. ЦГАДА, ф. 350, оп. 2, д. 3072, л. 70—71 об. В общих ревизских списках все дворовые И. Е. Фирсовы были показаны, как обычно все дворовые неподатных, разночинцами.— См.: Там же, д. 3070, л. 103—104.
71. ЦГАДА, ф. 286, д. 877, л. 498; ф. 1349, оп. 4, д. 35, л. 68 об.—69.
72. ЦГИА, ф. 383, оп. 29, д. 908, л. 135—152 об.; ЦГА ЯАССР, ф. 177, оп. 1, д. 33, л. 1—10; ПД, ф. 96, оп. 14, д. 8, л. 2 об., 35 об.—37; Иванов В. Ф. Историко-этнографическое изучение Якутии в XVII—XVIII вв. М.: Наука, 1974, с. 170.
73. Быконя Г. Ф. Поземельные отношения..., с. 58.
74. ЦГАДА, ф. 248, д. 3468, л. 102; ПСЗ, т. 16, № 11860, с. 296.
75. Там же, ф. 24, оп. 1, д. 35, ч. 2, л. 100, 111—111 об.
76. Там же, ф. 16, оп. 1, д. 189, ч. 2, л. 35 об.—36.
77. ЦГИА, ф. 383, оп. 29, д. 908, л. 117—118, 150 об.; ПД, ф. 96, оп. 14, д. 8, л. 35 об.—38 об., 46.
78. ГБЛ РО, ф. 20, карт. 2, д. 20, л. 1 об.
79. Там же, л. 2—6; д. 19, л. 3—12. Этот проект был характерен для взглядов Г. С. Батенькова в период до восстания 14 декабря 1825 г. с

его еще не изжитыми иллюзиями о возможности гармонии «частных выгод» с казенными интересами, о благотворности разумной власти и реформ «сверху». — См.: Быконя Г. Ф. Взгляды Г. С. Батенькова на русское заселение Сибири в XVII—XVIII вв. — В кн.: Декабристы и Сибирь. Новосибирск: Наука, 1977, с. 65—73.

80. Н. М. Ядринцев, специально интересуясь вопросом, почему в Сибири крепостное право не получило широкого развития, писал в связи с этим, что «не столько указы и запрещения противодействовали этому, сколько неблагоприятные для землевладения особенности Сибири. Земля не имела ценности, хлеб был дешев, сбыта нет, господское хозяйство было невыгодно, да и мужик оказался не тот в Сибири — свобода и приволье его делали другим». — См.: Ядринцев Н. М. Крепостнические традиции..., с. 20.

81. ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, д. 1659, л. 385—386.

82. Там же, ф. 350, оп. 2, д. 1059, л. 95—98 об.

83. ГАКК, ф. 592, оп. 1, д. 26, л. 1 об.—2 об., 3 об., 32 об. (Исповедные росписи жителей г. Красноярска за 1769 г.).

84. ГАКК, ф. 909, оп. 1, д. 3, л. 3 об., 6 об., 7, 8. (Копии ревизских сказок дворовых людей г. Енисейска)

85. ЦГИА, ф. 1349, оп. 4, д. 35, л. 1—154. Подсчет наш.

86. ЦГАДА, ф. 248, д. 4342, л. 945—951; д. 1651 г, л. 610—611; ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, д. 477, л. 16; ЦГИА, ф. 1350, оп. 312, д. 239, л. 17 об.; ГБЛ РО, ф. 68, № 6787, л. 131; ДРВ, 1791, с. 280; Герман К. Статистическое исследование..., с. 144; Кабузан В. М., Троицкий С. М. Об изменении численности населения Сибири во второй половине XVIII в. (1762—1795 гг.) — В кн.: Вопр. аграрной истории Урала и Западной Сибири. Свердловск: Изд-во УГУ, 1966, табл. 1, к с. 142; Гагемейстер Ю. А. Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1854, т. II, прил. табл. 1—VIII.

87. ЦГАДА, ф. 415, оп. 2, д. 40, л. 5—6 об.

88. Там же, ф. 286, д. 360, л. 104—106, 218. Подсчет наш. Число душ не указано.

89. Там же, ф. 248, д. 8122, л. 1421—1461. Подсчет наш. При этом у одного было 1099 р. д., а 10 чел. имели по 100 и выше крепостных.

90. ЦГИА, ф. 1349, оп. 4, д. 35, л. 1 об., 2, 8 об.—9, 25 об.—26, 31 об.—32, 68 об.—69, 78 об.—79, 116 об.—117, 151 об.—152.

91. ЦГАДА, ф. 271, оп. 1, д. 12, л. 259—261 об. Подсчет наш.

92. Там же, ф. 286, д. 419, л. 290 об.—291; Троицкий С. М. Сибирская администрация в середине XVIII в. — В кн.: Вопр. истории Сибири досоветского периода (Бахрушинские чтения, 1969). Новосибирск: Наука, 1973, с. 323.

93. Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство. Формирование бюрократии. М.: Наука, 1974, с. 318—365.

94. ЦГАДА, ф. 16, оп. 1, д. 189, ч. 2, л. 36.

95. ГАКК ф. 796, оп. 1, д. 5308, л. 38 об.; Быконя Г. Ф. Заселение русскими..., с. 96—98; Комогорцев И. И. Очерки истории черной металлургии Восточной Сибири (дооктябрьский период). Новосибирск: Наука, 1965, с. 73—74.

96. Раскин Н. М., Шафрановский И. И. Эрик Густавович Лаксман. Л.: Наука, 1971, с. 134—136.

97. ГАКК, ф. 796, оп. 1, д. 5308, л. 18 об.; ГБЛ РО, ф. 68, д. 6787, л. 48.

98. ЦГИА, ф. 1349, оп. 4, д. 35, л. 140 об.—141.

99. ГАКК, ф. 796, оп. 1, д. 5308, л. 39.

100. ПД, ф. 96, оп. 8, д. 1, л. 96—97; д. 6, л. 24.

101. Там же, оп. 14, д. 8, л. 38 об.

102. ЦГАДА, ф. 248, д. 6500, ч. III, л. 375—378.

103. ЦГА, ЯАССР, ф. 177, оп. 1, д. 33, л. 3.

104. ПД, ф. 96, оп. 8, д. 6, л. 24 об.—25.

105. Обзорение главных оснований местного управления Сибири. СПб., 1841, с. 21.

106. Ко жу х о в Ю. С. Русские крестьяне Восточной Сибири в первой половине XIX века (1800—1861). Л.: Изд-во ЛГУ, 1967, с. 85.

107. ГАТО ТФ, ф. 341, оп. 1, д. 142, л. 48—52.

108. Троицкий С. М. Русский абсолютизм, с. 260; Эйдельман Н. Я. Грань веков. М.: Мысль, 1982, с. 10.

109. ЦГА ЯАССР, ф. 1, оп. 1, д. 89, л. 36, 41.

110. ГБЛ РО, ф. 178, № 6049, л. 214.

111. И в XIX в. природные дворяне сохраняли «весьма существенные привилегии при определении на службу и получении первого классного чина». — См.: Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: Мысль, 1978, с. 20.

112. Троицкий С. М. Русский абсолютизм, с. 254—267; Зайончковский П. А. Правительственный аппарат, с. 71—80.

113. По свидетельству Д. Г. Мессершмидта, некоторые воеводы, например, красноярский, в поисках «законных» поводов для поборов отменно праздновали свой день рождения и день ангела (см.: Город у Краснояра, с. 101). И. Г. Гмелин для середины 30-х — начала 40-х гг., а Т. П. Калашников — для 80-х гг. XVIII в. отмечали распространенность практики получения подарков воеводами от населения во время объезда селений по делам, а также по праздникам (см.: Город у Краснояра, с. 139—140; Жизнь незнаменитого Тимофея Петровича Калашникова, простым слогом описанная с 1762 по 1794 год. — Русский архив, 1904, кн. 3, № 10, с. 155, 175). Нерчинский воевода, как писал И. Г. Гмелин, «получает полный дом продуктами, которые присылают ему жители и благодаря этому каждый раз он имеет самый лучший стол... В прошлом году (1734 г. — Г. Б.) он ездил по уезду и вернулся с 1000 овец, сотней лошадей и 80-ю верблюдами, которых он взял у людей» (см.: Gmelin I. G. Reise, t. II, s. 36—37).

В «честь» или «за честь» воеводы получали с населения почти все необходимое для содержания себя, своих домочадцев и всего двора: хлеб, мясо, масло, птицу, рыбу, дрова, рыбачьи снасти, сено для воеводских лошадей и скота, сани, телеги, колеса, слеги, горшки, плоски и т. д. В этом убеждает следственное дело о злоупотреблениях енисейского провинциального воеводы П. Ф. Мировича, который и не отрицал, что брал, помимо денег, все перечисленное. На собранных с населения сказках о поборах воеводы он надписывал: «По вышеписанному допросу в подарок я у них брал за добровольно, а не с принуждения и не из-за побори, и не в лихоимство. В тех я подарках приношу е. и. в. извинение, понеже здесь все воеводы, яко безжалованные, живут от дел питаяся, и кто за честь что принесет в подарок. Петр Мирович» (см.: ЦГАДА, ф. 304, оп. 1, д. 160, л. 18 об., 21 об.). Крестьяне, разночинцы, посадские и казаки тоже четко выделяли, чем они «кланялись воеводе... в честь», а что он с них взял «насилством» или «смучил». Показательно, что Сибирская губернская канцелярия наказала воеводу штрафом и отдала на суд Сенату не за разнообразнейшие поборы, не за то, что он избил палкой с железным концом одного казаков 73 человека, а стоящего на часах у воеводского дома казака Ягодина убил насмерть ударом в лоб железным молотком. Спокойно следственные власти отнеслись и к его попытке завести за счет населения городское освещение в Енисейске, причем сопряженное с явным поруганием

православных святых: по улицам вкопали несколько сотен столбов с глиняными плосками, наполненными смолой, а в главке колокольни городского собора прорубили отверстия, в которые вставлялись шести с фонарями «для учинения на оной колокольни иллюминации». Воеводу-сидиста с замашками культутрегера наказали за оскорбление солдата гвардии Галахова при исполнении тем служебных обязанностей и за то, что «воевода афронтовал так нечестно судейское место», появившись вечером в судной канцелярии не в мундире и шпаге, а в одной шубе-казакине и в белом наподобие китайского колпаке с кисточкой. — См.: ЦГАДА, ф. 248, д. 180, л. 1001—1113; ф. 304, оп. 1, д. 160, л. 1—4, 63—65, 67, 102, 110 об., 112, 114, 118 об.; д. 161, л. 1—2 об.; ГАКК, ф. 907, оп. 1, д. 67, л. 1—30; Сенатский архив. СПб., 1893, т. VI, с. 792—793.

114. Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск: Наука, 1982, с. 231—232.

115. Азадовский М. К. Очерки литературы..., вып. 1, с. 57.

116. О деятельности С. М. Кашкарева см.: Быконя Г. Ф. Первая публичная библиотека. — В кн.: Красноярск и красноярцы. Красноярск: Кн. изд-во, 1978, с. 55—59; Город у Краснояра, с. 240—247 (док. № 66 и комментарий к нему).

117. Подробнее о Шмалевых см.: Алексеев А. И. Братья Шмалевы. Магадан: Кн. изд-во, 1958; Гренадер М. Б. Последние годы деятельности Т. И. Шмалева. — В кн.: Летопись Севера. М.: Мысль, 1975, т. VII, с. 93—107.

118. Баснин П. П. Из прошлого Сибири: Мученики и мучители. — Исторический вестник, 1902, т. 91, с. 555—561; Русский биографический словарь. Ибак-Ключарев. СПб., 1897, с. 62—63.

119. Петряев Е. Д. Исследователи и литераторы старого Забайкалья. Чита, 1954, с. 43—46, 51—56; Палкин Б. И. Русские госпитальные школы XVIII века и их воспитанники. М.: Медгиз, 1959, с. 21, 222, 246.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Описания уездов Тобольского наместничества проводились в 1785—1787 гг., а сведены воедино в 1790 г. Карты уездов в «Атласе Тобольского наместничества» местные землемеры составляли в 1795—1796 гг., а по новым границам — в 1797 г. — См.: Описание Тобольского наместничества / Сост. А. Д. Колесников. Новосибирск: Наука, 1982, с. 35, 62, 81, 109, 123, 136, 148, 158, 211, 220, 254, 264; ЦГИА, ф. 1350, оп. 312, д. 43, л. 2, 15, 16, 18, 21; д. 44, л. 2 об.—4, 10 об.—11, 12 об.—13; 14 об.—15, 31 об.—32.

2. Общий вывод о принадлежности беспоместного военно-бюрократического личного дворянства служилого происхождения всей страны не к классу дворян-феодалов, а к привилегированной служебной межклассовой прослойке, естественно, является гипотетичным. В связи с этим можно лишь напомнить, что недовольные своим положением личные дворяне оказывались участниками и организаторами антиправительственных и даже антифеодалных вооруженных выступлений. Русские писатели первой половины XIX в. обратили особое внимание на это примечательное обстоятельство, например, Н. В. Гоголь в «Повести о капитане Копейкине». А. С. Пушкин неоднократно возвращался к очень волновавшей его теме взаимоотношений природного и служилого дворянства (повести «Дубровский» и «История Пугачева»). В интереснейших «Замечаниях» к хорошо документированной «Истории Пугачева» он отмечал: «Класс приказных и чиновников был еще малочислен и решительно принадлежал народу. То же можно сказать и о выслужившихся из солдат офицерах. Множество из сих последних были в шайках Пугачева (это определение было вызвано возможностью личной редак-

ции Николая I. — Г. Б.). Шванвич один был из хороших дворян... Замечательна разность, которую правительство полагало между дворянством личным и дворянством родовым. Прапорщик Минеев и несколько других офицеров были прогнаны сквозь строй, наказаны батогами и проч. (фактически забиты насмерть. — Г. Б.). А Шванвич только ошельмован преломлением над головой шпаги», затем лишен чинов, дворянства и сослан в Туруханск, где и умер в 1802 г. — См.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 10 т. Изд. 4. Л.: Наука, 1978. — VIII, с. 253—254; Эйдельман Н. Я. Герцен против самодержавия. Секретная политическая история России XVIII—XIX веков и Вольная печать. Изд. 2-е испр. М.: Мысль, 1984, с. 205—206. О судьбе сына кронштадского коменданта, природного дворянина, см.: Овчинников Р. В. Над «пугачевскими» страницами Пушкина. М.: Наука, 1981, с. 28—29, 138.

Специальное исследование о социальной сущности беспоместных личных дворян и обер-офицеров служилого происхождения представляет большой интерес, ибо они составляли до 20% всего дворянства страны. Например, в 1816 г. только в Европейской России получившие за службу дворянство дали 35% всех дворян, из которых 44,18% были личными. — См.: Кабузан В. М., Троицкий С. М. Изменения в численности, удельном весе и размещении дворянства в России в 1782—1858 гг. — ИСССР, 1971, № 4, с. 159—160, 166—167.

Введение	3
Список принятых сокращений	11
Глава 1. Административно-территориальное деление и система местного управления	14
1.1. Изменения административно-территориального деления и местного управления в первой половине XVIII в.	17
1.2. Изменения территориальной структуры и системы управления в 60-е — середине 90-х гг. XVIII в.	28
1.3. Изменения в административно-территориальном делении и управлении в конце XVIII — начале XIX вв.	48
Глава 2. Формирование и личный состав классной гражданской бюрократии	61
2.1. Формирование классной бюрократии в первой половине XVIII в.	69
2.2. Личный состав гражданских классовых чиновников в 60—70-е гг.	92
2.3. Личный состав и происхождение классной бюрократии в конце XVIII — начале XIX вв.	116
Глава 3. Формирование частей регулярной армии	170
3.1. Складывание и использование частей регулярной армии	173
3.2. Формирование и особенности статуса офицеров	195
Глава 4. Особенности сословно-социального положения военно-бюрократического дворянства	221
Заключение	263
Примечания	268

Геннадий Федорович Быконя

РУССКОЕ НЕПОДАТНОЕ НАСЕЛЕНИЕ
ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ
В XVIII — НАЧАЛЕ XIX ВВ.

*Формирование военно-бюрократического
дворянства*

ИБ № 188

Редактор А. А. Назимова
Художественный редактор И. Б. Циккель
Технический редактор Л. А. Панова
Корректор И. Л. Воронович

Сдано в набор 16.04.85. Подписано к печати 10.12.85.
АЛ 14790. Формат 60 × 84/16. Бумага тип. № 3. Гарни-
тура литературная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,67.
Уч.-изд. л. 18,67. Тираж 1000 экз. Заказ 2699. Цена 3 р.
Издательство Красноярского университета, 660049,
Красноярск, пр. Мира, 53. Омская областная типография,
644070, г. Омск, ул. Декабристов, 37.

